

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

**«ЕУРАЗИЯНЫҢ ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ ТАРИХИ ЖӘНЕ
ТАРИХИ-АНТРОПОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРІ»**

II Халықаралық ғылыми-практикалық семинар материалдары

Астана қ., 17-19 сәуір 2024 ж.

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4
С56

«Еуразияның қазіргі заманғы тарихи және тарихи-антропологиялық зерттеулері»: К.А. Ақышевтің 100-жылдығына арналған ІІ Халықаралық ғылыми-практикалық семинар материалдары (17-19 сәуір 2024 ж., Астана, Қазақстан) / жауап. ред. М.К. Хабдулина. Астана, 2024. 202 с.

Жауапты редактор	М.К. Хабдулина , т.ғ.к., К.А. Ақышев ат. археология ҒЗИ директоры
Редакциялық алқа	М.К. Хабдулина , т.ғ.к., К.А. Ақышев ат. ҒЗИ директоры Т.В. Брынза , Л.Н. Гумилев ат. ЕҰУ тарих факультетінің аға оқытушысы, К.А. Ақышев ат. археология ҒЗИ АҒК А.Р. Мухаметзянов , Л.Н. Гумилев ат. ЕҰУ тарих факультетінің магистранты М.А. Рысбергенов , Л.Н. Гумилев ат. ЕҰУ тарих факультетінің магистранты
Рецензенттер	Т.С. Садыков , т.ғ.д., Л.Н. Гумилев ат. ЕҰУ тарих факультетінің профессоры З.К. Сураганова , т.ғ.к., Мемлекет тарихы институтының ЖҒК

Жинақ тас дәуірінен қазіргі уақытқа дейінгі кең хронологиялық кезеңді қамтитын археологиялық ескерткіштерді зерттеуге және этнографиялық мәселелерді дамытуға арналған мақалаларды қамтиды. Мақалалар «Еуразияның қазіргі заманғы тарихи және тарихи-антропологиялық зерттеулері» ғылыми-практикалық семинарының тақырыбына сәйкес келеді, Еуразия халықтарының ежелгі және ортағасырлық тарихының әртүрлі аспектілерін көрсетеді. Басылым пәнаралық сипатқа ие, археология мен этнографияның өзекті мәселелерін зерттеу мен түсіндірудегі заманауи әдістер мен тәсілдерге негізделген далалық және кабинеттік зерттеулердің нәтижелерін ғылыми айналымға енгізеді. Бірқатар мақалалар өз қызметін Еуразияның мәдени кеңістігінің тарихи бірлігі идеясына арнаған атақты еуразиялық археолог К.А. Ақышевтің ғылыми мұрасын бағалауға арналған.

Бұл жинақ археология, тарих және этнология саласындағы мамандардан бастап Еуразия халықтарының тарихи-мәдени мұрасына қызығушылық танытқандардың барлығына арналған. Жинақ этникалық мәдениеттердің қалыптасуы мен дамуының күрделі процестерін зерттеудегі соңғы жетістіктермен танысудың бірегей мүмкіндігін ұсынады.

ISBN 978-601-337-975

© К.А. Ақышев ат. археология
ғылыми-зерттеу институты, 2024
© Л.Н. Гумилев атындағы
Еуразия ұлттық университеті, 2024

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА**

«СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВРАЗИИ»

Материалы II Международного научно-практического семинара

г. Астана, 17-19 апреля 2024 г.

УДК 902/904
ББК 63.4
С56

«Современные исторические и историко-антропологические исследования Евразии»:
материалы II Международного научно-практического семинара, посвященного 100-летию
К.А. Акишева (17-19 апреля 2024 г., Астана, Казахстан) /отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана, 2024. 202 с.

Ответственный редактор	М.К. Хабдулина , к.и.н., директор НИИ археологии им. К.А. Акишева
Редакционная коллегия	М.К. Хабдулина , к.и.н., директор НИИ археологии им. К.А. Акишева Т.В. Брынза , ст. препод. исторического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, СНС НИИ археологии им. К.А. Акишева А.Р. Мухаметзянов , магистрант исторического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева М.А. Рысбергенов , магистрант исторического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
Рецензенты	Т.С. Садыков , д.и.н., профессор исторического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева З.К. Сураганова , к.и.н., ВНС Института истории государства

Сборник содержит статьи, посвященные исследованию археологических памятников и разработке этнографических проблем, охватывающих обширный хронологический период – от эпохи камня до Нового времени. Статьи соответствуют теме научно-практического семинара «Современные исторические и историко-антропологические исследования Евразии», отражают разнообразные аспекты древней и средневековой истории народов Евразии. Издание имеет междисциплинарный характер, вводит в научный оборот результаты полевых и кабинетных исследований, основанные на современных методах и подходах в разработке и трактовке актуальных проблем археологии и этнографии. Ряд статей посвящены оценке научного наследия знаменитого евразийского археолога К.А. Акишева, посвятившего свою деятельность идее исторического единства культурного пространства Евразии.

Данный сборник адресован широкому кругу читателей – от специалистов в области археологии, истории и этнологии – до всех, кто интересуется историко-культурным наследием евразийских народов. Сборник предлагает уникальную возможность ознакомиться с последними достижениями в изучении сложных процессов формирования и развития этнических культур.

ISBN 978-601-337-975

© Научно-исследовательский
институт археологии им. К.А. Акишева, 2024
© Евразийский национальный университет
имени Л.Н. Гумилева, 2024

К.А. Ақышевқа

100

ЖЫЛ
ЛЕТ

К.А.Ақишеву

АКИШЕВ КИМАЛЬ АКИШЕВИЧ
(1924-2003)

*Есть имена и есть такие даты, –
Они нетленной сущности полны.
Александр Швардовский*

*Это было давно, это было давно...
Эдгар По*

*Это было недавно, это было давно...
Михаил Матусовский*

Посвящение К.А. Акишеву

Мне с трудом верится, что Вам 100 лет. Это целый век, целая вечность, на встречу с которой Вы шагнули в бессмертие. Казалось, еще вчера в прозрачный октябрьский день 1996 года мы приехали на курганы Бесшатыр. И Вы рассказывали про тот подземный коридор, в который полезли вместе с Бекеном Нурмаханбетовым, чтобы постичь тайну кургана. Только обвал грунта остановил ваши отчаянные головы. «Чего бояться? Гитлера победили, неужели курган не раскопаем? Тогда в 1957, 1959 годах все казалось под силу. С войны живым вернулся. Не поддался курган. Только чуток приоткрылся. Сейчас по-другому копал бы»: говорили Вы, качая головой в такт степному ветру. И базальтовые менгиры почти черного цвета на фоне закатного солнца казались сакскими воинами, призванные охранять сокровища предков.

Казалось, еще вчера наша мини-экспедиция во главе с Вами подъехала вместе с Александром Грищенко к средневековому мегаполису под знаковым названием Отрар. Мы с Марал Хабдулиной онемели от своего археологического удивления. Привыкли же к степным памятникам скромным по размерам. А тут предстал перед нами город-мегаполис, переживший взлеты и падения. Все в нем гармонично, как в любом восточном городе. И центральная площадь, мечеть, бани, стены крепостные, прекрасно говорящие языком руин, которые до сих пор передают созидательную харизму города. Вы дотронулись ладонью до разведенного временем, саманного кирпича стены, и прикрыли глаза. Словно, разговаривая с давно канувшими в лету, жителями Отрара – ремесленниками и учеными, воинами и кузнецами, ткачихами и кухарками. Для Вас они были живыми, созидателями града Фараб, раскинувшегося на берегах реки Арысь.

Как будто вчера, я жила в Вашем доме в Алматы. Дом, который наполнился веселым гомоном археологов другой генерации. И все поколения собирались за вкусным достарханом и пели фронтовые песни «Дымилась падала ракета... Нас оставалось только трое на безымянной высоте». В это непростое время Вы сохранили верность фронтовому братству и слову чести. У Вас был дар чувствовать людей, которых Вы осознавали не по статусу, а по уму и поведению. В Вашей суровости скрывалось озорное мальчишество с осознанной ответственностью за свои поступки. Понятие «старость» это не про Вас. Бросить вызов рутине и повседневности, общепринятым нормам и правилам, чтобы доказать себе что-то важное здесь и сейчас для близкого человека. Мальчишество – это нарвать для любимой цветов с клумбы, даже если теоретически можно их купить где-то в цветочном магазине. Быть щедрым везде и со всеми. Жадность – это качество, которое было неприемлемым для вас.

Повезло знать Вас. Встретиться с Вами. Лицезреть Вашу бессмертную армию. Верные офицеры – саки и усунь. Смелые конники-тюрки, кавалерия, которая всегда готова прийти на помощь. Огузы, с колчанами, полными «светлых» и острых стрел. Главная ударная сила – бесстрашные кипчаки. Воины и созидатели с верой в силу предков. На том стоит эта армия и стоять будет веками в пространстве Великой степи, защищая ее культурное наследие.

Усманова Э.Р.

МАЗМҰНЫ

АЛҒЫ СӨЗ	10
ПРЕДИСЛОВИЕ	12
<i>Мухтарова Г.Р., Даутова С.С.</i> Отражение археологического наследия к. Акишева в деятельности государственного историко-культурного музея-заповедника «Есік»	14
<i>Султанова А.</i> Золотой человек как предмет дипломатических отношений	23
<i>Ғайса А.М.</i> Вклад К. А. Акишева в изучении усуньской археологии	31
<i>Хабдулина М.К.</i> Теоретические проблемы исследования городища Бозок в трудах К. А. Акишева.....	38
<i>Усманова Э.Р.</i> Городище Бозок – посланник из прошлых веков	45
<i>Сураганова З.К.</i> Актуализация нематериального наследия на базе археологического памятника: опыт и результаты исследования	53
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВРАЗИИ	65
<i>Артыкбаев Ж.О.</i> Жреческие мотивы в неолитической живописи Баянаула.....	65
<i>Турганов Б.К.</i> Арал өңірі мен Хорезмдегі сақтардың металл бұйымдары.....	74
<i>Тихонов С.С.</i> Миграция тюльберов в Среднее Притомье	80
<i>Раздыков С.З.</i> К проблеме собственности на землю в кочевом обществе и ее отражение в законодательстве Российской Империи	85
<i>Каженова Г.Т.</i> Методологические проблемы цивилизации евразийских кочевников	97
<i>Ибадуллаева З.О.</i> Қазақ дүниетанымындағы «құт» категориясы және оның этномәдени болмысы	104
<i>Яковлева К.М.</i> Сакральное в якутских наконных украшениях	109
<i>Яковлев А.И.</i> Кино и этнокультурная идентичность в современной Якутии	113
<i>Шәкен Б.</i> Этникалық репатриация теориялары және Ауғанстан қазақтарының оралуы	122

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ..... 131

Мухаметзянов А.Р. Практическое взаимодействие цифровых геопрограмственных технологий и классических методов в археологии на примере полевых работ Есильской археологической экспедиции..... **131**

Тлекишев С.Н. Ландшафт и локализация поселений эпохи бронзы Сарыарки..... **140**

Рысбергенов М.А., История изучения и актуальные проблемы фёдоровской культуры..... **145**

Егинбай А.Е. История изучения Берккаринского могильника..... **158**

Жанатаев Д.К. Наборные пояса казахов и якутов (саха) XIX–XX вв.: Сравнительно-типологический анализ..... **163**

Портнягин И.И., Формирование синкретических воззрений у якутов в 19 в..... **168**

Михайлова С.М., Михайлова С.А. Роль пици на национальных праздниках якутов и казахов: Ысыах и Наурыз..... **171**

Алексеева В.Т. Тюсюлгэ: традиции и современность..... **178**

Необутова Н.И. Городские символы истории и культуры..... **181**

Ишанходжаев А.А. Экономические и социокультурные аспекты миграций в Казахстане в период освоения целинных территорий..... **189**

Сыдыгалиев С.М. Проблемы миграции в Казахстане: этнологический анализ..... **195**

АЛҒЫ СӨЗ

Бұл жинақ өзін гуманитарлық білімнің барлық салаларының қайнар көзіне айналған археология ғылымына қызмет етуге арнаған көрнекті ғалым Кемел Ақышұлы Ақышевтің туғанына 100 жыл толуына арналған. Еуразияның қазіргі заманғы тарихи және тарихи-антропологиялық зерттеулері К. А. Ақышевтің ғылыми мұрасында тұнып тұрған мәселелерді қарастыруды жалғастыруда. Археологиялық қызметтің жарты ғасырында ол Еуразияның ежелгі тарихы мен археологиясының көптеген теориялық аспектілерін зерделеді. Ғалымның кәсіби қызметі беғазы-дәндібай, алакөл және федоров мәдениеттерінің ескерткіштеріне бай Еуразия даласы — «Ұлы Даланың» қалыптасу тарихынан басталды. К. А. Ақышевтің еңбектерінде қола дәуіріндегі металлургияның қарқынды дамуы, сақ патшаларының алтын қабірлерінде ұсынылған және қазақ зергерлік өнерінде сақталған ерте темір дәуіріндегі зергерлік өнердің өркендеуі көрсетілген.

Қазақстан археологиясының өзекті мәселелерін қалыптастыруда 5 мыңнан астам ежелгі нысандар тіркелген көне ескерткіштерді картаға түсірудің кең ауқымды жобасы — Қазақстанның археологиялық картасы үлкен рөл атқарды. Бұл үш жылдық еңбек (1954-1956) ғалымның әрі кейінгі ұрпақ зерттеушілердің өзекті археологиялық ізденістерінің бағыттарын анықтады.

Ежелгі көшпенділер сынды ұзақ жолдарды жүріп өткен К. А. Ақышевқа дала өзінің құпияларын ашты. Оның еңбегінің арқасында біз салқын Отырар оазисіндегі қалалардан ызғарлы Бетпақдала арқылы созылған керуен маршруттарының трассаларын көре аламыз. Ұлы Жібек жолы қалаларының сауда базарлары бізге Қытайдың, Персияның, Византияның байлығы мен сырлары жайлы сыр шертеді.

К. А. Ақышев қазақтардың этногенезіне де айрықша көңіл бөліп, Ұлы Даланың полиэтникалық мәдениеттердің бірігу орны ретіндегі айрықша рөлін атап өтеді. Мыңжылдықтар тоғысында жергілікті иран тілдес тұрғындардың құрамына үйсіндер, қаңлылар, ғұндар, түркілер мен қыпшақтар бар прототүркі тайпалардың, кейіннен аварлар, наймандар мен моңғолдардың күшті ағымы өнеді. Сондықтан қазақтардың этногенезі үнді-иран және түркі-моңғол тектес екі мәдени бірлестіктің араласуының нәтижесі болып табылады.

Семинардың баяндамалары мен тезистерінің жинағы құрылымдық жағынан хронологиялық және тақырыптық принцип бойынша бөлінген үш бөлімнен тұрады.

К. А. Ақышевтің ғылыми мұрасын сипаттайтын мақалалар жеке бөлінді. Олардың еліміздің басты ескерткіштері — «Есік» мұражай-қорығы мен Бозоқ қалашығына арналуының символикалық мәні бар. Себебі біріншісі — қазіргі Қазақстан тәуелсіздігінің символы болса, ал екіншісі — жас, қарқынды дамып келе жатқан елорда — Астананың бренді. Бұл бөлімде мәдени мұраны сақтау, мұражай кешендерін қалыптастыру, Кемел Ақышұлы Ақышевтің көпжылдық еңбектеріне негізделген тарихи реконструкция тәжірибесі қамтылған.

Екінші бөлім — Еуразия археологиясы мен этнографиясы туралы мақалалар. Бұл ғылымдардың өзара байланысы Ұлы Дала тарихының ретроспективті бейнесін қалпына келтіруге мүмкіндік береді. Тас дәуірінің петроглифтерінде бейнеленген ғасырлар мен мыңжылдықтардың жаңғырығы болып табылатын рәсімдер мен ғұрыптар XIX ғасырдағы қазақ шамандарының (бақсылардың) тәжірибесінде сақталған. Көшпенділер мен егіншілердің мәдени байланыстары ғалымдардың

назарынан тыс қалмайтын сюжет болып табылады. Зерттеушілер сақтардың жарқын аң стилі негізінде көшпенділердің Орта Азияның отырықшы әлемімен (Оңтүстік Арал маңы, Хорезм оазисі) өзара әрекеттесуінің іздерін анықтауда. Сақ мәдениеті мен аң стиліне байланысты зерттеулер К. А. Ақышевтің Бесшатыр және Есік патша қорғандарының негізіндегі ізденістері арқасында ұлы археологтың ғылыми қызығушылықтарының негізгі бағытына айналды.

Жинақтың осы бөлігіндегі маңызды тақырыптық жұпты көшпелі мемлекеттілік, жерді пайдалану және әлеуметтік құрылым секілді негізгі теориялық мәселелер құрайды. Номадистиканың теориялық мәселелері К. А. Ақышевтің еңбектерінде өзінің айрықша орнын алды, өйткені ғалымға күрделі және ауқымды тарихи реконструкция деңгейіне шығуға мүмкіндік берген ерекше маңызға ие археологиялық ескерткіштерді зерттеу бақыты бұйырды.

Қазақтардың дәстүрлі мәдениетінің киелі саласы туралы мақалалар мен Ұлы Даланың алыс солтүстікке қоныс тепкен бөлігі — Якутияның тарихы мен мәдениеті туралы мақалалар қызықты тематикалық байланысты құрайды.

Жинақтың үшінші бөлімі жас ғалымдардың — болашақ археологтардың, этнологтардың және антропологтардың жұмыстарынан тұрады. Жинақтың бұл бөлімінде академиялық ғылым тұрғысынан өте жас, бірақ соған қарамастан археологиялық-этнографиялық зерттеулердің өзекті және перспективті тақырыптарын саналы және мақсатты түрде таңдаған жастардың қызығушылықтары мен жетістіктерін көрсететін мақалалар ұсынылған.

Жинақтың осы бөлімінің мақалалары әртүрлі сұрақтарды біріктіреді: бір мәдениеттің немесе бір ескерткіштің зерттелу тарихы мысалында Қазақстанның ежелгі тарихы мен іргелес аумақтардың жекелеген кезеңінің негізгі мәселелері мен ландшафттық археологияны қайта құру мәселелері. Пәнаралық сипаттағы жұмыстар да бар. Олардың бірі К. А. Ақышевтің қол тумасы — Есік археологиялық экспедициясымен байланысты және оның қызметін пәнаралық әдістерді қолдану тұрғысынан түсіндіруге арналған. Келесі бірі цифрлық әдістерді қолдану арқылы жартастағы суреттерді сақтаудың мысалын қарастырады. Сонымен қатар қазақ және якут этнографиясының мәселелері көтеріледі. Қалалық ортадағы мәдени ландшафттардың маңыздылығы, олардың ерте темір дәуірінен бастау алған ежелгі Ысыях пен Наурыз мерекелерінің заманауи келбетінің өзгеруіне әсері. Сондай-ақ, К. А. Ақышевтің археологиялық жастық шағындағы маңызды кезеңі — Тыңның Қазақстан тарихындағы рөлі және жаңа тарихтағы көші-қон мәселелері қарастырылады.

Осылайша, осы жинақта жарияланған жұмыстар неолиттен қазіргі заманға дейінгі кең уақытты қамтиды, Кемел Ақышұлы Ақышев қызметінің призмасы арқылы тарих ғылымының әртүрлі аспектілерін қамтиды. Кемел Ақышұлы оның өмірінің жалғасы бар екеніне және тарихшы-ғалымдар қатарына төртінші ұрпақ енгеніне қуанышты болар еді. Ғалым-археологтың жарты ғасырлық жолы «ғалым мен азаматтың қағидаттарынан аттамау» деп тұжырымдалатын археологтар мен этнографтардың жаңа ұрпақтарына қойылатын талаптар тізімін анықтап, болашақ жұмыстар бағытын көрсетті.

*Құрметпен,
редакциялық алқа*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник посвящен 100-летию со дня рождения выдающегося ученого Кималя Акишевича Акишева, посвятившего себя служению археологической науке — науке, ставшей источником всех отраслей гуманитарного знания. Современные исторические и историко-антропологические исследования Евразии продолжают разработку проблем, изучение которых уходит в научное наследие К. А. Акишева. За полвека археологической службы им разрабатывались многие теоретические аспекты древней истории и археологии Евразии. С истории становления «Улы Дала» — Великой степи, усеянной памятниками бегазы-дандыбаевской, алакульской и федоровской культур, началась профессиональная деятельность ученого. В трудах К. А. Акишева показаны стремительное освоение металлургии в эпоху бронзы, расцвет ювелирного искусства в раннем железном веке, творения мастеров которых ярко представлены в золотых усыпальницах сакских царей и сохранились в казахском ювелирном и орнаментальном искусстве.

Большую роль в формировании актуальных проблем археологии Казахстана сыграл широкомасштабный проект картографирования древностей в виде издания Археологической карты Казахстана, в которой зафиксировано более 5 тысяч древних объектов. Этот трехлетний труд (1954-1956 гг.) определил направления актуальных археологических изысканий самого ученого и последующих поколений исследователей.

Словно древний кочевник исходил К. А. Акишев немало дорог, и Степь раскрыла ему свои тайны. Благодаря его труду мы видим трассы караванных маршрутов, протянувшихся сквозь суровую Бетпакадалу к прохладе городов Отрарского оазиса. Торговые рынки городов Великого шелкового пути рассказывают нам о богатствах и таинствах Китая, Персии и Византии.

Писал К. А. Акишев и об этногенезе казахов, подчеркивая особую роль географического пространства Великой степи — как места слияния полиэтнических культур. На рубеже тысячелетий в состав местного ираноязычного населения вливается мощный поток прототюркоязычных племен: усунь, кангуй, хунны, тюрки, кипчаки, позднее авары, найманы, монголы. Поэтому этногенез казахов — это результат смешения двух культурных общностей индоиранского и тюрко-монгольского происхождения.

Сборник докладов и тезисов данной конференции структурно состоит из трех частей, в рамках которых работы исследователей поделены по хронологическому и тематическому принципу.

Отдельно выделены статьи, характеризующие научное наследие К. А. Акишева. Очень символично, что они посвящены музею-заповеднику Иссык и городищу Бозок — главным памятникам Республики Казахстан. Первый из них — это символ независимости современного Казахстана, а второй — это бренд молодой, бурно развивающейся столицы — Астаны. В этой части освещена деятельность по сохранению памяти и культурного наследия, формированию музейных комплексов, опыту исторических реконструкций, основанных на многолетних трудах Кималя Акишевича Акишева.

Вторая часть — статьи по археологии и этнографии Евразии. Взаимосвязь этих наук позволяет восстановить ретроспективную картину далекого прошлого Великой Степи. Преломленные сквозь века и тысячелетия ритуалы и обряды, запечатленные в петроглифах каменного века

Сарыарки, сохранились в практике камлания шаманов (бахсы) XIX века. Культурные связи кочевников и земледельцев являются неотъемлемым сюжетом в исследованиях ученых, которые на основе яркого звериного стиля саков обнаруживают следы взаимодействия степняков с оседлым миром Средней Азии (Южное Приаралье, Хорезмский оазис). Проблемы сакской культуры и звериного стиля, благодаря таким выдающимся открытиям как царские курганы Бесшатыр и Иссык, стали ключевым направлением научных изысканий К. А. Акишева, с которым в первую очередь ассоциируется имя великого археолога.

Важную тематическую пару в этой части сборника образуют работы по вопросам кочевой государственности, землепользования и социального устройства — ключевые теоретические проблемы, значимость которых сложно переоценить. Теоретические проблемы номадистики занимали видное место в трудах К. А. Акишева, поскольку ученому посчастливилось изучение особо значимых археологических памятников, которые дали ему возможность выйти на уровень сложных и обширных исторических реконструкций.

Интересна также тематическая связка статей о сакральной сфере традиционной культуры казахов, и работы по истории и культуре Якутии — так далеко на север вдавшегося фрагмента Великой Степи. В том числе в сборнике отражены работы по вопросам древней и современной миграции.

Третья часть сборника — работы молодых ученых — будущих археологов, этнологов и антропологов. В данной части сборника представлены статьи, содержание которых отражает интересы и достижения совсем еще юных, с точки зрения академической науки людей, но, тем не менее, уже сейчас осознанно и целенаправленно выбравших актуальные и перспективные темы археолого-этнографических исследований.

Статьи этого раздела сборника объединяют в себе разные вопросы: основные проблемы отдельного периода древней истории Казахстана и сопредельных территорий на примере истории изучения одной культуры или одного памятника, и проблемы реконструкции ландшафтной археологии. Также имеются работы междисциплинарного характера. Одна из них связана с Есильской археологической экспедицией — детищем К. А. Акишева — и посвящена трактовке ее деятельности с точки зрения применения междисциплинарных методов. В другой рассматривается пример сохранения наскальной живописи с помощью применения цифровых методов. Поднимаются вопросы казахской и якутской этнографии. Важности культурных ландшафтов в городской среде, их влиянии на трансформацию современного облика древних праздников Ысыях и Наурыз, берущих свое начало в раннем железном веке. Также в работах поднимаются темы роли Целины в истории Казахстана — важного этапа в археологической юности Акишева, и вопросы миграции в новейшей истории.

Таким образом, работы, публикуемые в данном сборнике, охватывают широкие временные рамки от неолита до современности, освещают разнообразные аспекты исторической науки через призму деятельности Кималья Акишевича Акишева. Кималь Акишевич был бы рад, что труд его жизни имеет продолжение и в ряды ученых-историков вступает уже четвертое поколение. Полувековой путь ученого-археолога обозначил фронт работ и список требований к новым поколениям археологов и этнографов — не поступаться принципами ученого и гражданина...

*С уважением,
редколлегия*

Гульмира Раиловна Мухтарова¹, Сахинур Сыдыковна Даутова²

¹кандидат исторических наук, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Есік», г. Есік, Казахстан; railovna@mail.ru

²старший преподаватель, Казахский государственный аграрный исследовательский университет, г. Алматы, Казахстан; maimkhan@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ К. АКИШЕВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ЕСІК»

Аннотация. В данной статье рассматривается отражение археологического наследия К. А. Акишева в различных аспектах деятельности музея-заповедника «Есік». В Казахстане нет исторического музея, к которому бы в той или иной степени не было представлено научное наследие К. А. Акишева, потому как круг научных интересов археолога охватывает период от эпохи бронзы до позднего средневековья. Особенность музея-заповедника «Есік» заключается в его профиле, акцент делается на исследованиях ученого, связанных с Золотым человеком. В музее хранится личный архив К. А. Акишева, это рукописи, личные вещи, видео и фотодокументы, предметы интерьера личного кабинета ученого, некоторые из которых стали частью постоянной экспозиции, используются в научно-фондовой и культурно-образовательной деятельности музея-заповедника. Наследие К. А. Акишева активно пропагандируется через организацию выставок, научных конференций, публикации в научных изданиях и участие в публичных выступлениях. В будущем планируется пополнение фонда новыми материалами, которые будут использованы в новой экспозиции Визит центра «Есік», сдача которого планируется в 2024 г., и в создании мемориального кабинета, планируемого в нынешнем здании музея-заповедника.

Ключевые слова: археология, Семиречье, ученый, К. А. Акишев, экспозиция, экспонат, музей-заповедник, реконструкция, архив, фонд, фотографии.

К. Ақышевтің археологиялық мұрасының «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени мұражай-қорығында көрініс табуы

Аннотация. Бұл мақалада К. Ақышевтің археологиялық мұрасының «Есік» мұражай-қорығы қызметінің түрлі аспектілерінде көрініс табуы қарастырылады. К. Ақышевтің ғылыми қызығушылықтары қола дәуірінен кейінгі орта ғасырларға дейінгі кезеңді қамтығандықтан, Қазақстанда археологтың ғылыми мұрасы қандай да бір дәрежеде ұсынылмаған тарихи мұражай жоқ. «Есік» мұражай-қорығының ерекшелігі оның профилінде, онда баса назар ғалымның Алтын адаммен байланысты зерттеулеріне аударылған. Мұражайда К. Ақышевтің жеке мұрағаты сақталған, бұл қолжазбалар, жеке заттар, бейнелер мен фотоқұжаттар, ғалымның жеке кабинетінің интерьер заттары, олардың кейбіреулері тұрақты экспозицияның бөлігі болып табылады, мұражай-қорықтың ғылыми-қор және мәдени-білім беру қызметінде қолданылады. Қ. Ақышевтің мұрасы көрмелер, ғылыми конференциялар ұйымдастыру, ғылыми басылымдарда жариялау және көпшілік алдында сөз сөйлеуге қатысу арқылы белсенді насихатталуда. Болашақта қорды 2024 жылы тапсыру жоспарланып отырған «Есік» Визит орталығының жаңа экспозициясында және қазіргі мұражай-қорық ғимаратында жоспарланған мемориалдық кабинет құруда пайдаланылатын жаңа материалдармен толықтыру жоспарлануда.

Түйін сөздер: археология, Жетісу, ғалым, К. Ақышев, экспозиция, жәдігер, мұражай-қорық, жаңғыртпа, архив, қор, фотосурет.

Reflection of K. Akishev's Archaeological Heritage in the Activities of the State Historical and Cultural Museum-Reserve «Esik»

Abstract. This article examines the reflection of the archaeological heritage of K. A. Akishev in various aspects of the activities of the “Esik” Museum-Reserve. In Kazakhstan, there is no historical museum that does not in some way represent the scientific legacy of K. A. Akishev, as the archaeologist's range of scientific interests covers the period from the Bronze Age to the late Middle Ages. The uniqueness of the “Esik” Museum-Reserve lies in its profile, with emphasis placed on the research of the scientist related to the Golden Man. The museum houses K. A. Akishev's personal archive, including manuscripts, personal belongings, videos and photographs, interior items from the scientist's personal office, some of which have become part of the permanent exhibition and are used in the museum's scientific and educational activities. The legacy of K. A. Akishev is actively promoted through the organization of exhibitions, scientific conferences, publications in scientific journals, and participation in public speeches. In the future, there are plans to expand the collection with new materials that will be used in the new exhibition of the “Esik” Visitor Center, scheduled for completion in 2024, and in the creation of a memorial office planned in the current building of the museum-reserve.

Keywords: archaeology, Zhetysu, scientist, K. Akishev, exposition, exhibit, museum-reserve, cemeteries, reconstruction, fund, archive, photo.

В последнее время обнаружение очередного «золотого человека» в казахской археологии стало привычным явлением. Однако это нисколько не умаляет значимости сенсационного открытия 1970 года, когда весь мир узнал о нетронутом захоронении сакского принца в золотой одежде. До сих пор вокруг этого события бытует много тайн, домыслов. Например, одним из спорных моментов является вопрос о том, кто первым обнаружил захоронение. Однако на вопрос, кто впервые исследовал комплекс предметов, найденных в захоронении, кто ввел их в научный оборот и благодаря кому весь мир узнал о научном открытии «Золотой человек», мы можем ответить вполне определенно — Кималъ Акишев. Подтверждением тому служит его труд, «Курган Иссык», опубликованный в 1978 году [Акишев 1978].

Исследования Семиреченской археологической экспедиции под руководством К. А. Акишева открыли науке неизвестные страницы истории сакских племен. Раскопки могильника Бесшатыр позволили изучить погребальный обряд, строительную технику и архитектуру курганов, сделать обобщающие выводы об уровне развития социально-экономических отношений, материальной и духовной культуре племен. Эти сведения дополнились раскопками Иссыкского кургана и исследованием атрибутов одежды «Золотого человека». находка так называемого Иссыкского письма остро поставило вопросы о языке, на котором говорили сакские народы. Полевые исследования памятников раннего железного века с середины 1950-х годов по 1970-е годы легли в основу докторской диссертации, посвященной теоретическим разработкам ученого [Ганиева 2021].

Не вызывает сомнений авторство первой реконструкции Золотого человека, она была осуществлена Владимиром Садомсковым под непосредственным руководством Кималъ Акишева.

Поэтому закономерно то, что при создании в 2010 году музея-заповедника «Есік», созданного на территории Иссыкского могильника, в зале «Истории открытия и исследования Золотого человека» экспозиция начинается с витрины посвященной К. А. Акишеву, где отражена жизнь и деятельность первооткрывателя — самого первого и главного исследователя «человека в золотой одежде», доктора исторических наук, профессора, археолога, востоковеда, заслуженного деятеля науки КазССР, лауреата премии им. Чокана Валиханова Академии Наук КазССР, лауреата

Рис. 1. Витрина во 2-м экспозиционном зале музея-заповедника «Есік»

Государственной премии КазССР, Почетного работника образования Республики Казахстан, кавалера ордена Отечественной Войны I степени, орденов Знак Почета и «Парасат» (рис. 1).

Текст ознакомительной экскурсии начинается со сведений из ранней биографии ученого. Кималь Акишевич Акишев родился 23 мая 1924 г. в Баянаульском районе Павлодарской области. К сожалению, он не знал точную дату своего рождения. Кималь был самым младшим из сыновей Акыша и Газизы. Мать Кималья Акишева была старшей сестрой Каныша Имантаевича Сатпаева. Мама и сестренки скончались в годы коллективизации от голода. Не вернулся отправившийся на заработки отец, растеряли друг друга братья. Кималь остался жив, благодаря своему дяде. До окончания средней школы он носил фамилию Сатпаева. В 1942 году закончив среднюю школу, перед получением аттестата зрелости и, будучи уже призванным в армию, Кималь попросил у дяди разрешения взять фамилию отца, и стал Акишевым [Хабдулина 2014: 10].

В витрине представлены фотографии и документы из фонда Бекена Нурмуханбетова. Бекен ата, как его называли посетители, работал в музее-заповеднике с первых дней создания и до последних дней своей жизни и сам непосредственно принимал участие в создании экспозиции. Подбор фотографий и экспонатов говорит о его бережном отношении к памяти наставника. Мы видим два групповых фото, на которых К. А. Акишев с академиком, первым Президентом АН КазССР, К. И. Сатпаевым и группой, предположительно, ученых-геологов (1961 г.).

Каныш Имантаевич, самый близкий человек К. А. Акишева, который способствовал его становлению как личности и как ученого. На второй фотографии К. А. Акишев с легендой казахстанской археологии, академиком А. Х. Маргуланом. С 1947 года К. А. Акишев начинает работать в Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, которой руководил А. Х. Маргулан, это его первая экспедиция. Позже, после окончания аспирантуры в 1951 году он вернется в ЦКАЭ уже начальником отряда. Богатейший материал экспедиции станет основой кандидатской диссертации ученого. Но на этой фотографии археологи рассматривают находки другой не менее легендарной экспедиции, Отрарской, руководил которой сам К. А. Акишев. Здесь мы видим также археолога А. Б. Максимова и Б. Н. Нурмуханбетова, фото примерно 1973-1974 гг.

На следующей фотографии молодой археолог К. А. Акишев на раскопках могильника Борижар, 1949 год. В тот год он работает в составе Южно-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А. Н. Бернштама. Во время этой экспедиции, по словам ученого, Анатолий Натанович продиктовал ему тему кандидатской диссертации, о чем Кималь Акишевич с гордостью рассказывал [Хабдулина 2004: 9]. Еще одна экспедиционная фотография К. А. Акишева, датируемая 1980 годом, снятая в Каракунгей Джунгарского Алатау (рис. 2).

На следующей фотографии, снятая для публикации в прессе. Ученый рассматривает золотую гривну из кургана Иссык. Датируется фото началом 1970-х гг., когда новость о находке века, нетронутым погребением сакского воина была у всех на устах.

Рис. 2. К.Акишев. Каракунгей. Джунгарский Алатау. 1980 г.

В витрине еще один немаловажный экспонат, относящийся и тематически, и хронологически к этому периоду — книга «Курган Иссык» с автором К. А. Акишева: «Участнику и соавтору Иссыкского открытия, дорогому Бекеше — ученику, другу и коллеге на память о нашей многолетней дружной работе. Для воспоминания не о блеске Иссыкского золота, а о наших привольных степях, знойных, но полных жизни пустынях, об угрюмом Каратау и седовласом Тяньшане, наконец о памятниках — наших знакомых и о тех, которые ждут встречи с нами. Пусть твой археологический маршрут будет длинным. Автор К. А. Акишев. 1979 г.». Стоит ли говорить, как дорога была эта книга Бекену Нурмуханбетову.

Фотография ученого с первым президентом Н. А. Назарбаевым, 2001 год, элементы золотых украшений из кургана Иссык стали частью государственной символики, а реконструкция Золотого человека — символом Независимости страны.

В витрине представлены семейные фотографии Акишевых. Археология стала судьбой Кималя Акишевича, в археологии нашел свое призвание, не менее известный ученый, Алишер Кималевич Акишев, его сын. На фото Кималь Акишев с супругой Лариной Екатериной Ивановной, сыном Алишером и дочерью Зариной, 1978 г. На следующей мы видим счастливого дедушку с внуком Артемом, 1981 г.

При создании экспозиции Государственного историко-культурного музея-заповедника «Иссык» в 2010 году, в наличии было всего 19 предметов из кургана Иссык, переданные «Музеем золота и драгоценных металлов». Остальные артефакты пришлось собирать самостоятельно. В этой связи мы обратились к археологу Алишеру Акишеву о передаче личных вещей Кималя Акишева в музей-заповедник. В фонд были переданы: дневник археологических работ (ЕҚМ НТК 36), личные часы (ЕҚМ НТК 37) и личный архив ученого (рис. 3). Таким образом было положено начало фонду К. А. Акишева.

Рис. 3. Часы К.Акишева

Вторая витрина зала посвящена археологу Бекену Нурмуханбетову. В ней две фотографии Б. Н. Нурмуханбетова с Кималем Акишевым 1992 года и Алишером Акишевым 2003 года (рис. 4).

Фотографии сняты в организованном Б. Н. Нурмуханбетовым Музее под открытым небом, который располагался на территории Иссыкского могильника, предвосхитив создание настоящего музея-заповедника «Есік».

Следующая витрина зала посвящена реконструкции Золотого человека. Мы видим здесь фото К. А. Акишева задумавшись он вглядывается в разложенные на столе золотые предметы первой реконструкции (рис. 5). Здесь также представлены сами элементы той первой реконструкции — золотые бляшки, изготовленные В. Садомсковым. В нижней части витрины образцы графического изображения трёх вариантов научной реконструкции

Рис. 4. 1 - Б. Нурмуханбетов, К. Акишев. 1992 г.; 2 - Б. Нурмуханбетов, А. Акишев. 2003 г.

головного убора Золотого человека — К. А. Акишева и В. Садомскова, А. Танабаева и А. К. Акишева. Каждая реконструкция отображает собственную авторскую интерпретацию мировоззрения саков.

Центром экспозиции первого зала «История и культура саков» является реконструкция Золотого человека Крыма Алтынбекова. По словам автора, за основу была взята реконструкция К. А. Акишева, в которую были внесены изменения и дополнения, выявленные в результате исследований последних лет. Изменения коснулись костюма, головного убора и предметов вооружения. Например, одежда была дополнена нательной сорочкой, выглядывающей из под кафтана в области верха груди, края сорочки обшиты прямоугольными бляшками, накидкой (плащом), более узким оружейным поясом, накладки на ножнах кинжала дополнены выпавшими деталями, рукоять кинжала была дополнена навершием, изображающим две зеркально расположенных протомы грифонов, также в этой реконструкции появилась камча, остатки которой были обнаружены археологами при раскопках Кургана Иссык. [Алтынбеков 2014: 14]

Еще одним экспонатом, обращающим на себя внимание является бронзовая статуэтка архара, она была приобретена у Алишера Акишева, это случайная находка, обнаруженная в Алматинской области, датируется V-IV вв. до н.э., размером 5,8×6 см, археолог держал ее у себя в качестве оберега (ЕҚМ НТК 145) (рис. 6). Экскурсоводы проводят аналогии с другой фигурой архара, возвышающейся на головном уборе Золотого человека, который тоже является дополнением К.Алтынбекова к первоначальной реконструкции костюма.

Неподдельный интерес посетителей вызывает рисунок, выполненный на кальке из личного архива К. А. Акишева. На бумаге графическое изображение клинка меча из кургана Иссык (рис. 7). По центру клинка от навершия до острия изображен ряд животных, это пластины с обеих сторон меча описаны ученым в книге «Курган Иссык» [Акишев 1978], «...узкие золотые пластинки

Рис. 5. К. Акишев. 1973-1974 гг.

Рис. 6. Скульптура архара из личной коллекции К. Акишева

с миниатюрными изображениями животных в виде длинных постепенно сужающихся к острию клинка лент. Животные на пластинах изображены реалистично, полностью различаются их зоологические видовые особенности. Последовательность размещения их на пластинах следующая: на одной — змея, лиса, заяц, барс, коза, кабан, волк, архар, тигр; на другой — змея, лиса, заяц, архар, джейран (косуля), кабан, волк, архар, заяц, волк, кабан и полтуловища какого-то животного. Таким образом, на первой пластине девять, а на второй двенадцать фигур и все они головами обращены к рукояти кинжала. Фигуры чередуются таким образом, что тела двух рядом расположенных зверей оказываются перевернутыми по отношению друг к другу. Животные на рельефах изображены в так называемых «скребущих» позах, тела покоятся на лапах, морды уткнуты в землю. Только в изображениях архара и горного козла чувствуется экспрессия тело напряжено, голова на вытянутой шее поднята вверх. Изображения диких животных выполнены штампом и тиснением, головы грифонов на навершии — в технике круглой скульптуры. Крупы и лопатки животных подчеркнуты волнотвидными вставками из цветного камня».

Рис. 7. Рисунок К. Акишева из личного архива

Эти изображения на невозможно сразу разглядеть на оригинале, из-за небольшого размера меча (дл. 48 см, ш. 7,7 см), но графическое изображение на бумаге обращает внимание посетителей на эти значимые детали (рис. 8).

Рис. 8. Фотография меча из книги «Курган Иссык». (Акишев К. А. Курган Иссык. Москва: Искусство, 1978. 142 с..)

Наряду с этим материалом, в архиве ученого хранятся рукописи изданных позже книг «Социальная стратификация сакского общества», «К истокам сакского искусства «звериного стиля», «Древнее золото Казахстана», «Искусство и идеология саков Семиречья (по материалам кургана «Иссык»», «Кочевые племена Илийской долины (VII в. до н.э. — III в. н.э.)», «Иссыкский курган», также, выполненные рукой автора, графические рисунки, фотографии, таблички, зарисовки отдельных предметов и наброски к их реконструкции, а также вырезки газетных публикаций об открытии Золотого человека, бережно хранимые ученым. Этот архив еще предстоит изучить в будущем и использовать в процессе создания экспозиции (рис. 9).

В своем рабочем кабинете Бекен Нурмуханбетов в память о своем наставнике повесил портрет К. А. Акишева с его автографом из книги «Курган Иссык». Сейчас здесь мемориальный кабинет археолога Бекена Нурмуханбетова, где все сохранено, как было при жизни ученого. На одной из стен расположилась фотовыставка, которая была создана ко дню рождения Бекен

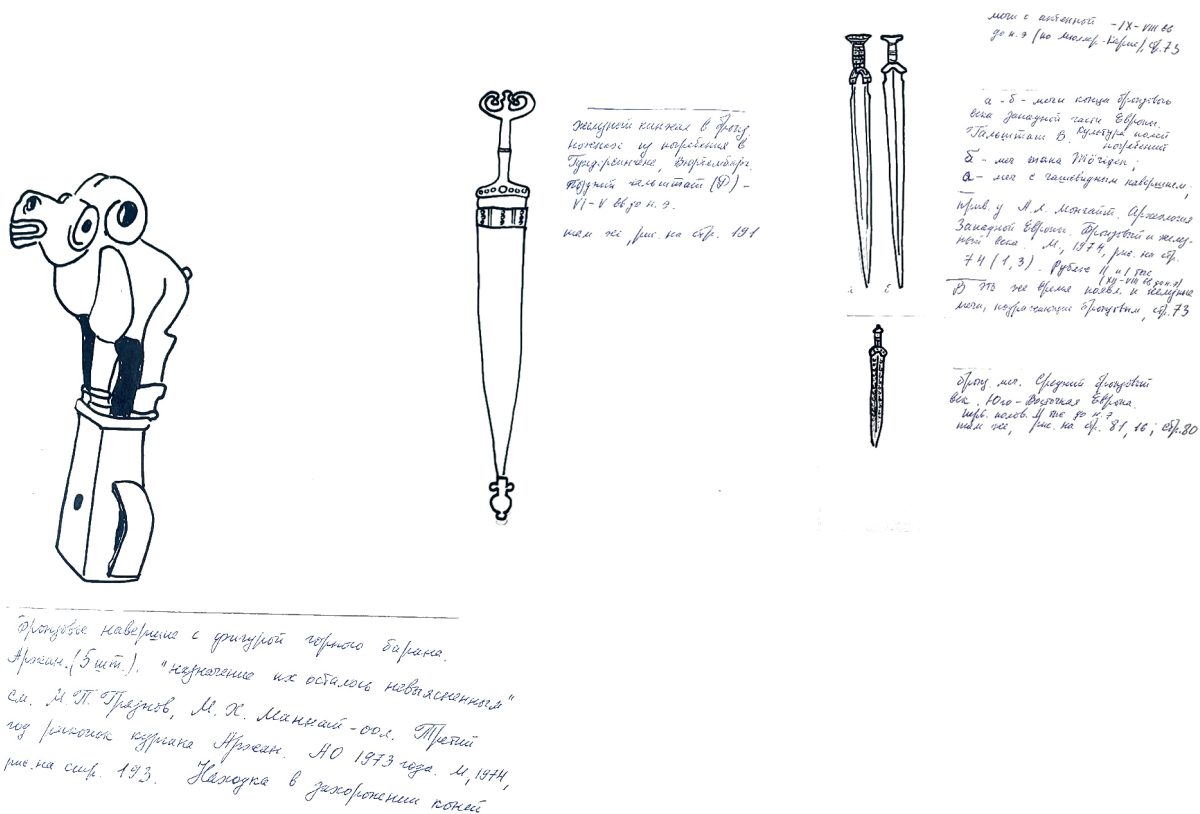

Рис. 9. Рукописи из личного архива К. Акишева

ата после его смерти. Здесь также есть фотография К. А. Акишева в группе ученых на фоне памятника Ч. Валиханова возле НАН РК.

Еще одним ценным приобретением музея-заповедника стали, переданные по акту из Института археологии им. А. Х. Маргулана заведующим лабораторией археологических технологий и отделом средневековой археологии Е. Ш. Ақымбеком, предметы музейного значения. Это мебель из кабинета К. А. Акишева — письменный стол, книжный шкаф со стеклянными полками, рабочее кресло (Акт № 49 сентябрь 2020 г.). В настоящее время ведется строительство нового здания заповедника-музея «Иссык», в связи с чем мы планируем открытие новой экспозиции и мемориального кабинета Кималья Акишева.

В 2016 году Государственный историко-культурный заповедник-музей «Есик» издал сборник «Тайны золотого человека», в котором авторы попытались детально и достоверно восстановить этапы истории открытия и последующего изучения царского погребения из кургана Иссык. В книге собраны воспоминания, интервью участников Иссыкской экспедиции. В том числе интервью К. А. Акишева журналисту Г. Бендицкому (передача «По Гамбургскому счету», 1998 г.), в котором в форме ответов на вопросы журналиста Кимал Акишев рассказывает о своём жизненном пути, пути в археологии и об открытии 1970 года [Мухтарова 2016]. Видеозапись интервью демонстрируется в фойе музея-заповедника. Помимо этого, посетители могут посмотреть фильмы с участием К. А. Акишева «Скифы предки казахов», «История Казахстана», «Серебряная чаша» и др.

В мае 2014 года в Институте истории и археологии им. А. Х. Маргулана прошла Международная научная конференция, посвященная 90-летию К. А. Акишева «Древние и средневековые государства на территории Казахстана». Во второй выездной день конференции участники посетили музей-заповедник «Есик», познакомились с экспозицией и почтили память ученого

за дастарханом. Особенными дорогими гостями стали родственники Кималя Акишева, супруга Марал Калымжановна Хабдулина, сын Алишер, невестка Зухра, внучки Майя, Анита. Алина Акишева, дочь Зарины Акишевой, специально приехавшая на юбилейные торжества из Лондона, к сожалению, не смогла приехать в заповедник-музей. По словам М. К. Хабдулиной, её любовь к дедушке проявилась даже в том, что она взяла себе его фамилию. В фондах музея хранятся фотографии этого мероприятия (рис. 10).

Под руководством директора НИИ археологии им. К. А. Акишева М. К. Хабдулиной на месте средневекового городища Бозок, одном из последних открытий К. А. Акишева, открыт музей-заповедник, проводятся небольшие выставки, ведется работа по музеефикации.

Понятно, что в каждом музее Казахстана в зависимости к какому историческому периоду относится их экспозиция в области археологии, от бронзового века до средневековья, упоминается имя К. А. Акишева. Особенностью экспозиции музея-заповедника «Есік» в отношении археологического наследия К. А. Акишева является то, что он является одним из авторов открытия, которое и положило начало созданию музея-заповедника на сакских курганах. Заповедник-музей является хранителем памяти одного из основателей отечественной археологической школы, автора 15 монографий, 250 научных статей, верного друга, образцового главы семьи, доброго деда.

На страницах социальных сетей музея-заповедника «Есік» с 2023 года публикуются материалы о выдающихся женщинах, стоявших у истоков казахстанской археологии в цикле под названием «Тюльпаны казахстанской археологии». И здесь можно увидеть фотографии К. А. Акишева с известными женщинами-археологами 70-80-х годов. Например, на фотографии Т. Н. Сениговой кандидата исторических наук, специалиста в области изучения памятников Южного Казахстана. [страница музея-заповедника Иссык в Facebook].

Научные сотрудники музея-заповедника «Есік» пропагандируют научное археологическое наследие К. А. Акишева на международных и региональных конференциях. К примеру, в рамках ежегодной Международной конференции «Есік окулары» «Возникновение и развития государственности степного пояса Евразии: предпосылки, этапы, последствия» (Есік, 22 ноября 2021 г.) директором музея-заповедника «Есік» Г. Р. Мухтаровой был сделан доклад на тему «Проблемы возникновения и развития государственности в трудах К. А. Акишева» [Мухтарова 2021].

Научный фонд библиотеки заповедника-музея насчитывает более 3000 ед. хр., основу фонда составляют книги, переданные в фонд Бекеном Нурмуханбетовым, которые он собирал в течение жизни. Среди них редкие экземпляры научных изданий по археологии. Стоит ли говорить, что «Курган Иссык» является настольной книгой сотрудников музея-заповедника

Рис. 10. Участники Международной научной конференции, посвященной 90-летию К.Акишева в музее-заповеднике «Есік». 2014 г.

начиная с экскурсоводов, хранителей и заканчивая научными сотрудниками. Помимо этого, в фонде имеются 10 книг К. А. Акишева, которые всегда востребованы посетителями библиотеки.

Таким образом можно сказать, что археологическое наследие К. А. Акишева находит отражение во всех сферах деятельности музея-заповедника «Есік», в экспозиционной, научно-фондовой, исследовательской и культурно-образовательной. Музей активно исследует и пропагандирует наследие археолога посредством организации выставок, научных конференций, в научных изданиях, публичных выступлениях. Заповедник-музей, созданный на месте археологического открытия века многим обязан автору открытия. В музее есть личный архив археолога, который содержит рукописи, личные вещи, видео и фотодокументы, предметы интерьера, относящиеся к деятельности ученого, книги.

В скором будущем планируется создание мемориального кабинета Кималя Акишева. Открытие мемориального кабинета станет новой вехой в популяризации научного наследия профессора, доктора наук, внесшего неоценимый вклад в археологическую науку Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А. Курган Иссык. Москва: Искусство, 1978. 142 с.

Алтынбеков К.К., Алтынбекова Э.К. Реконструкция «Золотого человека» // Мат. Междунар. науч.-практ. онлайн-конф. I Есикские чтения: «Золотой человек и проблемы археологии кочевников степного пояса Евразии» (20 ноября 2020 г., Есик, Казахстан) / отв. ред. Г.Р. Мухтарова. Алматы: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Есик», 2020. 27-33 б.

Ганиева А.С. По следам полевых маршрутов Кималя Акишева // Мат. Междунар. науч. конф. «Древняя и средневековая археология Центральной Азии: преемственность и трансформация культур», посв. 60-летию Г.К. Омарова (5 маусым 2021 ж., Алматы, Қазақстан) / отв. ред. Р.С. Жуматаев. Алматы: Қазақ университеті, 2021. 160 с.

Мухтарова Г. Р. Проблема возникновения и развития государственности в трудах К.А. Акишева // Мат. Междунар. науч.-практ. онлайн-конф. II Есикские чтения: «Возникновение и развитие государственности степного пояса Евразии: предпосылки, этапы, последствия», посв. 30-летию Независимости Республики Казахстан (22 ноября 2021 г., Есик, Казахстан) / отв. ред. Г.Р. Мухтарова. Алматы: Қазақ университеті, 2021. С. 70-77.

Тайны Золотого человека / Сборник материалов. Руководитель проекта Г.Р. Мухтарова. Алматы, 2016. 254 с.

Хабдулина М.К. Предисловие // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сб. науч. статей, посв. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана: Изд-во «Сарыарка», 2014. С. 10-14.

Хабдулина М.К. Беззаветное служение археологии // Мобилизованный археологией. К 80-летию Акишева Кемаля Акишевича (1924-2003гг.). Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2004. С. 9-23.

Facebook «Есік» музей-қорығы / музей-заповедник «Есік». [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/issykreservemuseum/photos/a.281185301953819/5208600132545620/?type=3&sfnsn=wa&mibextid=RUBZ1f&paipv=0&eav=AfZ-8Ek2I6edTmUhJwLTEVEJlwflavG3rvIM8liVBtes5liPVYvFPprA0nd6kSjmf9s&_rdr (дата обращения 01.04.2024).

ЗОЛОТОЙ ЧЕЛОВЕК КАК ПРЕДМЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Целью данной статьи является выявление роли сакского воина, обнаруженного в кургане Иссык, для установления дипломатических отношений между Казахстаном и другими государствами в результате проведения международных выставок. В статье представлены воспоминания ученых, записи участников археологической экспедиции, а также материалы средств массовой информации Казахстана и других государств, представляющие общую информацию о «Золотом человеке» как катализаторе межкультурных связей разных народов и государств. После создания реконструкции сакского воина в 1970-х годах были организованы первые выставки за рубежом с участием руководителя экспедиции Кималя Акишева.

На данный момент все артефакты из кургана Иссык располагаются в музейном фонде Национального музея Республики Казахстан. Начиная с 2017 года, реконструкция и артефакты «Золотого человека» были представлены на различных международных выставках, как на отдельных, так и в рамках выставочного проекта «Шествие Золотого человека по музеям мира».

Ключевые слова: Кималь Акишев, Золотой человек, международная выставка, музейные экспонаты, Шествие Золотого человека

Алтын адам дипломатиялық қатынастардың нысаны ретінде

Аннотация. Мақаланың мақсаты — халықаралық көрмелер өткізу нәтижесінде Қазақстан және басқа мемлекеттер арасында дипломатиялық қатынастар орнату үшін Есік қорғанынан табылған сақ жауынгерінің рөлін анықтау. Мақалада ғалымдардың естеліктері, археологиялық экспедицияға қатысушылардың жазбалары, сондай-ақ әртүрлі халықтар мен мемлекеттердің мәдениетаралық байланыстарының катализаторы ретінде «Алтын адам» туралы жалпы ақпаратты ұсынатын Қазақстан мен басқа мемлекеттердің бұқаралық ақпарат құралдарының материалдары ұсынылған. 1970 жылдары сақ жауынгерін қайта қалпына келтірілгеннен кейін экспедиция жетекшісі Кемал Ақышевтің қатысуымен шетелде алғашқы көрмелер ұйымдастырылды.

Қазіргі уақытта Есік қорғанынан табылған барлық артефактілер Қазақстан Республикасы Ұлттық музейінің қорында орналасқан. 2017 жылдан бастап «Алтын адамның» реконструкциясы мен артефактілері әртүрлі жеке халықаралық көрмелерде, сондай-ақ «Алтын адамның әлем музейлеріне шеруі» көрме жобасы аясында ұсынылды.

Түйін сөздер: Кемал Ақышев, Алтын адам, халықаралық көрме, музей жәдігерлері, Алтын Адамның шеруі

The Golden Man as a subject of diplomatic relations

Abstract. The purpose of this article is to identify the role of the Sak warrior discovered in the Issyk burial mound for the establishment of diplomatic relations between Kazakhstan and other states as a result of international exhibitions. The article presents memories of scientists, records of participants of the archaeological expedition, as well as materials of mass media of Kazakhstan and

other states, presenting general information about the “Golden Man” as a catalyst of intercultural relations of different peoples and states. After the reconstruction of the Saka warrior was created in the 1970s, the first exhibitions abroad were organized with the participation of the head of the expedition Kemal Akishev.

At the moment, all artifacts from the Issyk burial mound are located in the museum fund of the National Museum of the Republic of Kazakhstan. Since 2017, the reconstruction and artifacts of the “Golden Man” have been presented at various international exhibitions, both at individual exhibitions and as part of the exhibition project “The Procession of the Golden Man through the world museums”.

Keywords: Kemal Akishev, The Golden Man, international exhibition, museum exhibits, the Procession of the Golden Man

В 1969 году в 50 км от города Алматы начались археологические раскопки кургана Иссык, где в апреле 1970 года было обнаружено нетронутое захоронение сакского воина с золотыми украшениями, которому более 2,5 тысяч лет. Данное открытие группы археологов под руководством К. Акишева вызвало резонанс не только в научном мире, но и среди журналистов. Сакский воин из кургана Иссык получил имя «Золотой человек».

После обретения независимости «Золотой человек» стал символом суверенного Казахстана: изображения золотых украшений обнаруженных в кургане Иссык стали частью государственной геральдики.

Можно с уверенностью утверждать, что данная археологическая находка стала не простым археологическим открытием, а всемирной сенсацией, изменившей ход истории. Подтверждением этому является огромное количество выставок, семинаров, научных конференций, посвященных сакскому воину из кургана Иссык; на месте этого кургана 10 июня 2011 года был открыт Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык» [Жұмабекова, Базарбаева, Оңғар 2011: 115]. В 2014 году, в связи с открытием в Астане крупнейшего музея в Центральной Азии, украшения и реконструкция «Золотого человека» из Президентского центра культуры (г. Астана) были переданы в музейный фонд Национального музея Республики Казахстан. Впоследствии, продолжая путь Кемалю Акишеву, Национальным музеем было проведено около 20 международных выставок, где главным экспонатом был сакский воин из кургана Иссык.

Главной целью данной статьи является исследование роли и значения «Золотого человека» в вопросе установления дипломатических отношений между различными государствами благодаря проведенным Национальным музеем Казахстана международным выставкам.

В статье был использован источниковедческий анализ документов, в том числе государственных официальных материалов, а также анализ статистических данных о количестве посетителей выставки в разных странах, опубликованных материалов в средствах массовой информации, а также интервью местных жителей и сотрудников зарубежных музеев. Кроме того, были представлены воспоминания ученых, а также работы участников археологической экспедиции о проведении международных выставок, представляющих оригинальные находки и реконструкцию сакского воина из кургана Иссык.

Источниковой базой для статьи послужили официальные документы Министерства культуры и спорта Республики Казахстан (с 2024 года — Министерство культуры и информации) и Национального музея Республики Казахстан об организации международных выставок, статистические данные о количестве посетителей, а также опубликованные материалы в средствах массовой информации Казахстана и стран, где были организованы выставки.

Археолог Карл Байпаков в своих воспоминаниях пишет о том, что пропаганда исторических знаний всегда была в центре внимания Кемалю Акишевича. «Страстным пропагандистом истории и достижений науки нашей республики он выступал на выставках достижений Казахстана

в Лейпциге, Хельсинки, Стокгольме, Каире, Токио, в городах США» [Байпаков 2014: 28]. К. Акишев выполнил колоссальную работу не только по исследованию археологических памятников (курганов, поселений, некрополей и пр.), но также и в популяризации научного знания среди широкого населения. Как вспоминают его ученики и коллеги, он часто поднимал вопрос о создании музеев, о глубоком и всестороннем изучении, а также охране археологических памятников.

На протяжении трех лет, в период с 1970 по 1973 годы, К. Акишев и реставратор В. И. Садомсков работали над воссозданием первоначального облика костюма сакского воина из кургана Иссык [Жұмабекова, Базарбаева, Оңғар 2011: 108]. И уже почти сразу после создания реконструкции костюма с 1974 года «Золотой человек» был представлен за рубежом: «модель «человека в золотой одежде» с большим успехом демонстрировалась на Международных выставках в Лейпциге (1974), Каире (1975) и Дамаске (1976) [Акишев 1978: 6]. На выставке в Каире египтяне восклицали, что и «у вас есть фараоны», а в Токио в 1981 году выставка «Культура кочевников Евразии» собрала более 200 тысяч зрителей [Қожа 2014: 45].

С открытием Национального музея Республики Казахстан в 2014 году реконструкция и золотые украшения «Золотого человека» были переданы в их музейный фонд. Идея о создании «музея мирового уровня, где будут собраны наиболее важные сокровища, найденные в рамках реализации государственной и отраслевой программ» была озвучена еще в 1998 году и была реализована в рамках государственной программы «Культурное наследие» [Постановление 2008]. В связи с этим, Национальный музей в целях развития и установления международных отношений с зарубежными музеями инициировал различные выездные выставочные проекты, а также участвовал в совместных выставках с российскими музеями. Подобные международные проекты начались в 2017 году. Главным экспонатом был сакский воин из кургана Иссык. Выставки были проведены в Лондоне (Великобритания), Гонконге (Китай), Минске (Беларусь), Москве (Россия), Баку (Азербайджан), Сиане (Китай), Гданьске (Польша), Сеуле (Южная Корея), Казани (Татарстан), Ташкенте (Узбекистан), Скопье (Северная Македония), Анкаре (Турция), Куала-Лумпуре (Малайзия), Афинах (Греция), Нью-Дели (Индия) и Уфе (Башкортостан).

Будучи одним из организаторов, Национальный музей представил сакские украшения, в том числе артефакты из кургана Иссык, в Британском музее на выставке «Скифы: воины древней Сибири». Экспозиция была представлена с 14 сентября 2017 года по 14 января 2018 года в Галерее Сейнсбери и создана совместными усилиями Британского музея, Государственного Эрмитажа и Национального музея. Выставку посетило 122 823 человека (не считая специальных VIP-показов), что говорит об интересе лондонских зрителей. В Британском музее существует практика предварительного и последующего анкетирования, которое позволяет понимать уровень научности, доступности демонстрируемой выставки [Панкова 2020: 129-130].

При предварительном опросе выяснилось, что 60% всех опрошенных имеют общие знания о скифах. Наиболее привлекательными темами для посетителей стали такие понятия, как кочевники, воины, вечная мерзлота, сохранность, золото, курганы, всадничество, у единичных опрошенных также Сибирь [Панкова, 2020: 131].

Сотрудничество с Британским музеем дало возможность по-новому увидеть привычные экспонаты и способы их экспонирования, сформулировать и воплотить ранее не реализованные идеи. Совместные заинтересованные усилия привели к результативному изучению ряда экспонатов, определили новые направления сотрудничества. Полезно было близко познакомиться с подходом Британского музея к организации и созданию временных выставок и воочию увидеть его результаты [Панкова 2020: 143].

2017 год для Национального музея Казахстана стал стартом для проведения международных выставок. Всемирная специализированная выставка «ЭКСПО-2017», организованная в Казахстане, дала возможность установить дипломатические отношения с позиции культурных взаимосвязей, укрепив также и другие аспекты межгосударственных отношений. В декабре

2017 года была организована выставка «Миля за милей: всемирное наследие вдоль Шелкового пути» в Гонконге. На выставке были представлены артефакты из Казахстана, Кыргызстана и Китая, но центральным экспонатом данной выставки стал «Золотой человек». Главная цель выставки — показать значимость этих караванных путей, популяризировать историю и культуры наших стран, объединенных духом Великого шелкового пути [Казахстанская правда 2017].

Но самым грандиозным и продолжительным проектом был международный выставочный проект «Шествие Золотого человека по музеям мира», организованный Национальным музеем Республики Казахстан. Проект начался в декабре 2017 года в городе Минске с выставки «Искусство кочевников Великой Степи» (рис. 1). Целью данного проекта является ознакомление зарубежного зрителя с самобытным культурным наследием степного пояса Евразии [Каталог 2017:6]. Авторами проекта отмечено, что «в современных условиях общечеловеческие ценности, культура — самая прочная основа для сплочения людей, для установления прочного мира на земле» [Каталог 2017: 10]. Поэтому неслучайно, что старт выставки был дан в Минске: в декабре 2017 года состоялся официальный визит первого президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в Беларусь и данное мероприятие было посвящено 25-летию установления дипломатических отношений между Казахстаном и Беларусью [Спутник 2017].

Рис. 1. Церемония открытия выставки в Национальном художественном музее Республики Беларусь. Минск, 2017. Фото из социальной сети Facebook

Так этнографический праздник был выбран в Государственном-историко-культурном музее-заповеднике «Бозок» как один из самых экспрессивных форм музейной работы. В качестве его основы использовалась традиционная обрядность казахов. В формате музейных этнографических праздников осуществлялась репрезентация обрядов жизненного цикла и календарных обрядов коневодческой культуры, признаваемых в рамках Конвенции об охране

нематериального культурного наследия, принятой 17 октября 2003 года ЮНЕСКО как проявление в области «обычаи, обряды, празднества» [Конвенция об охране НКН].

Каждая выставка сопровождалась лекциями археологов, историков и этнографов Казахстана для предварительного ознакомления с историей сакских племен, искусства кочевников и культуры казахов. Среди лекторов были такие ученые, как З. Самашев, М. Хабдулина, Я. Лукпанова, Б. Абдигалиулы, художник-реставратор К. Алтынбеков и др.

Следующая выставка в рамках данного международного выставочного проекта открылась во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства в Москве.

Церемония открытия выставки «Наследие Великой Степи: шедевры ювелирного искусства» состоялась 3 апреля 2018 года. Казахстан и Россия имеют долгосрочные культурные, экономические, политические связи, поэтому, по словам Имангали Тасмагамбетова, посла Казахстана в России на тот период, проведение данного мероприятия в Москве подчеркнуло важность укрепления данных взаимоотношений. Первый заместитель министра культуры России Владимир Аристархов отметил, что «экспонирование «Золотого человека» в Москве сравнимо с выставкой сокровищ Тутанхамона» [Московский комсомолец 2018].

Стоит отметить, что выставки на территории России были также проведены в 2019 и 2022 годах. В начале 2019 года в Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Казанский Кремль» состоялось открытие выставки «Великая Степь: история и культура», а позднее, в 2022 году, данное мероприятие было организовано в Уфе при поддержке президента Башкортостана Радия Хабирова. «Это большое событие для нашей республики. С Казахстаном нас объединяют многовековые исторические и культурные связи, которые, не сомневаюсь, будут только крепнуть», отметил глава государства [Хабиров 2022]. В Национальном музее Башкортостана было представлено 125 экспонатов древнего и средневекового искусства Казахстана [Коммерсантъ 2022].

22 мая 2018 года в Национальном музее истории Азербайджана в Баку была открыта выставка, где были представлены артефакты раннего железа и средневековья, а также серебряные украшения 19-20 вв. Экспонаты выставки были в некоторой степени знакомы бакинскому зрителю, но в то же время, археологические находки из кургана Иссык удивили его. В своей вступительной речи вице-министр культуры Республики Азербайджан Севда Мамедалиева отметила, что у двух стран общие корни, общие традиции, общая культура. Неслучайно, что выставка была проведена в рамках празднования 100-летия Азербайджанской Республики [Қамбаров 2019: 8].

Не менее важной остановкой для проведения выставки стал Китай. Китайские династии и сакские племена имели политические, торговые и культурные взаимосвязи в раннем железном веке. Если ранее выставка была проведена в Гонконге, то в 2018 году следующей локацией стал город Сиань — столица 13 государств в истории Китая, в том числе в I тысячелетии до н.э., в период формирования сакских племенных образований на территории Казахстана. Имея древние корни дипломатических отношений, Казахстан и Китай продемонстрировали силу культурных взаимосвязей благодаря организации выставки. Более полумиллиона человек посетило выставку в Историческом музее провинции Шэньси, что является наивысшим показателем. Одним из результатов межкультурных взаимоотношений между двумя странами является объявление 2024 года — годом казахстанского туризма в Китае [Спутник 2024].

Выставка в октябре 2018 года в Гданьске (Польша) стала первой на территории Европы. В 2019 году подобные выставки были проведены в Северной Македонии (Скопье) и Греции (Афины). Предварительно велись долгие переговоры с принимающей стороной, которой необходимо предоставить материалы о цели выставки, необходимости проведения именно на территории принимающей страны. К примеру, одним из аргументов организации выставки

в Польше является то, что Астана и Гданьск — города-побратимы с 1996 года. Контакты средневекового польского города и столицы Казахстана на уровне межрегионального сотрудничества помогают определить перспективы направления при разработке государственной политики соответствующих стран [Казахстанская правда 2016].

В 2019 году концепция выставки была изменена, согласно которой экспозиция была представлена в четырех залах: археология, серебро, золото и этнография. Теперь выставка будет включать в себя юрту со всем убранством, интерактивные доски «Обряды и традиции казахского народа» и «Карта Казахстана» со следующими разделами: общие сведения, природа, климат, население, общий (сведения о месторождениях, производстве сельскохозяйственной и промышленной продукции, и количестве медицинских, образовательных и культурных учреждений) [Концепция 2019: 3]. Выставки в рамках данной концепции были проведены в Казанском кремле в Казани (Татарстан), в Государственном музее искусств Узбекистана в Ташкенте, в Археологическом музее в Скопье (Северная Македония), Музее Анатолийских цивилизаций в Анкаре (Турция), Национальном музее Малайзии в Куала Лумпуре и Эпиграфическом музее в Афинах (Греция).

Проведение международных выставок является довольно продолжительным процессом, включающим в себя поиски подходящей локации, выявление информации о необходимости проведения выставки, а также интереса местной аудитории, тем самым, предварительно вычисляя количество потенциальных зрителей. Главными организаторами выставки являются представители Национального музея Республики Казахстан и музея принимающей стороны, а также представители посольств иностранных государств в Казахстане и посольств Казахстана. Выбор тех или иных музеев для организации данного мероприятия обусловлен несколькими аспектами: заинтересованностью принимающей стороны, интересом туристов и местных жителей выбранной локацией, техническими возможностями музея, а также проведением различных мероприятий на международном и государственном уровнях (например, официальные визиты глав государств, проведение форумов и др.). К примеру, проведение выставки в 2020 году в Японии было отменено принимающей стороной по причине проведения Летних Олимпийских игр в Токио.

Согласно статистическим данным, общее количество посетителей составило более 2,25 млн. человек (включая отдельные выставки в Лондоне и Гонконге) (рис. 2). Наибольшее количество посетителей приходится на 2018 год — более 1,5 млн. человек. Отсутствие мероприятий в 2020-2021 годах связано с глобальной пандемией коронавируса и запретом на организацию массовых мероприятий. Но стоит отметить, что в марте 2020 года до объявления пандемии и запретов на передвижения на разных видах транспорта, в том числе и на самолете, состоялось открытие выставки в Нью-Дели. Позднее выставка перешла в онлайн формат на платформы социальных сетей.

Рис. 2. Количество посетителей выставок за 2017-2022 гг.
Статистические данные Национального музея РК

Национальным музеем Республики Казахстан с 2017 по 2024 годы было проведено 16 международных выставок, на которых главными экспонатами были артефакты из кургана Иссык и реконструкция «Золотого человека». Гости и организаторы выставки из дальнего зарубежья в большей степени впервые сталкивались с подобными артефактами. В некоторых музеях были обнаружены подобные артефакты, благодаря чему возможно исследовать культурные и политические взаимодействия древних племен на территории Евразии. Например, золотая маска в Археологическом музее в Скопье, датируемая 5 в. до н.э., золотой кинжал 5-6 веков, предположительно попавший на территорию Кореи из Центральной Азии (рис. 3), письменные памятники древности и средневековья в Эпиграфическом музее в Афинах, а также средневековые каменные изваяния в Музее Анатолийских цивилизаций в Анкаре.

Рис. 3. Золотой кинжал 5-6 вв. Кенджу, 1973.
Фото из электронного ресурса

Культурная дипломатия имеет очень глубокие корни, о чем свидетельствуют исследователи, путешественники, торговцы с древних времен. Она является одной из наиболее эффективных и значимых средств реализации внешнеполитической стратегии любого государства. Организация выставок с демонстрацией историко-культурного наследия, включая артефакты из кургана Иссык, является не просто культурным мероприятием для двух музеев разных стран, а результатом кропотливой работы дипломатических служб государств. Формирование и укрепление культурных взаимоотношений на основе проведения выставок позволяют решить глобальные экономические и политические вопросы путем «мягкой силы», повысить социально-культурное сотрудничество, продвигать национальные интересы, а также обеспечить национальную безопасность.

Таким образом, организация международных выставок «Золотого человека» в современный период не только продемонстрировала искусство и культуру древних кочевников, изменив европоцентрическую позицию по отношению к номадическим культурам как «варварским», но и укрепила дипломатические отношения Казахстана и тринадцати стран ближнего и дальнего зарубежья.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. Москва: Искусство, 1978. 132 с.

Байпаков К.М. Учитель... // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана, 2014. С. 21-29

Жұмабекова Г.С., Базарбаева Ғ.А., Оңғар А. ЕСІК. ИССЫК. ЕSІК. Алматы: Таймас, 2011. 200 б.

Казахстанская правда. Астана за 18 лет побраталась с 43 городами мира. 07.07.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://kazpravda.kz/n/astana-za-18-let-pobratalas-s-43-gorodami-mira/> (дата обращения: 26.03.2024)

Казахстанская правда. Золотой человек в Гонконге. 22.12. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://kazpravda.kz/n/zolotoy-chelovek-v-gonkonge/> (дата обращения: 11.03.2024).

Каталог выставки «Искусство номадов Великой Степи» в рамках проекта «Шествие Золотого человека по музеям мира» из фондов Национального музея Республики Казахстан. Астана: ПрофиМакс, 2017. 130 с.

Коммерсантъ. Главный символ Казахстана – «Золотой человек» - представлен в Национальном музее Башкирии. 20.03.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/53174938> (дата обращения: 20.03.2024)

Концепция выставки «Великая Степь: история и культура». Нур-Султан, 2019. 36 с.

Қамбаров И. Төл тарихымыздың теңдессіз асыл мұрасы. // Мәдени мұра. № 1(82). 2019. С. 2-11.

Қожа М. «Сіздерге де фараондар болған екен ғой» дегіздірген Кемел Ақышев // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана, 2014. С. 45-47.

Московский комсомолец «Золотой человек» из Иссыкского царского кургана начал свое шествие по музеям мира с Москвы. 03.04.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://mk-kz.kz/articles/2018/04/03/zolotoy-chelovek-iz-issykского-carskogo-kurgana-nachal-svoe-shestvie-po-muzeyam-mira-s-moskvy.html>

Панкова С.В. Скифы в Великобритании: опыт сотрудничества Эрмитажа и Британского музея. // СГЭ. [Вып.] LXXVIII. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2020. С. 129-143.

Постановление Правительства Республики Казахстан от 6 ноября 2008 года № 1016 «О Концепции стратегического национального проекта «Культурное наследие» на 2009- 2011 годы» [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P080001016_/compare (дата обращения: 11.03.2024)

Спутник. Беларусь. «Золотого человека» из Казахстана привезли в Минск. 29.11.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnik.by/20171129/zolotogo-cheloveka-iz-kazahstana-privezli-v-minsk-1032227631.html> (дата обращения: 11.03.2024)

Спутник. Казахстан. Год казахстанского туризма открыли в Китае [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kz/20240328/god-kazahstanskogo-turizma-otkryli-v-kitae--43244460.html> (дата обращения: 28.03.2024.)

Хабиров Р. 25.03.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall413272232_776504 (дата обращения: 20.03.2024)

ВКЛАД К.А. АКИШЕВА В ИЗУЧЕНИИ УСУНЬСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Аннотация. Изучение усуньской культуры является актуальной и важной темой археологии и исторической науки. Уделяется большое внимание изучению хозяйственных основ усуньского общества, этнической интерпретации этого племенного союза, а также выявлению памятников, картированию найденных артефактов. В данной статье рассматривается значимость открытий и выводов К. А. Акишева для понимания социальной структуры, экономики, и культуры усуньского общества. С помощью систематических археологических раскопки и анализа артефактов, проведенных им на территории Семиречья и других регионов, К. А. Акишев сделал значимые выводы о жизни и деятельности древних усуней, им рассмотрены проблемы изучения государственности кочевников Казахстана, социальной организации усуньского общества и его классовой структуре, хозяйственной специфике саков и усуней. К наиболее изученным видам памятников усуньской эпохи относятся курганы, которые дают обширные данные о погребении, хозяйстве, быте, религиозных верованиях. По мнению ученого в государстве усуней сочетались пережиточные явления родового строя с рабовладельческими и зарождающимися классовыми отношениями. На всех этапах развития усуньского хозяйства преобладало комплексное сочетание скотоводства и земледелия. В статье подчеркивается значимость научного наследия К. А. Акишева для дальнейших исследований в области усуньской археологии и его вклад в расширение наших знаний о древней истории этого региона.

Ключевые слова: усунь, Семиречье, Актас, социальная организация древних обществ, комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство

К.А. Ақышевтің үйсін археологиясын зерттеуге қосқан үлесі

Аннотация. Үйсін мәдениетін зерттеу қазіргі археология мен тарих ғылымының өзекті және маңызды тақырыптарының бірі болып табылады. Үйсін қоғамының экономикалық негіздерін зерттеуге, бұл тайпалық одақтың этникалық түсіндірмесіне, сонымен қатар ескерткіштерді анықтауға және табылған жәдігерлерді картаға түсіруге көп көңіл бөлінеді. Бұл мақалада К. А. Ақышевтің үйсін қоғамының әлеуметтік құрылымын, экономикасын және мәдениетін түсіну үшін ашқан жаңалықтары мен тұжырымдарының маңыздылығы қарастырылады. Жүйелі түрде жүргізген археологиялық қазбалар мен Жетісу және басқа облыстар аумағында табылған жәдігерлерді талдау арқылы К. А. Ақышев ежелгі үйсіндердің өмірі мен қызметі туралы елеулі тұжырымдар жасады, көшпелілердің мемлекеттілігін, үйсін қоғамы мен оның таптық құрылымын, сақтар мен үйсіндердің шаруашылық ерекшеліктерін зерттеу мәселелерін қарастырды. Үйсін дәуірінің ескерткіштерінің жерлеу дәстүрі, шаруашылығы, тұрмыс-тіршілігі, діни наным-сенімдерінен мол деректер беретін ескерткіштердің ең көп зерттелген түріне обалар жатады. Ғалымның пікірінше, үйсін мемлекетінде тайпалық құрылыстың сақталып қалған құбылыстары құл иеленушілік пен қалыптасып келе жатқан таптық қатынастармен ұштасқан. Үйсін шаруашылығы дамуының барлық кезеңдерінде мал шаруашылығы мен егіншіліктің кешенді үйлесімі басым болды. Мақалада К. А. Ақышевтің ғылыми мұрасының үйсін археологиясы саласындағы одан әрі зерттеу үшін маңыздылығы және оның осы өлкенің көне тарихы туралы білімімізді кеңейтуге қосқан үлесі атап өтіледі.

Түйінді сөздер: үйсіндер, Жетісу, Ақтас, ежелгі қоғамдардың әлеуметтік ұйымдасуы, кешенді егіншілік пен мал шаруашылығы.

Contribution of K.A. Akishev in the study of usun archeology

Abstract. The study of the Usun culture is an urgent and important topic of archaeology and historical science. Much attention is paid to the study of the economic foundations of Usun society, ethnic interpretation of this tribal union, as well as to the identification of sites, mapping of found artifacts. This article discusses the significance of K. A. Akishev's discoveries and conclusions for understanding the social structure, economy, and culture of Usun society. With the help of systematic archaeological excavations and analysis of artifacts conducted by him on the territory of Semirechye and other regions, K. A. Akishev made significant conclusions about the life and activities of the ancient Usuns, he considered the problems of studying the statehood of nomads of Kazakhstan, the social organization of the Usun society and its class structure, the economic specifics of the Saks and Usuns. The most studied types of sites of the Uysun epoch include burial mounds, which provide extensive data on burial, economy, everyday life, and religious beliefs. According to the scientist, the Usun state combined remnants of the tribal system with slaveholding and incipient class relations. At all stages of the Usun economy development, a complex combination of cattle breeding and agriculture prevailed. The article emphasizes the significance of K. A. Akishev's scientific heritage for further research in the field of Usun archaeology and his contribution to the expansion of our knowledge of the ancient history of this region.

Keywords: Usun, Semirechye, Aktas, social organization of ancient societies, complex pastoral and agricultural economy.

Казахстан, с его богатой историей и множеством археологических памятников, представляет собой уникальную территорию для археологических исследований. Одной из важных фигур, оказавших большое влияние на развитие казахстанской археологии является доктор исторических наук, профессор Акишев Кималь Акишевич. Биография ученого связана с рядом значимых проектов и экспедиций по всей территории Казахстана, в результате которых были сделаны важные открытия, изучены памятники древности, средневековья, проблемы палеоэтнографии, истории архитектуры Казахстана. Одним из ключевых моментов его научной деятельности является выявление, картографирование памятников, описание погребального обряда, находок, и изучение хозяйственных основ древних поселений и культур на территории Казахстана.

В этой статье рассмотрен вклад ученого в изучении усуньской археологии и его влияние на расширение знаний о культуре и истории древних народов.

Усуни — одно из самых крупных раннеклассовых объединений на территории Казахстана, которые сыграли большую роль в формировании более поздних племен и союзов. В целом источники, связанные с усунями, делятся на две категории. Первые представляют собой письменные источники, а вторые — источники археологических раскопок.

Границы территории усуней на западе простирались по междуречью Чу и Таласом, на востоке — по отрогам Тянь-Шаня, на севере — до озера Балхаш, а на юге — достигали озера Иссык-Куль, где располагался город Чигу, являвшийся ставкой усуньского вождя. Согласно китайским источникам, численность населения этого объединения составляла 120 тысяч кибиток (семей) и 630 тысяч человек; численность войска достигала 183 тысяч человек [Бичурин 1950: 190-191].

Археологические памятники усуней широко распространены в Семиречье, на территории Илийской, Чуйской и Таласской долин. Памятники, которые можно связывать с усунями

на территории Семиречья, исследовались К. А. Акишевым, А. Н. Бернштамом, Г. А. Кушаевым, Ю. А. Заднепровским и др. Они анализировали материальную культуру, обряды погребения и антропологические останки представителей усуньских племен.

Под руководством К. А. Акишева был проведен ряд крупных археологических экспедиций, в результате которых были сделаны важные открытия. Изучение проблем сако-усуньского времени и номадизма ученым начинается с конца 50-х годов. С 1956 г. К. А. Акишев возглавлял Семиреченскую археологическую экспедицию, основной задачей которой являлось изучение сакских и усуньских памятников. За 5 лет было раскопано свыше 300 курганов от сакского до тюркского времени. Из них 37 принадлежали сакам, 20 — тюркам, остальные — усуням. Большой объем материалов, полученных в результате экспедиционных исследований, позволил рассмотреть вопросы истории, материальной и духовной культуры древних жителей [Акишев 1958: 83]. Главное из них: 1) хронологическая классификация усуньских древностей; 2) изучение культуры саков и усуней не как кочевников, а как полуоседлых скотоводов с постоянными зимовками; 3) изучение государственности древних усуней.

Результаты работ в Семиречье были опубликованы в монографии К. А. Акишева и Г. А. Кушаева «Древняя культура саков и усуней долины реки Или», вышедшая в 1963 г. [Акишев, Кушаев 1963]. В этой работе освещаются вопросы развития хозяйства, имущественного неравенства, социальной дифференциации и образования классов. Ученые, опираясь на археологические данные, отмечают, что в Семиречье у саков и усуней существовали высокоразвитые товарные ремесла, традиции орошаемого земледелия и многолетние традиции жилищного строительства. Вторая часть работы посвящена историко-археологическому исследованию памятников усуней на правом берегу реки Или. Ученые, основываясь на динамике развития основных направлений экономики, социальной структуры и религиозных убеждений древних усуней выделяют три хронологических периода: ранний — III-II века до н.э.; переходный — I век до н.э. — I век н.э.; поздний — II-III вв. н.э. Признаками, общими для погребального обряда усуней всех периодов, являются: 1) меридиональная направленность могильников с севера на юг; 2) наличие каменных колец около насыпи кургана на расстоянии 3-4 м от основания (14,4%); 3) преобладание простых грунтовых могильных ям (56,2%); 4) частое наличие сосудов с круглым дном (58,5%) и костей животных среди артефактов [Акишев, Кушаев 1963: 255].

На основании сравнительного анализа археологических находок саков и усуней, исследователи пришли к выводу о том, что культура саков и усуней представляют собой различные стадии одной общей культуры, принадлежащей этнически родственным племенам. Это означает, что саки и усуней составляли часть одного племенного союза [Акишев, Кушаев 1963: 139].

В 1986 году в Москве К. А. Акишев успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э. — V в. н.э.)» [Акишев 1986]. Основываясь на археологических находках и письменных источниках, он исследует формирование кочевого скотоводства и социальной организации сакского общества. Одними из важных выводов его исследования является утверждение о создании Усуньского государства в Семиречье и тезис о связи древних усуней и их культуры с усунями, вошедшими в состав казахского народа, что указывает на непрерывность этногенеза казахов, особенно в регионе Жетысу.

Рассмотрим основные вопросы, затронутые К. А. Акишевым при изучении памятников усуней.

Проблемы изучения государственности кочевников Казахстана оставались постоянным предметом исследований ученого. Путем анализа письменных источников он осветил внутренние и внешние политические отношения, структуру управления, армию, территориальное распределение и другие важные аспекты, что подтверждает становление государственной организации в древнеусуньском обществе.

По мнению Акишева в государстве усуней сочетались пережиточные явления родового строя с рабовладельческими и зарождающимися классовыми отношениями.

Одним из признаков возникшей собственности — родовой, общинной или частной, являются особые знаки, определяющие принадлежность собственности: таврение лошадей; появление и использование процарапанных знаков на тулове сосудов; металлические, каменные и глиняные печати индивидуального пользования и т.д. [Акишев 1998]. Все это свидетельствует о наличии среди древних усуней имущественного неравенства и частной собственности на скот. Изучение местоположения в ущельях большого количества отдельно стоящих зимовок-поселений с цепочкой курганов у каждого позволяет предположить, что земли были распределены между отдельными владельцами, что привело к разделению населения согласно хозяйственному и территориальному критериям. Письменные источники также упоминают о наличии рабовладения в древнеусуньском обществе. Ученый отмечает, что хотя рабовладение не достигло классической формы социально-экономической организации, оно все же имело свои особенности в древнеусуньском обществе [Акишев 1998: 68].

У усуней рабы являлись одним из основных непосредственных производителей материальных благ, были неотъемлемой частью производительных сил общества, а рабовладение — одной из основ общественных и производственных отношений.

Проведя анализ огромной массы курганов, раскопанных на территории Семиречья К. А. Акишев выявил три различных типа курганов, что подтверждает выводы о социальной организации усуньского общества и его классовой структуре:

Первый тип курганов относится к представителям знати, крупных собственников движимого имущества, рабовладельцев и землевладельцев. Эти курганы имели значительные размеры — их диаметр составлял 50-80 м, а высота — от 8 до 12 м. Они отличались сложной структурой погребальных сооружений. Под насыпью обычно располагались 2-3 могилы, в которых присутствовали как мужские, так и женские захоронения. Погребальный инвентарь: золотые фигурные бляшки, нашивные бляхи, украшения, выполненные в зверином стиле, остатки китайских лаковых изделий, оружие. В захоронениях представителей элиты находят искусно обтянутые золотом булавы — знак принадлежности к знати, туалетные принадлежности, золотые художественные бляхи и бляшки, золотые серьги с зернью. К этому типу курганов можно отнести захоронение знатного человека в кургане Тенлик (Восточное Семиречье) [«Летопись Жетысу» 2012: 45]; Каракольское и Буранинские могильники (Западное Семиречье) [Воеводский, Грязнов 1938: 162-179], Талгарский могильник (на окраине г. Талгар) [Максимова 1980] и др.

Второй тип курганов относится к захоронениям свободных рядовых общинников, которые вели независимое хозяйство и использовали труд рабов. Размеры этих курганов варьируют в пределах 15-20 м в диаметре и достигают высоты до 1 м (могильник Каратума, р. Чарын) [Байпаков, Воякин, Захаров 2016]. Под насыпью — 1-2 могилы, иногда в одной могиле — два костяка. Инвентарь: 3-4 глиняных и деревянных: сосуда, мелкие бронзовые, иногда золотые, украшения (серьги, перстни, булавки, браслеты), бронзовые ременные подвески, выполненные в стиле «скифского» искусства, оружие — железные кинжалы и мечи, трехгранные и плоские наконечники стрел. Такие курганы группируются в могильники, состоящие из десятков насыпей.

Третий тип курганов (большинство раскопанных) — захоронения рабов и зависимых мелких производителей. Это небольшие насыпи в 5-10 м диаметром и 30-50 см высотой. Погребальный инвентарь предельно однообразен и скромнен: обычно встречаются 1-2 сосуда, простые железные ножи и булавки, иногда бронзовые серьги и бусы. Одним из характерных признаков этих курганов является полное отсутствие оружия [Акишев 1998: 67].

Таким образом в государстве Усунь сочетались сохранившиеся пережиточные явления родового строя с рабовладением и зарождающимися феодальными отношениями [Акишев 2013].

Цикл статей К. А. Акишева посвящен **хозяйственной специфике саков и усуней**. Работы ученого пролили свет в решении дискуссионной проблемы возникновения оседлости и земледелия у усуньских племен в начале I тысячелетия н.э. Археологические источники позволили увидеть, что их жизнь была гораздо более разнообразной и сложной, чем это описывается в исторических источниках.

Кималь Акишевич отмечает, что географическая среда оказала определяющее воздействие на развитие хозяйства усуней. В условиях горной местности Семиречья не было возможности осуществлять длительные и изнурительные переходы с зимних на летние пастбища, как это происходило в степных и полупустынных районах, например, в Западном и Центральном Казахстане. Поэтому здесь сформировалось комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Подтверждением полукочевого и полуседлого образа жизни у древних усуней является появление и распространение особых типов археологических находок на территории Семиречья: в период усуньской эпохи это были зимовки-поселения, а в более позднее время — укрепленные поселения и города-убежища с крепостными стенами [Бернштам 1948: 90-91; Байпаков 1966: 77].

При изучении зимовки-поселения Актас 2 в долине р. Кегень были получены свидетельства древнеусуньского земледелия. Работы в горах Кегень велись отрядом Семиреченской археологической экспедиции в 60-е годы XX века. Актас-2 представляет собой уникальный археологический памятник на территории Семиречья. Его топография и архитектура не имеют аналогов среди других памятников, найденных в Средней Азии и Казахстане, поэтому ему было дано новое наименование: «зимовка-поселение». Ученые считают, что этот термин наилучшим образом описывает полукочевой и полуседлый образ жизни населения Восточного Семиречья в первой половине I тысячелетия н.э. Здесь были зафиксированы жилые и хозяйственные постройки.

При археологических раскопках зимовки-поселения Актас были обнаружены доказательства занятия древними усунями земледелием: каменные мотыги и обломок бронзового серпа, использовавшиеся для обработки почвы и уборки урожая. Также были обнаружены следы орошаемого земледелия, подтвержденные находками остатков оросительных каналов и небольших обработанных полей возле некоторых зимовок-поселений (Актас I, II, IV, V).

По анализу топографии памятников становится очевидным, что обработанные земельные участки были расположены на местности, максимально обогреваемой солнцем, и куда можно было самотеком подвести воду. Руслу оросительных каналов прокладывались с учетом естественного уклона местности, чтобы их исток находился выше уровня орошаемых полей. Следы простых систем орошения встречаются на всей территории древнего Семиречья: в ущельях Джунгарского Алатау, на склонах Чулакских и Чу-Илийских гор, на северных склонах Киргизского Алатау в Таласской долине. Это свидетельствует о том, что древние усунь, населявшие всю эту область, обладали определенными знаниями в области сельского хозяйства и умениями в обработке земли: они умели выбирать подходящие земли для орошения, понимали важность солнечной активности во время роста растений и умели создавать системы орошения в горной местности. В своем исследовании К. А. Акишев отмечает, что при уникальных климатических условиях наиболее рациональным и даже возможным способом земледелия в те отдаленные времена были посевы под богару. Этот метод, известный как богарное земледелие, при высоком уровне осадков и естественной влажности почвы обеспечивал стабильный урожай.

При археологических раскопках в зимовке-поселении Актас было обнаружено 11 целых и 15 обломков зернотерок. Многие из них представляют собой сильно износившиеся экземпляры, что свидетельствует о том, что каждая семья усуньского населения имела доступ к продуктам земледелия, главным образом мукой и зерном, при этом растительная пища всегда была частью их рациона питания.

Анализ археологических находок привел к выводу, что у усуней были постоянные поселения. Ученый отмечает, что в этот период в усуньском хозяйстве земледелие не стало играть равную со скотоводством роль. На всех этапах развития усуньского хозяйства преобладало комплексное сочетание скотоводства и земледелия. Только совместное развитие этих двух направлений хозяйственной деятельности приводило к значительному росту производственных сил и изменению социальной структуры общества [Акишев 1970: 78].

Особый интерес представляет изучение ученым керамики саков и усуней. Кималем Акишевым был составлен альбом «Классификация сако-усуньской керамики по разрядам», который имеет большое значение для изучения сако-усуньской культуры и археологии. Этот альбом представляет собой систематизированную классификацию керамических изделий данного периода по различным критериям, таким как структура, форма, технология изготовления сосуда, состав теста, оформление сосуда, декоративные элементы, размеры и т.д. Этот набор данных был собран в ходе длительных исследований ученого. Такая классификация позволяет исследователям систематизировать и организовать данные о сако-усуньской керамике, что способствует более глубокому пониманию ее характеристик и особенностей. Кроме того, альбом служит важным инструментом для археологов и исследователей при анализе раскопок и определении возраста и происхождения артефактов.

К. А. Акишев внес огромный вклад в создание археологической карты памятников всего Казахстана. Ученый был ответственным редактором при создании археологической карты. Это обширное исследование, в котором обобщаются результаты картографических и археологических исследований, проведенных как в дореволюционный, так и в советский периоды. На карту было нанесено более 5 тысяч археологических памятников [Археологическая карта Казахстана 1960].

Основные идеи, разработанные К. А. Акишевым в его книгах и статьях, вошли в фундаментальные труды «История Казахской ССР» и «История Казахстана». Кималь Акишевич является одним из основных авторов первого тома этих изданий, где представлена общая картина истории племен и народов, населявших территорию Казахстана с древних времен до X века н.э. [История Казахской ССР... 1977].

Археологические исследования ученым памятников усуней имеют большое значение в изучении эволюции становления и развития государственности на территории современного Казахстана. Его вклад в развитие Казахстанской археологии остается неоценимым, а его научные открытия продолжают вдохновлять исследователей на новые открытия и понимание древней истории нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А. Археология Казахстана за 40 лет // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии, 1958. Вып. 2 (7). С. 80-89.

Акишев К. А. Социально-экономические отношения у древних усуней (уйсуней) в I-V вв. н.э. // Вопросы археологии Казахстана. М.- Алматы, 1998. Вып. 2. С. 65-71

Акишев К. А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э. – V в. н.э.): научный доклад... докт. ист. наук. – М., 1986. – 49 с.

Акишев К.А. Древние и средневековые государства на территории Казахстана (этюды исследования). Монография. Отв. ред. М.К. Хабдулина. Алматы, 2013. 192 с.

Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. Алматы, 1970. С. 69-78.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. // Алма-Ата: 1963. 320 с.

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 449 с.

Байпаков К. М. Раннесредневековые города и поселения Семиречья // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1966. Вып. 2. С. 72-84.

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2016. 672 с., илл.

Бернштам А.Н. Памятники старины Алма-Атинской области. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948. Вып. 1. С. 90—91;

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Наука, 1950. Т. II. 326 с.

Воеводский М.В., Грязнов М.П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР: (К истории усуней) // ВДИ, 1938. № 3. С. 162–179.

История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней: в 5 т. / гл. ред. А. Н. Нусупбеков. Алма-Ата: Наука, 1977. Т.1: Первобытно-общинный строй. Племенные союзы и раннефеодальные государства на территории Казахстана. 479 с.

Летопись Жетысу: научное издание / сост. К. М. Байпаков и др. Алматы: Асыл сөз, 2012. 328 с.

Марал Калымжановна Хабдулина¹

¹кандидат исторических наук,
Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан; mk_khabdulina@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА БОЗОК В ТРУДАХ К.А. АКИШЕВА*

**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024,
ИРН проекта BR21882346*

Аннотация. Средневековое городище Бозок — особый археологический памятник в научной биографии К. А. Акишева. Открытие и исследование его является важным теоретическим и методологическим вкладом ученого в дискуссионную проблему урбанизации Степи. Эта дискуссия на страницах научных публикаций, не разгораясь и не затухая, ведется еще с 1948 г. со времени раскопок С. В. Киселевым столицы монгольской империи г. Каракорума. Во второй половине XX века масштабные раскопки средневековых поселенческих памятников домонгольского времени — единичны.

Наконец, в центре Северной Азии в конце XX в. открыто городище Бозок. Первые исторические интерпретации значения этого памятника были сделаны К. А. Акишевым в 1998–2003 гг. Цель данной статьи очертить круг вопросов, трактовка которых оказала фундаментальное влияние на изучение истории урбанизации в степи. Материалы городища Бозок были рассмотрены К. А. Акишевым в рамках концепции степной цивилизации. Разработаны следующие теоретические аспекты: функциональное назначение памятника как ставки, резиденции раннего средневековья, причины сохранения и использования этого места в последующие столетия, семантика планиграфии трехчастного деления самых ранних конструкций, построенных в древнетюркскую эпоху, определение датировки объекта (VII–VIII вв. н. э.) по стратиграфии слоев, что позднее подтвердилось радиоуглеродным анализом. Важное методологическое значение имеет открытие на территории Бозокского археологического микрорайона агроирригационной планировки, свидетельствующей о сложной структуре хозяйственно-культурного типа средневекового населения степного региона.

В дальнейшем результаты длительных и масштабных раскопок памятника (1999–2014 гг.) привели к углублению теоретических аспектов исторических обобщений сделанных К. А. Акишевым — первым исследователем городища Бозок

Ключевые слова: Бозок, городище, К.А. Акишев, древнетюркская эпоха, степная цивилизация, урбанизация, ирригация

Қ.А. Ақышевтің еңбектеріндегі Бозоқ қалашығын зерттеудің теориялық мәселелері

Аннотация. Ортағасырлық Бозоқ қалашығы — К. А. Ақышевтің ғылыми өмірбаянындағы ерекше археологиялық ескерткіш. Оның ашылуы мен зерттелуі ғалымның дала урбанизациясының пікірталас мәселесіне қосқан маңызды теориялық және әдіснамалық үлесі болып табылады. Бұл пікірталас ғылыми жарияланымдар беттерінде 1948 жылдан бастап С. В. Киселевтің Моңғол империясының астанасы Қарақорым қалашығын қазған кезінен бастап жүргізіліп келеді. XX ғасырдың екінші жартысында моңғол дәуіріне дейінгі ортағасырлық қоныс ескерткіштеріне кең ауқымды қазба жұмыстары сирек жүргізілді.

Ақырында, XX ғасырдың аяғында Солтүстік Азияның орталығында Бозоқ қалашығы ашылды. Бұл ескерткіштің маңыздылығына алғашқы тарихи түсініктемелерді 1998-2003 жылдары К. А. Ақышев жасаған. Бұл мақаланың мақсаты далалық урбанизация тарихын зерттеуге түбегейлі әсер еткен мәселелер шеңберін сипаттау. Бозоқ қалашығының материалдарын К. А. Ақышев дала өркениеті тұжырымдамасы аясында зерттеген. Келесі теориялық аспектілер жете зерттелді: ескерткіштің орда, ерте орта ғасырлардағы резиденция ретіндегі функционалдық мақсаты, кейінгі ғасырларда бұл жерді сақтау және пайдалану себептері, көне түркі дәуірінде салынған ең ерте құрылымдардың үш бөлікті құрылым планиграфиясының семантикасы, қабаттардың стратиграфиясы негізінде нысанның мерзімін (б.з. VII-VIII ғғ.) анықтау, бұл кейінірек радиокөміртекті талдаумен расталды. Бозоқ археологиялық ықшамауданының аумағында дала өлкесінің ортағасырлық тұрғындарының шаруашылық және мәдени түрінің күрделі құрылымын көрсететін ирригациялық құрылыс жоспарының табылуы маңызды әдістемелік маңызға ие.

Одан кейінгі ескерткіштегі ұзақ және ауқымды қазба жұмыстарының нәтижелері (1999-2014) Бозоқ қалашығын алғаш зерттеуші К. А. Ақышев жасаған тарихи жалпылаудың теориялық аспектілерін тереңдетуге әкелді.

Түйін сөздер: Бозоқ, қалашық, Қ.А. Ақышев, көне түркі дәуірі, урбанизация

Theoretical problems of the Bozok settlement research in the works of K.A.Akishev

Abstract. The medieval settlement of Bozok stands as a significant archaeological site within the scholarly journey of K. A. Akishev. Its discovery and subsequent investigation represent a pivotal theoretical and methodological contribution by the scientist to the ongoing discourse surrounding the urbanization of the Steppe. This discourse, initiated by S. V. Kiselev's excavations of the Mongol Empire's capital, the Karakorum settlement, in 1948, has persisted through scientific publications over the years.

Throughout the latter half of the 20th century, comprehensive excavations of medieval settlement sites from the pre-Mongolian era were scarce. It wasn't until the late 20th century that the Bozok settlement was unearthed in the heart of North Asia. K. A. Akishev provided initial historical interpretations of this site between 1998 and 2003. The objective of this article is to delineate the spectrum of issues whose interpretation significantly influenced the understanding of the history of urbanization in the steppe. Akishev analyzed the materials of the Bozok settlement within the framework of the steppe civilization concept, developing several theoretical aspects. These include elucidating the functional purpose of the site as a headquarters and residence during the early Middle Ages, examining the reasons for its preservation and utilization in subsequent centuries, interpreting the semantics of the planigraphy of the earliest structures dating back to ancient Turkic times, and establishing the chronology of the site (7th-8th centuries AD) through stratigraphic analysis corroborated by radiocarbon dating. The discovery of an irrigation layout within the Bozok archaeological microdistrict underscores the intricate economic and cultural fabric of the medieval population in the steppe region, bearing crucial methodological significance.

Subsequent to the extensive excavations conducted between 1999 and 2014, further theoretical insights were gained, deepening the historical understandings initially proposed by K. A. Akishev, the pioneering researcher of the Bozok settlement.

Keywords: Bozok, ancient settlement, K.A. Akishev, ancient Turkic epoch, urbanization, steppe civilization, irrigation

Городище Бозок (VI) VII-XV вв. — новый тип средневекового оседлого памятника на реке Ишим открыт в 1998 г. К. А. Акишевым. В настоящее время памятник находится на территории

г. Астаны. Раскопки его продолжались в течение 15 полевых сезонов (1999-2014 гг.) Ишимской археологической экспедицией Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Исследование памятника являлось государственной задачей и выполнялось за счет Национальных программ «Мәдени мұра», «Рухани жаңғыру».

Общая площадь памятника 40 га, значительную часть ее занимает сложная сеть ирригационной планировки. Рельефной доминантой при определении вида памятника явились три рядом стоящие площадки, имеющие оборонительные сооружения, по ним археологический объект получил название «средневековое городище Бозок». По мере исследования стало понятно, что комплекс разновременных и разнородных объектов, расположенных на территории, жестко ограниченной природными рубежами, более правильно назвать «Бозокский археологический микрорайон».

Однако мы сохранили название «городище», потому что памятник содержит жилые, производственные, оборонительные и культовые сооружения. Как стационарное поселение оно характеризуется одновременным существованием жилищ нескольких различных типов: в виде легких наземных построек с открытыми очагами и жилищ-землянок, снабженных системой каминного обогрева и грунтовыми лежанками-суфами, к этой же группе показателей относятся производственные сооружения: кирпичеобжигательные печи и ирригационная планировка. Сочетание жилых конструкций и производственных площадок квалифицирует Бозок как поселенческий объект, место долговременного обитания. Наличие оборонительных укреплений и культово-мемориальных комплексов уточняют содержание памятника как поселения городского типа.

На городище вскрыто 8 тыс. кв. м. В настоящее время — это наиболее масштабно исследованный средневековый оседлый памятник степной полосы Казахстана. Пример изучения городища Бозок показывает важность планомерных длительных исследований памятника для познания его содержания и исторических реконструкций. Очень тонкий культурный слой, пространственная и хронологическая неоднородность строений при отсутствии массовых находок затрудняли понимание назначения и трактовку памятника. Главные теоретические обобщения исторического значения и статуса археологического объекта были сделаны К. А. Акишевым в 1999-2003 гг. [Акишев 2008: 13-19]. Эти выводы составляют методологический базис теоретической оценки истории и культуры городища Бозок.

Городище Бозок имеет историю длительностью более 8 столетий. За это время на ее территории возникали и забрасывались разнородные по назначению объекты. Главным и наиболее привлекательным компонентом являлась его самая древняя часть: три площадки, окруженные оборонительными сооружениями общей площадью 12636 кв. м. Именно эта структурная единица составляет главную интригу памятника и объясняет смысл его появления и дальнейшего функционирования. При раскопках и интерпретации этому объекту уделялось главное внимание. И выводы, сделанные К. А. Акишевым, связаны, в основном, с трактовкой этой части памятника. В данной статье кратко изложены пункты теоретических обобщений.

Для получения общей картины истории городища Бозок использованы методы анализа и синтеза всех данных, систематизация, классификация с учетом сравнительно-исторического метода. Методом моделирования и аналогий определены категориальная принадлежность объекта как поселенческого и культово-ритуального комплекса эпохи Тюркских каганатов. Для выявления структурных компонентов археологического объекта кроме методов визуального осмотра, съемки топографического плана были применены археологические и дистанционные методы. Важную роль играли географические методы ландшафтного анализа, геостратегического размещения, учет и характеристика экологических, природных условий окружающей среды. Привлечены методы географического районирования, оценка роли озера Бузукты с позиции пространственного размещения и культурологического смысла.

Археологические раскопки сопровождались методами архитектурного моделирования, реконструкции облика жилищ, математическими методами расчета размеров, объема грунтов, количества кирпичей для строительства мавзолеев, технология изготовления кирпичей, разработки температурных режимов обжига строительного материала в теплотехнических сооружениях. В процессе раскопок широко применялись почвоведческие анализы состояния грунтовых слоев, сохранения в их структуре следов производственных процессов, залегание и перемещение культурных слоев, радиоуглеродное датирование погребенных почв [Хабдулина, Гаврилов 2018: 83-93]. В изучении ирригационной планировки для выявления признаков древнего орошения применены микробиоморфный и фосфатный анализы. Антропологическая коллекция исследована сравнительным методом краниметрического анализа.

Все годы раскопок городища Бозок постоянным предметом научного анализа был вопрос функционального назначения сложного по структуре и содержанию археологического памятника. Разработка и изучение этой проблемы велись методами анализа духовной культуры, преобразующих практик, культурологии, философско-искусствоведческого, конкретно-исторического и сравнительно-сопоставительного моделирования.

1) Научное значение памятника было разработано К. А. Акишевым в рамках концепции степной цивилизации — нового методологического подхода к анализу всемирно-исторического процесса азиатской части Евразии. Обращение к концепции цивилизации произошло в середине 70-х годов XX в. и связано с историей и трактовкой скотоводческих социумов ранних кочевников степи [Мартынов 1989: 284-292]. Эта концепция сразу была принята казахстанской археологией, т.к. в ее историографии главной идеей было изучение единства развития оседлого и кочевого образа жизни. И городище Бозок предоставляет факты этого симбиоза. В экономической сфере средневековое население имело высокий уровень развития ремесла, строительного дела, занимались добычей и разработкой черного и цветного металла, владело навыками орошаемого земледелия и скотоводства. Это общество обладало самодостаточной хозяйственной системой, имело сложную социальную структуру, и было интегрировано в политическое объединение государственного типа.

2) После первых лет раскопок К. А. Акишев высказал мнение, что городище возникает как ставка-резиденция кипчакского султана, призванная обеспечить контроль над одним из важных узлов караванных маршрутов Степного Шелкового пути. Статус городища как ставки-резиденции древнетюркской эпохи вытекают из анализа географического размещения памятника и семантики его планировки. Городище Бозок расположено в центре Сарыарки, в месте, удобном с геостратегических позиций. Здесь, в верховьях Ишима пересекается пучок торговых караванных и военно-миграционных путей древнего населения Евразии. Древние тюрки, выбрав это место, могли контролировать торговые пути и караванные трассы.

В семантике пространственного размещения «кварталов» городища Бозок заложен смысл трехчастного деления древних резиденций кочевых племен. Для кочевых ставок, резиденций и административного деления тюрко — и монголыязычных кочевников с глубокой древности было характерно особое пространственное размещение. Ставка делилась на три части: центр — *орду*, правое крыло — *учук*, левое — *бузук*. В планировке городища Бозок создатели его на конкретной местности воспроизвели стандартную элитную ставку VIII-IX вв. композиционно подтверждающую сведения письменных источников [Акишев 2008: 13-19].

3) Важным направлением теоретических выводов К. А. Акишева является разработка вопросов исторической урбанизации в степи. Этот аспект рассмотрен при анализе функционального назначения городища Бозок, расшифровке семантики планиграфической организации памятника. По сведениям китайских династийных хроник у древних тюрков были храмово-церемониальные центры, зачастую государственного уровня. Это были места проведения календарных ритуалов и обрядов. По мнению К. А. Акишева городище Бозок не только

ставка-резиденция, но гораздо шире это «город типа ордакент — сезонная административная резиденция правителя, возникшая на священном месте. Это был не только крупный политический, ремесленный и торговый, но также и культовый центр Приишимья» [Акишев 2008а: 23-24].

Археологические раскопки подтвердили назначение городища Бозок как святилища древнетюркской эпохи. В центре северного квартала открыто юртообразное строение с ритуальным захоронением человека без стоп, с отрубленными и перемещенными кистями рук. Пройти к центру святилища можно было, только преодолев зигзагообразный лабиринт деревянных ограждений. В связи с этим вспоминается художественная фраза: «тяжела дорога к храму...», поясняющая культурологический смысл обряда перехода ...» от мирского к священному, от переходящего и иллюзорного к реальности и вечности, от смерти к жизни, от человека к божеству». И путь этот тернист и усеян опасностями [Элиаде 2000: 35]. Содержание этой мысли отражено в конструкции многих сакральных объектов раннего средневековья. Аналогичная зигзагообразная планировка дромоса открыта во входной конструкции древнетюркского каганского комплекса Елеке сазы (Восточный Казахстан), исследование которого ведется с 2019 г. [Самашев и др. 2020: 35].

Композиционное состояние, планиграфия, конструктивные особенности северного квартала и ритуальная жертва — яркие факты использования северного квартала как особой сакральной территории, предназначенной для отправления каких-то обрядов. Два других квартала — это территория ставки, предназначенная для размещения, кочующего с правителем, двора.

4) Дата основания городища Бозок. После открытия в 2002 г. жилищ-землянок, исследования архитектуры вала и рва К. А. Акишев стал склоняться к мысли, что городище могло появиться в эпоху раннего средневековья — VIII-X вв. (или даже VII-VIII вв.). Эти предположения, высказанные при анализе культурных слоев северного квартала городища, получили позднее подтверждение в серии радиоуглеродных дат по гуминовой кислоте погребенной почвы, костям животных.

5) Открытие и раскопки городища поставили вопросы этнической принадлежности племен, которые в раннем средневековье заселили степи Казахстана. Раннее средневековье — период создания великих степных империй: государства хунну, тюркского каганата, тюркешского, огузского, кимакского каганатов, Кипчакского ханства. VI-IX вв. — это время проникновения на территорию Казахстана тюркоязычных и монголоязычных племен. По письменным источникам здесь расселяются огузы, кипчаки, куманы, йемеки. Правобережье Иртыша осваивают кимаки, Приаралье и Сыр-Дарью — огузы (гузы). Сарыарка стала родиной кипчаков.

Говоря о раннем проникновении кипчаков на территорию Центрального Казахстана, он писал, что первая волна кипчаков могла появиться в Прииртышье уже в середине VII в. после гибели Сеяньтосского каганата в 646 г. (Сеяньто — это ранний этноним кыпчаков, зафиксированный в китайских хрониках). Массовый приток кипчаков в казахстанские степи произошел после разгрома уйгурами Второго Восточнотюркского каганата (744 г.).

Этим событием заканчивается ранняя история кипчаков, связанная с регионом Центральной Азии, и с середины VIII в. начинается период «обретения родины», переросший впоследствии, в X-XII вв., в политическое господство кыпчаков в евразийских степях [Ахинжанов 1989]. Данный процесс отмечен в самом наименовании этого пространства — Дашт и-Кипчак («Степь кипчаков»). Городище Бозок является одной из первых ставок кипчаков на пути освоения ими евразийского пространства и превращения Сарыарки в домен Кипчакского ханства.

6) Концепт сакральности ландшафта. Анализ полученных материалов поставил вопрос еще об одном историко-культурном аспекте результатов изучения городища Бозок — о причинах избранности этой территории, и ее многовековой истории. Материалы Бозока раскрывают одну из важных граней процесса исторической урбанизации степного пространства. На любой этнической территории первоначально выделяется центр, обустройство которого необходимо

для создания безопасных, благоприятных условий обитания. Обустройство заключается в организации сакрального пространства для проведения ритуальных действий по предотвращению хаоса, укреплению космического и земного порядка.

Ключевым элементом пространственной структуры является культовый центр, святилище [Сураганова, Хабдулина 2021]. Именно вокруг него разворачивается весь последующий сценарий истории Бозока. Изучение этого вопроса привело к пониманию, что главным фактором является концепт сакральности ландшафта. Поиск такого ландшафта, который своим природным окружением оказывает энергетическое воздействие на эмоциональное состояние человека, пронизывая его ощущением уединения, оторванности от суеты, единения с высшими силами, восприятия сакральной информации. И в создании такого настроения важная роль принадлежит озеру Бузыкты, на восточном берегу которого и построен Бозок.

Именно озеро привлекает внимание как яркий природный объект. Акватория его имеет яйцевидную форму с четким контуром берегов. В менталитете степного человека вода — главное божество. Стало понятно, что выбор места под ритуальный центр связан с озером. Вода и яйцевидный абрис — главные компоненты космологических мифов о сотворении мира. Такое место в традиционном мироощущении наделялось высшей сакральной субстанцией. Возведение святилища на берегу озера — это выбор наиболее сакральной точки пространства.

Так в одной географической точке уникально соединились природные знаки, символы идеальной модели (образа) мира. Бозок оказался материализованным в пространстве мифом о сотворении мира. В памяти последующих поколений в течение столетий сохранялась память об особом сакральном статусе этой территории.

Городище Бозок имеет особое значение для реконструкции средневековой истории Евразии. Это не региональный материал, это источник для интерпретации глобальных этногенетических, этнокультурных процессов евразийского масштаба. Археологические исследования дали огромный объем разнообразной информации по реконструкции этапов исторического процесса, реконструкции разных сторон культуры жизнеобеспечения этноса.

Значение исследования городища Бозок выходит за региональные рамки и отражает историческую ситуацию освоения древними тюрками евразийского степного пространства. Топография, планировка, архитектура, конструкции, открытые при исследовании северного квартала, имеют многочисленные аналогии в средневековых памятниках степного пояса от Центральной Азии до Западной Европы [Войтов 1996; Комар 2006: 7-10]. Бозок как стационарный объект является свидетельством особого типа исторической градостроительной культуры степного средневековья.

Историческая интерпретация результатов исследования небольшого по размерам памятника раскрывает важные исторические параллели объединения всей степной зоны от Монголии до Дуная как единого культурного мира.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А. Городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы международного полевого семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 13-19

Акишев К.А. Предварительные итоги раскопок городища Бозок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы международного полевого семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008а. С. 20-25.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 293 с.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. М.: Гос.Музей Востока, 1996. 152с.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 7-244.

Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 284-292.

Самашев З., Толегенов Е., Умиткалиев У., Жармухамедов Д. Продолжение исследования древнетюркского культово-мемориального комплекса на Тарбагатае // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі. Өскемен: ШҚО әкімдігі, 2020. С.35-40.

Сураганова З.К., Хабдулина М.К. По следам небесной девы: от мифа к семантике сакрального ландшафта // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 5. С. 99-110.

Хабдулина М.К., Гаврилов Д.А. Древнеорошаемые почвы Бозокского археологического микрорайона в Северном Казахстане (XI-XII века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018, Т.46, № 4. С. 83-93.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Москва: Ладомир, 2000.

Эмма Радиковна Усманова¹

¹Сарыаркинский археологический институт
Карагандинского университета им. Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан; Институт археологии
им. А.Х. Маргулана КН МОН Республики Казахстан,
г. Алматы, Казахстан; Институт археологии имени
А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Россия; emmadervish2004@mail.ru

ГОРОДИЩЕ БОЗОК – ПОСЛАННИК ИЗ ПРОШЛЫХ ВЕКОВ*

**Статья выполнена при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования по теме «Северный Казахстан в контексте культурно-исторических процессов: от эпохи камня до этнографической современности» (ИРН BR18574223)*

Аннотация. В данной статье рассматривается городище Бозок, расположенное недалеко от современной столицы Казахстана, Астаны. Автор детально излагает историю открытия данного археологического объекта, а также особенности его топографии, планиграфии и хронологии. Особое внимание уделено культурно-архитектурному замыслу памятника и его значению в контексте истории евразийской степи. Городище Бозок представляет собой уникальное место, где сочетаются жилищно-производственные и погребальные комплексы, что делает его ценным источником для изучения кочевой культуры и административной организации в евразийских степях. Подчеркивается роль городища как военно-стратегического плацдарма и его значение в системе контроля над караванными путями. В статье также обсуждаются вопросы музеефикации и сохранения городища Бозок как важного элемента культурного наследия. Автор выделяет необходимость интеграции археологического объекта в современное культурное пространство при сохранении его исторической значимости и уникальности. Заключительная часть статьи посвящена обсуждению магической и культурной значимости Бозока, подкрепленной историческими фактами и археологическими находками.

Ключевые слова: городище Бозок, археология Казахстана, евразийские степи, кочевая культура, историческое наследие, музеефикация, караванные пути, административная организация, погребальные комплексы, культурно-архитектурный замысел

Бозоқ қалашығы – өткен ғасырлардың елшісі

Аннотация. Бұл мақалада Қазақстанның қазіргі елордасы Астанаға жақын орналасқан Бозоқ қалашығы қарастырылады. Автор осы археологиялық нысанның ашылу тарихын, сондай-ақ оның топографиясының, жоспарлауының және хронологиясының ерекшеліктерін егжей-тегжейлі баяндайды. Ескерткіштің мәдени-сәулеттік дизайнына және оның Еуразия даласы тарихының мәнмәтініндегі маңыздылығына ерекше назар аударылды. Бозоқ қалашығы тұрғын үй-өндірістік және жерлеу кешендерін біріктіретін бірегей орын болып табылады, бұл оны еуразиялық даладағы көшпелі мәдениет пен әкімшілік ұйымдастыруды зерттеу үшін құнды дереккөзге айналдырады. Қалашықтың әскери-стратегиялық плацдарм ретіндегі рөлі және оның керуен жолдарын бақылау жүйесіндегі маңызы ерекше атап өтіледі. Мақалада мәдени мұраның маңызды элементі ретінде Бозоқ қалашығын мұражайландыру және сақтау мәселелері талқыланады. Автор археологиялық нысанды тарихи маңыздылығы мен бірегейлігін сақтай отырып, қазіргі мәдени кеңістікке біріктіру қажеттілігін атап көрсетеді. Мақаланың соңғы бөлімі тарихи фактілер мен археологиялық олжалармен расталған Бозоқтың сиқырлы және мәдени маңыздылығын талқылауға арналған.

Түйін сөздер: Бозоқ қалашығы, Қазақстан археологиясы, Еуразия даласы, көшпелілер мәдениеті, тарихи мұрасы, мұражайтану, керуен жолдары, әкімшілік ұйымдастыру, жерлеу кешендері, мәдени-сәулет ұйғарымы

Bozok settlement – a messenger from past centuries

Abstract. This article examines the Bozok settlement, located near the modern capital of Kazakhstan, Astana. The author describes in detail the history of the discovery of this archaeological site, as well as the features of its topography, planigraphy and chronology. Particular attention is paid to the cultural and architectural design of the site and its significance in the context of the history of the Eurasian steppe. The Bozok settlement is a unique place where housing-industrial and burial complexes are combined, which makes it a valuable source for the study of nomadic culture and administrative organization in the Eurasian steppes. The role of the settlement as a military-strategic bridgehead and its importance in the system of control over caravan routes is emphasized. The article also discusses the issues of museumification and preservation of the Bozok settlement as an important element of cultural heritage. The author highlights the need to integrate the archaeological site into the modern cultural space while maintaining its historical significance and uniqueness. The final part of the article is devoted to a discussion of the magical and cultural significance of Bozok, supported by historical facts and archaeological finds.

Keywords: Bozok settlement, archeology of Kazakhstan, Eurasian steppes, nomadic culture, historical heritage, museumification, caravan routes, administrative organization, burial complexes, cultural and architectural design

История открытия. В путевых заметках российского горного инженера И. П. Шангина, побывавшего в 1816 году по заданию Генерального штаба в Ишимских и Тургайских степях, сохранились сведения о средневековых городах на Нуре и Ишиме. По сведениям одно из городищ должно было находиться недалеко от переправы через Ишим — Караоткель. Этот топоним сохранился и до сегодняшнего дня. Но никто не знал озера под названием Бузукты.

Осенью 1998 года в результате сплошного обследования верховьев Ишима группой археологов, возглавляемой известным казахстанским археологом К. А. Акишевым, были найдены руинные остатки одного из городищ. Общепринято считать, что такого рода памятники обычно располагаются на высоких участках береговой линии. Ничего подобного не оказалось в местоположении этого городища. Оно оказалось «спрятанным» среди болот пойменной долины. Озеро, сильно заросшее камышом, казалось «слилось» своей водной гладью со старицами и болотами.

В заметках о памятнике К. А. Акишев вывел своей рукой евразийский символ-смысл этого памятника: «Бузук — это детище русского И. П. Шангина и казаха К. А. Акишева» [см. подробнее Акишев 2008: 13-19]. До этого открытия были курганы Бесшатыр, город Отрар, и «золотой» иссыкский воин. Каждый из этих объектов — знаковый в Евразийской археологии. Но городище Бозок оказалось последним «детищем» талантливого ученого, много сделавшего для понимания этого памятника в контексте истории евразийской степи.

Особенности топографии и планиграфии памятника. В 1998 году городище располагалось в 5 километрах на запад от города Астаны и левого берега реки Ишим, на восточном берегу озера Бузукты. Сегодня это уже черта современного города и кварталы древнего городища сосуществуют с будущими кварталами динамично строящейся столицы, удревяняя и отодвигая ее молодой возраст на целое тысячелетие назад [см. подробнее Акишев 2008: 13-19] (рис. 1).

Городище Бозок находится в месте, где сходятся истоки рек северного сибирского бассейна (Ишим, Селеты, Шитерды) и среднеазиатского (Нура и Сарысу). Это место уникально с точки

*Рис. 1. Вид города Астаны со стороны городища Бозок.
Фото Э.Р. Усмановой, 2008 г.*

зрения хозяйственного освоения, военно-стратегического плацдарма, возможности контроля над караванными путями меридионального и широтного направлений. Основатели городища выгодно выбрали его местоположение относительно сезонного разлива рек. Именно восточный останец озера Бузукты, где были воздвигнуты валы городища, оставался сухим во время половодья. После спада воды эта территория превращалась в изобильное пастбище с заливными лугами, озеро служило гнездовьем водоплавающей птицы [см. подробнее Акишев 2008: 13-19].

В выборе места обитания предпочтение было отдано озерно-болотному ландшафту, где можно было хорошо запрятаться и в то же время держать в поле зрения окружающее пространство. Благодаря такому положению городище имело две линии защиты: внешняя—труднодоступность самого озера Бузукты, окруженного системой естественных водоемов, болот; внутренняя — круговая цепь естественных и искусственных защитных мер. Вокруг развалин обнаружена продуманная система оросительных сооружений в виде каналов, арыков и «грядок». Округа городища занимает довольно большую площадь около 30 га [Акишев, Хабдулина 2008: 25-40].

Городище состоит из трех обособленных групп (центральной, северной, южной), вытянутых по линии север – юг на площади 400×200 м. Центральную часть образуют три подквадратной формы сооружения (кварталы) в виде трехлепестковой розетки площадью 150×120 м. Такая планировка является «сердцем» архитектоники городища, определяя его культурологический смысл [Акишев, Хабдулина 2008: 25–40].

Семантика названия. Первоначально памятник был назван К. А. Акишевым — городище Акжол. Однако трехчастная структура городища, имеющая аналогии в средневековых евразийских древностях, заставила ученого обратить внимание на название озера. Гидроним

«Бузок» тюрко-огузского происхождения. По легенде огузов некий Великий тюрк (Улуг Турук) увидел во сне золотой лук, обращенный на восток и три серебряные стрелы, направленные на запад. Возможно, на такой основе произошло военно-административное вычленение из ставки (орду) двух крыл: бузук (буз ок) и учук (уч ок) и укоренилась традиция трехчастного обустройства военно-политического объединения на резиденцию высшего правителя «орду», на восточного правителя — «бузук» и западного «учук» [см. подробнее Акишев 2008: 13-19].

По смысловому содержанию тюрко-огузский термин бузук может означать — проникающая, разрушающая стрела (буз ок) или если произносить боз ок, то — светлая стрела. В древнетюркском прочтении более правомерно произносить боз ок. Таким образом, городище получило семантически и исторически верное название Бозок (рис. 2).

Рис. 2. Озеро Бузукты. Фото Э. Р. Усмановой, 2008 г.

Хронология. Культурно-архитектурный замысел памятника. Для городища Бозок, как и для многих степных поселений Евразии, характерен тонкий культурный слой и единичность поселенческих находок. Здесь отсутствует роскошь артефактов южных городов, подобных Отрару. Но в этом и есть культурная и минималистическая особенность Бозока, основатели которого задумали и выстроили его по законам пространства Великой степи.

Памятник оказался многокомпонентным, состоящим из жилых, производственных и погребальных конструкций, хронологически разновременных. В истории его обживания надежно выделяются два периода: ранний – когда территория была местом поселения людей; и поздний – когда руины строений стали местом погребения [Акишев, Хабдулина 2008: 25–40].

Центральная часть. Эта часть городища по своему главному и возвышающему положению занимала особое место во всей его системе. Северный квартал размерами 63×60 м является наиболее крупным и основным градообразующим элементом. Он окружен самым высоким земляным валом высотой до 1 м и рвом шириной до 3 м, глубиной до 1 м. Южный и восточный кварталы меньше по своим размерам: 55×55 м и 55×45 м.

Выделяются два этапа использования кварталов. Строительство было начато с разметки рва, и вероятно, вала. С одной стороны северного квартала в валу был оставлен проход. В самой его узкой части были вкопаны столбы, остатки которых были найдены при раскопках. Видимо, здесь была некая бревенчатая конструкция, которая оформляла проход. Второй этап застройки связан с домами наземного типа, каркасы стен были из дерева, а сами стены, видимо, из глины. На исследованной площадке расположено шесть прямоугольных наземных жилищ, в некоторых из них зафиксированы очаги [Акишев, Варфоломеев 2008: 41–55].

Косвенными фактами доказательства ранней датировки городища являются планиграфия центральной части (трехчастная конструкция кварталов) и устройство оборонительных сооружений (внутренний ров и внешний вал), известные в древнетюркскую эпоху. Ранний период функционирования центральной части относится ко времени Кипчакского ханства X–XII веков, когда городище возникает как военная ставка, административная резиденция правителя и наблюдательный пункт за караванными путями. Оно стояло на перекрестке караванных путей, ведущих с севера на юг: по Ишиму – Нуру – Кургалжын – Сарысу – Сыр-Дарья. И с востока на запад: Монголия – Алтай – Дашт-и-Кыпчак – Хорезм – Булгар – Русь [Акишев, Хабдулина 2008: 25–40].

Северная группа. Здесь было раскопано несколько жилищ в виде землянок. Они по планировке, наличию П-образных суф, конструкции пристенных каминов, сложенных из обожженного кирпича, находят аналогии в домостроительной практике раннесредневековых городов юга Казахстана и датируются XIII веком. В этой части жили строители мавзолеев, которые были построены на валах ранней части городища. По всей видимости, профессиональная группа ремесленников занималась возведением усыпальниц над могилами элиты кочевой знати Восточного Дешт-и-Кыпчака. Они замешивали из озерного ила раствор, изготовляли из него кирпичи, сушили и обжигали в печах (остатки которых также найдены на городище), строили из него надмогильные сооружения. Кирпич обнаружен в большом количестве. Среди качественно обожженных образцов имеется кирпич с резным барельефным орнаментом. Этот поселение ремесленников существовал недолго, вокруг построек даже не успел сформироваться культурный слой [Акишев, Варфоломеев 2008: 41–55].

Некрополь. Погребения появились к тому времени, когда основная часть городища была уже заброшена. Погребения раскопаны в трех местах:

1 — южный квартал центральной части, четыре грунтовых погребения, которые по предметам вооружения, конской узды и украшениям относятся к концу XIII–XIV века;

2 — северная группа, рядом с руинами жилищ-землянок расчищена оградка из сырцовых кирпичей с четырьмя погребениями. В двух из них найдены вещи — бронзовое зеркало, железный наконечник стрелы и серебряная монета 1321 года;

3 — на центральной площадке в мавзолее, построенном из обожженного кирпича, в заполнении ограбленной могильной ямы, обнаружены два железных плоских наконечника стрел с ромбовидной формой пера. Они появляются в XI веке и бытуют вплоть до XIII–XIV веков [Акишев, Хабдулина 2008: 25–40].

Южная группа городища состоит из двух небольших земляных насыпей и скопления западин, видимо, относящихся к захоронениям более позднего времени. На городище открыто несколько десятков погребений, зафиксированы и изучены остатки нескольких мавзолеев из обожженного и сырцового кирпича, и возможно, минарета. Скорее всего, что здесь существовал культово-мемориальный комплекс, к которому приходили молиться. Впоследствии покинутое городище становится «аулие» — сакральным местом поклонения.

«**Красавица Инжу**». Её волос не приласкает степной ветер, и руки в браслетах с львиными мордами нежно не погладят внуков, не отольются на солнце перламутром жемчужины парадной бокки — головного убора золотоордынских красавиц. Тьма навсегда закрыла глаза. Было

время, когда слились два крыла воинов, и она, степнячка, за свою красоту названная Инжу, что значит «жемчужина», была отдана в жены воину, пришедшему с той стороны, где солнце отправляется на ночь спать и разливается озеро. Местом ее новой жизни стало стойбище «Светлая стрела». Родным стало чужое, близкое — далеким. Подобно птице-пеликану, которая из своего клюва кормит своих птенцов, а потому за свою родительскую любовь особо почитается среди народов, она вскормила своих детей в голодные годы. И когда мужчины уходили в военные походы, не останавливаясь, гнали коней своих до большой воды, она сама вставала на защиту стойбища. Под рукой всегда были и кинжал, и пика. И наступал мир в степи, мимо «Светлой стрелы» проходили караваны. Украсили руки болгарские браслеты из серебра с берегов Итиля, шелковая рубаха из Сина ласкала тело, и любимый жемчуг гирляндами украшал головной убор, и ракушки из далекого моря, стали талисманами ее женской силы. И каждое утро на восходе солнца она лила на пахучую степную траву кумыс из серебряной чаши, произнося благостные слова земле, ставшей ей родной. И за мудрость, любовь и преданность свою, поклонялись ей как матери всего рода. Земная жизнь закончилась через 50 весен, началась вечная, неподвластная времени, другая жизнь.

Археологическое свидетельство. Южная площадка городища Бозок. Раскоп 5. Погребение 2. В могильной яме под деревянным перекрытием были расчищены остатки деревянного гроба. Умершая женщина 40-50 лет лежала вытянуто на спине. Руки согнуты в локтях. В изголовье черепа был обнаружен берестяной предмет в виде цилиндра, к его поверхности были прикреплены три раковины каури. В районе височных костей скопления речного жемчуга (остатки подвесок головного убора), в ушах — серебряные серьги. В районе шейных позвонков найдены разные бусины: покрытые голубой глазурью и золотистым перламутром; зооморфные бусины в виде птицы и подвеска в виде клюва пеликана. На запястьях рук надеты серебряные браслеты, окончания которых оформляют львиноголовые личины. Под кистью правой руки находилась серебряная чаша, с одной стороны которой сохранились фрагменты шелковой ткани. У левого локтя находились железный кинжал и короткая железная пика. За пределами гроба, вплотную к стенке ямы были помещены двусоставные кольчатые удила. Гроб был накрыт покрывалом из войлока красного цвета, на его дне зафиксированы следы подстилки из войлока или кожи [Акишев и др. 2008: 56-65].

Историческая интерпретация погребения. Погребение относится ко времени существования тюрко-монгольского единства, установившегося после монгольского нашествия, и датируется XIII-XIV веками. Все элементы погребальной обрядности обнаруживают связь с восточным регионом. Головной убор «бокка» по сообщениям средневековых авторов определяется как принадлежность костюма знатных монголов.

К вопросу о музеефикации городища Бозок. Исследователи городища Бозок с самого начала изысканий поставили цель не только археологического раскопа, но и сохранения памятника в его пространственном положении. Работая над идеей, в каком виде предстанет городище Бозок перед жителями двадцать первого века, археологи пытаются понять и восстановить событийность его прошлого. Такое понимание — первый этап в сохранении Бозока. Ведь любая реконструкция, в конечном счете, останется реконструкцией, приложенной к современной ситуации (рис 3).

Месторасположение Бозока и есть первоначальная основа для музеефикации. Природное окружение, куда «вмонтированы» городище и погребально-поминальный комплекс, образуют смысловую композицию, где каждому объекту отводится своя роль. Взаимосвязь городища, оросительной системы, поминальных комплексов, генеральная ландшафтная приуроченность памятника к озеру и степной плоскости — составляют основную интригу музеефикации в плане строящейся столицы.

Рис 3. Исследование рва городища Бозок. Слева направо: культуролог Мылтыгашева Л. П. (Москва); археологи – Кызласов И. Л., (в центре, Москва); Хабдулина М. К. (Астана); Иванова Н. О. (Челябинск); С. Сакенов. Фото Э. Р. Усмановой, 2008 г.

Бозок включает в себе две культурные самостоятельные единицы (в данном случае культура в широком смысле слова – деятельность человека) – это жилищно-производственный (землянки, валы, рвы, каналы водостока, арыки) и погребальный (погребения, остатки мавзолеев) объекты. Таким образом, объединяются две стороны поведения человека: профанная (обыденная, творимая каждый день) и сакральная (священная, творимая ритуалами).

Такое соседство не противоречит постулату древнего мировоззрения — быть в соседстве с миром предков, под их извечным протекторатом. Подобная символика «расположения» берет свое начало с эпохи бронзы, когда поселение и некрополь соседствовали в одном видимом пространстве. Этот поведенческий архетип — *мыслить себя всегда рядом с предками* — присутствует на Бозоке и отвечает принципам тюркского ритуала.

Думается, что первые создатели городища выбрали место для его строительства намеренно. В этой точке Приишимья его обнимает со всех сторон степное пространство, бесконечное как Время. Бозок находится в кругу, которое каждодневно описывает солнце, двигаясь с востока на запад по законам устройства солнечной системы. В него внесена четырехугольность планировки городища и погребений, расположенных на высокой точке берега озера — естественной границы между природным и культурным. Ландшафт в сочетании с архитектурным ансамблем памятника приобрел значение космограммы, — круга с вписанным в него четырехугольной фигурой. Таким знаком изначально обозначалась модель организации Вселенной в архаических космогониях [Усманова 2008: 98-100].

Символическое соединение естественного, природного и искусственного, культурного в построении Бозока тождественно тюркскому понятию «курук» (qoƣuƣ) в значении — заповедная зона, впервые зарегистрированному в XI веке и означающего защиту, покровительство. Смысл термина не сводится к семантике «курука» только как поминального комплекса, это еще и понятие территории, коренной земли. По определению китайских источников, *нет для тюрков «постоянного местопребывания, но каждый имеет свой участок земли»*. А, уходя (то есть, умирая) они *«от своей земли и воды отделялись»* [Войтов 1996: 4-8].

Бозок — это мемориальный ансамбль, соединяющий в себе две культурные сущности — обыденную и священную. Ему, построенному в природном окружении, предана модель устройства Вселенной [Элиаде 1987: 34-38]. Необходимо при музеефикации Бозока сохранить этот древнетюркский мировоззренческий контекст. В первую очередь сберечь природный ландшафт, пока еще не разрушенный действием антропогенного фактора.

Магический круг, который каждодневно описывает солнце вокруг «Светлой стрелы», напоминает знакомое с детства каждому казаху — айналайын, дословно означающее — хожу, кружу вокруг тебя. Кружить — значит оберегать. И, памятнику, расположенному в самом «подбрюшье» строящейся Астаны, необходим этот круг, чтобы сохранить харизму прошлого, без которой не создать будущего. Однажды Бозок был заповедной зоной, и должен остаться ею в XXI веке. Коренная земля-курук не подлежит уничтожению.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А. Городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 13-19.

Акишев К.А., Варфоломеев В.В. Жилища городища Бозок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 41-55.

Акишев К.А., Хабдулина М.К. Результаты раскопок городища Бозок (1999-2003) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 25-40.

Акишев К.А., Хасенова Б.А., Мотов Ю.А. К вопросу о монгольских погребениях XIII-XIV вв. (по материалам некрополя городища Бозок) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 56-65.

Войтов В.Е., Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.

Усманова Э.Р., Знаковый код к пониманию музеефикации городища Бозок. // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 98-100.

Элиаде М., Космос и история. М.: Прогресс, 1987. 312 с.

Зубайда Кабиевна Сураганова¹

*¹кандидат исторических наук,
Институт истории государства
Министерства науки и высшего
образования Республики Казахстан,
г. Астана, Казахстан; suraganova_zk@mail.ru*

АКТУАЛИЗАЦИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ НА БАЗЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА: ОПЫТ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В работе рассматриваются опыт актуализации нематериального культурного наследия в формате музейных праздников, а также итоги реализации научной программы, посвященной изучению феномена праздника в рамках культурно-образовательной и научно-исследовательской деятельности Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» в период с 2020 по 2023 гг.

Основой музейных праздников в указанный период стали традиционная обрядность казахов: инициатический обряд коневодческой культуры и кумысный праздник осеннего календарного цикла. Праздники проводились как на площадке музея-заповедника «Бозок», так и вне ее — в ауле Түгіскен Жанааркинського района Карагандинской (ныне Улытауской) области. В последнем случае осуществлена апробация сценария массового этнографического праздника. Сценарий разработан в рамках научно-исследовательской деятельности в первый год реализации научной программы при финансовой поддержке МКС РК.

В работе кратко изложены итоги научной программы. Среди них практические результаты: научная концепция и сценарий массового зрелищного этнографического праздника. В течение двух лет проведены научные мероприятия (научный семинар — 2020 г., международная научно-практическая конференция — 2023 г.), подготовлены и изданы сборники материалов научных мероприятий и коллективная монография.

Ключевые слова: Казахстан, музей-заповедник «Бозок», музейный праздник, научные исследования, нематериальное культурное наследие, кумысный праздник.

Археологиялық ескерткіштер базасында материалды емес мұраны өзектендіру: тәжірибе мен зерттеу нәтижелері

Аннотация. Жұмыста музей мерекесі форматында материалдық емес мәдени мұраны өзектендіру тәжірибесі, сонымен қатар 2020-2023 жж. «Бозок» Мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының мәдени-білім беру және ғылыми-зерттеу қызметі шеңберінде мереке феноменін зерттеуге арналған ғылыми бағдарламаны жүзеге асыру нәтижесі қарастырылады.

Көрсетілген кезеңдегі негізгі музей мерекесі қазақтардың дәстүрлі ғұрыптары: жылқы мәдениетінің бастамашылық рәсімі және күзгі күнтізбелік циклдің күзгі қымыз мерекесі.

Мерекелер «Бозок» музей-қорығы алаңында, сондай-ақ Қарағанды (қазіргі Ұлытау) облысы Жаңаарқа ауданының Түгіскен ауылында өткізілді. Түгіскен ауылында жаппай этнографиялық мереке сценарийі сыннан өткізілді. Сценарий ҚР МСМ қаржылық қолдауымен ғылыми бағдарламаны жүзеге асырудың бірінші жылында ғылыми - зерттеу қызметі шеңберінде өзірленді.

Жұмыста ғылыми бағдарламаның нәтижесі қысқаша берілген. Олардың ішінде практикалық нәтижелер: жаппай этнографиялық мерекенің сценарийі мен ғылыми тұжырымдамасы.

Екі жыл шеңберінде ғылыми шаралар өткізілді (2020 ж. — ғылыми семинар, 2023 ж. — Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция), ғылыми шаралардың материалдар жинағы мен ұжымдық монография әзірленді және жарияланды.

Түйін сөздер: Қазақстан, «Бозоқ» музей-қорығы, музей мерекесі, ғылыми зерттеу, материалдық емес мәдени мұра, қымызға арнаған мерекесі.

Actualization of Intangible Heritage Based on an Archaeological Site: Experience and Research Results

Abstract. The paper discusses the experience of actualizing intangible cultural heritage in the format of museum festivals, as well as the results of implementing a scientific program dedicated to studying the phenomenon of festivals within the cultural, educational and scientific activities of “Bozok” State Historical and Cultural Preserve Museum from 2020 to 2023.

The basis of the museum festivals during this period was the traditional rituals of the Kazakhs: the initiation rite of the horse-breeding culture and the kumys festival of the autumn calendar cycle. The festivals were held both within the area of “Bozok” Preserve Museum and outside of it — in the village of Tugisken of Zhanaarka district of Karaganda (now Ulytau) region. In the latter case, a scenario approval for a mass gathering ethnographic festival was made. The scenario was developed as part of the research activities in the first year of implementing the scientific program with the financial support of the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan.

The paper briefly outlines the results of the scientific program. Among them there are practical outcomes: a scientific concept and a scenario for a mass gathering spectacular ethnographic festival. Over the course of two years, the scientific events were conducted (a scientific seminar in 2020, an international scientific-practical conference in 2023); the compilations of materials of the scientific events, and a multi-authored monograph were prepared and published.

Keywords: Kazakhstan, Bozok Museum-Reserve, kumys holiday, scientific research, intangible cultural heritage.

В данной работе автор хотел бы дать общее представление об опыте актуализации нематериального культурного наследия и ознакомить с результатами исследования, посвященным феномену традиционной обрядности в рамках деятельности Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» в период с 2020-2023 гг.

Археологический памятник — городище Бозок был обнаружен в 1998 г. археологами во главе с известным ученым К. А. Акишевым. В ходе изучения пойменной долины реки Есиль на восточном берегу озера Бузукты близ столицы Казахстана — г. Астана ими обнаружены остатки средневекового городища. От лимнонима «Бұзықты» памятник получил название «Бозоқ». Как показали исследования началом формирования Бозокского археологического микрорайона, составляющего около 40 га определены следующие даты — (VII)/VIII-IX вв. [Хабдулина 2010; Khabdulina, Tleugabulov, Orazbayeva 2016]. Археологические раскопки памятника, начатые в 1999 г., велись сотрудниками Научно-исследовательского института имени К. А. Акишева Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева вплоть до 2014 гг.

Значимость памятника для истории страны и культурного пространства столицы предопределила его судьбу. В 2006 году в соответствии с Государственной программой «Мәдени Мұра» на базе археологического памятника «Бозок» планируется создание Национального природно-исторического парка. Эта идея получила свое продолжение спустя десятилетие. В 2016 г. в процессе реализации задачи по формированию привлекательности туристического имиджа столицы в рамках стратегического документа «План нации — 100 конкретных шагов» принято

решение создания Национального парка под открытым небом на основе археологического памятника «Бозок». Спустя два года, в 2018 г. в ходе реализации проекта «Сакральный Казахстан» создается Республиканское государственное казенное предприятие «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок». Его целью определено создание Национального парка под открытым небом на основе археологического памятника — городища Бозок.

Несмотря на относительно недавнее открытие, историко-культурный памятник Бозок на протяжении 26 лет остается актуальным предметом исследований. В настоящее время материалы по его изучению составляют довольно внушительный корпус научных работ, основанных на результатах археологических (работы сотрудников НИИ археологии им. К. А. Акишева и др. исследователей) и музейных исследований [Бурбаева 2019; Бурбаева, Ганиева 2022; Сураганова 2019; Сураганова 2021; Хабдулина 2022].

Одним из предварительных итогов изучения памятника стало определение городища как культового центра, куда приходили на поклонение, устраивали поминки и тризны, народные игры и состязания [Акишев 2008: 17; Акишев 2008: 23]. Позднее эта идея продолжает развиваться в ряде работ отечественных ученых и исследователей: М. К. Хабдулиной, А. Н. Свиридова, Д. Т. Тлеугабулова, З. Оразбаевой, С. Б. Бурбаевой, З. К. Сурагановой и др. Идея К. А. Акишева легла в основу культурологического исследования, носящего реконструктивный характер с целью объяснить сооружение святилища в раннетюркское время (VIII-IX вв.) на возвышенности у степного озера [Сураганова, Хабдулина 2021].

Идея о том, что археологический памятник в период раннего средневековья представлял собой культовый центр, актуализировавший с древнетюркского периода обрядово-ритуальные практики стала стимулом для разработки научной основы, способной создать атмосферу погружения, близкую к аутентичной. В 2021 г. Национальным научным советом по приоритетному направлению «Исследования в области социальных и гуманитарных наук» была одобрена (протокол заседания ННС № 8 от 24 мая 2021 г.) разработанная в музее-заповеднике «Бозок» научная программа «Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии» (BR10164218). При поддержке Министерства культуры и спорта Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования программа реализовывалась в течение трех лет, с 2021 по 2023 гг.

Программа имела прикладное значение. Ее целью стала проблематизация и интерпретация различных составляющих элементов праздничной культуры, которые определяются главным образом живой традицией для последующей разработки на их основе научной концепции и сценария, позволяющих представить традиционную календарную обрядность в виде реконструктивных, зрелищных мероприятий этнографического характера, направленных на развитие археологического памятника и сакрального объекта общереспубликанского значения — средневекового городища Бозок как туристической дестинации.

В основе настоящей работы — опыт организации и проведения этнографических праздников, а также материалы, полученные и подготовленные в ходе реализации указанной выше научной программы (научные отчеты, концепция и сценарий массового зрелищного этнографического праздника и коллективная монография).

Опыт проведения этнографических праздников показал их востребованность и соответственно необходимость актуализации нематериального культурного наследия в виде масштабных мероприятий в формате фестиваля. Поэтому в 2021 г. сотрудники музея-заповедника разработали научную программу для актуализации праздника — элемента нематериального культурного наследия с целью продвижения и развития археологического объекта городище Бозок.

В рамках программы собраны архивные источники (выявлено 268 документов), собранные в государственных архивах Актобинской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской,

Костанайской области, Центральном государственном архиве в г. Алматы и Карагандинском областном историко-краеведческом музее. Анализ архивных источников продемонстрировал, что праздник в рамках советской действительности носил амбивалентный характер, который выражался в диссонансе традиционной культуры индигенного и неиндигенного (старожильческого) населения с ценностными основами советской действительности. Традиционная календарная обрядность индигенного населения отчасти была инкорпорирована в советскую действительность в виде конных скачек и игр. Выявленные в архивах различного рода методические разработки советского периода красноречиво показывают уровень и качество понимания праздничной культуры, где всецело уделялось внимание новым праздникам, в то время как традиционная праздничная обрядность автохтонного и старожильческого населения на территории Казахстана из-за стереотипного представления о том, что последние представляют собой «пережиток» прошлого или того хуже имеют религиозную природу практически исчезли из общественного пространства [Отчет 2021].

Таким образом, архивные документы свидетельствовали о том, что праздничная культура в целом и социалистическая обрядность в частности находились под жестким контролем советских органов. Данный факт подчеркивается исследователями советской истории: «Общезвестно, что традиционная культура в советский период разрушалась не сама по себе. Государство вело сознательную политику искоренения «пережитков прошлого» и активно боролась с церковью. Соответственно, в первую очередь власть стремилась уничтожать обряды и традиции, несущие религиозную символику. Поскольку за короткий срок заставить людей отказаться от традиций, являвшихся основой их жизненного уклада, было сложно, государство не всегда решалось искоренить «старые обряды», а, скорее, пыталось вытеснить их так называемой «социалистической обрядностью» [Алексеевский 2004].

Полевые материалы собранные на территории Сары-Арки в 2021 г., а также во время участвующего наблюдения в ходе праздничных мероприятий *Ыһыах* (Республика Саха-Якутия, Россия, 23 по 27 июня 2022 г.), *Наадам* (Монголия, 6 по 16 июля 2022 г.) и Всемирных игр кочевников (Турция, 27 сентября-4 октября 2022 г.) показали устойчивость традиционной обрядности народов тюрко-монгольского культурного круга [Отчеты 2021-2022].

Собранный материал в ходе полевых исследований Сары-Арки свидетельствует о живой традиции кумысных праздников как в рамках весенне-летней (*биемұрындық / кымызмұрындық*), так и осенней календарной обрядности (*сірге жиыр / сірге мөлдіретер*), связанных с ними этикетных норм и традиционных конных игр (*көкпар, аударыспақ, теңге (алу) ілу*) казахов [Отчеты 2021-2022].

Одним из важных направлений музейных исследований Государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» стали этнографические изыскания, направленные на актуализацию нематериального культурного наследия. Их основанием стало определение, утвержденное Постоянным комитетом ICOM: «Музей — это некоммерческое постоянное учреждение, служащее обществу, которое исследует, собирает, сохраняет, интерпретирует и демонстрирует материальное и нематериальное наследие. Открытые для публики, доступные и инклюзивные музеи способствуют разнообразию и устойчивости. Они действуют и общаются этично, профессионально и при участии сообществ, предлагая разнообразный опыт для образования, развлечения, размышлений и обмена знаниями» [Standing Committee for the Museum Definition].

Устроительство праздничных церемоний или «коллективных усилий» обеспечивает важное стремление людей почувствовать единение в определении своей идентичности. Само слово «праздновать», по мнению Й. Хейзинга, «говорит само за себя: священный акт празднуется, то есть осуществляется в рамках праздника. Народ, готовящийся к общению со своими святынями, готовится к совместному изъявлению радости. Освящение, жертвоприношение,

священные танцы, сакральные состязания, представления и мистерии — все они обрамляются праздником... «Обычная жизнь» прекращается. Трапезы, пиршества и всяческая безудержность продолжаются в течение всего времени праздника» [Хёйзинга 1997: 38].

Как известно, обрядово-ритуальные практики «в регулярности своего повторения обеспечивают передачу и распространение знания, закрепляющего идентичность, и тем самым воспроизведение культурной идентичности... Обряды и мифы описывают смысл реальности. Их тщательное соблюдение, сохранение и передача обеспечивают не только идентичность группы, но и функционирование мироздания» [Ассман 2004: 60].

В современных условиях урбанизированной культуры одной из важнейших проблем является «актуализация музеологического статуса этнической составляющей культурного наследия в условиях возросшего интереса современного общества к своеобразию этнических традиций» [Курьянова 2013: 7]. Понимая значимость указанных традиционных форм организации культурной памяти, работники музейной сферы обращаются к ним как к значимому потенциалу «помнящей культуры».

Так этнографический праздник был выбран в Государственном-историко-культурном музее-заповеднике «Бозок» как один из самых экспрессивных форм музейной работы. В качестве его основы использовалась традиционная обрядность казахов. В формате музейных этнографических праздников осуществлялась репрезентация обрядов жизненного цикла и календарных обрядов коневодческой культуры, признаваемых в рамках Конвенции об охране нематериального культурного наследия, принятой 17 октября 2003 года ЮНЕСКО как проявление в области «обычаи, обряды, празднества» [Конвенция об охране НКН].

В 2020 году, несмотря на пандемию, с учетом всех мер предосторожностей на территории археологического памятника — раннесредневекового городища Бозок коллектив музея-заповедника «Бозок» организовал два этнографических праздника: обряд перехода первого выезда мальчика на коне *ашамайға (атқа) мінгізу* (букв.: в детское седло (на коня) посадка) и кумысный праздник из цикла осенней календарной обрядности *сірге мөлдіретер* (букв.: *сірге* — надеваемый на жеребенка намордник, чтобы он не сосал матку; от *мөлдір* — ясный, прозрачный, чистый).

Обряд *ашамайға (атқа) мінгізу* — первый инициатический обряд, символизировавший переход ребенка, вне зависимости от половой принадлежности, из возрастной группы детей в группу наездников. Как утверждают исторические источники, и мужчины, и женщины как у средневековых тюрков, так и у казахов одинаково блестяще владели навыком управления конем и слыли отличными наездниками. В одном из арабских трактатов VIII-IX в. отмечается, что тюрки «отважны и смелы, и женщины их хорошо сражаются вместе с ними» [Асадов 1993: 26-27]. Сибирский археолог Ю. С. Худяков отмечает на основе исторических свидетельств участие женщин-воительниц иранского, тюркского и монгольского происхождения Центральной Азии и Сибири в военной деятельности своих соплеменников [2017: 80-88]. В источниках XIX в. о казахках также пишут, как о хороших наездницах [Янушкевич 1966: 112].

Согласно источникам, ребенка сажали на коня и учили им управлять с 3-4 лет. Огромное значение в обрядово-ритуальных практиках всадничества имело воспитание наездника. Оно отличалось в зависимости от пола ребенка. Если девочек обучали навыкам управления и обращения с конем с практической целью, то мальчик должен был не только научиться управлять конем, но и овладеть морально-этическим кодексом всадника, воинским искусством. Будущий воин и защитник должен стать единым целым со своим конем, научиться ухаживать за ним, беречь его. Важное место в процессе воспитания степных народов занимали конные игры. Конные игры обучали мужеству, доблести, терпению и любви к своему коню. В отличие от девочек для мальчиков этому ритуалу предшествовал торжественный ритуал дарения коня — *бәсіре*. По традиции коня дарили и сажали мальчика на коня родственники со стороны матери

ребенка — *нағашы*. Становление всадника — это долгий и тернистый путь восхождения воина и героя. Оно растянуто по времени на несколько лет. Каждый этап фиксировался обрядом.

Обряд первого выезда на коне символизировал для мальчика и его родителей очень важный шаг — его впервые в присутствии всех родовичей садили на подаренного, а согласно эпосу — на предназначенного ему коня. С этого времени мальчик приобщался к сообществу взрослых, получал первое наставление и благопожелания старших быть достойным всадником. Как следует из исторических источников XIX в.: «Для мальчугана-киргиза (казаха — З. С.) важная вещь... тот день, когда подведут ему коня и дадут волю самому с ним справляться: он, тогда как раз в голову заберет, то на него уже не смотрят как на глупого ребенка, а питают доверие к его отроческим силам, сноровке и понятливости. Он тогда уж и заважничает, перестанет якшаться с остальными детьми, слабейшими в сравнении с ним, и поминутно будет искать случая жаться в кругу взрослых наездников-батырей» [Записка оренбургского купца... 2012: 577-578].

Согласно традиции, мальчика усаживал на коня очень уважаемый мужчина. В рамках музейного мероприятия на эту роль согласился известный казахстанский ученый-археолог д.и.н. З. С. Самашев. После торжественного проезда юного наездника по кругу в сопровождении взрослого всадника другой почетный гость праздника — известный ученый-этнограф д.и.н. Ж. О. Артыкбаев произнес бата — благопожелание, напутствие наезднику и его родителям. В празднике приняли участие члены конного клуба «At-trevel», которые приехали на своих конях и придали празднику зрелищность и аутентичность. Участие артистов художественной самодеятельности Целиноградского района украсило мероприятие исполнением фольклорных произведений.

Конь в традиционной культуре казахов сохраняет важное практическое и культурное значение. Коней у казахов относят к *ақ мал* — белому богатству [Янушкевич 1966: 180]. Имя патрона-покровителя коней — *Қамбар* или *Жылқышы ата* — свидетельствует о его культовом значении в культуре. В устойчивых лексических формулах казахов конь связан с небом: *жылқы берсең, көктен бер* — если дашь лошадь, подай с небес.

Кумыс — традиционный кисломолочный напиток из кобыльего молока — широко распространен в тюрко-монгольском мире. Этот напиток пользуется огромной популярностью у жителей Казахстана, Кыргызстана, Монголии, а также восточных регионов России, куда входят Дагестан, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Татарстан, Башкортостан, Якутия, Алтай, Тыва, Хакасия, Чувашия и Бурятия.

Ценность кумыса воспевал знаменитый казахский Ақтамберді жырау (1675-1768 ж.ж.):

*Биенің сүті сары бал –
Қымыздан асқан дәм бар ма?!*

*Кобылье молоко – золотой мед,
Найдется ли вкус, превосходящий кумыс?!*

Кумысные праздники остаются одними из самых ярких проявлений самобытной коневодческой культуры казахов. Они присутствуют в весенней и осенней календарной обрядности. В «помнящей культуре» устойчива память о связи коня с природными циклами увядания и расцвета. Традиционными у казахов остаются праздники весеннего календарного цикла: *Бие байлау*, *Айғыр қосу*, *Қымызмұрындық*. Из них *Бие байлау* и *Қымызмұрындық* относятся к кумысным праздникам. Традиционный казахский праздник первого кумыса *Қымызмұрындық* — уникальное наследие степных коневодов, он остается и сегодня живой культурной традицией, объединяющей современные народы Евразии, отмечающие схожие праздники в рамках весенне-летнего цикла. Традиция кумысных праздников по-прежнему сохраняется среди тюрко-монгол. Так, якуты отмечают «Ыһыах», а буряты празднуют «Цэгээ Зуга».

Осенью в казахском ауле отмечается праздник *Сірге жияр қымызы* или *Сірге мөлдіретер*. Финальная дойка кобыл, отпуск лошадей с жеребятами в степь, изготовление последнего в году

кумыса и угощение им родных и близких как бы подводили черту и символизировали начало нового цикла в коневодческих обрядах.

В августе 2020 года близ памятника «Бозок», на берегу озера Бузыкты, сотрудники музея-заповедника «Бозок» организовали этнографический праздник *Сірге мөлдiретер*. Несмотря на ограничения на посещение, коллектив музея посредством размещения текстового контента в сопровождении фотографий на своем сайте, странице на Facebook в Интернете рассказал в популярном изложении о содержании проведенных мероприятий. Их просмотры впечатляют — более 10 тысяч.

Связь традиционных праздников народов тюрко-монгольского круга: *Қымызмұрындық*, *Сірге Жияр*, *Ыһыах* и *Наадам* с историческим прошлым остается живой и прочной. Эти праздники выступают в роли фигур воспоминаний, они служат «кроме многих других функций — также воскрешению в памяти обосновывающего прошлого. Обосновывается через обращение к прошлому нечто иное, как идентичность вспоминающей группы. Это не повседневная идентичность. Коллективным идентичностям присуща торжественность, приподнятость над уровнем повседневности. Они как бы «больше натуральной величины», выходят за повседневный горизонт и являются предметом ритуальной, не-повседневной коммуникации. Эта ритуальность коммуникации уже сама по себе есть оформление. Она продолжается в оформлении воспоминания, которое откладывается в тексты, танцы, образы и обряды» [Ассман 2004: 55].

Компаративистский анализ трех праздников (*Ыһыах* и *Наадам* и ВИК — Всемирные игры кочевников), на которых присутствовали участники программы, привел к следующим выводам. Названия традиционных саха *Ыһыах* и монголов *Наадам* отсылают к обряду кропления кумысом и игровым традициям степи, древность которых подтверждается множеством источников [Бичурин 1998: 220].

Символическим отличием ВИК от *Қымызмұрындық*, *Сірге Жияр*, *Ысыаха* и *Наадама* является, на первый взгляд отсутствие связи с традицией, с обрядностью. Но как отмечают ученые «спортивные состязания, проводившиеся в рамках обрядов жертвоприношений, были, своего рода, бескровной жертвой божествам... Праздник поклонения небесным божествам был общим для тюрко-монгольских народов Центральной Азии и, по-видимому, оформился у их общих предков» [Дугарова 2004: 16].

Содержание ВИК полностью актуализирует традиции состязаний и игр, история которых уходит в далекое прошлое. Так, искусность конников, стреляющих из лука, известна была среди древних степных народов: жужаньцев, тукюесцев и хойху (древние уйгуры) [Бичурин 1998: 190, 233, 308].

По формату, ВИК отчасти можно признать «изобретенной традицией», поскольку программа игр включила в себя совокупность состязаний тюркских народов Северной, Центральной и Малой Азии. Ритуал смешения воды из двух озер Иссык-Куля и Изника в тайказане, проведенной главами государств в ходе торжественной церемонии открытия ВИК сконструирован с целью символической передачи эстафеты от Кыргызстана Турции. Это своего рода аналог Олимпийского огня.

О ВИК как «изобретении традиции» говорит унификация, которая выражается в полиэтничности участников игр, среди которых, конечно, доминируют представители тюркских и монгольских народов. Вместе с тем церемония открытия ВИК продемонстрировала ее многонациональный характер. Игры привлекают не только представителей тюрко-монгольских народов, но и людей из самых разных уголков планеты. В торжественном проходе приняли участие более 3 тыс. участников из 102 стран мира, включая страны Северной и Южной Америки, Юго-Восточной Азии, Европы, Африки.

Традиционные состязания и игры, входящие в программу ВИК, оставались органичной и устойчивой частью культурного пространства степи, они не исчезли, так как долгое время

были тесно связаны с хозяйственным укладом, обрядами жизненного и календарного циклов: «Где живы старые формы жизни, нет нужды ни в возрождении, ни в изобретении традиций» [Хобсбаум 2000: 55, 57].

Полевые исследования и историографический обзор литературы позволили сделать вывод об огромном значении коневодческих традиций в жизни современных народов Малой, Центральной и Северной Азии, ряде регионов России (Поволжье, Башкортостане, Бурятии, Тыве, Якутии). Историческое осмысление этнокультурного наследия, основанного на традиционных ценностях степной цивилизации, позволили выявить их объединяющий символ — кумысный праздник.

Одним из практических результатов полевых исследований стала разработка сценария для проведения осеннего кумысного праздника *Sırge jıyar*. При поддержке акимата Жанааркинского района сценарий принят за основу и апробирован в ауле Түгіскен. Праздник транслировался на государственном канале TRT телевидения Турции, который вещает на 4 страны — Турцию, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Опыт разработки первой концепции в 2021 г. стал основой для создания научно обоснованной концепции в следующем году. Основной целью научной концепции праздника обозначено «формирование научно-обоснованной и методической поддержки для проведения массового зрелищного этнографического праздника на территории Национального парка под открытым небом, создаваемого на основе археологического памятника Бозок» [Концепция 2022]. Его лейтмотивом стал кумысный праздник.

Внимание к кумысным традициям определяется устойчивостью кумысной обрядности. В современных условиях она обусловлена объективным ростом поголовья лошадей на территории Казахстана, развитием табунного коневодства. Очевидно, начиная с 1991 года, после обретения независимости в Казахстане происходит трансформация в области экономики и хозяйства, которая коснулась и сельской местности — основы, сохраняющей наиболее устойчивые культурные традиции. Сокращение посевных площадей привели к расширению пастбищных угодий. Государственная поддержка животноводства привела к интенсификации и росту поголовья животных. Согласно данным Государственного комитета Республики Казахстан по статистике и анализу от 1992 г. поголовье лошадей с 1981 г. в целом составляло — 1 299,7 голов. Если в 1981 г. в личных хозяйствах насчитывалось всего 306,1 тыс. голов лошадей, то к 1991 г. их число выросло до 511,0 тыс. голов [Животноводство РК 1992], а к 2021 г. численность лошадей у частных владельцев составила — 1 682,3 тыс. голов. Приводимые сведения говорят не только о количественном росте лошадей, но и о качественном изменении, которое отмечается в характере владения. В собственности сельхозпредприятий — сегодня насчитывается 227,9 тыс. голов [Статистика сельского, лесного... хозяйства 2021]. Прирост лошадей в личных подворьях по сравнению с сельхозпредприятиями налицо. Анализ статистических данных дает основание предположить прямую зависимость процесса возрождения коневодческих культурных традиций от роста поголовья лошадей. Именно увеличение поголовья лошадей в личном владении, по нашему мнению, способствует возрождению праздников и обрядово-ритуальных практик, связанных с коневодством.

Проведенный кросс-культурный анализ кумысных традиций народов степной Евразии позволил прийти к заключению о том, что древняя кумысная традиция коневодов Евразии находит новые формы сохранения культурного наследия у башкир, бурятов, казахов, монголов и якутов (саха).

Полевые исследования, предпринятые в ходе программы, а также изучение статистики позволили прийти к выводу о том, что культурные практики коневодства постепенно возвращаются в лоно не только домашних обрядов казахского населения, но все более включаются в орбиту праздничной культуры в качестве массовых зрелищных мероприятий в селах, районных административных центрах и городах. Взаимосвязь между ростом поголовья лошадей, возро-

ждением и развитием традиционных обрядов, конных состязаний и игр коневодства (*көкпар, айдарыспақ, жамбы ату, теңге алу, бәйге* и т.д.) очевидна.

Полевые наблюдения, проведенные как в Казахстане, на территории Сары-Арки, так и в Монголии, Турции и Якутии стали важной составляющей итогов научной программы. Они легли в основу разработки сценария этнографического праздника.

Понимая значимость памятника для столицы, сотрудники музея-заповедника «Бозок» осуществили прикладное этнографическое исследование с целью актуализации нематериального культурного наследия в формате кумысного праздника, поскольку они представляют собой уникальное наследие народов Великой степи, остаются живой «пульсирующей» культурной традицией, объединяющей народы.

Все, что было исследовано в рамках научной программы нашло отражение в научной концепции и сценарии массового зрелищного этнографического праздника, сборниках материалов научных мероприятий и коллективной монографии. И на концепцию и сценарий получены свидетельства о внесении сведений в Государственный реестр прав на объекты, охраняемых авторским правом.

Важным итогом работы творческого коллектива, осуществлявшего научную программу, стала одноименная с ней Международная научно-практическая конференция, проведенная 22-24 мая 2023 года в г. Астана. Ее организаторами выступили Министерство культуры и спорта Республики Казахстан, Комитет культуры МКС РК, Национальный комитет по охране нематериального культурного наследия при Национальной Комиссии Республики Казахстан по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок». В работе конференции приняли участие около 70 человек. Из них в качестве докладчиков выступили 37 ученых (в том числе: 5 д-ров истор. наук, 1 доктор искусствоведения, 1 доктор социологии, 2 канд. философ. наук, 19 канд. истор. наук, 1 канд. филолог. наук, 1 канд. педагог. наук, 1 канд. с.-хоз. наук, 6 докторов PhD,) и 7 молодых исследователей (3 докторанта, 2 аспиранта и 2 магистра), представлявших ведущие научно-исследовательские, образовательные учреждения Казахстана и зарубежья. География участников конференции охватывала широкое пространство Евразийского континента — от Северо-Западной Европы до Восточной Сибири. В ее работе приняли участие ученые-археологи, этнографы, историки, искусствоведы и музееведы из Азербайджана, Бельгии, Италии, Кыргызстана, Польши, России (Алтая, Башкортостана, Татарстана, Тувы, Хакасия, Якутии) и Турции. В резолюции конференции участники отметили возрастающий общественный интерес к проблемам актуализации проявления нематериального культурного наследия в области обычаев, обрядов и праздников, воспроизводящихся как в близком к традиционному типу, так и фестивальном формате.

На разного рода научных симпозиумах и мероприятиях, а также в формате 27 научных публикаций (3 — в изданиях, индексируемых SCOPUS и 3 — в изданиях, одобренных КОКСОН) апробировались результаты исследований. Но главным достижением программы является научная монография «Кумысный праздник степного мира Евразии: лейтмотив, память и идентичность» (ISBN 978-9965-23-627-3), авторами которой стали З. К. Сураганова, Е. Н. Романова и З. Ж. Наурзбаева. Переводы аннотаций книги на казахский и английский языки осуществлены К. К. Сарсембиной и А. Байгаж. Отрадно, что рецензентами монографии стали известные зарубежные и отечественные ученые, давшие ей свое одобрение и благословение. Среди них: классик российской этнографической школы, известный этнограф-монголовед, заведующая Центром азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор Наталья Львовна Жуковская, доктор философских наук Кульшат Агибаевна Медеуова, доктор исторических наук, профессор, ныне депутат Мажилиса Республики Казахстан Еркін Аманжолович Абіл. В монографии в исторической ретроспекции показаны мифологические основы праздника, восходящие к культу

Великой матери, культурный ареал кумысных традиций на территории евразийского континента, в диахронии и синхронии. Лейтмотивом кумысного праздника по мнению исследователей стал культ восходящего солнца. В книге продемонстрирована сила культурной и исторической памяти, опирающейся на устойчивость идентичности потомков и преемников коневодческих традиций народов степного пояса Евразии.

Творческий коллектив научной программы состоял как из известных ученых, так и молодых исследователей. Основной костяк команды составили российский ученый-этнограф, д.и.н. — Екатерина Назаровна Романова, казахстанский ученый-археолог — Эмма Радиковна Усманова, культуролог, к.ф.н. — Зира Жетибаевна Наурзбаева, историк — Куралай Куандыковна Сарсембина, педагог, к.п.н. — Сауле Букихановна Бурбаева, а также автор настоящей работы. Среди молодых исследователей в творческую группу вошли: культурологи, доктора Phd — Айжан Байгаж, Толганай Вагизовна Мустафина, магистры — Анар Сраиловна Екимбаева и Олжас Дәуренұлы Мысыр, а также бухгалтер Анар Копжасаровна Кажиякпарова.

Пользуясь возможностью в качестве руководителя научной программы «Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии» хочу полагодарить всех участников программы и пожелать всем здоровья и дальнейшей плодотворной работы в деле изучения, сохранения и популяризации нематериального культурного наследия народов тюрко-монгольского культурного круга.

Цель научной программы — формирование событийного туризма, ярким выражением которого является праздник, по нашему мнению, достигнута.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А. Городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Бозок в понораме средневековых культур Евразии: материалы Международного полевого семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 13-19

Акишев К.А. Предварительные итоги раскопок средневекового городища Бозок // Бозок в понораме средневековых культур Евразии: материалы Международного полевого семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 20-24

Алексеевский М.Д. Советские праздники в русской деревне: к постановке проблемы // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология: материалы VI Междунар. шк. молодого фольклориста. Архангельск, 2004. № 2. С. 162-169 https://narfu.ru/upload/iblock/293/alekseevskiy-m.d.-sovetskie-prazdniki-v-russkoy-derevne_-k-postanovke-problemy.pdf (дата обращения: 11.02.2024)

Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку: Элм. 1993. 204 с.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Научное издание. Т. 1. Алматы: ТОО «Жалын баспасы», 1998. 390 с.

Бурбаева С.Б., Ганиева А.С. К вопросу музеефикации раннесредневекового городища Бозок в рамках проекта Национального парка под открытым небом // Журнал института наследия. 2022. № 2(29). – DOI <https://10.34685/NI.2022.33.48.014>

Бурбаева С.Б. Формирование иеротопии – сакрального пространства на археологическом памятнике «Бозок»: история и современность // Қазақстанның киелі жерлерінің географиясы атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдарының жинағы. Нұр-Сұлтан, 2019. С. 306-311

Дугарова Р.Д. Традиционный спортивный праздник «Эрын гурбан наадан» («Три игрища мужей») и его место в культуре бурят: автореф. дис. канд. истор. наук. Улан-Удэ, 2004. 32 с.

Животноводство РК. Животноводство Республики Казахстан. Государственный комитет Республики Казахстан по статистике и анализу. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. 93 с.

Записка оренбургского купца Д.У. Белова о хозяйстве, домашнем быте, обрядах и обычаях казахов долины Сырдарьи. 10 февраля 1869. // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII- середины XIX в. Сб. док-тов и мат-ов. стана: ТОО «Общество инвалидов Чернобылец», 2012. С. 649-699

Конвенции об охране НКН. Конвенции об охране нематериального культурного наследия, принятой 17 октября 2003 года ЮНЕСКО. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 11.02.2024)

Курьянова Т.С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири. Автореферат диссер. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Томск, 2013. 24 с.

Научные отчеты по программе 2021-2023 гг.

Статистика сельского, лесного, охотничьего и рыбного хозяйства // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан <https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/7> (дата обращения: 12.01.2024)

Сураганова З.К. Музейный проект «Бозок: Наследие всаднической культуры в формате национального археологического парка» // Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Якутск, 14-15 ноября 2019 г.). Якутск: Электронное издательство Национальной библиотеки РС (Я), 2019. С. 477-482. DOI <https://10.25693/Gurvich.2019SuraganovaZK>

Сураганова З.К. Святилище средневекового городища Бозок: характер ритуалов и объект поклонения // Бозок в моем сердце: сборник статей, посвященный 70-летию известного казахстанского ученого-археолога Марал Хабдулиной. Нур-Султан: ARD-Print, 2021. С. 76-305.

Сураганова З.К. Традиционная обрядность казахов в формате этнографических музейных праздников // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр.: в 2 ч. / отв. ред.: М. Л. Бережнова, А. А. Ильина, С. Н. Корусенко. – Омск: Издат. дом «Наука», 2021. Ч. 2. – С. 166-173

Сураганова З.К., Романова Е.Н., Наурзбаева З.Ж. Научная концепция массового зрелищного этнографического праздника. 2022, на которое получено свидетельство о внесении сведений в Государственный реестр прав на объекты, охраняемых авторским правом № 30234 от 11 ноября 2022 года.

Сураганова З.К., Хабдулина М.К. По следам потомков небесной матери: от мифа к семантике сакрального ландшафта // Stratum plus. Кишинев, 2021. № 5. С. 99-110.

Хабдулина М.К. Бозок – как древнетюркский культовый центр на реке Ишим // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. акад. К.М. Байпакова. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. С. 177-189.

Хабдулина М.К. История создания музея-заповедника «Бозок» // Turkic Studies Journal. 2022. Т. 4, № 2. С. 116-129. – DOI <https://10.32523/2664-5157-2022-2-116-129>

Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47-62.

Худяков Ю.С. Женщины-воины у народов Сибири и Центральной Азии в древности и средние века // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2017. Т. 16, № 3. С. 80-88.

Янушкевич А. Дневники и письма з путешествия по казахским степям. Перв. с польск. Ф. Стекловой. Алма-Ата «Казахстан», 1966. 268 с.

Khabdulina M., Tleugabulov D., Orazbayeva Z. Bozok – The Turkic cult center in central Kazakhstan // Anthropologist. 2016. Vol. 26, No. 1-2. P. 57-64. – DOI <https://10.1080/09720073.2016.11892129>
Standing Committee for the Museum Definition. Standing Committee for the Museum Definition – ICOM Define Final Report (2020-2022). URL: https://icom.museum/wp-content/uploads/2022/07/EN_EGA2022_MuseumDefinition_WDoc_Final-2.pdf (дата обращения: 16.02.2024)

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВРАЗИИ

Жамбыл Омарович Артыкбаев¹

*доктор исторических наук, профессор,
Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева, г.
Астана, Казахстан; socantropology@mail.ru*

ЖРЧЕСКИЕ МОТИВЫ В НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ БАЯНАУЛА

Аннотация. Данная статья представляет комплексное исследование наскальной живописи Баянаульского региона, расположенного в центре Евразийской степи. Работа базируется на анализе археологических находок и устной традиции, выявляя связь между древними изображениями и мировоззренческими представлениями населения эпохи неолита. Автор описывает геологические и ландшафтные особенности региона, обосновывая выбор Баянаула в качестве объекта исследования. Основное внимание уделено анализу сюжетов наскальных рисунков, расположенных в различных частях Баянаула, включая озеро Жасыбай и ущелья Жаман аула. Исследование подчеркивает роль этих изображений в культе солнца и в церемониях, связанных с культом мертвых, предполагая их жреческое происхождение. Приводятся доводы в пользу древности баянаульской живописи, сравнивая ее с другими археологическими и культурными памятниками. В заключение подчеркивается значимость наскальной живописи Баянаула для понимания мировоззрения и культуры новокаменного века, выявляя глубокие корни шаманизма и тенгрианства в культуре древних обитателей этого региона.

Ключевые слова: наскальная живопись, Баянаул, неолит, археологические памятники, жреческие мотивы.

Баянауылдың неолиттік сурет өнеріндегі абыздық мотивтер

Аннотация. Бұл мақалада Еуразия даласының ортасында орналасқан Баянауыл өңірінің жартастағы суреттерінің кешенді зерттелуі ұсынылған. Жұмыс археологиялық олжалар мен ауызша дәстүрді талдауға негізделген, ежелгі бейнелер мен неолит дәуіріндегі тұрғындардың дүниетанымдық көріністері арасындағы байланысты анықтайды. Автор зерттеу нысаны ретінде Баянауылды таңдауын негіздей отырып аймақтың геологиялық және ландшафттық ерекшеліктерін сипаттайды. Баянауылдың әртүрлі бөліктерінде, соның ішінде Жасыбай көлі мен Жаман ауыл шатқалында орналасқан жартас суреттерінің сюжеттерін талдауға баса назар аударылды. Зерттеу бұл бейнелердің күн культі мен өлілерге табынумен байланысты рәсімдердегі рөлін, олардың абыздық шығу тегін көрсетеді. Баянауыл сурет өнерінің көнелігін айғақтайтын басқа археологиялық және мәдени ескерткіштермен салыстыра отырып дәлелдер келтіреді. Қорытындылай келе, Баянауылдың жартастағы суреттерінің осы аймақтың ежелгі тұрғындарының

мәдениетіндегі шаманизм мен тәңіршілдіктің терең тамырларын анықтай отырып, жаңа тас дәуірінің дүниетанымы мен мәдениетін түсінудегі маңыздылығы атап өтілді.

Түйін сөздер: жартаc суреті, Баянауыл, неолит, археологиялық ескерткіштер, абыздық мотивтер.

Priestly motifs in Neolithic painting of Bayanaul

Abstract. This article presents a comprehensive study of rock art in the Bayanaul region, located in the center of the Eurasian steppe. The work is based on the analysis of archaeological finds and oral tradition, revealing the connection between ancient images and the worldviews of the Neolithic population. The author describes the geological and landscape features of the region, justifying the choice of Bayanaul as a research object. The main attention is paid to the analysis of the subjects of rock paintings located in various parts of Bayanaul, including Lake Zhasybay and the gorges of Zhaman aul. The study emphasizes the role of these images in the cult of the sun and in ceremonies associated with the cult of the dead, suggesting their priestly origin. Artykbaev argues in favor of the antiquity of Bayanaul painting, comparing it with other archaeological and cultural sites. In conclusion, the significance of Bayanaul rock art for understanding the worldview and culture of the New Stone Age is emphasized, revealing the deep roots of shamanism and Tengrism in the culture of the ancient inhabitants of this region.

Keywords: rock painting, Bayanaul, Neolithic, archaeological sites, priestly motifs.

Краткий обзор Баянаульского региона. Баянаула (в наше время — Баянауыл) — оазис в самом центре Евразийской степи, с разнообразной природой, с глубочайшей историей. В данное время этот исторический и административный район (50°47'20" с.ш., 57°41'44" в.д.) находится в составе Павлодарской области РК. Баянаул с давних времен известен своими выдающимися людьми, особенно биями, учеными, акынами. Академия наук Казахской ССР созданная в 1946 году наполовину состояла из выходцев Баянаула. Если речь идет об истории Баянаула, то она достаточно хорошо зафиксирована в устной традиции, в том числе в исторических, топонимических легендах и поэмах [Торайғыров 1992: 2]. Данная статья посвященная обнаруженным нами в Баянауле произведениям изобразительного искусства также основывается на устной традиции.

В российской историографии самое раннее упоминание о Баянауле содержится в книге «Топография Оренбургской губернии» П. И. Рычкова. Он называет Баянаул самой высокой из гор на казахской территории: «Баян Ула в Киргиз- кайсацкой Средней орде. Имя ее значит богатую гору, потому что в ней железных и медных руд множество, а сказывают, якобы и золотой и серебрянной руды признаки есть в ней. Она из всех в Оренбургской губерний находящихся гор за высочайшую почитается. Лесов разных находится по ней довольно и множество степных зверей...» [Рычков 1999: 125]. В самом деле баянаулинские горы хотя и славны во всей степи, но не самые высокие в Сарыарке. На территории Центрально-Казахстанского мелкосопочника преобладают возвышенности не более 600-1000 м. Абсолютная высота самого высокого пика Баянаула Акбет всего 1026 м.

В разделе, посвященной описанию природы Баянаула, исследователь сообщает о некоторых исторических и сакральных объектах этого края: «в которой имеется озеро, при коем находятся небольшие птички особого рода. Тут же гробница есть у магометан за святого почитаемого, куда киргизцы по обещаниям ходят купаться и верят, якобы чрез то купанье вылечиваются от разных болезней» [Рычков 1999: 125]. Полагаем, что в данном случае речь идет о пещере Коныр аулие, или Аулие тас в горах Жамбақы, входящей в систему Баянаульских гор. Большинство памятников древнего изобразительного искусства встречается именно вокруг этой пещеры, что предполагает связь между обитателями этой пещеры и рисунками вокруг нее. Само название Баянаула

также имеет определенный сакральный характер, на что в свое время обращал внимание Ч. Ч. Валиханов: «Недаром дано группе этих гор название Баян-Аула, что по калмыцки значит «благополучная гора» (Баян-ола)» [Валиханов 1985: 108]. На казахском языке Баянаул имеет то же значение, то есть благодатные (сакральные) горы.

На территории Баянаула много загадочных памятников. Здесь немало стоянок эпохи камня, поселений и курганов эпохи бронзы, мест разработок цветных металлов. В Баянауле встречаются скифо-сакские курганы с оленными камнями, сакральные памятники гуннов и каменные изваяния древних тюрков вместе со старыми казахскими зимовками. Баянаульский оазис можно рассматривать как место сосредоточения памятников многих тысячелетий, необходимых для понимания закономерностей и объективной интерпретации истории центральных районов Евразии. Задача исторической науки в наше время заключается как раз в сравнительном изучении археологических артефактов и мифо-исторического наследия. Мы в данной публикации на примере обнаруженных нами в недавнем прошлом рисунков на скалах Баянаула постараемся высказать свое мнение об историческом прошлом этого региона.

В системе Баянаульских гор выделяются две основные части — Жаксы аула и Жаман аула. Возвышенности Оголен (969 м.), Шибет (728 м.), Сарытау (747 м.) входят в Жаксы аула. Все возвышенности восточнее озера Жасыбай входят в Жаман аула. Поскольку последние несколько ниже чем горы Жаксы аула, то Жаман аула называют также Киши аула, то есть Малая аула. Между Жаксы и Жаман Баянаула располагается Мырзашоки (Щедрая сопка).

Баянаульские горы образовались из гранитных, сиенитных, порфириновых и сланцевых горных пород. Современный рельеф по утверждениям геологов появился в мезозойской эре, то есть миллионы лет назад. Мезозой делится на три периода: триас, юра, бор, и охватывает примерно 165 миллион лет. Самые значимые процессы в истории Земли произошли в мезозойской эре, появились четыре океана, в это время мировым океаном была покрыта Туранская низменность, которая через Тургайский пролив соединялась с Западно-Сибирским морем. Сарыарка с трех сторон была окружена морями. По мнению ученых в эти времена пробивавшаяся из под земли горячая магма создавала на поверхности земли островки гранитной интрузии. Выбросы магмы и потоки лав повторялись многократно, и постепенно создали красивейшие пейзажи Баянаульских гор. Результатом творческой работы вулканов является огромное количество памятников природы, изображающее различных чудовищ, животных и птиц: Кемпир тас, Когершин тас, Такпар тас, Туйе тас и т.д. Уникальнейшие кварцевые жилы содержащие золото, серебро, олово, вольфрам сформировались также в период грандиозных преобразований Земли [Артыкбаев 2009: 29-62].

Произведения древнего изобразительного искусства. Основной объект нашего исследования — древние произведения изобразительного искусства, которые в основном расположены на северном и южном берегах озера Жасыбай. Одна группа рисунков нами была обнаружена в восточной части озера Жасыбай, в ущельях Жаман аула.

Площадь водной поверхности озера Жасыбай составляет 3,7 квадратных километров, глубина 14,5 метров. Озеро питается в основном из подземных источников богатых минералами, а также за счет ручьев Куркелы и Карабулак. Жасыбай окружен почти со всех сторон высокими горными хребтами, открытой остается только восточная сторона, которая носит название Казан ауызы.

На всей береговой линии озера Жасыбай на скалах мы встречаем как гравюры-петроглифы, так и нарисованные красно-коричневой краской образцы древней живописи.

Из последних наиболее известны рисунки на стенах гротов, расположенные на правом берегу озера Жасыбай, у современного дома отдыха «Кристалл». Здесь озеро имеет высокую каменистую береговую линию. Впервые об этих рисунках написал член Западно-Сибирского отделения Российского географического общества, профессор минерологии П. Л. Драверт

в 1926 году. Статья называется «Грот с писаницей на озере Джасыбай в окрестностях Баянаула»: «На писаницах можно усмотреть 15 фигур, из них 10 надо признать и отнести к изображениям людей в разных позах, причем три фигуры, несомненно принадлежат мужчинам... Небольшие размеры грота вряд ли способствовали избранию его для жилища даже одного человека. Свод и стены его отличаются особой чистотой. Скорее всего это было что-то вроде капища, предназначенного для хранения предметов культа, и рисунки на своде имели, по-видимому, какое-то религиозное или магическое значение. Соседние гроты более обширные и вместительные, могли служить достаточно удобными обиталищами. Своды их сильно закопчены» [Драверт 1930: 232]. К сожалению, на сегодняшний день, благодаря человеческому фактору обнаруженные П. Л. Дравертом рисунки почти исчезли, то что осталось мы предлагаем вниманию читателя (рис. 1).

В гротах, нишах и углублениях камней на северо-западной береговой линии Жасыбая еще сохранились антропоморфные рисунки, однако они также требуют охраны. В летний период берега озера Жасыбай набиты отдыхающими, и среди них немало людей с совершенно дикими повадками, которые во время отдыха размалевывают окуржающие озеро скалы. Один из результатов такого варварского отношения к памятникам наскальной живописи мы видим на примере скалы, условно названной нами «Баксы тас» («Шаман камень»). В последние годы она полностью покрылась именами, непристойными пожеланиями, адресами отдыхающих, нанесенных красками на первобытную живопись (рис. 2)*.

В верхней потолочной части, под утесом на Баксы тас мы зафиксировали рисунки космологического содержания. Некоторые из них нарисованы в специально сделанных углублениях. Например, рисунок, который напоминает с одной стороны солнце, с другой — шанырак (верхний свод юрты). Одним словом эта живопись создана не собирателями, не охотниками, а скорее всего жрецами и отражает сакральное преклонение Тенгри, Небу и Солнцу (рис. 3).

Наиболее сохранившиеся каменные полотна древней живописи расположены к востоку от озера Жасыбай, в ущельях Жаман аула. Наиболее интересный сюжет представляет группа людей, танцующих вокруг солнца. Безусловно сюжет связан с встречей Нового года — Наурыз. Интересное решение принято древним художником в создании действующих лиц в хороводе,

Рис. 1. Грот Драверта

Рис. 2. Баксы тас – Шаман камень (*рисунки 2–6 подготовлены Ж.О. Артыкбаевым)

Рис. 3. 1- шанырак на потолке; 2 – люди под шаныраком (грот Баксы тас)

удлиняющихся к краям полотна. Само солнце, светящееся над танцующими жрецами, имеет 12 лучей. Есть в Жаман аула ряд картин мифологического и мистического содержания. Например, тигр на вершине дерева, галерея глаз, борьба мифологических существ, а также рисунки, отражающие образы мироздания (рис. 4). Некоторые из этих рисунков расположены довольно высоко, подняться к ним представляет определенную трудность.

Рис. 4. 1 – Встреча Нового Года; 2 – Тигр на дереве «Байтерек»; 3 – Глаза «Коз тамга»; 4 – Борьба мифических существ; 5 – Древо жизни; 6 – Коньыр аулие; 7 – Байана и Козы корпеш; 8 – Летящие баксы

Кроме вышеуказанных древняя живопись встречается по дороге от озера Жасыбай к озеру Торайгыр, на правой стороне дороги. Здесь когда-то была зимовка казаха по имени Шоки, поэтому название местности — Шоки кыстауы. Рядом с заброшенной в 30-е годы XX века зимовкой нами были обнаружены следы древней разработки золотоносных кварцитов. Здесь же находится плохо сохранившаяся галерея живописи (рис. 5).

Рис. 5. Танцующие люди на зимовке Шоки

О культовом содержании древней живописи Баянаула. В устной традиции казахского народа немало рассказов, свидетельствующих о древнейшей истории этого благодатного края. Само название Баянаула в устной традиции казахов связывается с главной героиней эпоса «Козы корпеш — Баян сулу»: «Так вот, Баянаула место, где родилась единственная дочь Сарыбая Баян сулу. По этой причине свое название эта гора получила от слов «аул Баяна». То место, где эта девушка потеряла свое каркара (остроконечный головной убор, украшенный перьями журавля и фазана — Ж.А.) стало называться «Каркаралы-Казылык», а там, где она оставила домбыра и бет-моншак (домбыра — музыкальный инструмент, моншак — бусы — Ж.А.) получило название «Домбыралы — Моншакты» ...» [Көпейұлы 2013: 146].

Академик А. Х. Маргулан считал, что эпос «Козы корпеш — Баян сулу» является одним из самых древних, он появился за два тысячелетия назад до нашей эпохи. Кочевые племена на протяжении многих поколений из уст в уста передавали этот эпос и сохранили до нашего времени». Он назвал эту поэму вечной, то есть «мәңгілік жыр» [Маргулан 1985: 307].

Мы также считаем, что эта поэма одна из древнейших в Евразии, поскольку образ Баян сулу литературно обработанный образ творца, богини древнего мира, богоматери. В основе этого понятия лежит понятие «бай», которое применяется в значении «богатство, сакральность, благодать», а в сочетании с «ана» (мать) Байана в представлениях наших предков хозяйка Земли-Воды, покровительница человека, зверей и птиц, деревьев и трав и т.д.

Наиболее раннее письменное упоминание культа «Байана» встречается в «Словаре» М. Кашгари, разделе посвященном племенам аргу. «Байат» — имя Великого Тенгри» пишет средневековый лингвист [Қашқари 1997: 128]. Известно, что племена входящие в сообщество Аргу в XI веке обитали между Испинджабом (Сайрам) и Баласағуном, то есть они занимали территорию от Сайрама и дальше вдоль р. Чу до ее верховьев. Мы можем предположить, что слово «Байана» было известно многим тюркским племенам средневековья, хотя по происхождению арийско-туранское.

Н. Самойлович, интерпретируя Байат из «Словаря» М. Кашгари, пишет следующее: «Слово bayat, которое можно рассматривать как древнюю форму множественного числа на — t от вышеупомянутого слова bayan, обозначало, по словам Махмуда Кашгарского, бога на языке племени аргу и вместе с тем, как это нам известно из других источников, служило названием, по видимому тотемного происхождения, одного из гузских племен» [Самойлович 1936: 32].

Наши исследования по устной традиции казахов свидетельствуют об исторических реалиях многих мифо-поэтических легенд и поэм. Если учесть, что в само название Баянаула казахи вкладывали такие мощные понятия как сакральность, богатство, благодатное место, то эта территория вероятно изначально называлась «Бай ана тауы».

В продолжении темы сакральности приведем еще одну легенду. Одновременно она может нам подсказать кто же были те первые художники, авторы первых памятников изобразительного искусства Казахстана.

В легенде говорится следующее: «Когда Бог (Алла тағала) наслал Великий потоп народу в наказание за неверие, нарушение людских законов, трое святош посвятившие свою жизнь служению людям, а не себе, все время помогая им без передышки и оберегая людей, не создавшие семьи по имени Коныр, Кыран, Кулан отказались сесть на корабль Ноя пророка. Народу было много и они полагали, что если корабль утонет, то причиной беды станут они. С такими соображениями они из нескольких досок собрали плот, сели на него и поплыли. Богу все известно, взял этих бедных в свое покровительство, и когда вода отступила они оказались в этих Баянаульских горах. Коныр аулие выбрал себе на проживание горы Жамбақы, Кыран самую вершину Баянаула, Кулан Кызылтауские горы. Коныр аулие выполнял все просьбы людей, Кыран аулие помогал находить потерянные вещи и скот, предупреждал людей о врагах, когда они еще были далеко, причем появлялся то в виде человека, то исчезал как марево. Найти его был не легко. Кулан аулие иногда в образе кулана, иногда человека показывался, помогал народу в его хозяйственной жизни, оберегал диких животных» [Баянаула 2001: 38].

Эта легенда с интереснейшим содержанием требует глубокого изучения и интерпретации. Сказания о Великом потопе и о пророке Ное известны многим народам, отражены во многих источниках, но рассказ о трех святош спасшихся самостоятельно от потопа есть только в Баянаула. Таким образом сокровенное отношение к пещере Қоңыр әулие есть древнейшая традиция берущая начало со времен Великого потопа (рис. 6). По всем оценкам эти события произошли приблизительно за 10-12 тыс. лет до нашей эры.

В устной традиции казахов имеется масса упоминаний о пещере Коныр аулие, однако не все они нашли отражение в письменных памятниках. Только в конце XIX века известный семипалатинский краевед Н. Коншин в путевых заметках «От Павлодара до Каркаралинска» сделал описание обряда поклонения казахов в этой пещере: «На Аулие-тас ездят молиться больные и просто бедные киргизы, а главным образом бездетные женщины. Приезжают обыкновенно под вечер и ночь проводят или в пещере, или где-нибудь вблизи ее. Богатые колят барана и мясо его варят, разложив костер у входа в пеще-

Рис. 6. Священная пещера Коныр аулие

ру. Мясо варится непременно в воде из казана в пещере, оттуда же берут воду для омовения, пьют ее и особенно поливают ею больные части тела. Вода эта по мнению киргиз имеет целебные свойства. Как мне потом рассказывал один баянаульский старик — Чагыбай Тасыбаев, молящие делают еще свечи из чия, обернув его ватой или тряпками, пропитанным жиром от заколотого барана; эти свечи (шырак) жгутся в пещере, причем показывают вид, что умываются огнем и потирают им больное место на теле. Чем больше сжигаются свечи, тем лучше. По тем снам, какие снятся во время сна около пещеры, можно судить исполнится или нет просимое. Бедные, в знак жертвы, вешают повсюду лоскутки, а богатые как я сказал, колят барана и кладут на казан в пещере деньги. Эти деньги, по словам того же Чагыбая, бедняки имеют право взять себе, но при этом непременно надо обратиться к святому духу пещеры со словами «таксыр, не сердись, позволь мне взять эти деньги» [Коншин 1902: 52].

Как правильно отметил каревед «Глубокой, немагометанской стариной вьет, конечно, от всех описанных обрядов...».

Таким образом, на наш взгляд еще в неолитическую эпоху, то есть в конце эпохи камня, Баянаул становится местом обитания жреческих общин. Эта гипотеза подкрепляется вышеизложенным легендарным рассказом о трех святых, сакральным отношением казахов к пещере Коныр аулие, и самое главное неолитической живописью Баянаула.

Аргументы в пользу древности рисунков. В 1948 году один лучших исследователей палеолита Г. П. Сосновский по итогам своих исследований в Среднем Прииртышье высказал интересную гипотезу о том, что «...в пределах Казахской ССР могут быть открыты весьма древние остатки культуры первобытных насельников этой части Центральной Азии». Он высказал предположение о необходимости более детального изучения небольших песчаных полянок вдоль Иртыша и степных рек.

Однако, в последующем исследователи палеолита, в том числе выдающийся ученый, кстати уроженец Баянаула, Х. Алпысбаев, увлеклись палеолитическими стоянками в предгорьях Каратау на юге Казахстана. Только через два десятка лет А. Г. Медоев занялся палеолитом Сарыарки. Первым делом он изучил береговую линию озера Кудайколь в Баянауле и нашел в большом количестве каменные рубила, скребла и нуклеусы. Находки у озера с интересным названием Кудайколь (буквально переводится как Божье озеро), относились к периоду «леваллу-ашель». Это позволило отождествить находки с «Олдувайской культурой» Центральной Африки.

Во вторых, А. Г. Медоев в ходе изучения Сарыаркинских петроглифов пришел к выводу о том, что отдельные галереи относятся к среднему вюрму, то есть к промежутку между 40-35 тысячелетием. Среди них были и более старшего возраста: «ни один из них не является первым при всем «примитивизме» творения художественного гения. В палеолитических гравюрах Сары-Арка поверхность скалы понята и полностью реализована как плоскость картины» [Медоев 1979: 9]. А. Г. Медоев высказал мнение, что известная в Европе франко-кантабрийское искусство в качестве своих истоков имеет примитивные гравюры казахского палеолита. Путь попадания сюжетов из Центральной Азии в Пиренеи был долог, мигранты шли через Южный Урал, где на стенах Каповой пещеры оставили свои зарисовки. Конечно, и в Европе в эпоху мустье уже появились петроглифические рисунки, но мощная волна переселения из Азии сыграла свою решающую роль.

Что касается непосредственно живописи Баянаула, то А. Г. Медоев был склонен связывать ее с неолитической эпохой: «Наряду с гравюрой, в Сары-Арка обнаружены образцы наскальной живописи. Среди них выделяются архаические произведения, созданные, очевидно, в эпоху мамонтового фаунистического комплекса. Это, например, изображение первобытного быка в гроте Тесик-тас, а затем более молодые, скорее всего неолитические изображения в одном из гротов у озера Джасыбай» [Медоев 1979: 13]. Это примерно начинается с VII-V тысячелетия до нашей эры и находит продолжение в энеолите.

З. С. Самашев в своем исследовании наскальных рисунков в горах Акбауыр в Восточном Казахстане, живопись выполненную коричневой краской из охры отнес к энеолиту [Самашев 1992: 212]. В гротах Акбауыр вместе с различными символами древности встречаются рисунки двухколесных арб. В Баянаульских же рисунках как таковых бытовых, хозяйственных, военных сюжетов нет, вместо них здесь мы наблюдаем поклонение солнцу и встречу нового года, культовые танцы и хороводы, галерея глаз связанные с культом Аргус и т.д. В Баянауле мы видим не отдельные фрагменты, не разрозненные образы и действующие лица, не хозяйственные операции, а определенные композиции, цельные сюжеты, которые отражают мировоззренческие проблемы. Это также свидетельствует о том, что создателями этих композиций были жрецы.

Известные до нас, и обнаруженные нами вокруг озера Жасыбай в Баянауле памятники наскальной живописи являются наиболее яркой иллюстрацией зарождения мировоззрения и культуры новокаменного века.

Сюжеты с поклонением солнцу, танцующие люди, тигр на вершине дерева, борьба мифических существ в древней живописи свидетельствуют о грандиозных изменениях в жизни и человека. В результате формируется тенгрианство, первая стройная концепция мира, как отметил в свое время Ч. Ч. Валиханов «Человек шаманский удивлялся солнцу и поклонялся ему; увидел луну — и ей поклонялся; он поклонялся всему в природе, где замечал присутствие этой неизъяснимой силы, вечной, как время, которую он назвал Синим небом, Кок тангри. Происхождение шаманства — это обожание природы вообще и в частности» [Валиханов 1985: 50].

В эпоху неолита произошли грандиозные изменения в мире, на территории Сарыарки осуществлялся переход к скотоводству, земледелию, к металлургии. Как и в других районах Центрального Казахстана в Баянаула начиная с конца неолита мы видим бурное развитие цветной металлургии. Эти процессы преобразовали человека, произвели революцию в его мышлении. Человек поднялся над окружающей природой, животным миром. Начинается великое противостояние между человеком и природой, стремлением человека подчинить окружающий его мир и сопротивлением этого первозданного мира. Эти противоречия и стали основным содержанием наиболее интересных полотен наскальной живописи Баянаула.

ЛИТЕРАТУРА

- Артықбаев Ж.О.* Баянауыл // Сер. «Менің отаным – Қазақстан». Астана: Фолиант, 2009. 245 с.
Баянаула (қазақ және орыс тілдерінде). Астана: Фолиант, 2001. 167 с.
- Валиханов Ч.Ч.* Следы шаманства у киргизов // Собрание сочинений в 5 томах. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 48-70.
- Валиханов Ч.Ч.* О кочевках киргиз // Собрание сочинений в 5 томах. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 156-162.
- Драверт П.Л.* Грот с писаницей на озере Джасыбай в окрестностях Баян-аула // Известия Западно-Сибирского географического общества. Т. 7. Омск: Западно-Сибирское географическое общество, 1930. С. 231-234.
- Коншин Н.Я.* От Павлодара до Каркаралинска // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Семипалатинск: типография Семипалатинского областного правления, 1902. С. 42-54.
- Көпейұлы М.Ж.* Шығармалары. Т. 1-20. Павлодар: ЭКО, 2013.
- Қашқари М.* Түрік тілінің сөздігі («Диуани лұғат ит-түрік») // 3 томдық шығармалар жинағы. Алматы: ХАНТ, 1997. 590 б.
- Марғұлан Ә.Х.* Ежелгі жыр-аңыздар. Алматы: Жазушы, 1985. 368 с.
- Медоев А.Г.* Гравюры на скалах. Алма-Ата: «Жалын», 1979. 176 с.
- Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа: КИТАП, 1999. 216 с.
- Самашев З.С.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 252 с.
- Самойлович А.Н.* Богатый и бедный в тюркских языках // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. М.; Л., 1936. №4. С. 151-163.
- Торайғыров Ш.* Баян // Дауа. 1992, маусым (июнь).

Бахыт Курбанбаевич Турганов¹

*¹тарих ғылымдарының кандидаты,
Әжинияз ат. Нүкіс мемлекеттік
педагогикалық институты,
Нүкіс қ., Өзбекстан; b_bahadyr@mail.ru*

АРАЛ ӨҢІРІ МЕН ХОРЕЗМДЕГІ САҚТАРДЫҢ МЕТАЛЛ БҰЙЫМДАРЫ

Аннотация. Мақалада Арал бойы өңірін мекендеген көшпелі сақ пен массагет халықтарының көркем металл бұйымдары талданды. Сақ, массагет халықтарында көркем металл бұйымдарын аң стилінде жасау саласы дамыды. Сырдария жағасындағы Оңтүстік Түгіскен және Ұйғарақ ескерткіштерінде скиф-сақ стилінде жасалған көптеген көркем металл бұйымдар табылған.

Сондай-ақ, Әмудария өзені бойындағы қүйісай мәдениеті аймақтарындағы сақ тайпаларының бейіттеріндегі жерлеу жабдықтарының көп бөлігін «скиф-сақ» өнерінің аң стилінде жасалған көркем металл бұйымдар құрайды.

Ерте темір дәуірінде Төменгі Әмудария және Төменгі Сырдария аумақтарындағы сақ мәдениеті ескерткіштеріндегі көркем металл бұйымдары мәдени даму деңгейінің ұқсас болғанын көрсетеді. Ежелгі дәуірде де зооморфты түрде көркем металдан жасалған бұйымдар Арал бойы мен Хорезмде таралуын жалғастырды.

Архаикалық және антик дәуірлердегі көркем металл бұйымдар осы өңір халықтарының мәдени қарым-қатынастары, мифологиялық қиялдары мен көркем өнері туралы көптеген мәліметтер береді.

Түйін сөздер: сақ, Массагет, Арал бойы, Сырдария, Төменгі Әмудария, қүйісай мәдениеті, Хорезм, «скиф-сақ» өнері, қола тоғалар, қола қазан және көркем металл бұйымдар

Металлические изделия саков региона Приаралья и Хорезма

Аннотация. В статье дается анализ художественных металлических изделий саков и массагетов — кочевых племен, проживающих в Приаральском регионе. В племенах саков и массагетов область изготовления художественных изделий из металла развивалась в зверином стиле. В памятниках Южного Тагискена и Уйгарака низовьев Сырдарьи было найдено множество художественных металлических предметов.

Также значительная часть погребального инвентаря в могилах сакских племен на ареалах куюсайской культуры, что расположено по нижним низовьям Амударьи, представляет собой художественные металлические предметы, выполненные в зверином стиле «скифо-сакского» искусства.

Памятники принадлежащие сакской культуре на территории нижней Амударьи и Сырдарьи периода раннего железного века показывают, что уровень культурного развития художественных металлических предметов был схожим. В Приаралье и Хорезме продолжали распространяться художественные металлические предметы, выполненные в зооморфной форме и в античном периоде.

Художественные металлические предметы периода архаики и античности дают богатую информацию о культурных связях, мифологическом воображении и художественном искусстве народов региона.

Ключевые слова: саки, массагеты, Приаралье, Сырдарья, нижняя Амударья, Куюсайская культура, Хорезм, «скифо-сакское» искусство, бронзовые пряжки, бронзовый котел и художественные металлические изделия

Metal products of the saks of the Aral and Khorezm region

Abstract. The article provides an analysis of artistic metal products of the Sakas and Massagets — nomadic tribes living in the Aral region. In the tribes of the Sakas and Massagets, the area of manufacturing artistic metal products developed in an animal style.

Many artistic metal objects were found in the sites of Southern Tagisken and Uygarak in the lower reaches of the Syr Darya. Also, a significant part of the grave goods in the graves of the Saka tribes in the areas of the Kuyusai culture, which is located along the lower reaches of the Amu Darya, are artistic metal objects made in the animal style of “Scythian-Saka” art. Sites belonging to the Saka culture on the territory of the lower Amu Darya and Syr Darya during the Early Iron Age show that the level of cultural development of artistic metal objects was similar. In the Aral Sea region and Khorezm, artistic metal objects made in zoomorphic form continued to spread in the ancient period.

Artistic metal objects from the archaic and antique periods provide rich information about the cultural connections, mythological imagination and artistic arts of the peoples of the region.

Keywords: sakas, massagetae, Aral Sea region, Syr Darya, lower Amudarya, Kuyusai culture, Khorezm, “Scytho-Saka” art, bronze buckles, bronze cauldron and artistic metal products.

Орта Азияда, соның ішінде Арал өңірі мен Сыр өңірінде сақ, массагет тайпаларына қатысты көптеген мәдениеттер мен ескерткіштер анықталды. Б.з.д. I мыңжылдықтағы сақ қорғандарының ішінде қару-жарақ, ат әбзелдері, көркем металдан жасалған бұйымдар ерекше.

Сақ-массагет тайпаларының Әмудария және Сырдария өңірлерінің мәдени-экономикалық және саяси үдерістеріндегі, өзара мәдени қарым-қатынастар жүйесіндегі рөлін көркем металдан жасалған бұйымдар мысалында қарастырып, жалпылама тұжырымдар жасау Арал бойы өңірі тарихын жаңа ғылыми ақпараттармен байытуға мүмкіндік береді.

Зерттеудің мақсаты ежелгі дәуірдегі Арал өңіріндегі сақ және массагет тайпаларының материалдық мәдениетінің негізгі қырларын көркем металдан жасалған бұйымдар мысалында ашып көрсету; Арал өңірі сақтарының өзара мәдени-экономикалық байланыстары мен мәдени ықпалының мәселелерін қарастыру; көркем металл бұйымдар мысалында сақ және массагет тайпаларының мифологиясы мен діни көзқарастарын ашу.

Тақырыпқа қатысты археологиялық және тарихи материалдарды талдау, салыстыру, ғылыми деректерді жинақтау, тарихи-салыстырмалы талдау сияқты зерттеу әдістері қолданылды.

Мақалада Төменгі Әмудария өзені бойындағы ежелгі темір дәуіріндегі сақ тайпаларына тиесілі күйісай мәдениеті және ежелгі Хорезм ескерткіштерінен анықталған көркем металл бұйымдары талданды.

Мақалада Арал бойы өңіріндегі сақ және массагет тайпаларының металл өңдеу өнерінің тарихына қатысты жазба әрі археологиялық деректер жүйеленіп, жаңа әдіснамалық-теориялық көзқарастар негізінде сақ және массагет тайпаларының тарихи география, әлеуметтік-экономикалық тарихқа қатысты мәліметтер жинақталды, сақ және массагет тайпаларының материалдық мәдениеті көркем металдан жасалған бұйымдардың үлгісі ретінде ғылыми айналымға енгізілді.

Ежелгі дәуірден бастап Арал бойы өңіріндегі сақ және массагет тайпаларында қола және темірден қару-жарақ, ат әбзелдері мен көркем металл бұйымдарын жасау арнайы кәсіптің біріне айналады. Сол кезде металл өңдеу және металдан түрлі өнер бұйымдары мен қару-жарақ жасау саласындағы технологиялық жаңалықтарды қолдану мәдени-экономикалық салада түбегейлі өзгерістерге әкелді.

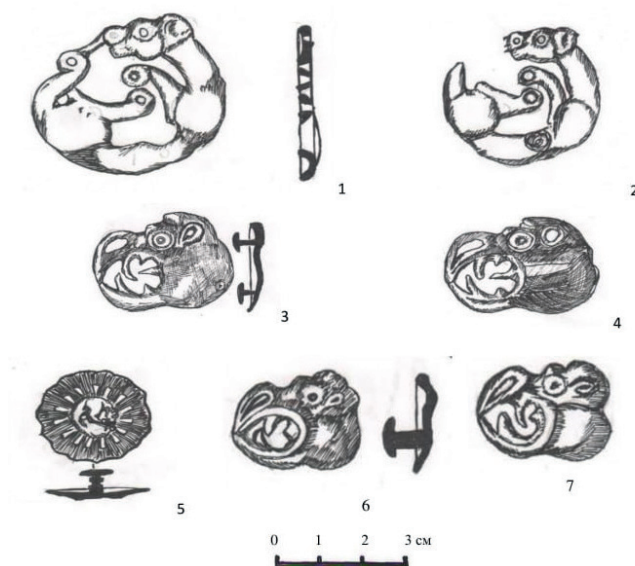
Ежелгі дәуірде көшпелі сақтар мен массагеттер киімдерін, әйелдер мен ерлердің белбеулерін, ат жамылғыларын, ер-тоқымдарын ондаған қола және алтын әшекейлермен — төсбелгілермен, жамылғылармен безендірген.

Грек тарихшысы Геродот (б.з.д. V ғ.) Арал бойы өңірін жайлаған массагеттер туралы: «Олардың барлық заттары мен құралдары алтын мен мыстан жасалған. Найза, садақ, әскери балталары мыстан жасалған, дулығалар (бас киімдер) мен белдіктер алтынмен әшекейленген. Жылқылардың сауыттары да мыстан жасалған» деп жазды [Древние авторы о Средней Азии 1940: 21].

Ежелгі дәуірде сақтар мен массагеттер, сарматтар және басқа да халықтардың «аң стилінде» жасалған көркем металл бұйымдары «скиф-сақ» өнері деп аталады. Бұл өнердің металл бұйымдары жануарлар әлемінің, құбыжықтардың жалғыз немесе шайқаста бейнелері мен суреттерін көрсетеді.

Б.з.д. VIII-V ғасырларда Төменгі Әмудария өзені бойындағы күйісай мәдениеті және Сырдария өзені бойындағы сак тайпаларының қорымдарында «скиф-сақ» өнеріне қатысты көптеген материалдық мәдениет бұйымдары кездеседі. Бұл мәдениет сақ-массагет дәстүрлерімен симбиозда және Орталық Азияның оңтүстігіндегі мәдениеттердің қатысуымен ежелгі Хорезм мәдениетін жасады.

Атап айтқанда, Төменгі Әмудария өзенінің жағасындағы темір дәуіріне тиісті күйісай мәдениетінің Сакарчаға 6 қорғанындағы 23 қабірден серіппелі тоғалар, жапсырма және әшекейлер табылған [Яблонский 1996: 47-49, рис. 20, 1-8]. Олар қоладан жасалған. Екі үлкен серіппелі тоғаның дөңгелек сақинасында жабайы мысық бейнеленген, ал қалған үшеуі көлемі жағынан кіші, және олар фантастикалық грифонның басы секілді жасалған. Шеңбердің ортасында сақи-

1-сурет. 1-2. Серіппелі тоғалар; 3-4,6-7- жапсырма; 5- әшекейлеу. Қола. Сакарчаға. Б.з.д. VIII-VII ғасырлар. (Яблонский Л.Т. 1996.).

намен қоршалған жабайы мысықтың барельефтік бейнесі де орналастырылған. Тоғалардағы бейнелердің әртүрлілігіне қарамастан, олар өзара бірлестірілген стильдік өзгешелікке ие (1-сур.).

Сакарчаға қола тоғаларындағы бейнелердің бірегейлігі — сақ өнерінің алғашқы үлгілерінің бірі болып қарастырылады. Бұл стильдің тараған кезеңі б.з.д. VIII-VI ғасырларға сәйкес келеді.

Сакарчаға тоғаларындағы бейнелер Еуразия шөлдеріндегі ежелгі мифтік жануарлардың бірі болып табылады. Сакарчаға тоғаларындағы «пантералардың» ұқсас түрлері Ұйғарақ ескерткішіндегі материалдардан анықталған, онда ол жабайы стильдегі басқа бейнелер қатарында сақинаға оралған, өте ұқсас жабайы тіршілік иелері түріндегі қола тоғалар бар [Вишневская 1973: 118, таб. XVIII, 7].

«Скиф-сақ» өнерінің көркем металл бұйымдары ерте темір дәуіріндегі күйісай мәдениеті аймақтарындағы сақ тайпаларының бейіттеріндегі жерлеу жабдықтарының үлкен бөлігін құрайды. Оларға қару-жарақ, тұрмыстық заттар, зергерлік бұйымдар, ат әбзелдері жатады.

Бұндай көркем безендірілген металл бұйымдар тоғалар, қабаттамалар және ат әбзелдерінен тұрады. Қола тоғалар мен олардың күмбездерінде жыртқыш құстар, бұғылар, барыстардың және доңыздардың бейнелері көрініс тапқан. Олар көшпелі тайпалардың бейнелеу өнеріне тән құс басты мифтік жаратылыс иесі болған жабайы мақлұқ грифон, барыс пен жолбарыс сияқты аңдардың тұяқтыларды қыйнап жатқан бейнелерінен тұрады. Олар «скиф-сақ» стилінде жасалған.

Әсіресе Оңтүстік Түгіскен мен Ұйғарақ ескерткіштерінде скиф-сақ стилінде жасалған көркем металл бұйымдар көптеп табылған [Вишневская 1973: 118, таб. IX-X, XIV, 7, XXII-XXIII]. Зерттеу деректеріне сүйенсек, Ұйғарақтағы 72 қорған қорымдардың 21%, Түгіскендегі 7 қорған қорымдардың 18% артефакттері «скиф-сақ» өнерінің нысандары болып табылады [Базарбаева, Джумабекова 2019: 348-356].

Атап айтқанда, Түгіскен қорғандарынан зооморфты металл заттардың 59 фрагменттері табылған [Итина, Яблонский 1997: 25]. Олардың ішінде аңшылық көрінісі бейнеленген және алтын жалатылған фольга фрагменті зерттеуші назарын аударады. Ұйғарақ материалдары арасынан арыстан мен пантера бейнелері түсірілген көркем металл өнерінің олжалары анықталды [Вишневская 1973: таб. IX-X, XIV, 7, XXII-XXIII].

Ұйғарақ және Оңтүстік Түгіскен ескерткіштерінің археологиялық материалдары ежелгі темір дәуіріндегі сақтардың Батыс Азия әлемімен байланысын айғақтайды. Арал бойы өңіріндегі сақ тайпалары Оңтүстік-Батыс Азия мен Шығыс Азия, Еуропада таралған «сібір-скиф» стиліндегі элем арасында мәдени делдал бола алуы мүмкін [Итина, Яблонский 1997: 66].

Таяу Шығыстағы кейбір кескіндемелік мотивтер Орта Азия арқылы Алтай мен Оңтүстік Сібірдегі скиф өнеріне өткен болуы мүмкін деген пікірлер Төменгі Әмудария өзені бойындағы күйісай мәдениетінің қорым-қорғандары мен Сырдария өзеніндегі сақ тайпаларының ескерткіштеріндегі археологиялық материалдарда өз дәлелін тапқан [Вишневская 1973: 112-120, таб. IX-X, XIV, 7, XXII-XXIII].

Төменгі Әмудария өзенінің сол жағалауында сақтарға тиісті күйісай мәдениетімен қатар б.з.д. VI-V ғасырларда отырықшы халыққа жататын күзеліқыр мәдениеті пайда болды. Күзеліқыр мәдениетінің ескерткіштеріндегі ерте сақтардың дәстүрлеріне (қару, садақ жебелері, ат әбзелдері, зергерлік бұйымдар мен әшекейлер) тиісті артефактар да үлкен мәнге ие есептеледі. Кейбір зергерлік бұйымдар мен әшекейлер скиф стиліндегі өрнектерде де безендірілген [Вишневская 1979: 567].

Ежелгі заманда Арал бойы өңіріндегі сақ тайпалары мен Хорезм тұрғындарының мифологиясы мен діни сеніміне негізделген зооморфты көркем металл заттардың тарауы әрі қарай жалғасады. Арал өңіріндегі Қуандария өзеніндегі массагет-тохар халықтарының ескерткіштерінен «аң стилінде» жасалған алтын білезіктер табылған [Толстов 1948: 141]. Білезіктердің біреуінің ұштары «аттың басы», екіншісі «көп басты қасқыр» түрінде жасалған.

Ұқсас зергерлік бұйымдар мен сәндік бұйымдар жасау Хорезмнің ежелгі заман қалаларында да қолға алынған. Атап айтқанда, Топырақ қаладан ұшы арыстанның басы тәріздес жасалған білезік табылған [ГМИРК: Кп.42661. Инв. 1503]. Б.з. I-IV ғасырлардағы Айбүйір қаласынан мөр сақинасы табылған [Мамбетуллаев 1984: 47-48]. Қола сақинада жүгіріп келе жатқан немесе секірген киіктің бейнесі қашалған. Қойқырылған қала маңынан да секіріп келе жатқан киіктің бейнесі бар мөр табылған [Толстов және т.б. 1960: 13, рис. 8, 24].

Бұғы мен киіктің бейнесі — Еуразиядағы сақ-скиф тайпаларының өнеріндегі сүйікті образдардың бірі. Олар көбінесе «секіру» күйінде бейнеленген. Бұғы бейнеленген қоладан құйылған

осындай кулондар Ұйғарақтағы сақтар қорымдарының жерлеу жабдықтарының арасынан табылған [Вишневская 1973: 158, таб. 28, 14].

Қола қазандар Қытайдың солтүстігінен Дунай өзенінің арнасына дейінгі географиялық аймақтардың кең ауқымында және үлкен хронологиялық кезеңдер арасында таралған. Оларды сақ, скиф, савромат және сармат тайпаларының шеберлері мыңдаған жылдар бойы құйып, құнды зат ретінде бағалаған.

Хорезм ескерткіштерінде де ежелгі көшпенділер әлемінің «скиф-сақ стилінде» жасалған қола қазандар кездеседі. Ежелгі замандағы Бөрлі қала мен Топырақ қаланың арасындағы құмнан қола қазан табылған [ГМИКРК. Кп. 780. Инв. 3946].

Зооморфты қазанның үш аяғы бар, бүйірі шар тәрізді, түбі дөңгелек. Қазанның түбіне жануарлардың аяқтарына (түйе немесе арыстан) еліктеп жасалған үш кең аяқ бекітілген. Аяқтарының диаметрі 1,5-2,3 см, биіктігі 6 см. Қазанның тұтқасы жылқының пішінінде жасалған. Жылқының алдыңғы аяқтары қазанның мойнында, артқы аяқтары иығында орналасқан. Артқы аяқтары алдыңғы аяқтарынан әлдеқайда ұзын. Қазанның тұтқасындағы жылқының бейнесі толық көлемде орындалған. Жылқы бейнесі пішінінің максималды ұзындығы 11,5 см, биіктігі 5 см, көлденең қимасы дөңгелек, диаметрі 1,5 см. Қазанның жалпы биіктігі 19 см, диаметрінің ең кең жері 15 см, ауыз бөлігінің диаметрі 11,5 см, қабырғасының қалыңдығы 0,5 см, қазанның салмағы 2,6 кг, сыйымдылығы 1,2 литр.

Қазан қоладан құйылған, тұтқасы, мұрыны, аяқтары бөлек құйылған, содан кейін бөлшектері ортақ бөлікке бекітілген. Қола қазан табылған жерді белгілі бір ескерткішпен немесе мәдени қабатпен байланыстырудың қиындығы бұл нысанның шығу тегі мен оның өзіндік ерекшеліктері туралы нақты әрі толық пікір айтуға мүмкіндік бермейді (2-сур.).

Атап айтқанда, қазанның тұтқасындағы жылқының таңбасы ежелгі Орта Азия халықтарының мифологиясында маңызды орын алады. Геродоттың массагеттер туралы әңгімесінде «Олардың табынатын жалғыз құдайы — күн. Олар күн құдайына құрбандыққа жылқыны әкеліп, құдіретті құдайға жігерлі, жүйрік малды құрбандыққа шалу керек деп есептейді» [Древние авторы о Средней Азии 1940: 21]. Ерте орта ғасырларда көшпелі түркі халықтары да көк тәңірге бағыштап, биік тауда қара атты құрбандыққа шалған.

Әрине, зооморфты қола қазан қандай да бір діни-мифологиялық қызметпен байланысты. Себебі бұл қазан кішкентай және құрбандыққа ет пісіруге ыңғайсыз. Әдетте мұндай қазандарда қасиетті сусындар дайындалған.

Қола қазанның құрамдас бөліктерінің зооморфты түрде жасалуының өзі оның символдық мәні бар екенін білдіреді. Қола қазандағы жаратылыс бейнесі Хорезм шекарасындағы сақ тайпаларының діни сенімін, дүниетанымын, ұғымдарын, яғни рухани өмірін көрсететіні сөзсіз.

Демек, Арал бойы өңіріндегі сақтар мен Хорезм материалдық мәдениеттері мәселесінде ежелгі дәуірдегі Хорезм мәдениетін көшпелі тайпаларының тарихынан бөлек елестету қиын. Арал бойы өңіріндегі тұрғындардың архаикалық және көне материалдық мәдениетін зерттеуде зооморфты түрдегі көркем металл заттар маңызды дереккөз қызметін атқарады. Оңтүстік Арал бойы мен Шығыс Арал бойы өңірлеріндегі сақ тайпаларының материалдық мәдениеттеріндегі

2-сурет. Қола қазан. Хорезм. (Қарақалпақстан Мемлекеттік тарих және мәдениет музейі)

ұқсастықтарды көркем металл бұйымдарды аналогиялық талдау арқылы анық байқауға болады.

Атап айтқанда, Төменгі Әмудария өзені немесе Хорезм ескерткіштерінен табылған көркем металл бұйымдарды талдау Арал бойы өңіріндегі отырықшы және көшпелі халықтардың қарым-қатынасы, олардың материалдық мәдениеті туралы бірқатар тың, ғылыми негізделген ақпарат береді.

ӘДЕБИЕТТЕР

Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. К изучению репертуара зооморфных изображений в искусстве саков Инкардарьи (по материалам из Восточного Приаралья) // Археология і древня історія України. 2019. Вып. 4 (33). С. 348-356.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Том VIII. М.: Наука, 1973. 160 с.

Вишневская О.А. Раскопки на городище Кюзели-гыр // Археологические открытия. 1971. М.: Наука, 1972. С. 533-534.

Вишневская О.А. Раскопки городища Кюзелигыр // Археологические открытия. 1978. М.: Наука, 1979. С. 566-567.

Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Хрестоматия. Ташкент: Гостехиздат УзССР, 1940. 172 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 187 с.

Мамбетуллаев М. Бронзовые украшения с Большой Айбуйир-кала // Вестник Каракалпакский филиал академий наук Узбекской ССР. Нукус, 1984. №1 (95). С. 47-50.

Толстов С.П., По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 328 с.

Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3-62.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). Москва: Наука, 1996. 182 с.

Сергей Семенович Тихонов¹

*¹кандидат исторических наук,
Омская лаборатория археологии,
этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН,
г. Омск, Россия; semchi957@gmail.com*

МИГРАЦИЯ ТЮЛЬБЕРОВ В СРЕДНЕЕ ПРИТОМЬЕ

Аннотация. В XVII веке в среднем течении Томи на землях, относящихся к Кузнецкой крепости, жили тюльберы, являвшиеся небольшим тюркоязычным народом, основным занятием которых была охота и рыбалка, а также скотоводство в небольших масштабах. К XVIII веку они были включены в инородческую тюльберскую волость, в которой насчитывалось 32 плательщика ясака. К сожалению, ученые не уделяли особое внимание этому народу, поскольку он был очень мал. В XIX веке тюльберы были ассимилированы и вошли в состав русских, телеутов, теленгитов, шорцев. Во второй половине XX века некоторые вопросы их происхождения, культуры, верований были описаны учеными по сохранившимся письменным источникам.

Автор рассматривает возможность изучить миграцию тюльберов, которые с верховьев Енисея (территория современной Республики Тыва) переселились в среднее течение Томи. Одна группа ушла в район рек Верхняя Терсь, Средняя Терсь, Нижняя Терсь и Тайдон на правом берегу Томи. Другая основалась на левом берегу Томи в верховьях рек Иня, Южная Уньга и Мунгат. Скорее всего, вторую половину пути (от р. Тюльбер) они прошли долиной Томи. Под вопросом остается путь, которым они шли до восточных склонов Кузнецкого Алатау. Неизвестно и то, какая часть тюльберов мигрировала. Автор полагает, что дальнейшие работы позволят ответить на эти вопросы.

Ключевые слова: археология, средневековье, новое время, Западная Сибирь, Среднее Притомье, миграции, тюльберы.

Түлберлердің Орта Притомьеге миграциясы

Аннотация. XVII ғасырда Томның орта ағысында, Кузнецк бекінісіне жататын жерлерде негізгі кәсібі аң аулау мен балық аулау, сондай-ақ аз мөлшерде малшылық болып табылатын шағын түркі тілдес халық — түлберлер өмір сүрді. XVIII ғасырға қарай олар 32 жасақ төлеушілер болған бұратана түлбер болысына қосылды. Өкінішке орай, бұл халықтың өте шағын болуына байланысты ғалымдар оған ерекше назар аудармады. XIX ғасырда түлберлер ассимиляцияланып, орыс, телеуіт, теленгіт, шорлар құрамына кірді. XX ғасырдың екінші жартысында сақталған жазбаша дереккөздер арқылы ғалымдар олардың шығу тегі, мәдениеті, наным-сенімдері туралы кейбір мәселелерді сипаттады.

Автор Енисейдің жоғарғы ағысынан (қазіргі Тыва Республикасының аумағы) Томның орта ағысына қоныс аударған түлберлердің көші-қонын зерттеу мүмкіндігін қарастырады. Түлберлердің бір тобы Томның оң жағалауындағы Жоғарғы Терсь, Орта Терсь, Төменгі Терсь және Тайдон өзендерінің аймағына көш аударды. Басқа топ Томның сол жағалауына, Иня, Оңтүстік Уньга және Мунгат өзендерінің жоғарғы ағысына орналасты. Жолдың екінші жартысын (Тюльбер өзенінен бастап) түлберлер Том алқабымен өткен болуы мүмкін. Олардың Кузнецк Алатауының шығыс беткейлеріне дейін барған жолы сұрақ астында тұр. Түлберлердің қай бөлігі қоныс аударғаны да белгісіз. Автор әрі қарайғы жұмыстар осы сұрақтарға жауап береді деп санайды.

Түйін сөздер: археология, орта ғасырлар, жаңа заман, Батыс Сібір, Орта Притомье, миграциялар, түлберлер.

Migration of Tulbers to Middle Tom River area

Abstract. In the XVII century, in the middle reaches of the Tom River, on the lands belonging to the Kuznetsk fortress, there lived Tulbers, who were a small Turkic-speaking people, whose main occupation was hunting and fishing, as well as cattle breeding on a small scale. By the XVIII century, they were included in the non-native Tulber parish, in which there were 32 payers of yasak. Unfortunately, scientists did not pay special attention to this people, because they were very small. In the 19th century, the Tulber were assimilated and became part of the Russians, Teleutes, Telengites, and Shorians. In the second half of the 20th century, some questions of their origin, culture, and beliefs were described by scientists from preserved written sources.

The author considers the possibility to study the migration of the Tulber, who migrated from the upper reaches of the Yenisei (the territory of the modern Republic of Tyva) to the middle reaches of the Tom. One group went to the area of the Upper Ters, Middle Ters, Lower Ters and Taidon rivers on the right bank of the Tom. The other was founded on the left bank of the Tom River in the upper reaches of the Inya, Southern Unga and Mungat rivers. Most likely, the second half of the way (from the Tulber river) they passed through the Tom Valley. The path they took to the eastern slopes of the Kuznetsk Alatau remains in question. It is also unknown which part of the Tulber migrated. The author believes that further work will answer these questions.

Keywords: archaeology, Middle Ages, modern times, Western Siberia, Middle Tom river's region, migrations, tulbers.

Рассмотрение этнографо-археологических комплексов русских старожилов Среднего Притомья (современные Кемеровский, Крапивинский и Новокузнецкий районы Кемеровской области) [Тихонов 2013: 133-136] оказалось тесно связано с изучением их соседей тюльберов (иначе — тюльбаров, тулуберов, тюлюберов и т.д. Есть и другие варианты написания этнонима — С.Т.) [Тихонов 2019: 413-417; Тихонов 2020: 21-25]. Но один из сюжетов истории этого малого тюркоязычного народа был освещен недостаточно. И он связан с их миграцией с верховьев Енисея в Среднее Притомье.

Это незначительное по размерам переселение, вероятно, не имело большого значения в истории тюркоязычных народов, и, скорее всего, было замечено только непосредственными соседями в начальной и конечной точках их передвижения. Может быть, приход тюльберов на Томь как-то повлиял на смену места терсюками, оставившими свидетельства их пребывания на Томи в виде гидронимов Нижняя Терсь, Средняя Терсь и Верхняя Терсь. Но это только предположение.

Данная миграция может быть охарактеризована как передвижение в однокультурной среде и в пределах привычного мигрантам ландшафта. Они практически не оставляют следов, и трудно фиксируемы. Передвижения такого характера в XVIII веке зафиксированы на Таре (локальная миграция аялыных татар в пределах родовых земель) и на Томи (передвижения русских в пределах Кузнецкого дистрикта на незанятые земли). Казалось бы, их изучение не имеет особого значения, но полагаю, что о них следует знать хотя бы для того, чтобы иметь полные представления о характере этногенеза локальных групп населения Сибири.

Первые дошедшие до нас сведения о тюльберах относятся к 1616 году [Миллер 1999а: 437], когда казак Иван Теплинский назвал тюлюберскую волость среди прочих волостей кузнецких татар. В 1618 году Федор Борисов и его товарищи — казаки, посланные строить кузнецкий острог, зимовали в этой волости [Миллер 1999б: 443]. Данных о ее местоположении казаки не приводят, хотя по очередности упоминания волостей понятно, что она была самой северной.

Сведения о месте проживания тюльберов приводит С. У. Ремезов [Ремезов 1882: л. 34]. На его чертеже нарисованы земли Кузнецкого дистрикта (рис. 1), где он показывает «волость

тюлюберскую» между реками Тайдон и Нижняя Терсть, т.е. примерно на месте современного села Салтымаково, бывших юрт Сустанаковых. Их — тюльберов и юрты — описал спутник Г. Ф. Миллера студент С. П. Крашенинников 1734 г. [С. П. Крашенинников в Сибири 1966: 49-52].

Г. Ф. Миллер, хоть и не был на этом участке Томи, в Кузнецке собрал сведения о тюльберской волости, расположенной от устья р. Ускат до устья р. Мунгат указав, что фактически там было две волости с 32 плательщиками ясака [Миллер 1996: 28].

К сожалению, этнографы XIX-XX веков мало писали о тюльберах, которые еще в XIX веке растворились среди окружающих их этносов: русских, телеутов, теленгитов, шорцев. Однако некоторые сведения об их истории, расселении, численности, культуре они сообщают [Долгих 1960: 112-113; Кимеев 1998: 34-37; Потапов 1972: 145-166]. По их сведениям, а также материалам, полученных автором при изучении Среднего Притомья было определено распространение «тюльберской земли» (рис. 2).

Бесспорно, они занимали участок Томи от устья Верхней Терси до устья Тайдона по правому берегу Томи. Другая группа тюльберов жила по левому берегу Томи в верховьях рек Мунгат, Иня и Южная Уньга. Что касается тюльберов Ячинской (самой северной волости) в устье Уньги,

Рис. 1. «Волость Тюлюберская» на листе 34 «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова. Фрагмент

Условные обозначения

- - русские деревни начала XVIII века
- - юрты Баянской волости
- ▲ - юрты Тюльберской волости

Рис. 2. Расположение русских деревень и тюльберских юрт в Среднем Притомье в начале XVIII века

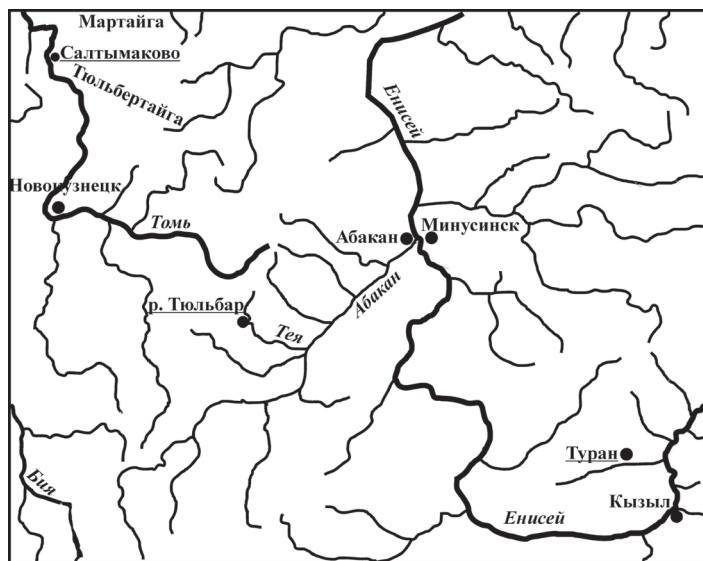

Рис. 3. Основные точки миграции тюльберов

датировки, и другие варианты переводов. В любом случае в домонгольское время на притоке Бий-Хема жил этот хан, владевший землей вдоль Эгека (современного Уюка), и большим табуном лошадей. И с ним связан этноним «тюльбер».

По каким-то причинам, возможно связанным с активностью монголов в конце XII — начале XIII веков, тюльберы вынуждены были покинуть родную землю. Неясно, ушла часть народа, или он весь, каков был начальный путь миграции. В целом, это оптимальный выбор: чтобы не попасть под власть могучих соседей необходимо уйти подальше в тайгу.

Следующий пункт, маркирующий пребывание тюльберов находится на левом притоке р. Абакан — р. Тея на восточных склонах Кузнецкого Алатау. И фиксируется он по гидрониму Тюльбер — реки, впадающей в Тею — левый приток Енисея (Аскизский район, Республика Хакасия). Рядом с р. Тюльбер находятся верховья р. Шора, длина которой 47 км. Она впадает в Томь в районе пос. Балыксу. Если путь тюльберов до р. Тюльбер можно наметить только гипотетически, то следующий путь по р. Шора и Томи представляется очевидным.

Пройдя тайгой небольшой отрезок в 47-50 км мигранты вышли к Томи, и далее двинулись ее долиной вниз по течению до незанятых земель по рекам Терсь, Тайдон, Мунгат, Иня, Южная Уньга, где их присутствие было зафиксировано русскими казаками в начале XVII века (рис. 3).

Изучение миграции тюльберов ставит больше вопросов, чем дает ответов. К числу появившихся относятся следующие:

- знали ли тюльберы о свободной земле в среднем течении Томи? Археологические работы коллег из Кемеровского государственного университета в этом районе позволяют предполагать, что памятники эпохи средневековья в этом районе редки. Хотя не исключено, что в условиях горно-таежной местности такие памятники находить и исследовать непросто;
- соответствует ли территориальное деление тюльберских юрт, объединенных в Баянскую и Тюльберскую волости, потенциально имевшимся этнографическим группам тюльберов?
- топоним Тюльбертайга относится к территории от правого берега Томи до Кузнецкого Алатау. Действительно ли тюльберы осваивали ВСЮ эту территорию?
- в двух районах в среднем течении р. Осипово и на правобережных притоках Тайдона, в верховьях Терсей сохранились гидронимы с наращением -ас, -заз, -гат, -дон не являющиеся тюркскими? Почему здесь неизвестны тюркские гидронимы?

Есть и другие вопросы, и надеюсь, что дальнейшие работы помогут их рассмотреть.

то я предполагал, что это их позднее проникновение на север.

Но откуда же появился в Среднем Притомье этот небольшой тюркоязычный народ? В 1895 году В. В. Радлов перевел на русский язык руническую надпись уюктуранского камня. Он находится на правом берегу р. Туран, левого притока р. Уюк, впадающего справа в Енисей выше Кызыла — столицы Республики Тыва. Текст эпитафии Учина Кулюг-Тирига (высокопоставленное лицо государства кыргызов) гласит: «с моим ханом, народом тюльбери, с доблестными товарищами, с вами, моими соплеменниками...не смог пребывать» [Потапов 1972: 146]. Надпись датируют серединой IX века [Потапов 1972: 160]. Конечно, есть и другие

ЛИТЕРАТУРА

- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М. : Издательство Академии Наук СССР, 1960. 624 с.
- Кимеев В.М.* Притомские тюльберы // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: издательство БГУ, 1998. С. 34-37.
- Миллер Г.Ф.* Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 17-36.
- Потапов Л.П.* Тюльберы енисейских рунических надписей // Тюркологический сборник. 1971. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 145-166.
- Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири. М. 1882.
- С.П. Крашенинников* в Сибири. Неопубликованные материалы. М.-Л.: Издательство «Наука», 1966. 180 с.
- Тихонов С.С.* Этнографо-археологические комплексы русских Притомья и возможности их изучения (по материалам среднего течения р. Томь в Кемеровской области) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. № 3 (97). С. 133-136.
- Тихонов С.С.* Четыре варианта легенды о могиле хана Кучума // Пятые Ядринцевские чтения. Мат. V Всерос. науч.-прак. конф. Омск: ОГИК-Музей, 2019. С. 413-417.
- Тихонов С.С.* Исторические предания тюльберов Среднего Притомья в культуре русских старожилов // Народная культура Сибири. Мат. XXVIII науч.-прак. сем. Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: ОмГПУ, 2020. С. 21-25.
- [Миллер Г.Ф.]* Челобитная томского казака Ивана Теплинского // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1999а. С. 437.
- [Миллер Г.Ф.]* Челобитная томских казаков Федора Борисова с товарищами // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1999б. С. 443.

Сакен Зейнуллович Раздыков¹

*¹кандидат исторических наук,
Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан; rasdikov@mail.ru*

К ПРОБЛЕМЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. Вопросы землепользования и земельной собственности у казахов, занимавшихся кочевым скотоводством, были и остаются актуальными, т.к. эта проблема обусловлена особой ролью земли в кочевом обществе.

Несмотря на полемику, начатую в 30-х гг. прошлого столетия, до середины 50-х гг. XX в. среди ученых не выработалось единого мнения по вопросу о характере, формах и праве феодальной собственности в Казахстане. В советской историографии господствовали два противоположных мнения: первое — еще со времен Караханидского государства (XI в.) в Казахстане существовало право феодальной поземельной собственности (С. В. Юшков, С. З. Зиманов, А. Е. Еренов и др). Вторая точка зрения — в условиях кочевого скотоводства основным средством производства был и оставался скот, а не земля..., не владение землей, а владение скотом являлось определяющим фактором эксплуатации (В. Ф. Шахматов, С. Е. Толыбеков и др.). Та либо иная позиция доминировала в различные периоды в истории, но ученые не пришли к единому мнению и вопрос остался не решенным в исторической литературе.

Ключевые слова: степь, казахи, кочевники, кочевой образ жизни, землепользование, землевладение, частная собственность на землю, феодализм, собственность на колодцы, постоянные жилища.

Көшпелі қоғамдағы жерге меншік проблемасы және оның Ресей империясының заңнамасында көрініс табу мәселесіне

Аннотация. Көшпелі қоғамдағы жердің ерекше рөліне байланысты көшпелі мал шаруашылығымен айналысатын қазақтардың жер пайдалану және жер меншігі мәселелері өзекті болды және болып қала береді.

Өткен ғасырдың 30-жылдарында басталған пікірталасқа қарамастан, XX ғасырдың 50-жылдарының ортасына дейін ғалымдар арасында Қазақстандағы феодалдық меншіктің сипаты, нысандары мен құқығы туралы бірыңғай пікір қалыптасқан жоқ. Кеңес тарихнамасында екі қарама-қарсы пікір басым болды: біріншісі — Қарахан мемлекеті (XI ғ.) кезінен бастап Қазақстанда феодалдық жер меншігі құқығы болды (С. В. Юшков, С. З. Зиманов, А. Е. Ершов және т.б.). Екінші көзқарас — көшпелі мал шаруашылығы жағдайында өндірістің негізгі құралы жер емес, жер иелену емес, мал иелену болған және болып қала береді (В. Ф. Шахматов, С. Е. Толыбеков және т.б.). Белгілі бір ұстаным тарихтағы әртүрлі кезеңдерде үстемдік етті, бірақ ғалымдар ортақ пікірге келмеді және мәселе тарихи әдебиетте шешілмеген күйінде қалды.

Түйін сөздер: Ұлы Дала, қазақтар, көшпелілер, көшпелі өмір салты, жерді пайдалану, жер иелену, жерге жеке меншік, феодализм, құдықтарға меншік, тұрақты тұрғын үйлер.

On the problem of land ownership in a nomadic society and its reflection in the legislation of the Russian Empire

Abstract. The issues of land use and land ownership among the Kazakhs who were engaged in nomadic cattle-breeding were and remain topical, since this problem is caused by the special role of land in nomadic society.

Despite the polemics which have started in the 30's of the last centuries, up to the middle 50's of the XX century there was no unified opinion among scientists on the question of the nature, forms and the right of feudal property in Kazakhstan. The Soviet historiography was dominated by two opposite opinions: the first — since the times of the Karakhanid state (XI century) in Kazakhstan existed the right of feudal land ownership (S. V. Yushkov, S. Z. Zimanov, A. E. Erenov and others). The second point of view — in conditions of nomadic cattle breeding the basic means of manufacture was and remained the cattle, instead of land..., not possession of the land, but possession of cattle was a defining factor of exploitation (V. F. Shakhmatov, S. E. Tolybekov and others). One or the other position dominated at different periods in history, but scientists did not come to a consensus and the question remained unresolved in the historical literature.

Keywords: steppe, Kazakhs, nomads, nomadic way of life, parcel economy, land use, land tenure, private land ownership, feudalism, ownership of wells, permanent dwellings.

Исследование практики развития земледелия и землепользования у казахов в XVIII — первой половине XIX в. требует обращения к его историческому наследию. В экономическом отношении кочевые районы никогда не были самодостаточны, вследствие чего были плотно завязаны с оседло-земледельческими районами. Бичурин нашел сведения о тесных контактах кочевого скотоводства и земледелия в древнекитайских хрониках и летописях. «Элементы оседлости и земледелия, — писал С. П. Толстов, — всегда сопровождают кочевое скотоводческое хозяйство» [Толстов 1934]. Взаимосвязь кочевничества и оседлости в разных регионах доказана в ходе археологических открытий А. Н. Бернштамом, С. П. Толстовым, А. Х. Маргуланом подтверждена исследованиями современных археологов и этнографов.

Но изучение землевладения, появления частной собственности на землю при сохранении кочевого образа жизни как основного средства производства до сегодняшнего дня является научной проблемой, требующей своего разрешения.

Следуя логике нашего исследования, можно выделить три группы источников: архивные, сборники опубликованных документов и источники личного происхождения.

1. Архивные материалы представлены документами Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Омской области (Омск, Российская Федерация), Центра хранения архивного фонда Алтайского края (Барнаул, Российская Федерация). Казахстанские архивы представлены материалами Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан).

2. Сборники опубликованных документов представлены «Материалами по казахскому обычному праву» [Материалы по казахскому... 1948], статьями из «Полного собрания законов Российской Империи» [Полное собрание... 1891], «Сборника узаконений о киргизах степных областей», составленного старшим советником Тургайского областного правления И. И. Крафтом [Крафт 1898], изданного в конце XIX в., сборником законов и распоряжений «Переселение и землеустройство в Азиатской России», составленным В. П. Воцининым [Переселение и землеустройство... 1915]; а также «Материалами по киргизскому землепользованию» [Материалы по киргизскому... 1903], собранными в ходе экспедиций 80-90-х гг. XIX в.

3. К источникам личного происхождения относятся воспоминания, дневники, отчеты чиновников, путешественников и труды исследователей казахского традиционного общества

XIX — начала XX вв. Среди них можно назвать работы «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.» [Путешествие через Сибирь... 1882], А. И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей», являющуюся энциклопедическим собранием сведений по истории и этнографии казахского народа [Левшин 1832], Л. Л. Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства» [Мейер 1865], А. А. Кауфмана «Отчет старшего производителя работ Кауфмана по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации» [Кауфман 1896-1897], П. Рычкова «Топография Оренбургской губернии» [Рычков 1887], Л. Чермака «Формы киргизского землепользования» [Чермак 1908]. Среди этих работ можно выделить и труды казахских исследователей Ч. Ч. Валиханова «Аблай» [Валиханов 1904], А. Букейханова «Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи» [Букейханов 1903].

Методологической базой исследования послужили современные концепции и подходы к изучению кочевой культуры, которые предполагают отказ от господствовавших ранее постулатов и отношение кномадам как к равным в своем развитии, признание их прав на собственное целеполагание и контроль за своей эволюцией. Методы исследования: историко-этнографический, с помощью которого мы попытались воссоздать ретроспективную реконструкцию развития кочевого землепользования; тенденции развития собственности у кочевников позволили определить сравнительно-исторический метод; историко-ареальный — вывел нас на внутри- и межрегиональные явления, помог установить степень их интенсивности.

Проблема возникновения собственности и ее разновидностей в кочевых обществах является до сих пор не решенной. Зарубежные аналитики, сравнивая кочевников Африки нового и новейшего периодов с оседлыми обществами, считали, что у них (кочевников) частная собственность является значительно менее полной и развитой, чем у оседлого населения [Хазанов 2000]. Но в то же время исследователи отмечают, что большинству кочевых обществ была присуща общинная собственность на пастбища, для которой характерно большее разнообразие, чем частносемейная либо частноиндивидуальная собственность на скот. В качестве примера они приводят номадов Восточной Африки, некоторые кочевые общества Судана, Сомали или аль мурра [Хазанов 2000]. Это и понятно, так как исследователи считали основным средством производства скот, а земля рассматривалась как средство для содержания скота.

В XVIII в. кочевые казахи продолжают кочевать аулами по стабильным маршрутам, имея постоянные зимовки. Характерной особенностью аульной общины казахов была дуалистичность родовой (общинной) и частной собственности на средства производства. Производство было индивидуальным. Каждый самостоятельно обеспечивал свое существование. Главным распорядителем земель был хан, но распоряжались ею представители феодальной верхушки. Так, П. Рычков в своей «Топографии Оренбургской губернии», изданной в 1762 г., писал: «Что до Средней орды принадлежит, то она всегда особливых своих владельцев имела» [Рычков 1887]. Под «особливыми владельцами» П. Рычков, возможно, имел в виду султанов, управлявших этими землями и фактически являвшихся их собственниками. Каждый из влиятельных султанов имел свои зимовки, летовки, и большая часть этих угодий носила личные имена владельцев.

Относительно казахского землепользования XIX — начала XX вв. российские авторы опирались на точку зрения А. Левшина, утверждавшего, что казахи, занимавшиеся кочевым скотоводством, перекочевывая на длительные расстояния, не могут иметь постоянных жилищ и владеть землями [Левшин 1832: 15]. Большинство дореволюционных исследователей казахского общества в лице Т. Седельникова, А. Кауфмана, В. Остафьева, П. Хворостанского и др. придерживались концепции А. Левшина.

К середине XX в. ученые выявили противоречия в понятиях «земельная собственность» и «землепользование» у кочевых народов. В 1954 г. в Ташкенте была проведена специальная научная сессия, на которой одним из основных вопросов было рассмотрение проблемы эконо-

мических основ кочевых обществ. По результатам научной дискуссии была принята резолюция сессии, где большинство ученых поддержали доктрину о существовании в кочевом казахском обществе феодализма, основой которого является частная собственность на землю [Материалы Объединенной научной... 1955].

Но в работах последующих советских авторов возобладал общий постулат об отсутствии земельной собственности. В основе такой точки зрения лежала аксиома ученых, утверждавших, что в условиях кочевого скотоводства пастбища находились в собственности рода. Ключевым становится положение о том, что кочевое скотоводство может сохраняться только при наличии больших «необитаемых пространств», используемых общинами для сезонных перекочевков. И данный постулат стал господствующим в исторической науке. Хотя еще в середине прошлого столетия С. Зиманов писал, что «методологически неправильно искусственное расчленение единого объекта отношений производства на две произвольно оторванные части — на скот и на пастбище» [Материалы Объединенной научной... 1955: 133].

Что же касается современных российских и казахстанских этнографов, то в силу объективных и субъективных причин они практически не занимались вопросами земельной собственности и землевладения в кочевом обществе. Можно отметить, что проблемы нomaдизма продолжены в работах А. М. Хазанова, Ж. О. Артыкбаева и др., но освещаемые в данной статье проблемы исследователями глубоко не затронуты. В данном направлении интересные находки найдены казахстанскими археологами [Бейсенов 2020], но они еще не получили достойной интерпретации.

XXI век отмечен тем, что сегодня прошлое не является отдаленными от нас анналами. Древность становится активным, полноправным участником культурных и политических процессов современного общества, и проведение интегральных исследований истории, культуры, этнологии кочевых обществ приводит к формированию метапредметных навыков. Наступило время, когда нomaдология (кочевниковедение) должна объективно рассматривать все стороны хозяйственно-культурной системы казахов, систему землепользования, землевладения, земельной собственности.

Изучение казахско-русских хозяйственных и других контактов не может проводиться вне контекста истории хозяйственно-культурных систем внутренней Евразии. Здесь параллельно развивались кочевническо-скотоводческие и оседло-земледельческие хозяйственно-культурные комплексы, внутри которых присутствовало множество подтипов и локальных вариантов. Появление кочевого скотоводства было прогрессивным явлением, которое привело к росту производительности труда на ранних ступенях развития человеческого общества, позволило человеку покорить новые пространства для обитания и хозяйственной деятельности.

Хозяйственные комплексы евразийской степи (скотоводческие и земледельческие) порой не совпадают с природными или политическими границами. Мы можем отмечать лишь свойство повышенной адаптивности кочевников-скотоводов, на которую оказывали воздействие экономические потребности, социальные аспекты, политические устремления представителей отдельных слоев и групп. Результатом влияния внешнего мира становится относительно быстрая модификация либо трансформация хозяйства. И, как подчеркивает один из классиков кочевничества, «этот внешний мир по отношению к кочевому обществу проявляется не просто созерцательной средой, а активной силой взаимодействия» [Хазанов 2000: 323].

Для казахов, кочевавших на территории Степи, такой активной силой взаимодействия явилась Российская империя, приступившая к освоению Сибири, построившая к исследуемому периоду города и заинтересованная в укреплении и расширении торговых связей с Казахской степью. Уже в XVII в. русские торговые люди на стругах поднимались по Иртышу за солью до Ямышевского озера, торговали на ярмарках. Так, посланник России в Китай Н. Г. Спафарий в 1675 г. пишет о Ямышевской ярмарке, на которую «приходят многие тысячи людей, калмыки

(джунгары — Авт.) и бухарцы и татары торгуют с русскими людьми» [Путешествие через Сибирь... 1882: 43].

Укрепляются и политические связи. С XVII в. казахские ханы обратили более пристальное внимание на могущественного соседа — Российскую империю. Прагматичность ханов, вызванная экономическими потребностями и давлением со стороны Джунгарии, склонила отдельных казахских правителей в XVIII в. принять подданство России.

В 50-е гг. XVIII в., после разгрома ее Цинской империей, Джунгария прекратила свое существование. Ш. Валиханов дал весьма точную формулировку случившимся событиям: «падение сильной Джунгарии навели на всю Азию панический ужас» [Валиханов 1904: 114]. И появление вместо Джунгарии Китая как еще более мощного конкурента в межгосударственном соперничестве за сферы влияния в Казахской степи сильно встревожило российских чиновников. Единственной кочевой цивилизацией в Центральной Азии остался казахский этнос. Государственные мужи пришли к единому мнению о необходимости форсировать свою наступательную политику в Центральной Азии. С этой целью стали укрепляться военные линии, строились крепости. Только на территории Западно-Сибирского генерал-губернаторства протяженность укрепленной линии составляла почти 2 тыс. верст.

Для полнокровного существования парцеллярного кочевого хозяйства всегда были необходимы обширная естественно-природная территория и свободное, т.е. незаселенное, пространство. Основным средством производства кочевников являлась земля, к которой относятся пастбища и кочевья, пахотные земли, охотничьи территории и т.п. Казахи, сохранявшие кочевой образ жизни до 30-х годов XX века, вынуждены были кочевать в течение года на огромные расстояния. Бесперывное кочевое передвижение было вызвано экономической необходимостью, обусловленной климатическими условиями и спецификой основного средства производства — скотоводства.

С XVIII в., после указа Анны Иоановны о протекторате, начинается изъятие пастбищных земель кочевников. Под изъятие попадали пастбищные земли, расположенные по берегам рек и озер, места зимовок, никем и никогда не оформленные де-юре, но де-факто закрепленные на основе традиционного права казахов. Незвестный автор заметок о Казахской степи, написанных к началу 50-х годов XIX в., писал, что «...с глубины веков, по установившимся традициям, а это значит, что по понятиям казахов и фактическому владению, места зимовок принадлежат лицу, ...а также и скотопромышленникам...» [Материалы по казахскому... 1948: 167].

По всей видимости, неизвестный автор был хорошо знаком с образом жизни и обустройством кочевого общества, когда пишет с «глубины веков». Действительно, согласно китайским летописям, относящимся к III-II вв. до н.э., у гуннов «у каждого есть отдельный участок земли» или «каждый имел отдельную полосу земли и перекочевывал с места на место, смотря по прихоти в траве и воде». Эти сведения исследователи цитируют из трудов Бичурина [Материалы Объединенной научной... 1955: 30]. Они же приводят свидетельства более позднего времени о том, что «глава усуней Цылыми, носивший титул гуньмо, объявил, что «никто не смел пасти скот на его пастбищах» [Материалы Объединенной научной... 1955: 31], т.е. все пастбища, все земли были закреплены за отдельными представителями родоплеменной верхушки, так как появление частной собственности на скот неминуемо приводит к возникновению частных владений на пастбища, считавшиеся ранее общинными.

В империи Чингиз-хана, с государством которого связывают расцвет номадизма, особенно четко выступают феодальные отношения, что проявляется в установлении монополии племенной верхушки на право распоряжения землей. В. Рубрук в своем «Путешествии в восточные страны» отмечал: «Всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои

стада зимою, летом, весною и осенью» [Рубрук, Карпини 1911: 69]. И эти отношения неминуемо продолжают сохраняться и развиваться в казахском кочевом социуме.

Но, несмотря на такое закрепление, внутри русского общества с XVIII века культивируется мысль, что если бы в Степи появились частные владения, то кочевание на огромные расстояния было бы практически невозможно. В рамках господствующей позиции в 1870 г. были опубликованы «Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой орде силу закона», собранные по распоряжению Л. Баллюзека, начальника Оренбургского областного управления. В материалах красной нитью проходит точка зрения, что у казахов «по условиям их кочевой жизни и при ежедневной почти перемене мест кочевания, согласно потребностям их скотоводства, не могло быть и нет поземельной собственности» [Баллюзек 1871: 121]. Такое категоричное утверждение дореволюционных исследователей было сформировано под влиянием имперской политики русского государства.

Тем более что со второй четверти XVIII в. после принятия российского протектората господствующее положение в казахском обществе переходит к полуфеодалу-баю, а традиционная аристократия в лице султанов отходит на задний план. Именно среди родовой верхушки усиливается тенденция обособить в свое личное пользование наиболее благоприятные пастбища, которые, на фоне господства в степи захватного способа, могли быть заняты другими в любое время [ЦГА РК. Ф. 4]. Данный процесс ускорил развитие социальной дифференциации внутри казахских родов, стратификацию традиционной казахской общины.

Современная казахстанская историческая наука заявляет о том, что при изучении истории казахов она отошла от формационного подхода. Конечно, отказ от догм имперского и советского тоталитарного прошлого дал нам возможность исследовать определенные проблемы более открыто. В казахстанской историографии все еще сохраняет определенные позиции положение о том, что казахский народ миновал стадию феодализма. Но отказ от формационного подхода не означает отказа от способа производства. Теоретики кочевого социума пришли к мнению, что в период расцвета кочевого общества владение пастбищами фактически принимает частнособственнический характер. На основе взглядов этих ученых и была принята Ташкентская резолюция специальной научной сессии о господстве феодализма в кочевом обществе казахов и существовании частной собственности на землю.

Земля, как субстанциональная основа жизнедеятельности человеческого сообщества, определяет основные контуры социальной и этнической организации, служит жизнеобеспечивающей силой. Те понятия, которые сформировались на европейском материале по вопросу отношения к земле, не совсем подходят к кочевому обществу, так как оно представляет другой тип культуры. Особенностью земельной собственности у казахов-кочевников было то, что она была замаскирована общинным землепользованием, так как кочевали они общинами и юридически земля не была закреплена за феодалами. Мы считаем, что нельзя отождествлять общинное землепользование и общинную собственность: общинное землепользование есть форма землепользования, а не собственность. Землей же фактически распоряжалась и владела родовая верхушка, в чьих руках находилась основная масса скота. Бийско-байской родовой верхушке при процессах формирования феодальной земельной собственности было удобно сохранение формального признания общинного землепользования на эти земли.

При исследовании хозяйственно-культурного комплекса кочевого казахского общества выясняется интересный момент: экономическая сторона вопроса о собственности отличается от собственности юридической. Понятие «собственность» составляют три полноценных компонента: право владения, право пользования и право распоряжения, причем «право распоряжения» представляется нам ключевым.

Проработав законы Российской империи, мы отмечаем, что правительство постоянно держало под контролем вопросы землепользования казахов, о чем свидетельствуют зако-

ны и подзаконные акты того периода: «О состоянии дел в Оренбургской губернии» (1770 г.); «О непродаже пустопорожних земель в Оренбургской губернии» (1770 г.); «О переселении киргиз-кайсаков из дальних степей во внутренность России» (1788 г.); «О переходе киргиз на внутреннюю сторону Урала» (1808 г.) [Полное собрание законов... 1891] и т.д.

То есть все эти нормативно-правовые акты касались пользования кочевниками-казахами тех или иных земель империи, но в основной своей массе, как пишут современники, «...неопределенность права по земельной собственности в казахском обществе представляет бездну недоразумений и замешательств» [ГАОО. Ф. 2.]. И среди множества документов мы не нашли даже упоминания о наличии собственности на землю у казахов. Законотворцы предпочитали обойти вопросы собственности и, следуя позиции правящей верхушки, констатировать: земли, не отведенные казахам, «считать свободными». Также они подчеркивали, что экономическая категория собственности у кочевников остается явлением неопределенным. Но отсутствие законодательных актов, на наш взгляд, не означает, что частной собственности на пастбище как таковой не было.

Нам видится, что представителям царской администрации, как и дореволюционным российским исследователям, находившимся у нее на службе, было выгодно показывать неустоявшийся характер поземельных отношений у казахов. Поэтому в «Материалах» экспедиции Щербины относительно Павлодарского уезда и отмечается, что процесс обособления еще не завершился: «здесь или совершенно нет границ между пастбищами, принадлежащими различным аулам, или эти границы настолько неопределенны, «нобай», как говорят киргизы, что выяснение их не представляется возможным» [Материалы по киргизскому... 1903: 295].

В начале XX в. А. Кауфман отмечал существование захватного права, которое отождествляет с частной собственностью, но при этом данное право он признавал только за русскими крестьянами [Кауфман 1896-1897: 87]. Его современник Л. Чермак, признавая наличие собственности на пастбища у кочевников, подчеркивает, что в некоторых случаях имеет место право захвата, а в других ситуациях закреплением пастбища может являться труд, приложенный к данному пастбищу. В большинстве случаев такое закрепление осуществлялось за счет строительства колодцев, то есть, соорудив такой колодец, кочевник фактически получал право на владение данной стоянкой, именуемой в казахском обычном праве «жұрт». Полученное таким образом право на стоянку распространялось и на пастбище — «әріс». Л. Чермак констатирует: «что одни и те же лица из года в год останавливаются на одних и тех же местах» [Чермак 1908: 34].

Как долго казахи пользовались одними и теми же пастбищами, являясь фактически их владельцами? В «Материалах по казахскому обычному праву» написано: «Неотъемлемое право на одну и ту же зимовку ордынец может иметь тогда лишь, когда в оной устроены повторные приюты для своего скота», т.е. достаточно хотя бы два раза перекочевывать на это стойбище [Материалы по казахскому... 1948: 85].

Регулярное пользование зимовками родовой аристократией является подтверждением процессов закрепления их в собственности знати, т.е. если представители родовой знати в течение определенного времени пользовались одними и теми же зимовками, то такое қыстау становилось фактически его собственностью. При подобном обособлении на зимних и летних пастбищах стали устанавливать «оба» — вкопанные в землю каменные метки, на которых порой выбивали тамги (родовой или личный знак) [Koshman, Khabdulina 2020]. «Оба» либо другая его форма — «бөлік тас» — оберегались адатом и шариатом, за нарушение которого налагалось большое взыскание.

Захватное право землепользования было крайне выгодно аульной верхушке, т.к. это позволяло ей захватывать в свои руки общинные земли и распоряжаться ими. Исследователи дореволюционного кочевого хозяйства приходят к мнению, что «потребность в таком регулировании землепользования явилась только тогда, когда значительно сократились зимние

кочевки и многие хозяйства начали ежегодно приходить на одно и то же место и проводить на нем несколько зимних месяцев» [ЦГА РК. Ф. 374.].

Прерогатива распоряжения кочевьями относилась к сфере феодального права и расширялась в зависимости от того, какое количество кибиток (семей), составлявших общину, состояло под властью бия или батыра. Права же рядовых скотоводов в пользовании зимовками были весьма условны, т.к. они были зависимы от родоправителей, и бийско-байская верхушка, сконцентрировавшая в своих владениях скот, всемерно пользовалась захватным правом на лучшие пастбища [Razdykov et al. 2019].

Можно отметить, что уже с середины XVIII в. знать усиливает попытки обособить наиболее благоприятные пастбища. Исследователи казахского общества вводят понятие «қоуін» как одно из доказательств принадлежности пастбища тому или иному аулу. Қоуін — это стоптанный за время стоянки помет, и если кочевники оставили на этом пастбище қоуін, то теперь они могли считать данную стоянку своей, имели право устроить здесь кош на следующую зиму. «По величине қоуіна можно судить о количестве на нем пасшегося скота, следовательно, можно приблизительно определить и пространство окружающих пастбищ, которые используются этим скотом (орыс), что в свою очередь определяет местности, где могут быть основаны новые стоянки без стеснения скота первого зимовщика и последующих» [Чермак 1908: 35].

Свидетельство Л. Чермака относится к началу XX в. Но более поздние исследователи отмечают, что уже «во второй половине XVIII в. интенсивно шло освоение лучших зимовок феодалами» [Материалы Объединенной научной... 1955: 123].

Основываясь на документах Российского государственного исторического архива, академик Л. П. Потапов в 50-е гг. XX в. приводит материалы о том, что за период с 1830 г. по 1845 г. ханом Джангиром «было выдано 1 517 документов на владение земельными участками. В результате из 7 млн. десятин земли 4570 тыс. перешло в исключительное распоряжение 20 привилегированных семей Букеевской орды» [РГИА. Ф. 1291.]. В других регионах Казахской степи отмечаются факты, когда наиболее влиятельные бии и батыры, стоявшие во главе казахских общин, могли контролировать большие кочевые маршруты, что расширяло их возможности присвоения обширных и лучших пастбищ. Как крупные скотовладельцы, они были заинтересованы прежде всего в личных обширных пастбищах, чтобы обеспечить скот хорошими кормами на зиму.

При выявлении проблемы собственности нельзя обойти стороной и собственности на колодцы — кудуки. В безводной степи колодцы имели первостепенное значение. При строительстве кудуков выбиралось наиболее подходящее место, на которое указывали обычно знающие аксакалы. Глубина колодца зависела от того, насколько глубоко протекала вода. Яму выкапывали со скошенными краями, в большинстве случаев без боковых срубов, т.к. дерево в степи — вещь довольно редкая. Поэтому такое примитивное устройство кудука требовало ежегодного ухода, т.к. края обваливались, и колодец засорялся. Большинство колодцев в степи использовалось только для водопоя скота, вода в них чаще всего была соленой. Встречались также кудуки, стенки которых выкладывались камышом, закрепленным вбитыми в дно колодца кольями. Никто не имел права стать на чужой водопой. Устройство любого колодца — это труд не одного человека. Поэтому факт строительства колодца, потраченный на него труд, создавал право на определенную территорию. Участники экспедиции по исследованию казахского землепользования констатируют, что «такое значение колодцев объясняется именно тем, что воду можно достать далеко не везде, почему наличность воды и создает право на землю. Право — это довольно прочное и охраняется ревниво: не говоря уже о том, что посторонние не допускаются к водопоям данной группы» [Материалы по киргизскому... 1903: 203].

В приведенном здесь материале о колодцах мы видим еще общественную собственность, т.е. собственность рода. Но не следует забывать установку правительства на отсутствие собственности у кочевников. Исследователь кочевого общества Н. Масанов, выделяя особое

значение природно-климатических условий для развития скотоводства, приходит к выводу, что определяющим фактором в кочевом обществе является не скот и не земля, а наличие водных ресурсов. Ученый выделяет два типа кочевого скотоводческого хозяйства: естественное водопользование и искусственное водопользование. При этом исследователь считает первичным фактор водопользования, а частной собственности на скот он отводит второстепенную роль [Материалы по киргизскому... 1903: 385].

На наш взгляд, вода (либо колодец) относится к земле, и строительство колодца — это труд, приложенный к земле. Строительство колодцев требовало затрат большого количества человеческого труда, который бедняк осилить никак не мог. Формально каждый скотовод имел право на рытье колодца. Но для маломощного хозяйства с его мизерными доходами было практически невозможно изыскать средства для устройства колодца. За право пользоваться колодцем беднота батрачила на баев-феодалов. Собственность на колодцы фактически делала баев владельцами пастбищ.

О жилищах казахов. Среди исследователей казахского традиционного общества утвердилось мнение о том, что казахи начинают строить постоянные дома только к середине XIX в. Надо отметить, что данная точка зрения имеет своих сторонников и в наше время. Но современные этнографические, и особенно археологические материалы опровергают это утверждение. Так казахстанским археологом А. З. Бейсеновым проведена разведка қыстау (зимовки) Акшоқы выдающегося мыслителя Абая Кунанбаева в Восточно-Казахстанской области. Исследователь считает, что зимовка-қыстау Абая была построена в 60-е гг. XIX в. на месте старого кузека (осенняя стоянка) его отца Кунанбая. И эта территория выделена Кунанбаем своему сыну, т.к. он владел территорией от местности Баканаса Байкошкара до Аркааяика индивидуально, т.е. на правах частной собственности [Бейсенов 2020: 255-266].

Появление таких қыстау и күзеу уже связано с частной собственностью, ибо они являлись очагами собственности на землю, о чем свидетельствуют вещественные знаки собственности в виде «оба» или «бөлік тас». Здесь же, на зимовках, казахи хоронили своих сородичей, что является еще одним фактом наличия собственности на землю.

Современники, описывая состояние казахского общества в середине XIX в., отмечали, что положение кочевников ухудшилось вследствие бесконтрольного и бессистемного изъятия земли под строительство крепостей и казачьих станиц, а казахи были «должны довольствоваться тем, что дается им из милости казаками» [РГИА. Ф. 1291].

Мотивировка столь «справедливого» решения была простой: «войско казачье ...приобретает важное пособие для службы» [ГАОО. Ф. 3]. В связи с таким положением кочевников даже предлагалось принять определенные решения: «При разрешении поземельного вопроса правительству необходимо принять такую меру, которая, с одной стороны, удовлетворяла бы современным требованиям народа, не нарушая его быта, а с другой — соответствовала бы выгодам России» [Мейер 1865: 137].

Нерешенность земельного вопроса вынуждала казахов откочевывать за пределы традиционных мест кочевания, искать более приемлемые условия для содержания скота либо менять кочевой образ жизни [ЦХАФ АК. Ф. 2].

В первой четверти XIX в. с так называемой «неопределенностью» казахских земель практически было покончено. М. М. Сперанским был подготовлен «Устав о сибирских киргизах» от 22 июня 1822 года, который практически означал полное присоединение Среднего жуза к царской России и ознаменовал окончание периода политики правовой неопределенности его подданства [Полное собрание законов... 1891: Т. 38. № 29127: 417-433]. Устав, внося кардинальные изменения в политическое обустройство казахского общества, не решал экономических проблем. Что же касалось земли, то в нем только указано, что земельные участки «выделялись»,

«отводились». Казахам предоставлялось право «иметь недвижимую собственность», но данным правом наделялась лишь та часть казахского населения, которая изъявила желание заниматься земледелием. Эти земли и постройки на них «переходят в наследство как недвижимая собственность» [Крафт 1898: 26].

Анализируя законодательство Российской империи, мы видим, что до середины XIX в. государственные органы не приняли ни законов, ни подзаконных актов, полностью регулировавших земельные отношения в Степи. Эта прерогатива находилась в руках местной колониальной администрации. Мы полностью согласны с академиком С. Зимановым, который пишет: «Не сразу были выработаны правительством основные направления политики в земельном вопросе в Казахстане. Решение его вначале было почти всецело предоставлено на усмотрение местных пограничных властей. Неудивительно, что вплоть до середины XIX века в различных частях степи проводилась различная, порою противоречивая политика в отношении земли» [Зиманов 1960: 248].

В конце 60-х гг. XIX в. вся территория Казахской степи вошла в состав Российской империи. В 1867-1868 гг. принято «Временное положение», которое практически разрушило традиционную модель казахской политической системы. Под новую систему управления теперь нужно было подвести экономическую составляющую, о чем было декларировано в статье 210 «Положения»:

«Земли, занимаемые киргизскими кочевьями, признаются государственными и предоставляются в общественное пользование киргизов» [Полное собрание законов... 1891: Т. 43. № 46581: 545-548]. Таким образом, вместо традиционного верховного собственника в лице хана у казахов появился другой — абсолютистское русское государство, которому также нужно было платить налог.

Принятие новых законодательных документов юридически лишало казахов собственной земли. Об этом писал лидер партии «Алаш» А. Букейханов: «Считая землю своей собственностью, приобретенной кровью отцов, киргизы, при вступлении в русское подданство, не подумали, что государство позволит себе посягнуть на частную собственность; между тем, русское правительство создало законы, по которым без всякой мотивировки, просто по праву сильного, все киргизские степи признаются государственной собственностью...» [Букейханов 1903: 156].

Законодатель никоим образом не хотел признавать за кочевниками право частной собственности на землю, о чем свидетельствует «Степное положение», поставившее точку в данном вопросе. Оно гласит: «Земли, занимаемые кочевьями, оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников, на основании обычаев и правил сего положения» [Полное собрание законов... 1891: Т. 11. № 7574: 133-147]. Тем самым царское правительство вновь пыталось возродить и сохранить уже изжитое у казахов родоплеменное деление, приспособив его к административным целям. Земли предоставлялись казахам только на основе общинного пользования.

Основываясь на анализе законов Российской империи, мы пришли к выводу, что вплоть до начала XX в. царская администрация не рассматривала вопрос о собственности на землю у казахов. И только в 1907 г. на правительственном совещании о землеустройстве казахов подняли проблему введения частной собственности на казахские земли. Но все же официальные лица обошли понятие собственности, предложив понятие «пользование окончательное, т.е. не подвергаемое новым изъятиям». И то это касалось только той части земель казахов, которые переходили в категорию «оседлых». Причем законодатель сам себе противоречит, признавая, что «...отвод земли в собственность был бы во всех отношениях более желательным» [Совещание о землеустройстве... 1907].

Поворотным в решении данной проблемы становится 1909 г., благодаря Столыпинскому «новому» курсу в переселенческой политике. Участники Совещания, в свете событий 1905 г., были вынуждены пересмотреть взгляды относительно частной собственности на землю. Время показало, что нельзя уже относиться к народам окраин как к «иностранцам», вследствие чего

законодатель согласился с необходимостью введения частной собственности для казахов, но опять-таки, переходящих к оседлости, на равных основаниях с переселенцами. Данное положение было закреплено Инструкцией, имевшей силу закона [Переселение и землеустройство... 1915: 6-8].

Проанализировав законодательство Российской империи, мы можем констатировать тот факт, что вплоть до начала XX в. российское самодержавие занималось только регулированием землепользования казахов, изъявивших желание перейти к оседлому образу жизни, что, по мнению распространенного в русском обществе европейского просвещения, считалось прогрессом. А относительно земельной собственности у кочевых казахов правительство придерживалось политики невмешательства, признавая лишь общинно-родовое землевладение, что в исследуемый нами период было лишь фикцией.

Уже с середины XVIII в. родовая знать наращивает попытки обособить наиболее благоприятные угодья. Доказательством принадлежности пастбища является «қоуін», свидетельством монопольного владения богатого скотовода на пастбище является наличие «оба», «белік тас» и других видов маркировки. Все эти факты подтверждают процессы разрушения общинного землепользования и появление частного землепользования через его переходные формы. Но установкой самодержавия было непризнание частной собственности у кочевников, и только в начале XX в. царское правительство вынуждено было де-юре закрепить процессы приватизации пастбищ под личное пользование, которые сохранялись и продолжались практически на всем протяжении истории казахского традиционного общества.

ЛИТЕРАТУРА

Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой Киргизской орде силу закона // ЗООРГО. Вып. 2. Оренбург, 1871. С. 45-167.

Бейсенов А.З. Чингистау. Размышления у старой зимовки Абая / Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Сборник научных статей. Барнаул, 2020. 342 с.

Букейханов А. Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. С. 138-175.

Валиханов Ч.Ч. Аблай. Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. Том XXIX. СПб., 1904. С. 114.

Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII – первой половины XIX в. Алма-Ата, 1960. 296 с.

Кауфман А.А. Отчет старшего производителя работ Кауфмана по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации // Департамент гос. земель. имуществ. СПб., 1896–1897. 140 с.

Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей / Сост. ст. советник Тург. обл. правл. И.И. Крафт. Оренбург, 1898. 884 с.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. 338 с.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы; М., 1995. 735 с.

Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период / Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1955. 590 с.

Материалы по казахскому обычному праву: Сб. 1 / Акад. наук Казах. ССР. Алма-Ата, 1948. 350 с.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Экспедицией по

исследованию степных областей: МЗ и ГИ. Департамент государственных земельных имуществ. Т. 4: Семипалатинская область. Павлодарский уезд. Воронеж, 1903. 695 с.

Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Сост. Ген. штаба подполк. Л. Мейер. СПб., 1865. 386 с.

Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений // Сост. В.П. Вошинин / Под ред. Г.Ф. Чиркина. Петроград, 1915. 950 с.

Полное собрание законов Российской Империи. ПСЗ РИ-2. Т. 43. № 46581. Собрание 3-е: В 33 т. Т. 11. № 7574. СПб., 1891. С. 133-147.

Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. X. Вып. I. СПб., 1882. С. 43.

Рубрук В., Карпини И. История Монголов / Путешествие в восточные страны. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1911. 232 с.

Рычков П. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. 406 с.

Совещание о землеустройстве киргиз, 1907 – Совещание о землеустройстве киргиз // Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 1907. 145 с.

Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Известия Государственного академического института материальной культуры. Вып. 103. М.; Л., 1934. 171 с.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир = Nomads and the outside world. 3-изд., доп. Алматы, 2000. 603 с.

Чермак Л. Формы киргизского землепользования // Сибирские Вопросы. СПб., 1908. № 23–24. С. 21-43.

ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 404. Л. 25.

ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2294. Л. 45-45об.

РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 8. Л. 3, 5.

РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 29. Л. 2-2об.; РГИА. Ф. 338. Оп. 2. Д. 639. Л. 321.

ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2342. Л. 1.

ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 159. Л. 45-45об.

ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9378. Л. 11-12.

Koshman T.V., Khabdulina M.K. Antiquities of the Kazakh steppes in travel notes of the Russian researcher I.P. Shangin // *Bylye Gody*. 2020. 57 (3). 1101-1112.

Razdykov S., Abdrakhmanov B., Aitkenov Z., Battalov K., Shabambaeva A. The Appearance of Agrarian Property in the Nomadic Society in Central Asia in the 18th and the First Half of the 19th Centuries // *Space and Culture India*. 2019. 6 (5). 124-135.

Гульнар Тулегеновна Каженова¹

*¹кандидат исторических наук,
Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан; gkazhenova@mail.ru*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются методологические проблемы, связанные с исследованием истории кочевых обществ, в частности вопрос о применимости к ним понятия «цивилизация». В связи с этим анализируются две основные научные теории — формационная и локально-цивилизационная и их применимость к кочевым обществам, подчеркивается значительный вклад цивилизационного подхода в изучение этого вопроса. Особое внимание уделяется мир-системному подходу, который предлагает новый взгляд на исторический процесс, рассматривая все общества как части глобальной социальной системы. Этот подход позволяет увидеть кочевничество в новом свете, выделить роль кочевников как активных участников и посредников в межрегиональных контактах и культурных обменах, что способствует лучшему пониманию их вклада в мировую историю. Автор поднимает вопрос о необходимости дальнейших мультидисциплинарных исследований с комплексным использованием мир-системного подхода и других современных теорий, чтобы обеспечить более глубокое понимание номадизма и решения методологического вопроса о кочевой цивилизации.

Ключевые слова: кочевая цивилизация, степная цивилизация, формационный подход, теория, локально-цивилизационная теория, мир-системная теория, социокультурные аспекты номадизма.

Еуразиялық көшпенділер өркениетінің әдіснамалық мәселелері

Аннотация. Мақалада көшпелі қоғамдардың тарихын зерттеуге байланысты әдіснамалық мәселелер, атап айтқанда оларға қатысты «өркениет» ұғымының қолданылуы туралы мәселе қарастырылады. Осыған байланысты екі негізгі ғылыми теория талданады — формациялық және жергілікті өркениеттік. Олардың көшпелі қоғамдарға қолдану мүмкіндігі талданады. Бұл мәселені зерттеуге өркениеттік көзқарастың айтарлықтай үлесі атап өтілді. Барлық қоғамдарды жаһандық әлеуметтік жүйенің бөлігі ретінде қарастыра отырып, тарихи процеске жаңа көзқарас ұсынатын жаһандық-жүйелік тәсілдемеге ерекше назар аударылды. Бұл тәсілдеме көшпелілікті жаңа қырынан көруге, көшпелілердің аймақаралық байланыстар мен мәдени алмасулардағы белсенді қатысушылары мен делдалдары ретіндегі рөлін бөліп көрсетуге мүмкіндік беріп, олардың әлемдік тарихқа қосқан үлесін жақсы түсінуге ықпал етеді. Автор көшпелілік пен көшпелілер өркениеті туралы әдіснамалық мәселені тереңірек түсінуді қамтамасыз ету үшін жаһандық-жүйелік тәсілдемені және басқа да заманауи теорияларды кешенді пайдалана отырып, одан әрі көпсалалы зерттеулердің қажеттілігі туралы мәселені көтереді.

Түйін сөздер: көшпелі өркениет, дала өркениеті, формациялық тәсілдеме, теория, жергілікті-өркениеттік теория, жаһандық-жүйелік теория, көшпеліліктің әлеуметтік-мәдени аспектілері.

Methodological issues of the civilization of Eurasian nomads

Abstract. This article examines the methodological issues related to the study of the history of nomadic societies, specifically the question of the applicability of the concept of "civilization" to them. In this context, it analyzes two main scientific theories — the formation and local-civilizational theories and their applicability to nomadic societies, emphasizing the significant contribution of the civilizational approach to the study of this issue. Special attention is given to the world-system approach, which offers a new perspective on the historical process by considering all societies as parts of a global social system. This approach allows viewing nomadism in a new light, highlighting the role of nomads as active participants and intermediaries in interregional contacts and cultural exchanges, thereby facilitating a better understanding of their contribution to world history. The author raises the issue of the need for further multidisciplinary research with a comprehensive use of the world-system approach and other modern theories to ensure a deeper understanding of nomadism and the resolution of the methodological question of nomadic civilization.

Keywords: nomadic civilization, steppe civilization, formation approach, theory, local-civilizational theory, world-system theory, sociocultural aspects of nomadism.

До недавнего времени методологические проблемы истории кочевых обществ, как правило, сводились к вопросу о существовании у кочевников цивилизации. При этом в большинстве существующих теоретических парадигм интерпретация понятия «цивилизация» производилась с этически некорректным делением всех народов на так называемые «цивилизованные» и «нецивилизованные». Разрешение вопроса о принадлежности кочевых обществ к цивилизации в основном происходило в русле двух основных научных теорий, сложившихся во всемирной истории: формационной и локально-цивилизационной, относящиеся к унитарно-стадиальному и универсально-плюралистическому подходам. Эти категории измерения исторического процесса, являясь результатом эволюции западной общественной мысли, были ориентированы на европейский социум. В период конца 1980-х — начала 1990-х годов интерес к изучению кочевничества в области гуманитарных наук заметно усилился, что было связано с более активным применением цивилизационного подхода. Однако вытеснение предыдущего формационного метода и использование цивилизационного подхода не решило методологической проблемы истории кочевых обществ, суть которого заключается в том, что они никак не вписываются в эти общепринятые, классические схемы всемирно-исторического процесса, по своему содержанию являющиеся европоцентристскими.

Формационный подход рассматривает исторический процесс как последовательное развитие стадий. Основатели данной теории К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали цивилизацию как определенный этап в развитии человечества, следующий за дикостью и варварством. По сути, понятие «цивилизация» тождественно термину «стадия послепервобытного общества», в марксистской терминологии — «формация». В работах классиков марксизма цивилизация является «...той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе...» [Энгельс 1986: 369]. Таким образом, согласно данной позиции, общества кочевников не могли иметь отношения к цивилизации, так как в своем развитии они не достигли стадии товарного производства. В работах авторов этой теории анализ истории кочевых обществ не проводился.

При всем разнообразии направлений, существующих в рамках универсально-плюралистического подхода, в его основе лежит теория цивилизаций, которая в свою очередь, предполагает принцип комплексного и системного изучения различных аспектов

и компонентов общества. Это дает возможность пояснить всемирно-исторический процесс исходя из своеобразия цивилизаций и культур, социальных систем, порожденных в свою очередь конкретными условиями деятельности и мировоззрения людей.

Хотя цивилизационная парадигма предполагает плюралистическое восприятие мира, в рамках классических теорий «локальных цивилизаций», в ней также отсутствует анализ цивилизационного устройства кочевых обществ, хотя некоторые из них касались этой проблемы. Один из основателей данной теории Н. Я. Данилевский отнес кочевников к «негативным творцам истории», которые сами не создавали цивилизации, но как «кнут божий» способствовали гибели дряхлых цивилизаций, разметав их остатки, чтобы затем вернуться в исходное ничтожество и исчезнуть с исторической арены [Данилевский 1991].

А. Тойнби, наиболее обстоятельно сформулировавший цивилизационную теорию, видел содержание мировой истории не в качестве единого потока, а как совокупность не связанных между собой локальных цивилизаций. Он также не включал кочевые общества в разряд полноценных цивилизаций. Кочевникам в его теории отведена участь «задержанных» цивилизаций, дающих «истинные примеры народов, у которых нет истории», если же кочевники и попадали в круговорот мировой истории, то только благодаря столкновению с оседлыми обществами. В последующем А. Тойнби признал ошибочность этого мнения, которое, как он писал, «свидетельствует, прежде всего, об ограниченности наших возможностей» [Тойнби 1991: 89]. Однако его определение кочевников как «тупиковой ветви в развитии человечества», на длительное время закрепило у европейцев предвзятое отношение к кочевым народам.

В целом, у западных авторов как исторические процессы и явления, так и теоретические проблемы кочевничества не нашли должного места в их работах. Наиболее влиятельные парадигмы исторического процесса, имеющиеся в рамках многолинейных теорий, такие как теория модернизации, неозволюционизм, мультиэволюционизм, вопросу о специфике социальной эволюции обществ кочевников-скотоводов не уделяют особого внимания. В имеющихся редких исследованиях кочевые общества рассматривались в качестве бокового, «тупикового» варианта общественного развития. Их авторами было заявлено об отсутствии у кочевников внутренних потребностей к созданию прочных форм государственности и появлению перспектив к устойчивому политическому развитию лишь в случае симбиоза с земледельцами [Крадин 2007: 61-62].

Более широко теоретические вопросы, связанные с кочевничеством, разрабатывались в зарубежной марксистской и особенно советской историографии, «поскольку русская история всегда была связана со степным миром, то русские и советские ученые должны были преуспеть в изучении номадов» [Крадин 2007: 51]. Разработанность проблемы, диктовалась ее актуальностью для советских авторов. Но интерпретация истории кочевых обществ в марксистской историографии была сведена к попытке экстраполяции пятиступенчатой формационной схемы на кочевое общество.

В теоретическом аспекте для советского марксизма кочевничество представляло такую же фундаментальную проблему, что и азиатский способ производства. Попытки последователей марксизма применить формационный подход к анализу кочевых обществ выявили несостоятельность и ограниченность этой теории, поскольку кочевники не соответствовали ни одной из предложенных моделей доиндустриальных социально-экономических формаций. Так как кочевники, как и восточные общества, не соответствовали схеме мировой истории, по которой происходила смена формаций, то в рамках советской историографии стали создаваться различные версии, которые должны были классифицировать кочевников по соответствующим формациям. В конечном итоге на долгое время утвердилась специфическая теория кочевого феодализма в изложении Б. Я. Владимирцова, ставшая «классической». Соответственно, в рамках марксистского подхода вопрос о цивилизационной принадлежности кочевых обществ не ставился. В советский период цивилизационный подход ассоциировался с так называемой

буржуазной наукой. Как известно, в условиях ортодоксального марксизма единственным, кто пытался интерпретировать номадизм в рамках классической цивилизационной теории, являлся Л. Н. Гумилев.

Разрешение основополагающей проблемы относительно кочевничества: о способности кочевников самостоятельно миновать барьер «варварства» и шагнуть в «цивилизацию», стали предприниматься с периода перестройки и распада СССР. В связи с этим начались разработки единых критериев цивилизации, которые вызвали целую дискуссию, но не привели исследователей к единому мнению в этом вопросе. Несмотря на это, немалое число исследователей стали предпринимать попытки рассмотреть кочевничество с точки зрения теории цивилизаций. В отдельных работах видных российских ученых появились некоторые выводы о цивилизационной принадлежности признаков кочевых обществ степной зоны Евразии. В числе таких исследователей особо следует отметить Н. Н. Крадина, А. М. Буровского, Е. И. Кычанова, А. И. Мартынова, В. В. Трепавлова и других.

Поиск новых подходов и концепций глобальной истории, способных раскрыть закономерности истории и культуры казахского народа, в прошлом кочевого, привел к освоению казахстанскими учеными цивилизационной парадигмы. Цивилизационный подход представил большие возможности для компаративного анализа и обобщений относительно кочевых обществ. Исследователи отмечали, что «цивилизационные аспекты мировой истории сейчас подвергаются столь интенсивному обсуждению, что с каждым днем становится очевидным, что без и вне цивилизационного контекста осмысление истоков кочевого общества... заранее обречено на неудачу» [Абенов и др. 1996: 6]. Поэтому в отечественной исторической науке активно началась разработка вопросов, связанных с выявлением цивилизационных особенностей социокультурного развития кочевников. Утвердилась точка зрения о том, что именно теория локальных цивилизаций способна выявить специфику социокультурного развития, сущностно-характерные черты структурно-системной связи традиционного казахского общества [Оразбаева 2005: 12].

Однако появились критики идеи об особой цивилизации номадов. Соглашаясь с тем, что кочевничество — это особый мир, отличный от мира аграрных цивилизаций, они высказывают мнение о том, что если выделять цивилизацию номадов, то не менее резонно поставить вопрос о цивилизациях охотников и собирателей Австралии, арктических охотников на морских зверей и рыболовов Полярного круга и т.д. Иными словами, все типы человеческих культур могут быть охарактеризованы как цивилизации. Ими ставится под сомнение вопрос о возможности выделения признаков, специфичных только для «номадной цивилизации», так как большинство определяемых признаков нередко имеют стадийный характер и свойственны тем или иным этапам развития любой культуры или общества.

Еще одним аргументом критиков является то, что всякая цивилизация основана на определенном психокультурном единстве, но вряд ли кочевники осознавали себя как нечто единое, противостоящее другим народам. По их мнению, номадизм — это нечто иное, чем цивилизация. Исходя из этого, известный номадолог Н. Н. Крадин предлагает рассматривать степной мир не как особую цивилизацию, а как «квазицивилизацию», то есть некое внешне похожее на цивилизацию единство, которое на самом деле представляется концептуальным конструктом, созданным в мыслях исследователя.

Еще один подход к проблеме цивилизации у номадов предполагает рассмотрение не единой для всех кочевых обществ цивилизации, а отдельных крупных локальных цивилизаций-культур. Так, Л. Н. Гумилев связывал процессы возникновения и развития цивилизаций с определенными географическими зонами [Гумилев 1989]. С этой точки зрения Аравийский полуостров, например, был таким ареалом, где в VII в. возникла арабская цивилизация.

Патриарх казахстанской исторической науки М. К. Козыбаев, рассматривая категорию «цивилизация» как исторически сложившееся единство материальной и духовной культуры, продукт весьма длительного существования более или менее стабильной этнодемографической общности в степной зоне Евразийского континента, предложил внедрение в научный аппарат понятия «степная цивилизация». Он доказывает наличие в ней трех основных признаков цивилизации: государства, развития письма и монументальных сооружений и подчеркивает вклад степной цивилизации в мировую историю [Козыбаев 2006: 38-46]. Идея о существовании единой степной цивилизации начиная с хуннского времени или даже более раннего, получила широкую поддержку ученых.

Выдвигая номадные альтернативы, исследователи довольно часто говорят о тюркской цивилизации, другие ставят вопрос о выделении особой монгольской цивилизации. Существует спор о правомерности выделения золотоордынской цивилизации. Известный казахстанский этнолог Н. Э. Масанов отдельно рассматривал кочевую цивилизацию казахов [Масанов 1995].

Таким образом, относительно цивилизации кочевников на сегодняшний день существует целый ряд нерешенных проблем, которые связаны с тем, что до сих пор ученым не удалось выявить объективные критерии, по которым выделяются цивилизации. Отмечается, что к настоящему времени цивилизационная теория еще не прошла этап своего окончательного становления и выработки единой методологии. Н. Н. Крадин даже считает, что она ныне находится в кризисном состоянии [Крадин 2007: 91].

В то же время среди ученых постепенно утверждается понимание совместимости и даже целостности двух концепций познания исторического процесса: стадийного и цивилизационного. Пришло понимание того, что в основе изучения своеобразия любого общества не могут и не должны лежать параметры этих устоявшихся теорий как взаимоисключающие формы исторического измерения социальной действительности. Процессы переосмысления нашли отражение в таком промежуточном подходе как мир-системный, который включает в себя наиболее обоснованные положения, как стадийных теорий, так и сравнительного изучения цивилизаций. Кроме того, именно в работах сторонников мир-системного подхода обнаруживается интерес к проблемам кочевничества, хотя они находятся еще на стадии предварительного обсуждения.

У истоков мир-системного подхода стоял французский историк Ф. Бродель, его идеи были развиты И. Валлерстайном. Суть этого подхода заключается в том, что все общества рассматриваются как социальные системы. Первостепенным критерием классификации систем у Валлерстайна выступает способ распределения [Валлерстайн 1998]. Соответственно выделяются три способа производства и три типа социальных систем: 1) реципроктно-линейные мини-системы, основанные на отношениях взаимобмена; 2) редиистрибутивные мир-империи, соответствующие «цивилизации» А. Тойнби; 3) капиталистическая мир-система (мир-экономика), основанная на товарно-денежных отношениях. Это стадийная составляющая мир-системной теории. Ученый считает, что мир-империи могут трансформироваться в «мир-экономику». Большинство мир-экономик оказались непрочными и погибли. Единственная выжившая мир-экономика — это капиталистическая. Она сформировалась в Европе в XVI-XVII вв., превратилась в гегемона мирового развития (капиталистическую мир-систему), подчинив все другие социальные системы.

По теории И. Валлерстайна, капиталистическая мир-система состоит из «ядра» (наиболее высокоразвитые страны Запада), «полупериферии» (в XX в. страны социализма) и «периферии» (страны третьего мира). Она основана на неэквивалентном разделении труда и эксплуатации между «ядром» и «периферией». Полупериферия, являясь подвижной системой, выполняет амортизационные функции и нередко является источником различных инновационных изменений.

Согласно Валлерстайну, подлинной мир-системой является только мир-система капитализма в течение последних нескольких сот лет, т.е. о складывании мир-системы можно говорить, когда начинается масштабный обмен массовыми товарами. Однако не все исследователи разделяют эту точку зрения, так как считают, что для доиндустриальных обществ обмен престижными товарами играл более значимую роль и параллельно являлся важным фактором усиления политической власти. Следовательно, мир-системная методология применима к системам любого порядка — от глобальной системы современности до мини-систем охотников и собирателей. Но один из ключевых вопросов мир-системной теории заключается в том, сколько мир-систем существовало на протяжении человеческой истории.

Так, например, исследовательница Ж. Абу-Луход завоевания монголов расценивает как важнейший фактор создания первой, по-настоящему глобальной мир-системы XIII в. Эта система состояла из пяти независимых «ядер»: 1) Западной Европы; 2) арабского мира; 3) зоны Индийского океана; 4) Китая и Великой степи, объединенной монголами в единое макроэкономическое пространство. Это способствовало установлению стабильных торговых контактов между Европой и Китаем. Таким образом, Абу-Луход первой обосновала единство мира до эпохи гегемонии капитализма. Она также попыталась выделить характерные черты досовременной мир-системы, отличающие ее от капиталистической мир-системы [Абу-Луход 2001]. Впоследствии исторический аспект был значительно усилен в работах А. Г. Франка, К. Чейз-Данна и Т. Холла.

С этой точки зрения роль кочевников в мировой истории выглядит принципиально по-иному. Если в классических работах по философии истории они представлялись уничтожителями цивилизаций, в лучшем случае «санитарами истории», то в контексте мир-системных процессов длительный период времени именно они способствовали ускорению темпов распространения религий и географических знаний, торговых контактов, развитию информационных сетей и технологических обменов между различными цивилизациями. В этом обмене роль кочевников не сводится до положения простых посредников, так как номады нередко сами выступали инициаторами многих заимствований. По мнению сторонников мир-системного подхода, культурный обмен между мусульманской Средней Азией и конфуцианским Дальним Востоком стал возможен не потому, что после создания Монгольской державы возникли устойчивые и безопасные маршруты, а по той причине, что этого пожелала правящая элита степной империи. Они выступали главными инициаторами, покровителями и трансляторами культурного обмена между цивилизациями Старого Света.

Согласно мир-системному подходу, кочевники играли роль полупериферии, то есть выполняли важные посреднические функции между региональными «мир-империями». В каждой локальной региональной зоне политическая структурированность номадической полупериферии была равнозначна размерам оседло-земледельческого ядра. Во Внутренней Азии первыми биполярными элементами региональной системы были Хуннская держава и династия Хань. С образованием в Китае династии Тан, на Ближнем Востоке — халифата Аббасидов и в Малой Азии — Византии произошел новый макроэкономический рост ведущих мир-империй того времени. В этот же период возникает Первый Тюркский каганат, ставший первой настоящей евразийской империей. Он связал торговыми путями Китай, Византию и исламский мир. Создание империи Чингиз-хана и монгольские завоевания в XIII в. привели к тому, что монголы замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей. Впервые все крупные региональные ядра (Европа, исламский мир, Индия, Сунский Китай, Золотая Орда) оказались объединенными в первую мир-систему. С XVII в. складывается новая, объединившая уже весь земной шар капиталистическая мир-система. В новом мировом порядке номадам уже не суждено было играть прежнюю роль. Натуральное хозяйство скотоводов не смогло конкурировать с новыми формами интеграции труда в рамках мануфактуры и фабрики. Изменился и политический статус степных обществ. Уже как периферия номады стали активно вовлекаться

в орбиту интересов различных субцентров капиталистической мир-системы [Крадин 2007: 99]. Такова интерпретация роли номадов в одном из современных подходов исследования исторического процесса.

Таким образом, термин «кочевая культура» официально признан большинством исследователей относительно недавно. Исследования последних десятилетий существенно обогатили понимание культуры и истории кочевых народов, что позволило рассматривать номадизм не просто как уникальный исторический феномен, но и как полноценное культурное явление с характерными социокультурными особенностями [Баторова, Митупова 2000: 47-50]. Кочевничество, являясь достаточно сложным феноменом, нуждается в продолжении глубоких мультидисциплинарных исследований. Но последние достижения в области методологии исследования помогли избавиться от устаревших подходов и предрассудков, характерных для советской исторической науки и европоцентристских взглядов позволили номадизму заслуженно войти в систему классификации глобальных культур. Но в целом, проблема цивилизации кочевничества в контексте всемирной истории до сих пор остается недостаточно разработанной. Известно, что исследование исторической истины осложняется недостаточной полнотой информации о прошлом, невозможностью экспериментально-практического взаимодействия с прошлым и тесной связью исторического познания с идеологией. Но в данном вопросе ее разрешение в первую очередь зависит от комплексного использования теоретических парадигм, имеющихся в арсенале мировой исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Абенов Е.М., Арынов Е.М., Тасмагамбетов И.Н.* Казахстан: эволюция государства и общества. Алматы: Институт развития Казахстана, 1996. 390 с.
- Абу-Луход Ж.* Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // *Время мира*. Вып. 2. Новосибирск, 2001. С. 449-461.
- Баторова Е.Б., Митупова Е.К.* Социокультурные признаки кочевой цивилизации // *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии*. Улан-Удэ, 2000. Т. 2. С. 47-50.
- Валлерстайн И.* Миросистемный анализ // *Время мира*. Альманах. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX в. Новосибирск, 1998. С. 105-123.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 496 с.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
- Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
- Козыбаев М.К.* Степная цивилизация и ее уроки // *Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды)*. Алматы: Ғылым, 2006. С. 38-46.
- Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 319 с.
- Оразбаева А.И.* Цивилизация кочевников евразийских степей. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 310 с.
- Тойнби А.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 3. М., 1986. 639 с.*

Зылиха Ибадуллаева Өмірбековна¹

¹тарих ғылымдарының кандидаты,

Л.Н. Гумилев атындағы

Еуразия ұлттық университеті,

Астана қ., Қазақстан, ibadullaeva.72@mail.ru

ҚАЗАҚ ДҮНИЕТАНЫМЫНДАҒЫ «ҚҰТ» КАТЕГОРИЯСЫ ЖӘНЕ ОНЫҢ ЭТНОМӘДЕНИ БОЛМЫСЫ

Аннотация. Қазақ этномәдениетінде «құт» ұғымы көп қырлы құбылысты қамтиды. Бұл ұғымның киелілігі қазақ қоғамында мал-жанның берекесімен, әрі әдет-ғұрып, салт-дәстүрлерді реттеушілік этноәлеуметтік функциясымен байланысты екендігі мақаланың барысында орын алады. Жұмыстың мақсаты — «құт» сөзінің дәстүрлі қазақи ұғымдардағы өзіндік категория ретінде алатын орнын, оның зерттелу мәселелері мен қазақ этномәдениетіндегі белгілік жүйесіндегі рөлін көрсету. Қазақи дүниетанымдағы «құт» ұғымы дәстүрлі мәдениеттің бірден бір символы болып, қазақ этномәдениетінің тұтас болмысында этикет нормаларымен астасқан, әрі өмір сүру дағдыларындағы қуаныш пен бақыт, және оларға қарама-қарсы өлім мен күш кету ұғымдарының арақатынасындағы негізгі белгі болып саналады.

Түйін сөздер: этномәдениет, құт, береке, категория, дәстүрлі ұғым

Категория «kut» в казахском мировоззрении и ее этнокультурная идентичность

Аннотация. В казахской этнокультуре понятие «kut» охватывает многогранные явления. В статье отражается, что в казахском обществе сакральность данного понятия связана с благополучием скота и этносоциальной функцией регулирования обычаев и традиций. Цель работы — показать место слова «kut» как отдельной категории в традиционных понятиях казахов, его роль в вопросах изучения и знаковой системе казахской этнокультуры. Понятие «kut» в казахском мировоззрении является одним из символов традиционной культуры, переплетается с нормами этикета в целостном естестве традиционной этнокультуры, а в жизненной практике — основным признаком в понятии радости, счастья, и соотношении их с противоположными понятиями смерти и оттока силы.

Ключевые слова: этнокультура, kut, благословение, категория, традиционное понятие.

The category “kut” in the Kazakh worldview and its ethnocultural identity

Abstract. In Kazakh ethnoculture, the concept of “kut” covers multifaceted phenomena. The article reflects that in Kazakh society the sacredness of this concept is associated with the welfare of livestock and the ethnosocial function of regulating customs and traditions. The purpose of the work is to show the place of the word “kut” as a separate category in the traditional concepts of the Kazakhs, its role in matters of study and the sign system of Kazakh ethnoculture. The concept of “kut” in the Kazakh worldview is one of the symbols of traditional culture, intertwined with the norms of etiquette in the holistic nature of the Kazakh ethnoculture and in life practice it is the main feature in the concept of joy, happiness, and their relationship with the opposite concepts of death and outflow of power.

Key words: ethnoculture, kut, blessing, category, traditional concept.

«Құт» ұғымының қазақи дүниетанымдағы этнографиялық мәнін ашу үшін, ең алдымен «құт» атауына және «құт» сөзінің шығу тегіне мән берген жөн.

Құт сөзінің төркіні қазақи ұғымдағы «құтты болсын», яғни құт үйіп төгілсін деген ұғымның астарында айтылып, ол жеке адам мен оның отбасының шаңырағының шаттығы, қуанышы, несібесі, берекесі, бақыты сияқты категориялардың синонимі іспетті болатынын білеміз. Қазақи дүниетанымда «құт» ұғымына қатысты әр түрлі сөз тіркестері де аталған. Тіліміздегі «құт қонды», «құты дарыды», «құты қашты» деген сөз тіркестерінің екі жақты мағына беретіндігі айтпаса да түсінікті.

Қазақ халқында «құт» ұғымы несібе, берекемен қатар жүретін синоним болғандықтан да ол мал-жанның амандығы, әрі қуанышы мен сүйінші жаңалығымен астасып жатыр. Мәселен, үйге қонақ келсе — құт деп санаған, көптен күткен бала дүниеге келсе құт келді, келін түскенде аяғы құт болсын деп ырымдаудың астары да «құт» ұғымының өте тереңде, әрі ол қуанышты хабармен пара-пар екендігі айтылса, оның қарама-қарсы сипаты әдетте, үрейленгенде, мал басы кеміп, адам қайтыс болғанда, бақытсыздық пен келеңсіз жағдайға ұшырағанда, құты қашты деп айтатын екінші жағы да жоқ емес. «Құт» ұғымы тек қазақ халқында ғана емес, түркі халықтарының қолданысында ерекше сипатқа ие.

Әрбір қазақ отбасында үйдің құты, берекесі деп танылған бұйымдар да жоқ емес. Ол ең алдымен баланың дүниеге келгенде киген киімі «ит көйлек». Әдетте ол түркі халықтарында үйдің берекесі, құты деп ұрпақтан ұрпаққа сақталды. Әрбір қазақ баласы жатқан, көшпелі қоғамның бірден бір атрибуты саналған бесік те «үйдің құты», шаңырақтың жалғасы, ұрпақтың сабақтастығы рөлімен астасып жатты.

Сондай-ақ, науқас адамның бойынан әл-қуаты кеткен жағдайда да «құты қашты» деп айтып жатса, қатты қорыққан адамды «зәре құты қашты», «өңі қуарды» деген сияқты сөз тіркестерінің астарында рух, жан мағынасымен астасып жатқан түсініктер бар.

Зерттеудің негізгі ұстанымдары бірнеше әдістер арқылы талданды. Бірінші, салыстырмалы-тарихи әдіс: тарихи бірізділікті сақтай отырып, «құт» ұғымының қазақ этномәдениетіндегі функционалдық қызметтері және оған қатысты негізгі іс-әрекеттер мен салт-дәстүрлердің мағынасында қолданылуы, және солардың негізінде «құт» ұғымына қатысты ерекше этнобелгілер анықталды. Екіншіден, жүйелілік әдісі: «құт» ұғымының дәстүрлі дүниетаным және адамның өмір сүру тіршілік циклінде де (нәрестенің дүниеге келуі, келіннің босағаны аттауы, құдайы қонақтың келуі және т.б.) басты орын алатындығы ретінде қарастыру. Үшіншіден, пәнаралық әдіс: «құт» ұғымы мен атауы, оған қатысты белгілердің қалыптасуына қатысты талдау жасау үшін этнографиямен сабақтас лингвистика, фольклор, философия, мәдениеттану сияқты пәндердің мәліметтері қолданылды.

Мақаланың ғылыми жаңалығы — «құт» ұғымына қатысты мәліметтерді талдау арқылы қазақ халқының болмыс-бітімі мен мәдениетінде «құт» атауының жан-жақты екендігі сараланды. Мақаланың да құндылығы сонда, «құт» ұғымы қазақ этномәдениетінің этнобелгілер символын зерттеуде этнографиялық дереккөзі ретінде қарастырылуы.

Қазақтың дәстүрлі болмысында, адамның өмір сүру тіршілік циклында «құт» атауының алатын орны жан-жақты. Атап айтқанда, нәрестенің дүниеге келуінде, үйге қонақ келгенде, келіннің босағаны аттауындағы этикеттік салт-дәстүрлер мен әдет-ғұрыптарда, малдың төлдеуі мен мал басының артуы, шаруашылық құралдарының мән маңызындағы жүген, құрық, ноқта, бас жіп сияқты бұйымдардың аясындағы шаруашылықты реттеу іс-әрекеттерінде, жан мен рухтың байланысындағы халықтық дүниетанымдардағы орнын анықтау мәліметтерімен жүйеленеді.

Құт сөзінің мағынасы Кеңес дәуіріне дейінгі шыққан В. В. Радловтың «Опыт словаря тюркских наречий» атты еңбегінде құт-кут — бақыт мағынасында айтылып, ары қарай *ogam katyn kytyna* — менің анамның бақытына қарай деп аударылады. Жердегі «менің анамның бақытына қарай» сөз тіркесі барлық түркі халықтарына тән Ұмай Ана түсінігімен сипатталып, Ұмай Ана әрбір шаңырақ пен отбасының жарылқаушысы, құты ұғымымен сәйкестендіріледі. Құт сөзінің мағынасы осы

сөздікте «құдайдан бақыт пен көмек болсын», «әлем тұрғындары бақыт белбеуіне оранған», «жақындарымның лайықты бақыты» түсіндірмелерінде берілген. Бұдан байқайтынымыз «құт» сөзінің мағынасы бақыт, бақытты болу ұғымдарымен айқындалып тұрғандай. «Бақыт» ұғымы ұрпақ сабақтастығымен, ұрпақтың өсіп өнуімен, сондай-ақ мал-жанның көбею қуанышымен бейнеленеді.

Екінші бір мағынада өмірлік қуат, рух мағынасында түсіндіріліп, «куду чыкты», яғни қорыққанынан рухын жоғалтты, малдың «күдун узун» алып барды — өлілер әлемі малдың тіршілік қуатын алып кетті деп түсіндіреді. Бұл сөздердің қазақи ұғымдағы мағынасы адам бойынан күш-қуаттың кетуі, өңінің қуаруы, зәре құттың қалмауы сипатымен түсіндіріліп, малдың тіршілік қуатының кетуі «жұт» ұғымымен байланысып тұрғандай.

Үшінші бір мағынасында «құт» — қашу, күшінен айырылу, таусылу, біту, қалу, тұру, бос сөйлеу мағынасымен түсіндіріліп, оған күш беру, қуат алу сөз тіркесімен түсіндірілген [Радлов 1895: стлб. 990].

Ш. Уәлиханов «құт» мағынасын байлықпен астасқан бақыт мәнінде түсіндіреді [Валиханов 1986: 312]. Қазақ орыс сөздігінде «құт» — бақыт, байлық, береке, құйылу, үлес сөздерімен айқындалады. Мұның астарында береке мен молшылықтың, ырыс пен несібенің жатқандығы айқындалған.

«Құт» ұғымы барлық түркі халықтарында қолданылатындықтан да қырғыз, түркімен, өзбек халықтарының түсіндірме сөздіктеріндегі түсіндірмелерде «бақыт», «береке» ұғымдарымен бірге, «адамның жанының кетуі», «зәре құтының қашуы» сияқты сөз тіркестерінде айтылған.

XX ғасырдың 90-шы жылдарындағы этнографиялық зерттеу еңбектерде қазақ халқының ежелгі мәдениеті, дүниетанымы, материалдық мәдениеті сияқты мәліметтерді қамтыған бірқатар зерттеулер болды. Олардың қатарында «құт» ұғымының шығу тегі мен қалыптасуы мәселелерін жан-жақты талдап, бұл ұғымның тек қазақи дүниетанымда ғана емес, басқа түркі халықтарында да орын алатындығын атап көрсеткен Н. Ж. Шаханова [Шаханова 1998: 9-18] болды. Ол өз еңбегінде «құт» ұғымының барлық түркі халықтарында орын алатын категория екендігін атай келе, этимологиялық тұрғыда түсінік беріп, «құт» категориясының мәнін жан-жақты ашқан.

Қазақтың этнографиялық категориялар мен атауларының дәстүрлі жүйесінде «құт» ұғымының көп қырлы категория екендігі, смонымен бірге оның түршілік қуаты, ризық, несібе, амандық, өмір, тіршілік, байлық, сәттілік, табыс мәнінде қолданылатындығы [Қазақтың этнографиялық категориялар... 2013: 155] айтылады.

В. Т. Валеев «құт» ұғымының батыс сібір татарлары мен басқа түркі халықтарының ұғымында «құт» категориясының жан-жақты орын алатындығын атап көрсетеді [Валеев 1978].

Ө. Т. Төлеубаев «қазақ халқының дүниетанымында адам қатты қорыққанда, небір нәрсеге қатты абыржығанда «құты қашты», «сұры қашты», «тынымы кетті» дейді. Шындығында бұл тіркестер адамның жанының қысылғандығын, оны тіршілік күшінің тастап кеткелі тұрғанын білдіреді» деп көрсетеді [Төлеубаев 2013: 290].

«Құт» ұғымы барлық түркі халықтарында, сібір татарларында «жан», «бақыт», «байлық» сипатында қолданылған. Сондай-ақ, алтайлықтардың наным-сеніміне сәйкес, «құт» адамға әртүрлі рух беретін. Туған кезде берілген құт адамның өмір сүруін қамтамасыз етті. Олар алтын мен күміспен салыстырғанда өте жоғары бағаланды делінген [Анюхин 1929: 252]. Құттан басқа адамдар мен жануарларға тән сұр-бейне, яғни сыртқы көрініске деген сенім болған. Сұрдың адамнан бөлінуі ұзаққа созылған ауруға немесе өлімге әкелді [Анюхин 1929: 261]. Бұл жерде ислам діні түсінігінде сұрдің үрленуі негізінде адамның бойынан жанның кетуі, о дүниеге аттануы сипаты көрсетілген.

Саян Алтай халықтарында бас киімді «үйдің құты» деп санаған. Бас киімнің аралық қызметінде адамға берілетін «эмбрион жаны» — «ұрпақтың, ұрықтың жаны» болады деп сеніп, ешкімге бермеген. Қазақ ұғымында «құт басқа қонады» деген сөз тіркесі де жәйден жәй емес.

Құт термині Тәңір арқылы шоғырланған және адамдарға екі белгі бойынша таратылатын энергияны білдіреді — жоғарыдан таңбалану және өз істері, халыққа да, құдайларға да ұнайды. Егер құт кетсе, жоғалса, әрдайым сәтсіздіктерге ұшырайды деген сенім болған.

Құт түсінігі татарларда жан және Ұмай ұғымдарымен дерлік бірдей. Татарлардың идеяларында Құт адамның жаны секілді белгілі бір жағдайларда адам денесінен «ұшып», содан кейін қайта оралуы мүмкін. Татарлар «құтым оцты» — «менің құтым ұшып кетті» деген сөз тіркесін жиі қолданады, бұл орыс тіліндегі «жан тозаққа кетті» деген идиоматикалық сипатқа сәйкес келеді. Бұл айтылған «құт» термині қазақ халқынан басқа башқұрттарда, Еділ бойындағы татарларда, якуттарда және басқа түркі халықтарында кездеседі. Мысалы, якут тілінде «кутум ыстанна» — «жаным табаныма батты» деген сөз бар.

Құт ұғымы түркі халықтарында әртүрлі түсіндірілгенімен, сипаты бір деп қарастырылады. Мәселен, Алтайлықтарда құт — өміршеңдік, құнарлылық кілті болса, телеуіттердің ішінде құт — адамға сырттан (аспан рухтарынан) келіп, адамның өмір сүруіне себепші болатын және онымен бірге өсетін ұрық, өмірлік күшке тірек болатын бастау делінеді. Ал, хакастар ішінде құт — тірі адамның жаны, ол адам бойынан шықса, адам ауруға ұшырайды, ал егер тіпті қайта келмесе, онда ол өлімге ұшырайды деп түсіндіріледі. Тувалықтарда құт — жан, тіршіліктің қуаты, якуттарда — жанның бір бөлігі іспетті айтылады. Қазіргі қырғыздар арасында құт — адам мен мал-жанның өмірге келуі ұғымында айтылады.

Алтайлықтар мен Сібір татарларының ата-бабаларының құтты аса жоғары бағалағанын, оны асыл металмен салыстыруынан көреміз. Мысалы, телеуіттер Құтты алтын аттың басымен немесе күміс қойдың басымен салыстырған:

Ат бажынча алтын кут. Ат басынан — алтын құт,

Кои бажынча кушум кут. Қой басынан — күміс құт деген.

Қазақ халқында мал шаруашылығына қатысты құралдар да «үйдің құты» саналған. Мәселен, көген, желі, ноқта, бас жіп, бұйда, жүген, құрықты мал иесі өз еркімен ешкімге бермейтін. Жұғысу және жанасу магиясының күшіне сенген қазақтар егер бұл құралдарды біреуге берсе, немесе біреуге кетсе, онда бүкіл байлық пен береке, ырыс пен несібе, мал киесі де солармен бірге кетеді деп ырымдаған. Сондықтан да бұл құралдар қасиетті заттар есебінде атадан балаға мұрагерлікке қалдырылып отырған. Ертеде асс ірі байлардың қызы тұрмысқа шығарда көген мен ноқтаны үй ішіндегілерге сездірмей, жасырын алып кету әдеті болған. Сол арқылы әкесінің байлығы мен дәулеті болашақ өз ошағына да дарысын деген ниетпен жасаған. Сол үшін де мініс аты мен басқа да малдарын сатқанда немесе сыйға бергенде ноқтасы мен жүгенін, бұйдасын, бас жібін иесі өз үйінде алып қалатын болған. Себебі «малдың құты мен бағы басында» деп сенген қазақ халқы малдың басын байлаған бас жіпті, ноқта мен жүгенді «құттың демі бар» деп өз үйінде сақтайтын болған [Тоқтабай, Сейткулова 2005: 64]. Тіпті осы бас жіп құралдарына малдың сілекейін, қылын алып, үйдің оң босағасына іліп қойып, үнемі сақтап баптап ұстап отырған [Бопайұлы 1998: 13]. Сондай-ақ әкесі қызын ұзатарда қызының жасауына «мал құты» деп танылатын әр түліктен бір-бір малдан қосатын болған. Бұл жердегі «құт» ұғымы екі елдің арасындағы жалғастырушы функция болып саналды.

Қазақи ұғымда киелі деп саналған «ақ» деп танылған сүт пен айран сияқты сусындар мен май, қаймақ сияқты тағамдар да үйдің құты саналған. Мәселен, сүт сауатын шелекті арнайы ұстаған халқымыз, ол шелекті басқа мақсатта пайдаланбаған. Егер су алуға осы сүт сауатын шелекпен барса, малдың құты, үйдің құты кемиді деп ырымдаған. Керісінше, сүтті ұйытып, айранды пісіп, ең алғашқы алынған майды падаланбай босағаға жағып, «босаға майлау» рәсімін жасайтын болған. «Босаға майлау» түсінігінде үйдің құты, берекесі артады деп сенген.

Адамның өмір сүру тіршілік циклында адам үшін өмірдің бастамасы құтпен басталып, әрі қарай құтпен жалғасады. Сондықтан да оның мәні жан-жақты, әрі көп қырлы категория. Құт —

адам өмірінің қуаты, жаны, рухы, отбасы — ошақ қасындағы қуаныш пен бақыт, мал-жанның амандығы мен саулығы, сәттілік пен жетістік, адам өмірі мен ұрпағының жалғасындағы қуанышты жаңалықтар мен сүйінші хабарлар сияқты мән-мағынамен байланысты.

ӘДЕБИЕТТЕР

Анюхин А.В. Душа и ее свойства по представлению телеутов // Сборник музея антропологии и этнографии. Т.8. Л.: Изд. АН СССР, 1929. С. 253-269.

Валеев Ф.Т. Алтайские этнические элементы у западносибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 104-122.

Гончарева О.А. Представление о человеке и здоровье в системе традиционной культуры Алтайцев // Вестник Горно Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск, 2018. С. 169-174.

Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. Т.4. Қ-О. Алматы, 2013. 736 б.

Қайрабайұлы А., Бопайұлы Б. Қазақ ырымдары. Алматы, 1982. 160 б.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1895. Т.2. Ч. I.

Толубаев Ә.Т. Қазақ халқы этнографиясының мәселелері. Т.2 // Дүниеден қайтқан адамды жерлеу және артын күтуге байланысты наным сенімдер. Алматы, 2013. 290 б.

Тоқтабай А., Сейткулова Ж. Төрт түліктің қасиеті. Алматы, 2005. 192 б.

САКРАЛЬНОЕ В ЯКУТСКИХ НАКОСНЫХ УКРАШЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются сакральные свойства якутских накосных украшений. На основе ранее выделенных классификаций был проведен анализ бытования накосных украшений у якутов и проведены параллели с тюрко-монгольскими народами Евразии.

Накосные украшения можно разделить на два основных типа: косоплетка и накосник, которые имели разное значение и функции. Данное украшение носило не только утилитарную и эстетическую функцию, но и магико-религиозную. Рассмотрев украшения в разном социально-статусном положении женщин, выделены апотропеическая и продуцирующая функция накосных украшений. Особую роль играла множительная функция, так как волосы женщины как якуты, так же, как и все тюрко-монгольские народы, связывали с деторождением. В настоящее время, сохранилась сакрализация накосных украшений как оберегов.

Ключевые слова: украшения, якуты, накосные украшения, амулет, волосы, сакральное.

Якут шашбау әшекейлеріндегі киелілік

Аннотация. Мақалада якут шашбау әшекейлерін қолданудың киелі аспектілері талданады. Алдыңғы жіктеулерге сүйене отырып олардың якуттар мен Еуразияның түркі-моңғол халықтарының арасында қолданылуына салыстырмалы талдау жүргізілді.

Шашбаулардың екі негізгі түрі бар — бұрым бауы және өрілген шашқа тағатын бұйым. Бұл зергерлік бұйымдар тек утилитарлық және эстетикалық функцияны ғана емес, сонымен қатар сиқырлы-діни функцияны да атқарған. Әйелдердің әлеуметтік мәртебесін ескере отырып, шашбау әшекейлердің апотропеикалық және продуцивті функциялары бөлінді. Якуттар мен басқа да түркі-моңғол халықтарында шаш ұрпақ жалғасумен байланыстырылғандықтан, шаштың көбейту функциясына ерекше назар аударылды. Қазіргі уақытта шашбау әшекейлер тұмар ретінде сакрализациялануда.

Түйін сөздер: зергерлік бұйымдар, якуттар, шашбау әшекейлер, тұмар, шаш, киелілік.

The sacred in Yakut people plaits decoration

Abstract. The article discusses the sacred properties of Yakut decoration for plaits. The analysis of the existence of plaits decoration among the Yakuts was carried out on the basis of previously identified classifications and parallels were drawn with the Turkic-Mongolian peoples of Eurasia.

Decoration for plaits can be divided into two main types: a "kosopletka" and "nakosnik", which had different meanings and functions. This decoration had not only a utilitarian and aesthetic function, but also a magico-religious one. Having considered the plaits decoration in different social-status status of women, the apothrepeic and producing function of the plaits adornments is highlighted. A special role was played by the multiplying function, since women's hair as Yakutsk, as well as all Turkic-Mongolian peoples, were associated with childbirth. Currently, the sacralization of jewelry as amulets has been preserved.

Keywords: decoration, Yakut, decoration for plaits, amulet, hair, sacred.

В современном якутском обществе, в период активного процесса возрождения утраченных культурных ценностей, значительно возрастает интерес к сакральному значению аутентичных предметов материальной культуры, особенно украшений. По-разному трактуются магические свойства формы украшений, декора и металла изготовления. Здесь можно привести пример якутских серег в виде лиры, которые в наше время носят сакральный смысл женщины, ее репродуктивных возможностей. Тогда как значение лиры в данном случае традиционно было иным [Яковлева 2020]. Сейчас данное украшение интерпретируется как образ женщины, а подвески — это ее рожденные и будущие дети и внуки, тогда как в традиционное время «лира» является символом древа жизни и напрямую связана с почитанием богинь якутского пантеона Айыысыт, Иэйэхсит и Аан Алахчын [Тишина 2005]. Здесь нужно заметить, что, в принципе, хотя данное украшение трактуется по-разному, смысл остается один — это продуцирующая составляющая украшений.

Так же, примером мифотворчества современности можно привести в пример представления о том, что нельзя носить броши, подвески и серьги, где изображен один стерх, что это может повлиять на отношения хозяйки с противоположным полом [ПМА 2018].

Украшения, материал которых, согласно традиционным представлениям этноса, обладали магической охранной силой: серьги, кольца, браслеты, наконечники — имели в древности сакральное значение, которое сейчас практически утратилось. Объясняют это представлениями якутов о триединстве души: «ийэ-кут», «буор-кут» и «салгын-кут» [Кулаковский 1979]. Душа может покинуть тело через выступающие конечности — пальцы рук, ног, мочки ушей, глаза, ноздри, рот. Ийэ-кут могли украсть и мучать абасыы (злые духи). Душа-земля «буор-кут» могла покинуть в виде коричневой вошки через ухо человека [Саввинов 2001: 110]. Так же, душа человека могла покинуть его, если сильно напугать. В таком случае «кут ыстанар», то есть душа отскакивала от тела. Чтобы «закрыть» эти выходы, носили украшения, как бы «замыкали» все выходы [ПМА 2018]. То есть украшение выступало в качестве оберега, который нес в себе магическую функцию охраны души человека.

Для изучения сакрального в якутских украшениях очень интересны наконечные украшения, которые являются одним из самых ярких примеров по маркированию половой стратификации и социально-возрастного статуса человека, а вместе с тем носителем сакральных качеств.

Из истории вопроса: наконечные украшения описаны Р. К. Маак [Маак 1994: 66], М. М. Носовым [Носов 1998: 50-51] и др. А. И. Саввинов в своей монографии о традиционных металлических украшениях рассмотрел функции наконечных украшений с точки зрения социально-статусной и сакральной функции [Саввинов 2001: 39-44]. Н. И. Ключева и Е. А. Михайлова, на основе материалов МАЭ (Кунсткамера) изучили наконечные украшения сибирских народов [Ключева, Михайлова 1988]. Из последних работ следует отметить статью А. Н. Прокопьевой, где автор связывает наконечники с обрядами жизненного цикла якутов [Прокопьева 2019].

Материалы исследования опираются на классификацию наконечных украшений якутов, выделенную нами в труде «Архаика: украшения якутов XIV-XVIII вв.» [Яковлева, Прокопьева 2000] а также на классификацию А. И. Саввинова [Саввинов 2001], на материалы Н. И. Ключевой и Е. А. Михайловой [Ключева, Михайлова 1988].

При разборе функций наконечных украшений мы опирались на статью Е. А. Михайловой «Съемные украшения народов Сибири», где автор выделяет основные функции украшений народов Сибири [Михайлова 2005].

У якутов в качестве наконечных украшений выделяют косоплетки и наконечники. Первое выделенное украшение вплетается в косу, а второе прикрепляется как заколка к волосам. Если рассматривать сакральную составляющую наконечных украшений как их магиико-религиозную функцию, то, как правило, можно разделить ее на апотропеическую, очистительную и продуцирующую (множительную). Наконечные украшения наибольшей степенью связаны с множительной

функцией женщины, так как здесь рассматривается особая связь волос с ее способностью и возможностью воспроизводить потомство. В архаическом мировоззрении ответственность в деторождении лежала только на плечах женщины. Бездетных женщин не принимали в гости, чурались ее, считали, что бездетность может быть заразной [Яковлева, Яковлев 2021].

У здоровой, плодovитой женщины должны были быть длинные, густые волосы. В этом отношении характерно тюркское презрительное прозвище бесплодной женщины — «куу баш» — «высохший череп», т.е. женщина, лишенная волос. Таким женщинам не разрешалось выходить замуж, так как считалось, что она бездетна [Михайлова 2005]. А также тот факт, что в якутских погребениях встречаются отрезанные волосы у молодых женщин. Например, наконик из фондов ЯГОМИиКНС инв. № КП 51043. Это украшение описано в труде К. М. Яковлевой и А. Н. Прокопьевой как «ас куустарар» и представляет собой заколку из металла. Внутри заколки пучок волос, перевязанный ровдужной ленточкой [Яковлева, Прокопьева 2020: 38]. Данное явление могло быть связано с дуалистическим мировоззрением якутов. Согласно данной концепции, множительность может быть связана только с жизнью [Прокопьева 2019: 507]. У современных якутов сохранилось табуированность по отношению к стрижке волос женщины во время беременности или после смерти близкого родственника [Яковлева, Яковлев 2021: 233].

Для удлинения и прибавления густоты волосам и появились наконные украшения. Например, у тувинцев, хакасов, алтайцев в косы вплетали бахрому, различные бусы, ложные косы (волосы родственников — мужа, посаженной матери или братьев (хакасы), своих волос (алтайцы, тувинцы, буряты) и т.д. Якутки же вплетали в косы ровдужные ленты с нашитыми на них пластинками, сниски бус, колокольчики. Вероятно, данные украшения носили девушки до замужества.

В отличие от косоплеток, наконники по своему функционалу должны были покрывать косу от чужого глаза. Подобные украшения можно выделить у алтайцев, бурят, татар. Наконники по конструктивным особенностям и функциям близки к начельнику «бастынга» и позже к наспинному украшению «кэлин-кэбисэр». Вероятно, позже, все эти украшения были заменены платками.

У тюрко-монгольских народов девичья прическа менялась на женскую во время свадебного обряда. Например, у народов Южной Сибири на этом мероприятии участвовали родственники не только со стороны невесты, но и жениха. Косу с правой стороны заплетала родственница девушки со словами «я даю ее», с левой — родственница жениха, произнося «я беру ее» [Дьяконова 1986: 36]. У бурят во время обряда причесывания невесты гребень и украшения давала мать жениха, а девичьи украшения отдавали матери невесты [Бадмаева 1978]. У тувинцев во время «тухтепа» заплетали волосы по-женски и вплетали свадебные украшения «чавага». Хакасские женщины после замужества должны были приплетать косоплетки в виде кисти, что символизировало связь с новым родом [Клюева, Михайлова 1988].

В якутской культуре не сохранились особые манипуляции с женскими волосами во время свадьбы. Но, наконники из погребений, чаще всего относят к женщинам пубертатного возраста. Например, А. Н. Прокопьева выделила особую множительную функцию в орнаменте наконника из Оленекского историко-этнографического музея [Прокопьева 2019: 507].

В последнее время, среди современных якутских женщин все более популярными становятся косоплетки и наконники. Данное украшение носят как праздничное во время летнего традиционного праздника ысыах в комплекте с серьгами и «илин-кэлин кэбиһэр» (наспинно-нагрудное украшение). Придают и особое значение магическим свойствам, но еще больше значение апотропеической функции. Здесь выделяют материал изготовления — серебро — белый металл, который своим блеском и звоном отпугивает всю негативную энергию. Серебро у всех тюркоязычных народов играет большую роль, так символ чистоты, святости. Серебро наделяется магической функцией, семантически связано с представлениями обо всем светлом, радостном, символизирует красоту, богатство и здоровье.

Так же сакральными функциями наделяют декор накосных украшений. В основном применяется растительный орнамент, который на первый план выпячивает идею роста, изобилия и процветания. Например, излюбленный якутами мотив процветающей лиры, которую связывают с почитанием богинь якутского пантеона: Айыысыт, Иэйэхсит и Аан Алахчын [Тишина 2005: 109]. В современном якутском обществе существует мнение, что двоекосие было девичьей прической, в связи с чем делают косоплетки парными. Встречаются работы как местных мастеров в виде реконструкций архаичных и традиционных косоплеток, так и украшения в виде накосников китайского производства. Но, несмотря на разнообразие бытования накосных украшений, к ним относятся не просто как к заколкам с эстетической точки зрения, но и как к сакральному предмету. Мы столкнулись со случаем, когда молодым человеком был найден накосник, кто-то увидел в этом «знак» скорейшей судьбоносной встречи со второй половиной, а кто-то посоветовал выбросить данное украшение, так как оно несет в себе чужую энергетику [ПМА 2022]

Выводы. Накосные украшения несут особую сакральную знаковую нагрузку, здесь переплетаются представления этноса о душе, деторождении и обрядах жизненного цикла, магии волос. Мы не располагаем единственно верной информацией о сакрализации накосных украшений, можем лишь исходя из приведенных параллелей и конструктивных особенностей изделий, сделать вывод, что сакральные качества накосных украшений связаны с апотропеической и продуцирующей функциями, которые частично сохранились и в наши дни. Манипуляции с волосами во время свадебного обряда рано изжили себя в якутской среде, хотя, вероятно, бытовали до формирования якутов как этноса. Сегодня больше сохраняется апотропеическая функция в накосных украшениях, которая исходит из почитания богинь якутского религиозного пантеона.

ЛИТЕРАТУРА

Бадмаева Р.Д. Бурятский народный костюм (опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1978. 144 с.

Дьяконова В.П. Этнокультурные параллели к традиционным прическам теленгитов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1986. С.32-39.

Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.

Маак Р.К. Вилюйский округ. М.: Яна, 1994. 592 с.

Михайлова Е.А. Съёмные украшения народов Сибири / Украшения народов Сибири: сборник МАЭ. СПб.: МАЭ РАН, 2005. Т. LI. С.12-119.

Носов М.М. Художественные бытовые изделия якутов XVIII - начала XIX веков. Якутск: Якутское книжное издательство, 1988. 103 с.

Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов XIX - начала XX в. Новосибирск: Наука, 2001. 171 с.

Тишина Т.П. Якутское орнаментальное искусство // Наука и техника в Якутии. 2005. 1(8). С.102-110

Яковлева К.М. Отражение народных знаний якутов в орнаментике традиционных украшений. Современная научная мысль. Москва, 2020. С.101-107

Яковлева К.М., Прокопьева А.Н. Архаика: украшения якутов XIV-XVIII вв. Якутск: СВФУ, 2020. 80 с.

Яковлева К.М., Яковлев А.И. Родильные обряды якутов: традиции и современность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2021. №3. С. 231-239

Полевой материал автора. Верхневилуйский улус, РС (Я). 2018

Полевой материал автора. Якутск, РС (Я). 2022

Айтал Игоревич Яковлев¹

*¹кандидат исторических наук,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова;
лаборатория «Человек в Арктике» ИРНИПП СО РАН
г. Якутск, Россия; aytalyakovlev@mail.ru*

КИНО И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЯКУТИИ

Аннотация. В данной статье будет рассмотрено якутское кино с точки зрения одного из граней проявления этничности. Как киноискусство влияет на социализацию якутской молодежи. Также в рамках данного исследования мы определим механизмы, как якутские фильмы становятся частью сакрального мира современных якутян.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, киноискусство, сакральное и профанное пространство, Якутия.

Заманауи Якутиядағы кино және этномәдени бірегейлік

Аннотация. Бұл мақалада этникалық көріністің бір қыры тұрғысы ретінде якут киносы қарастырылады. Кино өнері якут жастарының әлеуметтенуіне қалай әсер ететіні талданады. Сондай-ақ, осы зерттеу аясында біз якут фильмдерінің қазіргі якутиялықтардың киелі әлемінің бір бөлігіне айналу механизмдерін анықтаймыз.

Түйінді сөздер: этномәдени бірегейлік, кино өнері, киелі және профандық кеңістік, Якутия.

Cinema and ethnocultural identity in modern Yakutia

Abstract. This article will examine Yakut cinema from the point of view of one of the facets of the manifestation of ethnicity. How cinema influences the socialization of Yakut youth. Also, within the framework of this study, we will determine the mechanisms of how Yakut films become part of the sacred world of modern Yakut people.

Keywords: ethnocultural identity, cinematography, sacred and profane space, Yakutia.

Вопрос формирования этнокультурной идентичности в повседневной жизни и анализ развития этого социокультурного явления, его последствий для общества и государства в условиях кризиса культурной глобализации не просто становится актуальной проблемой, но и выходит на первый план как одна из основных стратегических задач современной России. Проблема развития «этнического самосознания», «этнокультурной идентичности» не замыкается конкретно на каком-то одном народе, этносе. Эта проблема является всеобъемлющей и опирается на широкий спектр политико-экономических, социокультурных процессов, характерных для конкретного региона России и современного российского общества в целом.

Теоретические и практические работы, направленные на изучение этнической культуры, её отдельных проявлений, не ограничиваются описанием, раскрытием её особенностей в национальных субъектах Российской Федерации. Вопросы, касающиеся проявления этнокультурной идентичности, выходят за методологические рамки исторических, историко-антропологических исследований. Чтобы раскрыть это сложный вопрос в данной статье будет проанализирован «вещный» мир, который окружает человека. Мир личных вещей и предметов обихода формирует

внутренний мир индивида и его представление о внешней среде. Личные вещи и предметы обихода, которые имеют конкретный функционал (повседневное значение) и смысловую нагрузку (сакральное значение), являются важными элементами для определения этнокультурной идентичности человека.

Задачей статьи является осмысление, как сакральное и профанное пространство современной Якутии отражается в киноискусстве. Как кино, которое снимается в Республике Саха (Якутия), становится инструментом для самовыражения современных якутов. Как киноискусство становится инструментом для определения своей этнокультурной идентичности и сублимирования относительной исторической памяти народы.

Методология исследования опирается на концепцию восприятия повседневного пространства, разработанную З. Бауманом, М. Маклюэном [Аргылов, Охлопкова 2022; Игнатъева и др. 2022]. Также нами используется теория взаимодействия человека (индивида) с окружающей средой, представленная в трудах Э. Дюркгейма, П. Бергера и Т. Лукмана, П. Бурдьё [Дюркгейм 1995; Бергер, Лукман 1995; Бауман 1994].

В дополнение к этому следует отметить соавторскую монографию В. Б. Игнатъевой, Е. Г. Ма-клашовой, А. Г. Томаска, где представлена общая картина социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) (РС (Я)) на современном этапе. Кроме того, исследователями затрагиваются вопросы этнодемографического развития Якутии, в том числе даётся демографический прогноз развития сёл и городов с точки зрения экономической и хозяйственной составляющих. Представлена интерпретация основных элементов материальной (хозяйственной) базы культуры жизнеобеспечения современных жителей республики. В целом, данная работа может быть отнесена к разряду фундаментальных для понимания современных тенденций развития демографических и этносоциальных процессов в Якутии в социально-экономическом контексте [Жамбалова 2020].

При работе со сложными, неоднозначными понятиями в современной историко-антропологической, этнологической науке — «сакральное пространство», «сакральный мир» в рамках этой статьи опираемся на труды Е. Н. Романовой, С. Г. Жамбаловой, Л. И. Винокуровой [Романова 2015; Жамбалова 2020; Винокурова 2021]. Полностью соглашаясь с позициями авторов, определяем, что окружающий мир человека состоит из двух частей: «сакральный» и «профанный». Углубляясь в цитируемые труды, в данной статье выстраиваем собственный каркас определения этих двух понятий на нематериальный (сакральный) и материальный (профанный) мир. При этом разграничиваем повседневность человека как место, где одновременно существуют материальный и нематериальный (символический) мир.

Значимым в методологической базе является то, что в статье использованы качественные методы исследования: интервью, включенное наблюдение с элементами непосредственного участия. Эмпирические методы ложатся в основу актуальных для современной многонациональной России историко-антропологических исследований культурной среды современной Якутии. В ходе исследования автором были проведены глубинные и экспертные интервью, в том числе и с художниками, скульпторами, артистами, связанными с производством фильмов на якутском языке. Всё это даёт возможность сравнить опубликованные материалы (интервью в СМИ) и личную позицию профессионалов, трансформирующих социокультурную среду современной Якутии. Новизной статьи будет наблюдение за якутской городской молодежью, как она воспроизводит свою этничность в условиях полиэтничной, поликультурной среды.

Якутское этническое сообщество в XXI веке. Надо прежде отметить, что в тексте «саха/якуты» и «якутское/якутяне» это два разных понятия, имеющие свои четкие границы. Первое, «саха/якут» — это этническое сообщество, этническая характеристика или этнокультурное качество. В рамках данного понимания якуты — это культурно-языковое сообщество, объединенное общей этнической идентичностью.

Второе понимание определителей «якутяне» и «якутское» — это современное территориально-политическое сообщество, сформировавшееся в Республике Саха (Якутия) в процессе ее национально-государственного строительства, состоящее как из старожильческого населения, так и из поздних переселенцев, самой разной этнической и конфессиональной принадлежности. В якутском обществе сейчас уживаются культуры русских, украинцев, татар, дагестанцев, армян, саха, эвенков, эвенов, таджиков, киргизов и др.

Этничность как форма культурной солидарности людей тесно сопряжена с другими формами культурного самовыражения, в числе которых наиболее значимой является этнический язык, а в случае с якутами таковым является якутский язык — саха тыла. Специалистами языковедами отмечается, что якутский язык сохраняет статус «уязвимого» языка. Если с этнической идентичностью якутов, с национальными институтами якутской культуры в принципе все нормально (СМИ, образование, искусство, печать, делопроизводство и пр.), то анализ языковых компетенций якутов показывает другую картину, поскольку якутские дети (в частности городские) не говорят на родном языке, или говорят плохо в связи со спецификой социокультурной среды, сформировавшейся в Республике Саха, отличительной чертой которой является двуязычие.

Якутское этническое сообщество сейчас в XXI веке территориально сосредоточено и развивается в трех социокультурных средах: крупных селах, деревнях и городах, которые в той или иной мере затронули процессы модернизации и которые вовлечены (в разной мере) в современную информационную цивилизацию.

Но в якутской повседневности есть люди, которые ведут, по современным меркам «реликтовый», традиционный образ жизни. Эти люди живут, придерживаясь традиционных ритмов жизни и поддерживают традиционную культуру жизнеобеспечения — это табунщики (табунное скотоводство), оленеводы (тундровое и лесное оленеводство), рыболовы и охотники.

Для поиска ответа на вопрос как этническая культура якутов сохраняет стабильность в условиях глубоких социально-экономических и культурных трансформаций надо обратить внимание на социокультурную среду, в которой формируется этническая идентичность. Для самоидентификации человека в обществе важным является его причастность к более крупной структуре — этнической и культурной общности. Также немаловажным фактором является сохранение народных знаний и умение их использовать в современных условиях.

Здесь, вероятно, надо озвучить спорный в теоретическом плане тезис, состоящий в том, что как только человек начинает заниматься определенным видом профессиональной деятельности, он усваивает не только профессиональные навыки и профессиональный этикет, но усваивает и специальный понятийный аппарат, а следовательно, и профессиональный сленг, а шире — язык, которым пользуются члены профессионального сообщества.

Культурная глобализация, цифровизация, урбанизация, приобщение к мировым культурным достижениям приводит к сдвигу в сознании человека и ослаблению значимости этнокультурной идентичности. Для сельских якутов это отражается прежде всего в потере традиционных навыков, связанных с привычной системой их жизнеобеспечения — коневодством, скотоводством, оленеводством. Но это же касается и культурного потребления, коммуникации между людьми.

Например, в якутских деревнях, где, казалось бы, существует моноэтническая культурная среда, там, где должен был функционировать только якутский язык, сегодня все активнее используется русский и даже английский языки. Дети, получившие доступ к интернету, потребляют в большинстве своем интернет-ресурсы, созданные на русском и английском языках. Это приводит к тому, что, когда в село приезжают родственники из города (русскоязычные), тогда общение между родственниками автоматически переходит на русский. Модернизационные процессы ведут к ослаблению ориентаций на традиционный образ жизни и ориентаций на него. Так, к примеру, в последние годы, по наблюдениям сельских жителей, численность частных хозяйств, держащих коров, последовательно уменьшаются. В связи с этим, например, Респу-

бликанские власти увеличивают субсидии семьям, которые держат КРС, разводят лошадей, занимаются оленеводством.

Тем не менее, этничность остается актуальной формой культурной солидарности в Якутии, как на селе, так и в городе. Сельская культурная среда всегда оценивается как монокультурная, моноэтническая, где наиболее успешно осуществляется трансляция культурных навыков и ценностей от старшего поколения к младшему. Население городов Якутии, превратившихся в мощные промышленные центры (Нерюнгри, Алдан, Мирный, Нюрба), рассматривается как поликультурные сообщества.

Заметим, что в городах Якутии, и конкретно в Якутске, наиболее активно происходят социальные и культурные изменения, связанные с переменами в социальном облике местных сообществ, меняющимся характером культурного потребления, инновациями, межкультурным взаимодействием, изменениями в образе жизни и ценностных ориентациях.

Чтобы определить якутское кино одним из граней этнокультурной идентичности якутян, надо начать с языка, на котором снимаются фильмы. Язык является носителем культуры и потому трансляция этнокультурных традиций наиболее очевидно и эффективно осуществляется с помощью этнического языка, чему примером является якутский язык. Современная якутская молодежь является активным актором этнокультурных процессов, но она сохраняет и приобщается к культурному наследию предков в специфических условиях культурной глобализации и урбанизации. Основным содержанием нашего исследовательского кейса, реализованного в рамках общего языкового проекта, стала попытка осмыслить как, откуда и через что якутская молодежь получает «сокровенные» знания предков.

Городская якутская молодежь — это самая активная часть народа саха как в политическом смысле, так и в смысле создания и усвоения новых культурных ценностей и практик. Но тут надо отметить особенность якутской городской среды, для которой весьма характерен конфликт или столкновение ценностей и традиций сельского и городского образа жизни, традиций и новаций, противостояние традиционных поведенческих кодов со стилем жизни и нормами поведения модернизированных социальных групп.

В первую очередь стоит рассмотреть социальные пространства, где происходит наиболее активное взаимодействие внутри группы, где осуществляется обмен опытом, налаживаются полезные контакты и осуществляется процесс культурной идентификации. Первичная социализация, как известно, на начальных этапах осуществляется среди узкого круга общения, в котором словесный обмен сведениями, наблюдение за действиями других индивидуумов и протекающими событиями, да и в целом существование, происходит в локальном социуме, где личность взаимодействует с ограниченным количеством людей, цели и взгляды на жизнь, у которых, чаще всего, схожи [Яковлев, Яковлева 2021].

Именно таковым социальным пространством и является якутское село, культурная среда которого схожа с остальными российскими селами, и селами на постсоветском пространстве (напр. в Казахстане). Для любого мигранта из села, в новых для него условиях, требуется адаптация к городской среде. Во многом, адаптация к поликультурной, полиэтнической среде у якутской молодежи протекает через студенческие сообщества и землячества, где они могут реализовать себя и удовлетворить свои потребности в общении, обрести друзей. Не стоит также списывать и социальные сети и интернет-пространство, откуда сейчас молодежь получает информацию о внешнем мире, и где больше всего выражает свои жизненные позиции. Для современной якутской молодежи знание якутского языка, равно как и умение говорить на русском языке, на различных стадиях социализации молодого человека — школа, университет, работа — играет если не основное, то существенное значение.

Городская молодежь Якутии. Одним из наиболее значимых исследований последних лет, которое посвящено анализу этнокультурных процессов, описанию ее трансформаций и попыт-

кам прогнозирования дальнейших культурных изменений в республике следует назвать проект «Форсайт Республики Саха (Якутия) — 2050» [Форсайт Республики... 2014].

Ценность этого проекта заключается в том, что авторами сделана попытка анализа широкого круга актуальных проблем, которые имеют место в общественной жизни саха, и на основе полученных в ходе исследования данных ими сделан прогноз, касающийся изменений в характере этнической идентификации, культурном облике и языке якутов.

Названный проект основывается на результатах социологических исследований, проведенных в Республике Саха (Якутия), а также интервью со специалистами. Полученные материалы позволили авторам рассмотреть этносоциальные процессы и сделать дальнейшие прогнозы, касающиеся функционирования и сохранения традиционной культуры, использования языка, путей трансформации семейных отношений и семейного быта, этнической самоидентификации. Основной целью исследования стала разработка возможных сценариев развития языка и культуры народов Якутии в долгосрочной перспективе.

В этом коллективном труде содержится информация, которая позволяет нарисовать своеобразный социальный портрет современной якутской молодежи. Авторами было выявлено, что 60% горожан являются горожанами в первом поколении (родители являются сельскими жителями). Они (как родители, так и дети) были воспитаны в сельской местности, часто проводят свое свободное время у родственников в деревне. И для оценки влияния урбанизации на их образ жизни и культурные представления делается сравнительный анализ в 3-х группах: сельские жители; горожане в первом поколении; горожане во втором поколении.

Исследование показало тесную связь саха со своей этнической территорией. Так, на вопрос, что значит для вас земля предков, ответы распределились следующим образом: «Это место моего рождения, моя малая родина» — 24.7%. «Это место моего рождения, моя привычная среда, где есть друзья и знакомые» — 22.6%. «Это место, где жили многие поколения моих предков, и я связан с ней через историю моего народа» — 18.8%.

В проекте «Форсайт Республики Саха (Якутия) — 2050» также сделана попытка создать социологический портрет по каждой из рассматриваемых групп. Основное внимание уделено сравнительному анализу жизненных стратегий, ценностных установок и отношению к национальной культуре. В своих выводах авторы приходят к тому, что урбанизационные процессы влияют как на социально-демографические установки молодежи, так и на их социально-культурные позиции. Исследователи отмечают, что зафиксированные ими изменения, имеющие место в разных социальных средах, могут таить в себе риски для демографического и этнокультурного воспроизводства якутского этнического сообщества, и в первую очередь это касается «горожан во втором поколении». Данная группа характерна тем, что «в меньшей степени включена в сферу действия родового клана, обеспечивающего трансляцию национального языка и культуры» [Форсайт Республики 2014: 127-134].

Городскую молодежь в основе своей можно разделить на обучающуюся молодежь и на молодежь, которая работает. Одним из первых отличительных черт городской молодежи от сельской — является язык. Часто городские дети, молодежь общается на русском языке. Главной проблемой для традиционных культур является опасность того, что в городских условиях она начинает стираться, трансформироваться, терять свою аутентичность и оригинальность. С этой проблемой сталкивается молодежь Якутии, как только она начинает жить в городе: одежда, еда, ритм жизни, поведение и язык начинают быстро изменяться согласно условиям, в которые попадает молодой человек. Если на работе и в учебе у молодежи нет свободы самовыражаться или она ограничена, например — корпоративный дресскод, корпоративный этикет, то именно во время своего досуга, свободного времени молодежь как раз начинает самовыражаться, опираясь на историко-культурное наследие своего народа.

Главным отличием свободного времени от рабочего (учебного) времени является возможность самостоятельно его организовать: распределить время и выбрать место. В этом плане города в Якутии, как и везде, дают больше вариантов выбора досуга, нежели в сельской среде. Как отмечают сами студенты, в повседневной жизни они (студенты СВФУ) общаются на якутском языке, с превалированием русского языка. Это связано с тем, что преподавание всех предметов в высших учебных заведениях идет на русском языке. Но надо отметить, что якутский язык используется во внеаудиторное время, студенческие мероприятия проводятся как на якутском, так и на русском языках, при общении университетская молодежь охотно переходит на якутский, но также быстро переходят на русский язык. Студенты, приехавшие на учебу из районов, встречаются в повседневной жизни, некоторые сложности при адаптации к городской среде, которые они указывают при личной беседе.

В Якутске работают библиотеки, которые различными способами привлекают к себе молодежь — проводят тематические мероприятия, нацеленные конкретно на молодежь: лекции, публичные чтения. Библиотеки стараются быть площадками для реализации интересов — так в SmartБиблиотеке (курсив — ред.) по выходным собираются любители настольных игр разных игровых вселенных.

Популярны так же «Чайные вечера», где собираются учащаяся и работающая молодежь вокруг чая обсуждать различные злободневные темы, пообщаться на глубокие, философские темы, где часто обсуждаются исторические темы, темы касающиеся развития культуры саха. На эти «Чайные вечера» приглашаются спикеры, эксперты, которые являются людьми, которые создают современную культуру в Якутии.

Не стоит списывать также клубную, барную культуру — которая тоже имеет свое влияние на молодежь. Например, в Якутске существуют бары имеющие акцент на продвижение ГИК культуры, позиционирующиеся как площадки для общения молодежи, городских жителей интересующихся различными субкультурами. Эти заведения проводят опять же тематические вечера, которые пользуются большим успехом.

Мероприятия, проводимые в городе, куда ходит работающая молодежь, чаще проводятся на якутском языке. Большие концерты, творческие вечера проходят часто на русском языке, но русский язык в этих мероприятиях «обрамлен» якутским языком. И наоборот, можно наблюдать мероприятия, проходящие на якутском языке в городе, «обрамленные» русским языком. Нельзя сказать, что в этих городских мероприятиях есть какой-то контроль, излишнее акцентирование внимания на язык. Это объясняется тем, что городская среда в Якутии, так же, как и в остальной России — это поликультурная, полиэтничная среда. Якутск является примером города, где существует, живет двуязычная культурная среда.

В настоящее время развивается туризм. Притом молодежь открывает для себя свой край, этот тренд начался в основном из-за ограничения во время пандемии COVID-19 (курсив — ред.). Турфирмами, отдельными компаниями друзей организуются короткие вылазки на природу, на реку Лена, в близлежащий лес и улусы. Компаниями из друзей, коллег сплавляются по рекам Якутии, совершают путешествия в горы — притом эти горы порой находятся за Полярным кругом. Все эти большие и маленькие путешествия фиксируются на фото и видео, и молодежь с радостью делится этим контентом со своими друзьями, и просто подписчиками в социальных сетях. Снимают короткие или полнометражные видеофильмы для личного или общественного пользования.

Самым красивым, ярким проявлением сосуществования нескольких языков в современной якутской культуре — это якутская киноиндустрия. «В прошлом году в республике в прокат вышло 13 фильмов. Кассовые сборы превысили более 73 млн. рублей! Это явный успех. Три из пяти самых рентабельных фильмов России за прошлый год были якутскими. Это фильмы «Кюн кыһа

Кюннэй», «Зина и Леха: «Операция хвост и вымя» и «Бугун-былыр». А уже за первые четыре месяца 2023 года на экраны вышло шесть фильмов, которые заработали 60 млн. рублей!» [Афанасий Саввин, интервью изданию Якутия daily].

Слова генерального директора АО «Корпорация развития РС(Я)» Афанасия Саввина не лишены эмоций, но дают четкую картину развития киноиндустрии на современном этапе. Все фильмы, снимающиеся на якутском языке, имеют субтитры на русском языке. И когда в фильмах герои или полностью говорят на русском, или отдельные фразы или предложения — они не имеют субтитров на якутском языке. Именно это является главным показателем ситуации с языком в Республике. Когда русский язык является важной составляющей городской среды.

Объективно показывает развитие кино как индустрии в Якутии кандидат политических наук, Н. А. Аргылов в соавторстве с У. В. Охлопковой в своей статье «Факторы формирования и развития регионального кино в России: якутский феномен» [Аргылов, Охлопкова 2022]. В коллективной статье авторы дают детальный анализ развития киноиндустрии в Якутии, акцент в статье сделан как раз на независимое кино. Так как статья упор делает на «феномен» якутского кино.

Якутское профессиональное киноискусство было заложено еще в начале XX века, и получило расцвет в конце XX века. «Середина прошлого десятилетия — переломный момент в истории якутского кино. Оно вступило в пору творческой зрелости, получило признание за пределами региона, из узколокального феномена превратилось в значимый факт многонациональной культуры Российской Федерации. Особенность исследуемого этапа состоит в том, что якутское кино, которое изначально решало серьезные культурные, политические задачи, стало коммерческой отраслью. При этом якутские кинематографисты смогли совместить «внутреннюю нужду в идентичности с навязанной рыночной логикой», к сфере активно начали подключаться молодые люди, которые сами пишут сценарии, снимают, режиссируют.

...Если в начале пути якутское кино основывалось преимущественно на мифах и местных легендах, то современные работы в большей степени посвящены социальным проблемам и острым общественным вопросам. Эта тематика охотнее поддерживается аудиторией, что подтверждается данными о кассовых сборах в кинотеатрах Якутии с 2016 по 2021 г. Аудитория предпочитает фильмы, в которых показана повседневная жизнь, а героями выступают знакомые зрителям образы — парень и девушка из якутского села или жители столицы» [Аргылов, Охлопкова 2022]. Кино в Якутии опирается не только на традиционную культуру, но и является инструментом для рефлексии современных социальных проблем.

Соглашаясь с коллегой, надо добавить, что якутское кино не просто готовый коммерческий продукт, который можно измерить количеством хронометража фильма, объемов финансовых средств, но и надо отметить глубокую культурную составляющую. Фильмы якутских мастеров имеют большой эффект и влияние в современных социокультурных процессах Якутии и России. На это указывает ряд жизненных позиций, которые можно выделить после работы, глубинных интервью с режиссерами, продюсерами, операторами и даже водителями республиканской кинокомпании «Сахафильм», независимыми режиссерами.

Изначальное осознание режиссерами, продюсерами, что на их работу смотрит весь мир. Что якутское киноискусство ничем не отличается от работ иностранных коллег. Изоляция от Большого Мира, присущая традиционной якутской культуре для якутского кино, не является основной средой. Как только якутское кино появилось с конца XX в., и получило новое дыхание в первую четверть XXI в. оно вырвалось в широкий круг, и заполнило российское кинопространство, как будто оно было рыхлым, незаполненным до конца.

Фильм прекрасно отражает особенности якутского менталитета и кинематографа, отвергающее гиперболизированное зло. Несмотря на наличие социальных конфликтов, они не выступают ведущей темой фильма. Этот аспект особенно выделяется в финале, когда отец

(сосед-антагонист) приходит на помощь утопающему мальчику по имени Тимир. Вне якутского кино антагонисты обычно умирают или остаются безнаказанными. Фильм тонко исследует тему семьи, демонстрируя, что она далеко не всегда идиллическая, и осознание важности заботы о семье и желание стать лучше для своих родных и близких. Также пронизательно раскрываются социальные проблемы, характерные для нашего общества. Главным достижением этого фильма и режиссера Николая Скрябина является возможность донести сложные темы до подростков и детей с помощью яркой постановки кадров и динамичного повествования.

Сложные вопросы отражения сакрального пространства саха в кино можно раскрыть на двух примерах. Во-первых, это фильм Алексея Романова «Орто Дойду», считающийся первым якутским фильмом и входящий в число классических фильмов, которые открыли для мира якутское кино. Фильм показывает, как живет сакральный мир в структуре повседневного мира, через обряды, костюмы. Этот фильм служит примером того, как наш народ понимает отношение к своей этничности и этносу. С этого фильма началась работа над использованием киноискусства в качестве инструмента для решения вопросов этно-культурогенеза саха. Во-вторых, сакральные символы отчетливо видны и вплетены в контекст сюжета якутского кино. Сакральные символы и социокультурные проблемы, которые касаются и раскрываются продюсерами и кинорежиссерами, понятны и важны для всех этнофоров различных возрастных категорий: школьников, студентов, работающей молодежи, среднего и старшего поколения.

Проблемы этнической культуры и этничности в Республике Саха (Якутия) имеют многогранные проявления. Это связано прежде всего с современными трендами в мире и России, такими как урбанизация, культурная глобализация, а также внутренние и внешние миграционные процессы, которые выдвигают на первый план конфликт между традиционной и современной культурой. Этот конфликт проявляется в общественном настроении и социокультурных процессах Якутии, особенно заметен в жизни якутской молодежи.

Одним из ключевых мест, где проявляется этот конфликт между традицией и современностью, является киноиндустрия. Якутское кино становится пространством, где люди не только выражают свою этничность, но и используют его как инструмент для сохранения своей культуры, мировоззрения и жизненной позиции. Якутское киноискусство включает разнообразные механизмы для достижения этой цели: от простых минутных роликов и короткометражных фильмов до полнометражных кинолент. Почти во всех видах якутского кино прослеживается этническая тематика, которая не только раскрывает материальную историю, но также представляет сакральную культуру саха. Именно это делает якутское кино не только актуальным для якутской аудитории, но и привлекательным для мирового сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

Аргылов Н.А., Охлопкова У.В. Факторы формирования и развития регионального кино в России: якутский феномен // Медиальманах, 2022. № 6 (113). С. 107-117.

Афанасий С.: Якутяне любят свой кинематограф, и у него большие перспективы по выходу на новые рынки [Электронный ресурс]. URL: <https://yakutia-daily.ru/afanasij-savvin-yakutyane-lyubyat-svoj-kinematograf-i-u-nego-bolshie-perspektivy-po-vyvodu-na-novye-rynki/> (дата обращения: 26.09.2023)

Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 69-80.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Винокурова Л.И. Фактор холода в Якутии и сельские повседневные практики // Цивилизационные аспекты развития арктических регионов России: сборник статей по итогам II научно-практической конференции. М.: Институт мировых цивилизаций, 2021. С. 88-98.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.

Жамбалова С.Г. Ольхон в XXI веке: традиции и инновации в системе жизнеобеспечения населения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 3 (32). С. 57-66.

Игнатьева В.Б., Маклашова Е.Г., Томаска А.Г. Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития. Новосибирск: Наука, 2022. 296 с.

Романова Е.Н. Ландшафт в культуре памяти // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (5). С. 93-98.

Форсайт Республики Саха (Якутия) – 2050 / под ред. Е.И. Михайловой, В.С. Ефимова. Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 2014. 182 с.

Яковлев А.И., Яковлева К.М. Адаптация сельской молодежи к городской среде: конфликт монокультурной и мультикультурной среды // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4-3(106). С. 180-183.

Бұлбұл Шәкен¹

*¹докторант, Л.Н. Гумилев атындағы
Еуразия ұлттық университеті,
Астана қ., Қазақстан; agazhai_altai@mail.ru*

ЭТНИКАЛЫҚ РЕПАТРИАЦИЯ ТЕОРИЯЛАРЫ ЖӘНЕ АУҒАНСТАН ҚАЗАҚТАРЫНЫҢ ОРЛУЫ

Аннотация. Мақалада этникалық репатриация теориясын жасау талпыныстары талқыланады. Зерттеудің алғашқы бөлігінде экономика, әлеуметтану және психология бойынша миграция теорияларына шолу жасалынып, күрделі мәселелер мен ғылыми еңбектер қарастырылды. Иммигранттар санатының көбеюі, репатрианттар категориясын (этникалық репатрианттар, диаспора ұрпақтары, зейнеткер-репатрианттар т.б.) анықтап, олардың оралу себептері мен салдарын түсінуді қажет етеді. Сол себепті, әуелі репатриация себептерін қарастырғанда оны анықтаушы факторларға көңіл бөлінеді. Репатриация салдары тұрғысынан келгенде, оралғаннан кейінгі олардың қозғалысы, бейімделуі жан-жақты зерттеуді қажет етеді. Мақаланың екінші бөлігінде Ауғанстандағы қазақтардың оралу көші-қоны мысалында елдегі негізгі топтардың көзқарастары сынды контекстік факторлар зерттелді, себебі қабылдаушы қоғам қандастардағы аккультурация процесінің маңызды модераторлары болып табылады. Сонымен қатар, түрлі теориялар мен модельдердің қазақ репатрианттардың көші-қон мотивтері мен бейімделуін түсіндірудегі артықшылықтары мен кемшіліктері талданды.

Түйін сөздер: миграция, теориялар, экономика, әлеуметтану, психология, репатриация, Ауғанстан қазақтары, интеграция, этникалық идентификация.

Теоретизация возвратной миграции и репатриация казахов из Афганистана

Аннотация. В статье обсуждаются попытки разработать теорию этнической репатриации. В первой части исследования был проведен обзор теорий миграции по экономике, социологии и психологии, также рассмотрены сложные проблемы и научные труды по репатриации. Увеличение числа типов иммигрантов, определение категории репатриантов (этнические репатрианты, потомки диаспоры, пенсионеры-репатрианты и т.д.) требует понимания причин и последствий их возвращения. Поэтому вначале при рассмотрении причин репатриации следует учитывать факторы, определяющие ее. Согласно точке зрения по причинам репатриации, их динамика, адаптация после возвращения требуют всестороннего изучения. Во второй части статьи на примере возвратной миграции казахов из Афганистана были изучены контекстные факторы, такие как взгляды основных групп в стране, поскольку принимающее общество является важным модератором процесса аккультурации кандасов. Кроме того, были проанализированы различные теории, модели, их преимущества и недостатки в интерпретации миграционных мотивов и адаптации казахских репатриантов.

Ключевые слова: миграция, теории, экономика, социология, психология, репатриация, казахи из Афганистана, интеграция, этническая идентификация.

Theorizing return migration and Afghanistan-born kazakh homecoming

Abstract. This article argues an attempts to theorize of return migration. By reviewing scientific theories in the fields of economics, sociology and psychology, important issues and research papers on repatriation were discussed. The ensuing rise in the variety of immigrant categories made it necessary to distinguish between different genres of homecoming migrants and comprehend the circumstances and motivations behind ethnic's returns. Because of this, return migration is now frequently examined by first comprehending its determinants. According to this perspective, comprehending the dynamics upon return and the overall (re)settlement experiences requires taking into account who returns and why. In the second part of article, it is addressed the contextual factors such as the opinions of mainstream groups in the home country that distinguish return migration from migration and act as important moderators of the acculturation process, based on a study of Kazakh return migration from Afghanistan. Both the advantages and disadvantages of these models and perspectives are showed in understanding the motives and experiences of Kazakh return migrants.

Keywords: migration, framework, economy, sociology, psychology, return migration, Afghanistan-born Kazakhs, integration, ethnic identification.

XX ғасырдың аяғы — XXI ғасырдың басы қарқынды әлеуметтік-саяси және экономикалық өзгерістермен сипатталады. Бұл жаңа этносаяси жағдайлардың пайда болуына әкелді, оның белгілерінің бірі — көші-қонның өсуі, әсіресе этникалық репатриацияның жаппай белең алуы. Ұзақ уақыт бойы этникалық репатриация көші-қон теориясы және әдістері шеңберінде қарастырылды. Ғалымдар этникалық репатриацияға байланысты негізгі категориялар мен әдістерді біріздендіруге және жіктеуге тырысқанымен, «этникалық репатриация», «диаспоралық репатриация» секілді т.б. терминдер мен негізгі ұғымдар туралы әлі күнге дейін ортақ пікір жоқ. Көптеген іргелі еңбектер жарияланғанымен, олар қарама-қайшы пікірлерге және мысалдарға толы болды.

Мақаланың дереккөздері ретінде автордың этнографиялық экспедиция материалдары, Қазақстанның Ұлттық халық санағы (1999, 2009, 2021) және шетелдік саяхатшылардың Ауғанстан қазақтары туралы жазбалары пайдаланылады. Мақалада этникалық көші-қон пәнаралық тұрғыдан қарастырылды. Мәселені талдау барысында тарихи және ғылыми объективтілік принципі сақталды. Сонымен қатар, тарихи-типологиялық, проблемалық, индуктивті-дедуктивті, жүйелік, кейс-стади және салыстырмалы талдау әдістері қолданылды.

Этникалық көші-қон гуманитарлық пәндердің (антропология, экономика, әлеуметтану, география, психология және т.б.) зерттеу нысаны ретінде қарастырылып келеді. Алайда бұл әлі де теориялық, әдіснамалық толықтыруды қажет ететін сала болып қала бермек. Себебі этникалық репатриация теориясын жасауға бағытталған көптеген әрекеттер оны көші-қонның жалпы гипотезалары арқылы ғана қарастырады. J. P. Cassarino репатриацияның әртүрлі типтері мен құрылымдарына шолу жасай отырып, оны неоклассикалық экономика, көші-қонның жаңа экономикасы, структурализм, транснационализм және әлеуметтік желі теориялары арқылы түсіндіруге тырысады. Мақалада J. P. Cassarino-ның бұл теорияларына қосымша әлеуметтану, психология бойынша теориялар да талқыланатын болады [Cassarino 2004].

Экономика теориялары мәселені екі түсінік негізінде қарастырады. Біріншіден, неоклассикалық экономика адамдар қаржылық жағдайын жақсарту үшін бір жерден екінші жерге көшеді деп есептейді. Яғни, шыққан ел мен барған еліндегі жалақы айырмашылығы миграцияның басты себебі деп санайды. Осы тұрғыдан алғанда, қайта оралу — шығындарды дұрыс жоспарламау немесе көшудің артықшылықтарын есептемеу салдарынан туындаған сәтсіздік ретінде қарастырылады. Екіншіден, «еңбек көші-қонының жаңа экономикасы» оралу миграциясын отбасы үшін ақылға қонымды таңдау және көші-қонның сәтті болғанының белгісі деп санайды.

Бұл теория адамдардың қалай ақша табатынын, олардың отбасылық және жеке жағдайларын ескере отырып, тәуекелге барудан аулақ болуға тырысатынын айтады [King, Christou 2008].

Үйге жіберілген ақша аударымдары мигранттардың өз еліне оралуында үлкен рөл атқарады. Ақша аударымдары мигранттардың әлі де өз үйімен байланысын сезінетіндігінің және жаңа еліне толық қоныстанбағанының белгілері ретінде қарастырылды [Çağlar 2006]. Алайда, бұл теориялар тек адамдардың өз елдеріне оралуының экономикалық себептерінен басқа әлеуметтік және саяси факторларды қарастырмайды. Яғни, аталған модельдер диаспора ұрпақтарының оралуын және қоғамға кірігуін жеке алып талдамады.

Ал структурализм репатрианттың жеке тәжірибесін ғана емес, олар оралған мемлекеттегі әлеуметтік және институционалдық факторларды да қарастырады. Бұл әдісте F.P. Cerase иммигранттардың неліктен өз елдеріне оралатынын жіктеудің белгілі әдісін жасады. Оның айтуынша, төрт негізгі себеп бар: сәтсіздікке ұшырау, миграцияға дейінгі күйін сақтап қалу, зейнетке шығу және өз еліне жаңа идеялармен оралу [Cerase 1974]. G. Gmelch адамдардың неліктен өз еліне оралатынын, оларды не итермелейтінін және көшіп барған жеріне қалай бейімделетінін зерттеді. G. Gmelch адамдар өз елдеріне оралуды немесе барған елде қалуды әр жерде болатын мүмкіндіктерге сүйене отырып шешеді деп санайды [Gmelch 1980]. Алайда, жағдайды тек қайтып оралғаннан кейін ғана бағалауға болады. Егер репатриант қоғамнан, экономика немесе саясаттан өзі күткенді көрмесе, пост-репатриация реакциясы, нәтижесі қиын болады.

Құрылымдық тәсіл репатриация жеке тұлғаның тәжірибесі ғана емес, керісінше қабылдаушы ел және атамекен арасындағы көптеген факторларға байланысты екенін көрсетумен маңызды болды. Алайда, бұл теория иммигранттардың қабылдаушы қоғаммен қалай жұмыс істейтіні, сондай-ақ олардың эмоционалдық және әлеуметтік өзгерістері және диаспора мигранттары туралы толық ақпарат бере алмады.

Әлеуметтік зерттеулер, яғни транснационализм теориясы мигранттардың жаңа елге көшуі, әлеуметтік статусын қабылдауы және этникалық топтағы басқа адамдармен қарым-қатынасы әсер ететін әртүрлі бірегейліктерге ие болуын қарастырады. Транснационализм дегеніміз бір мемлекетте өмір сүріп жатып басқа мемлекеттегі туыс, дос, таныстармен байланыста болу, екі мемлекетте де өмір сүру. Ал интеграция дегеніміз осы мемлекеттің мәдениетін ұстана отырып, туған елінің мәдениетін де қатар алып жүру, сақтау. Интеграция екінші мемлекеттің мәдениетіне кірігуді баса дәріптесе, транснационализм бірінші елмен қарым-қатынаста болуды қарастырады. Транснационализм бойынша этникалық репатрианттардың атамекеніне оралу себебі этникалық шыққан жеріне, еліне тиесілік сезімінің болуы [Wessendorf 2007]. Алайда, T. Tsuda экономикалық факторлардың да оралу шешімінде маңызды рөл атқаратынын айтады [Tsuda 2009: 5-15]. Келесі бір себеп мигранттардың барған мемлекеттеріне толық кіріге алмауы, әлеуметтік кемсітулерге ұшырауы [Bolognani 2007: 63-70] немесе ата-әжелерінің әңгімелерінен естіген атамекенге, ондағы өмірге, өсиет бойынша қайта қауышуға ұмтылуы [Datta 2013]. Алайда қайта оралғаннан кейінгі мигранттардың реакциясы мен шынайылықты транснационализм репатриацияның салдары ретінде көрсетеді. Бұған көбінде көңіл қалу, мәдени шок, бөлектену жағдайлары жатады.

Психология теориялары бойынша мәдени ауысу эмоцияны, мінез-құлықты және танымды қамтитын күрделі процесті білдіреді. Әлеуметтану теориялары қабылдаушы елдің саяси, әлеуметтік және экономикалық әсеріне көбірек қатысты болса, психологиялық әдістер көзқарастар, наным-сенімдер мен мінез-құлықтың жеке өзгеруіне негізделген [Sussman 2010]. Аккультурация мәдени ауысулардың психологиялық бөлігін талдауға тырысады және стресс пен қиындықтарды осы ауысулар кезіндегі мигрант тәжірибесінің ажырамас бөлігі ретінде қарастырады.

Аккультурация бойынша алғашқы зерттеулер, ең алдымен, мәдени шок және бейімделуді зерттеді. Алайда, соңғы әдебиеттер назарын мәдени бірегейлікке аударды. Мысалы, J. T. Gullahorn-ның W-бейнелі сызық теориясы бұрын жан-жақты зерттелген ең ықпалды тео-

рияның бірі болды. 1955 жылы Lysgaard жасаған жаңа қоғамға бейімделіп жатқан адамдардың тәжірибесін «мәдени шок» ретінде сипаттайтын U-бейнелік сызық теориясы кейіннен W-қисық теориясына дейін кеңейтілді. Мұнда мигранттың үміті ақталмай күйзеліске ұшырағаннан кейін ол қайтадан бас көтереді, жаңа күш алады деп түсіндіреді [Gullahorn etc. 1963].

Келесі бір маңызды модельдердің бірі J. W. Berry-дің аккультурация моделі. Онда иммигрант қоныс аударған кезде оның алдында екі міндет тұрады делінеді — өзінің туған мәдениетін сақтау және басқа мәдениетпен, мәдениет өкілдерімен қарым-қатынас жасау. J. W. Berry-дің пікірінше, аккультурацияның төрт стратегиясы бар: интеграция, ассимиляция, сепарация және маргинализация. Бір жағынан, мәдениетті қолдау және басқа топтармен өзара әрекеттесу осы стратегияларды құрайды. Иммигрант интеграциялық стратегияны ұстана отырып, жаңа мәдениетке де, өз мәдениетінің кейбір аспектілеріне де қатысады [Berry 1997].

N. M. Sussman-ның моделіне сәйкес, иммигранттардың жаңа жерге әлеуметтік-мәдени бейімделуі олардың иммиграцияға дейінгі мәдени бірегейлігі мен мәдени икемділігінің маңыздылығымен болжанады. Жаңа ортаға бейімделген және қабылдаушы мәдениеттің құндылықтарын, дүниетанымын және мінез-құлқын ішінара қабылдаған иммигранттардың мәдени ерекшеліктері өзгереді; бұл өзгерістер олар үшін өз еліне оралғаннан кейін ғана айқын көрінеді. Басқаша айтқанда, қабылдаушы қоғамға бейімделу деңгейі оралғаннан кейінгі реинтеграция кедергілерінің көлемін болжайды. N. Sussman репатриацияның төрт түрлі стратегиясын анықтайды: аффермативті, аддитивті, субтрактивті және көпмәдениетті. Әрбір стратегия жеке тұлғаның бірегейлігінің ауысуы және иммиграция процесінде стресстің әртүрлі дәрежеде болуымен байланысты [Sussman 2001].

Аккультурация бойынша көптеген зерттеулер этникалық көші-қонның әртүрлі аспектілерін, соның ішінде реинтеграцияның психологиялық әсерін, жастың рөлін, жіберуші және қабылдаушы қоғам арасындағы мәдени қашықтықты, қабылдаушы елдегі адамдармен қарым-қатынасты және т.б. зерттеді. Алайда, бұл зерттеулердің көпшілігі уақытша мигранттар тәжірибесін түсіндіруге бағытталған. Миграция мерзімінің қысқа болуын ескере отырып, олардың тәжірибесін диаспора репатрианттарының тәжірибесімен салыстыруға болмайды.

Қорытындылай келе, көптеген теориялар көші-қон кейсі арқылы этникалық репатриацияны түсіндіруге тырысқанын көруге болады. Алайда, этникалық/диаспоралық көші-қонның себептері мен салдары жеке қарастыруды қажет етеді. Осы себепті бұл модельдерді Ауғанстан қазақтарының елге оралу мысалы негізінде қарастырамыз.

Ауғанстан қазақтарының атамекеніне оралуы

Тақырыптың зерттелуі. Соңғы жылдары этникалық репатриация және қазақ репатрианттардың Қазақстан қоғамына бейімделуі мен интеграциясы қарқынды зерттеліп жатыр. Этникалық репатриация бағдарламасы жүзеге асқан 30 жылдың ішінде әртүрлі салалар (экономика, әлеуметтану, философия, құқық, тарих, психология, лингвистика, педагогика) бойынша монография, докторлық диссертация және ғылыми мақалалар көптеп жарық көрді.

Репатрианттарды тарихи және этнографиялық тұрғыдан зерттеу бойынша А. Б. Калыш пен Д. Б. Касымованың «Пути интеграции оралманов в Казахское общество: реалии и вызовы» [Калыш, Касимова 2013] және «Поле и смыслы социокультурной интеграции этнических репатриантов» [Калыш, Касимова 2014], К. Қ. Нұрымбетованың «Тәуелсіз Қазақстандағы репатриация мәселелері мен болашағы: тарихи талдау (1991-2008 жж.)» [Нұрымбетова 2010], К. Н. Балтабаева, Т. А. Мамашев, Ж. Ә. Ермекбай, А. Ж. Баймағамбетова «Қазақ диаспорасы және Атамекенге оралу (1991-2012 жж.)» [Балтабаева және т.б. 2015] т.б. әдебиеттерді жатқызуға болады.

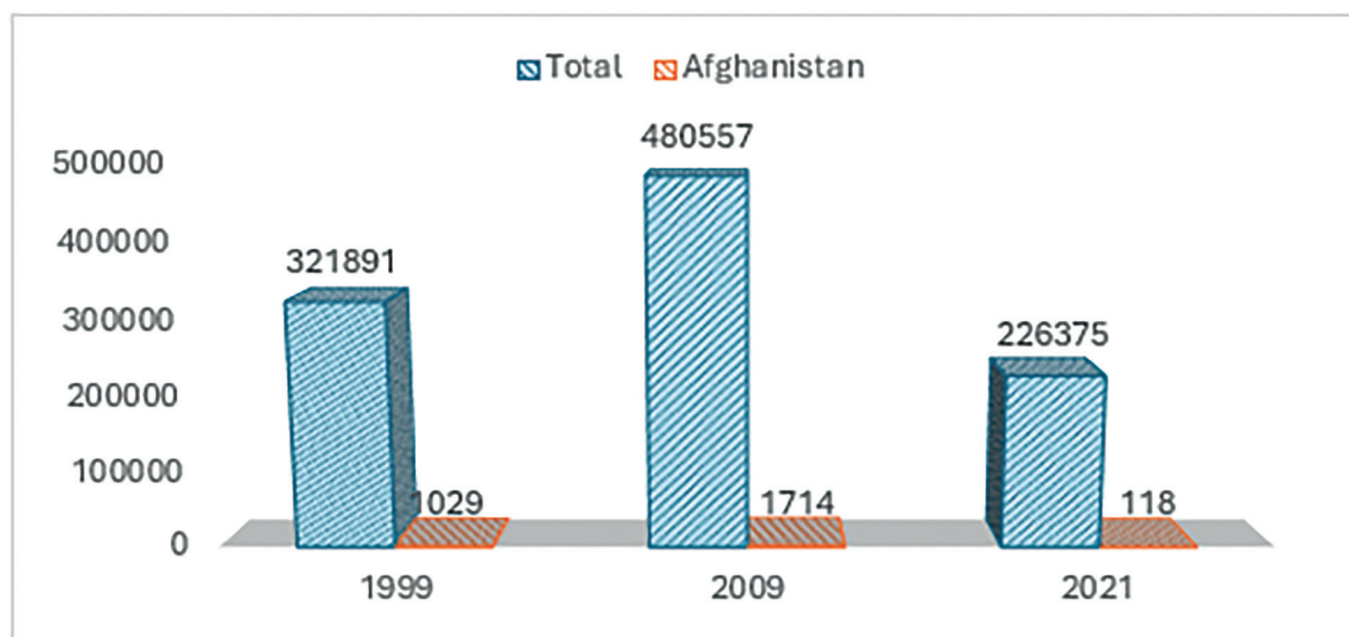
Мұнда Қазақстан Республикасының репатриация саясаты жан-жақты талқыланып, іске асырылған мемлекеттік бағдарламалар, көші-қон заңдары және репатрианттарды қолдау шаралары толығымен баяндалады. Миграция, диаспорология және репатриация бойынша толық тарихнама жасалып, отандық және шетелдік ғалымдардың еңбектерін бөліп қарастырады. Әрбір мемлекет-

тен келген қазақ репатрианттардың этникалық бірегейліктеріне назар аудара отырып, Қазақстан қоғамына сіңісуін бағалайды. Еңбек және білім беру репатриациясының артықшылықтары талқыланады (90-жылдардағы Моңғолия қазақтары мысалында). Қазақ репатрианттарды қазақстандық социумға әлеуметтік-мәдени бейімдеудегі қиындықтарға да тоқталады.

Ауған қазақтарының көші-қон тарихы. Қазақтардың ауған жеріне аяқ басуын бірнеше кезеңдерге бөліп қарастыруға болады. Алғашқы кезең XVIII-XIX ғасырларға сәйкес келеді. Б. Қалшабаева [Қалшабаева 2011] және Г. Меңдіқұлова [Мендикулова 1997] тарихи деректерді келтіре отырып қазақ диаспорасының қалыптасуы «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама» кезеңіне басталады деген пікір айтады. Ұлыбританиялық саяхатшылар W. Moorcroft және G. Trebeck-тің жазбаларында Сырдария бойында қазақтарды, киіз үй және тазы итті көргені туралы ақпараттар кездеседі [Moorcroft, Trebeck 1841: 500].

Екінші кезең XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басы, Патшалық отарлау мен ашаршылық, жаппай қуғын-сүргін заманы. Бұл туралы швед дипломаты Gunnar Jarring 1930 жылдардың басында кіші жүз қазақтарын Ауғанстанның оңтүстік өңірлерінен кездестіргенін айтады. Қазақтар Акши, Андхой облыстарында, көбінде Хандбад ауданында тұрған [Jarring 1934: 69]. Келесі бір кезең XX ғасырдың 40-50 жылдарына сәйкес келеді, яғни Шығыс Түркістаннан қашып, ауған жеріне табан тіреген қазақтар. Олар туралы Milton J. Clark «Қалай қазақтар еркіндікке ұмтылды» атты мақаласында жазады [Milton 1950].

Статистика. Тәуелсіз мемлекет ретінде Қазақстан үш Ұлттық Халық санағын өткізді. Соңғы 2021 жылғы Халық санағының нәтижесі бойынша 1,345 млн. қазақ шетелден оралған. Оның ішінде 2861-і Ауғанстаннан келген қазақтар. Олар жалпы репатрианттардың 0.2 пайызын ғана құрайды. Төменде 1999, 2009 және 2021 жылдары жүргізілген Халық санағы нәтижесінде алынған Ауғанстан қазақтарының атамекенге оралу динамикасы көрсетілген (1-диаграмма, 1-кесте) [ҚР Халық санағы 1999, 2009, 2021 жж.].

1-диаграмма. Қызыл блок – Ауғанстаннан оралған қазақтар саны; көк блок – басқа мемлекеттерден оралған қазақтар саны

National census	Total	Russia	Uzbekistan	China	Mongolia	Afghanistan
1999	321891	24480	53538	1360	42426	1029
2009	480557	33379	288839	54123	25414	1714
2021	226375	13224	77478	10189	3346	118

1-кесте. Әрбір мемлекет бойынша отанына оралған қазақтардың үлесі

Эвакуациялануы. 2020 жылдың 23 ақпанында Тәліп Исламдық ұйымы Ауғанстан билігіне келді. Ауғанстандағы әлеуметтік-экономикалық кризистің ушығуына байланысты Қазақстан гуманитарлық көмек көрсетті және ондағы қазақтарды қабылдайтынын айтты. 2021 жылдың қыркүйек айында 4 қазақ отбасы ҚР президенті Қ. Тоқаевтың бұйрығымен эвакуацияланып, Қазақстанға жеткізілді [Азаттық радиосы 2021]. Сыртқы істер министрлігі, Халықты әлеуметтік қорғау және Еңбек министрлігінің Көші-қон комитеті және Дүниежүзі қазақтары қауымдастығының бірлескен жұмысының арқасында шұғыл жағдайда оларды Ақмола облысына қоныстандырды (Көкшетау қ. (2 отбасы), Атбасар ауд. Мариновка аул. (1 отбасы), Бурабай ауд. Кіндікқарағай аул. (1 отбасы)). Олардың жол шығындары, тұрғын үй, тамақ, киім сынды тұрмыстық қажеттіліктерін жергілікті атқарушы мекемелер, мешіттер және ауыл тұрғындары дайындап берді.

Көші-қонды ынталандырушы факторлар. Аталған төрт отбасының үшеуі соңғы 20 жылда Иранда тұрып келген. Сұхбатқа 18 жастан асқан отбасы мүшелері қатысты. 20 респонденттің жартылай құрылымдық сұхбаттарына сүйене отырып, атамекенге оралу туралы шешім қабылдауға әсер ететін ең маңызды факторлар этникалық тиесілік және ата-баба өсиетін орындау амбициясы екенін көруге болады. Экономикалық факторлар да олардың қоныс аударуында маңызды рөл атқарды. Себебі осы төрт отбасының үшеуі төмен жалақыға құрылыс саласында, базарда түрлі қара жұмыста істеген. Тіпті осы жылдар бойы олардың меншікті тұрғын жайы болмаған, үйлерді жалдап тұрған. Атамекеніне оралуда келесі бір себеп қазақы бірегейлігін ғана емес, діни бірегейлікті де сақтау. Репатрианттардың айтуынша олар мекен еткен мемлекетте исламның сүни тармағын ұстаушылар аз және негізгі топтан бөлектеніп, қысым да көрген.

Зерттеу Ауғанстан мен Иранның қоғамдық-саяси контекстінің көшу шешімін қабылдауда қаншалықты маңызды екенін көрсетті. Қатысушылар саяси тұрақсыз қоғам, қауіпсіздік мәселесін де жоққа шығармайды. Келесі фактор — балалардың білім алуы. Төрт отбасының 35-ке жуық мүшесінің ішінде біреуінде ғана жоғары білім бар. Аға ұрпақ дерлік сауатсыз. Балалардың тіпті орта мектепті де бітіруге мүмкіндігі болмаған. Олар қазақ тілінде білім алып, туған тарихын білуді армандаған екенін айтты. Яғни, атамекенінде білім алу да репатриацияны ынталандырушы фактор болмақ.

Қоғамға бейімделу қиындықтары. Алынған ақпараттар ұрпақ санатына немесе әлеуметтік-экономикалық жағдайына байланысты респонденттердің бейімделу стратегияларының қалай ерекшеленетінін көрсетті. Сұхбаттардың көпшілігі әлеуметтік, эмоционалдық және жеке қиындықтар туралы. Мәселен, олар өздерінің идеалдандырылған бейнелері мен олар қайта оралатын шындық арасындағы сәйкессіздікті күтпеген. Яғни, бұл сәйкессіздік көбінде репатриацияға дайындалмаудан және қазақ қоғамындағы кейбір жағдайлардың өзгеруінен туындайды. Қайтып оралғаннан кейін туындаған негізгі мәселе репатрианттар мен жергілікті қазақтар арасындағы мәдени айырмашылықтардың болуы. Репатрианттардың сөзіне қарағанда олардың дәстүрді күнделікті тұрмыстық практикада ұстануы қоғаммен байланыста ынғайсыздықтар туғызған, яғни модернизацияланған қоғамда тым ескішіл көзқарастағы адам ретінде көрінетін болған.

Гуллахорнның W-тәрізді теориясын қолдана отырып, оралу көші-қон жағдайын бағалағаннан кейін, бұл модель қазақ репатрианттардың тәжірибесін сипаттауға немесе болжауға қабілетті екендігі анықталды. Теорияның кезеңдері болып табылатын бал айы, мәдени шок, бастапқы бейімделу, психикалық оқшаулану, қабылдау және интеграция репатрианттардан анықталды. Мысалы, 1-2 ай жағымды эмоцияларға толы болды, 2-6 айда депрессия басталды, 6-12 ай терең депрессия немесе психикалық оқшаулану болды. Бір жылдан кейін олар «қандас», яғни Қазақстан қоғамындағы өздерінің мәртебесін қабылдады. Содан кейін олар жергілікті тұрғындармен белсенді байланыс орнатып, өздері жұмыс іздей бастады. Оралушылардың бейімделу кезеңдеріне тұлғаишілік және тұлғааралық факторлар айтарлықтай әсер ететіні анықталды.

Алғашқы миграция тәжірибесінде кездескен жеке, эмоционалды және әлеуметтік мәселелерді Berry-дің аккультурация теориясы біршама нақты түсіндіреді. Алайда бұл модель жеке тұлғалардың туған мәдениетінен өзге мәдениетпен өзара әрекеттескен кезінде пайда болатын реакцияларды қарастырады. Өздеріне таныс мәдениет, қоғам деп қазақ репатрианттар аккультурация процесін күтпеуі мүмкін, алайда нәтиже олар ойлағандай болмайды. Көп этносты, орыс тілінің қолданысы басым солтүстік облыстар жағдайында репатрианттардың айтарлықтай аккультурация сезімін бастан кешкенін көруге болады.

Репатрианттардың адаптациясында тіл мәселесі де маңызды факторлардың бірі. Ауғанстан қазақтарында ана тілінде білім алу мүмкіндігі болмады. Қазақ тілінің қолданысы отбасы, туыс-туған арасында ғана жүрді. Оның үстіне олар «ж» тілді өзбектер мен түркімендер арасында өмір сүргендіктен сөйлеу стилінде өзбек тілінің ықпалы басым болды. Яғни, жергілікті қазақтар мен репатриант қазақтар арасындағы сөйлеу стилінде айтарлықтай айырмашылықтардың болуы қоғамға толық кірігуге кедергісін келтіреді деп айтуға болады. Ортақ тіл, мәдениет, дін, дәстүр болғанына қарамастан респонденттер өздерін жергілікті тұрғындардың жанында бөтен сезінетінін айтады.

Sussman-ның Мәдени сәйкестілік моделі репатриация процесін тұжырымдау үшін қолданылады. Зерттеуге қатысқан репатрианттардың көпшілігінде аддитивті немесе субтрактивті сәйкестілік өзгергені анықталды. Бұл екі сәйкестік қайтып оралғаннан кейін стресс деңгейінің жоғарылауын көрсетеді. Sussman-ның пікірінше, жеке тұлғаның субтрактивті ауысуы оралған адамдардың өздерін оқшауланған сезінуіне және өз отанындағы отандастарынан өзгеше қабылдауына әкеледі [Sussman 2010]. Бұл сипаттамалар респонденттердің көпшілігінің берген сұхбатына сәйкес келеді. Зерттеуге қатысушылардың біреуінен басқасы жергілікті қазақтар өздеріне қарағанда басқаша дүниетаныммен ерекшеленетінін айтты. Аддитивті сәйкестіктің өзгеруі ауған қазақтарын Ауған-Иран мәдениеттің өкілдері ретінде сезінуге мәжбүр етеді және олар Қазақстан қоғамына кіріге алмағандықтан мұның орнын Ауғанстан, Ирандағы туыс-туған, достары және таныстарымен қайта байланысқа шығу арқылы толықтамақшы болады. Ал бұл кері байланыс олардың адаптациясын кешеуілдетеді [АКЭЭ 2021].

Репатриациядан кейінгі стресстің төмен деңгейі аффермативті сәйкестікті көрсетеді, яғни олар туған мәдениетінің жағымды жақтарына баса назар аударады және екі мәдениет арасындағы олқылықтар мен айырмашылықтарды азайтады. Зерттеу көрсеткендей, тіпті жеке басының оң өзгерісін бастан өткерген респонденттер үшін де стресстің негізгі көзі олардың бұрынғы (қазақ) және қазіргі (қандас) статусы арасындағы сәйкессіздіктің туындауы, алайда Sussman олар үшін репатриация тәжірибесі жағымды өзгерістерге қол жеткізумен аяқталады деп санайды. Төрт түрлі мәдени сәйкестіктің ішінде ең аз таралған үлгі жаһандық дүниетаным ретінде сипатталатын мәдениетаралық сәйкестік болды [Sussman 2010: 77]. Sussman-ның моделі ақпарат берушілердің көші-қон контекстінде бастан өткерген жеке сәйкестігінің өзгеруіне ерекше мән берді. Дегенмен, рекультурация процесі, бағыттары және нәтижелері туралы мысалдар аз келтірілген. Бейімделу кезеңінде саяси және институционалды факторлар, сондай-ақ қандастар

мен жергілікті қазақтардың өзара әрекеттесу динамикасын бұл модель арқылы түсіндіру қиын.

Тұтастай алғанда, алдыңғы үлгілердің көпшілігі бізге этникалық қазақ репатриациясының кейбір аспектілерін түсіндіруге мүмкіндік береді. Дегенмен, бірде-бір модель репатриацияның барлық аспектілерін түсіндіру үшін жеткілікті теориялық негізделмеген. Оның үстіне қазақ диаспорасының қалыптасуының тарихи-типологиялық ерекшеліктерін де тек бұл модельдер арқылы түсіндіру мүмкін емес.

Қорытынды. Жоғарыда жасалған қысқаша шолу арқылы этникалық репатриацияны түсіндіру үшін пайдаланылған модельдердің көпшілігі көші-қон әдебиеттерінен алынғанын, әрбір теориялық ағымның көші-қон себептері мен салдарын түсіндіруге ұмтылғанын көруге болады. Әдебиеттерді жан-жақты зерттеу арқылы репатриацияны екі жақты факторлардың (репатриант және қабылдаушы қоғам) әсерінен болатын көп қырлы құбылыс болып табылады деген қорытынды жасауға болады. Репатрианттардың интеграция қарқыны қабылдаушы қоғамның әлеуметтік күйіне де байланысты екенін ескеру керек.

Шетелдегі қазақтардың елге оралуы көптеген факторларды қамтиды, мысалы, оралуға деген мотивация, әлеуметтік-экономикалық жағдайы, өзге мәдениетке бейімделу және этникалық бірегейлігін сақтау деңгейі т.б. Жоғарыда қарастырылған модельдер қазақ репатриациясын түсіндіруге көмектескенімен, толық болымысын аша алды деп айту қиын. Демек, бұл Қазақстан жағдайында репатриация және оның салдарынан туындайтын түйіндерді әлемдік қалыптасқан формуламен емес, жекелей (тарихи, аймақтық, этностық жағдайлар тұрғысынан), арнайы теориялар мен әдестерді пайдалану арқылы шешу қажет екенін көрсетеді.

ӘДЕБИЕТТЕР

Балтабаева К.Н., Мамашев Т.А., Ермекбай Ж.А., Баймағамбетова А.Ж. Казахская диаспора и репатриация (1991-2012) / научный ред. Мажитов С.Ф. Алматы: Елтаным, 2015. 568 с.

Калыш А.Б., Касымова Д.Б. Пути интеграции оралманов в Казахстанское общество: реалии и вызовы. Алматы: Қазақ университеті, 2013.

Калыш А.Б., Касымова Д.Б. Поле и смыслы социокультурной интеграции этнических репатриантов. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 240 с.

Қазақстан жәрдем сұраған 35 қазақты Ауғанстаннан атамекенге жеткізді // Азаттық радиосы, 10 қыркүйек 2021 жыл. – URL: Қазақстан жәрдем сұраған 35 қазақты Ауғанстаннан атамекенге жеткізді (azattyq.org) (date: 01.11.2023)

Қалшабаева Б.К. Орталық Азия қазақтары (тарихи этнографиялық зерттеу). Алматы: Қазақ университеті, 2011. 406 б.

Нұрымбетова К.Қ. Тәуелсіз Қазақстандағы репатриация мәселелері мен болашағы: тарихи талдау (1991-2008 жж.). Алматы, 2010. 128 б.

Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры: происхождение и развитие. Алматы: Ғылым, 1997. 264 с.

Милтон Дж.К. Қазақтар бостандыққа қалай ұмтылды. / National Geographic Qazaq журналы. – URL: Бостандыққа ұмтылған қазақтар | National Geographic Qazaqstan (date: 20.11.2023).

АКЭЭ – Автордың Кіндікқарағай этнографиялық экспедициясы. Қараша, 2021 жыл.

Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation. / Applied Psychology: An International Review, 1997. N46(1), 5-68 pp. – URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x> (date: 26.10.2023).

Bolognani M. The myth of return: dismissal, survival or revival? A Bradford example of transnationalism as a political instrument. / *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2007. N33(1), 59-76 pp. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13691830601043497> (date: 13.10.2023).

Cassarino J.P. Theorising return migration: The conceptual approach to return migrants revisited. / *International Journal on Multicultural Societies*, 2004. N6(2), 253-279 pp. – URL: <http://www.unesco.org/new/en/social-and-humansciences/resources/periodicals/diversities/> (date: 03.09.2023).

Cerase F.P. Expectations and reality: a case study of return migration from the United States to Southern Italy. / *International Migration Review*, 1974. N8(2), 245-262 pp. – URL: <http://dx.doi.org/10.2307/3002783> (date: 05.09.2023).

Datta A. *Diaspora and transnationalism in urban studies. // A companion to diaspora and nationalism.* Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2013. 88-105 pp.

Gmelch G. Return migration. / *Annual Review of Anthropology*, 1980. №9. 135-159 pp. – URL: <http://dx.doi.org/10.1146/annurev.an.09.100180.001031> (date: 10.09.2023).

Gullahorn J.T., Gullahorn J.E. An Extension of the U-Curve Hypothesis1. / *Journal of Social Issues*, 1963. N19(3), 33-47 pp. – URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1540-4560.1963.tb00447.x> (date: 25.10.2023).

Jarring G. On the Distribution of Turk Tribes in Afghan. 1934. – URL: On the Distribution of Turk Tribes in Afghanistan : Jarring : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (date: 20.11.2023).

Kazakhstan National census, 1999. – URL: Перепись населения 1999 - Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (stat.gov.kz) (date: 01.12.2023).

Kazakhstan National census, 2009. – URL: Миграция рус.indd (stat.gov.kz) (date: 01.12.2023).

Kazakhstan National census, 2021. – URL: Untitled (stat.gov.kz) (Date: 01.12.2023)

King R., Christou A. *Cultural geographies of counter-diasporic migration: The second generation returns “home”.* Brighton: University of Sussex, 2008. 45 p.

Moorcroft W., Trebeck G. *Travels in The Himalayan Provinces Of Hindustan And The Panjab.* London: 1841. 522 p. – URL: Travels In The Himalayan Provinces Of Hindustan And The Panjab -vol-ist : William Moorcroft And George Trebeck : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (date: 20.11.2023).

Sussman N.M. Repatriation transitions: Psychological preparedness, cultural identity, and attributions among American managers. / *International Journal of Intercultural Relations*, 2001. N25. 109-123 pp. – URL: doi: [http://dx.doi.org/10.1016/S0147-1767\(00\)00046-8](http://dx.doi.org/10.1016/S0147-1767(00)00046-8) (date: 13.09.2023).

Sussman N.M. *Return migration and identity: A global phenomenon, a Hong Kong case.* Hong Kong: Hong Kong University Press, 2010.

Tsuda T. *Diasporic homecomings: Ethnic return migration in comparative perspective.* Stanford, CA: Stanford University Press, 2009. 1-18 pp.

Wessendorf S. “Roots migrants”: Transnationalism and return among second-generation Italians in Switzerland. / *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2007. N33(7), 1083-1102 pp. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13691830701541614> (date: 13.10.2023).

Çağlar A. Hometown associations, the rescaling of state spatiality and migrant grassroots transnationalism / *Global Networks*, 2006. N6(1), 1-22 pp.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Артур Робертович Мухаметзянов¹

*¹магистрант 1 года обучения,
Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан; artur.mukhametzyanov.01@mail.ru*

ПРАКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВЫХ ГЕОПРОСТРАНСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И КЛАССИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ПОЛЕВЫХ РАБОТ ЕСИЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Аннотация. Более шестидесяти лет спутниковые системы служат человеку в деле изучения Земной поверхности. Совместно с беспилотными летательными аппаратами, георадарами, магнитометрами, методами фотограмметрии, лазерного сканирования, 3D моделирования, программами ГИС они формируют так называемые геопространственные технологии. Есильская археологическая экспедиция успешно применяет ряд современных методов в исследовании памятников разных типов и эпох. В статье освещены исследования на памятниках Козыкош, Баубек батыр, Кызылсуат, Жиенкул, Жанибек Шалкар, а также исследование сырцовых мавзолеев Тенгиз-Коргалжынского региона.

Ключевые слова: Есильская археологическая экспедиция, методы дистанционного зондирования Земли, пространственный анализ.

Есіл археологиялық экспедициясының далалық жұмыстары мысалында археологиядағы цифрлық геокеңістіктік технологиялар мен классикалық әдістердің практикалық әрекеттесуі

Аннотация. Алпыс жылдан астам уақыт бойы спутниктік жүйелер Жер бетін зерттеу ісінде адамға қызмет етуде. Ұшқышсыз ұшу аппараттарымен, георадарлармен, магнитометрлермен, фотограмметрия әдістерімен, лазерлік сканерлеумен, 3D модельдеумен, ГАЖ бағдарламаларымен бірге олар геокеңістіктік технологияларды қалыптастырады. Есіл археологиялық экспедициясы әртүрлі типтегі және дәуірдегі ескерткіштерді зерттеуде бірқатар заманауи әдістерді сәтті қолданады. Мақалада Қозыкөш, Баубек батыр, Қызылсуат, Жиенқұл, Жәнібек Шалқар ескерткіштеріндегі зерттеулер, сондай-ақ Теңіз-Қорғалжын өңірінің шитті кесенелерін зерттеу қамтылған.

Түйін сөздер: Есіл археологиялық экспедициясы, Жерді қашықтықтан зондтау әдістері, кеңістіктік талдау.

Practical interaction with digital Geospatial technologies and classical methods in archeology on the example of field work of the Esil archaeological expedition

Abstract. For more than sixty years, satellite systems have served man in the study of the Earth's surface. Together with unmanned aerial vehicles, ground penetrating radars, magnetometers, photogrammetry methods, laser scanning, 3D modeling, GIS programs, they form the so-called geospatial technologies. The Yesil archaeological expedition successfully applies a few modern methods in the study of sites of different types and eras. The article highlights research at the sites Kozykosh, Baubek Batyr, Kyzylsuat, Zhienkul, Zhanibek-Shalkar, as well as a study of adobe mausoleums in the Tengiz-Korgalzhyn region.

Keywords: Esil archaeological expedition, methods of remote sensing of the Earth, spatial analysis.

Факт ежедневного взаимодействия человека и цифровых технологий неоспорим. Так же как факт глубокого погружения человека в цифровое геопространство. Активное внедрение «карманных навигаторов», снабжённых как спутниковыми снимками, так и моделями городов, пусть зачастую и упрощёнными, свело воедино теоретический и практический аспекты спутникового наблюдения за поверхностью нашей планеты. Вне всякого сомнения, такой утилитарный подход к достаточно далёкому от обывателя дистанционному зондированию Земли (ДЗЗ) — намеренное упрощение. При этом ситуация в археологии Казахстана неотличима от нынешнего положения ДЗЗ в повседневной жизни. Постепенное увеличение количества космических аппаратов ведущих регулярное наблюдение — сделало результаты их работы не только качественнее, но и доступнее. Сейчас уже сложно представить выезд в поле без предварительного анализа изучаемой местности через Google Earth или Яндекс.Карты. Эти и подобные им приложения играют роль вполне простого и при этом незаменимого инструмента вошедшего в арсенал современного археолога. Такой не для всех заметный прогресс — всё то же эхо превращения идеи в реально работающую модель.

В зарубежной археологии процесс формирования нового взгляда на подходы к обнаружению, картированию и исследованию памятников сложился задолго до появления первых снимков Земли из космоса. С начала 20-го века была определена роль аэрофотосъёмки — фиксация особенностей земной поверхности трудно или вовсе неразличимых с земли [Vermeulen, Verhoeven 2004: 58; Rowlands, Sarris 2006: 796]. С небольшим лагом (менее чем в 20 лет) к иностранным коллегам присоединились и отечественные исследователи [Павлов 1934], таким образом 20-30-е годы XX-го века можно считать отправной точкой для ДЗЗ. Очень скоро в международной практике сложилось представление о геопространственных технологиях — методах наблюдения за взаимодействием экологического и антропологического факторов. Возникнув в середине прошлого столетия, эта идея претворилась в спутниковые системы, беспилотные летательные аппараты, спектрорадиометры, лазерные сканеры и т.д. [Alexakis et al. 2012]

В казахстанской археологии пространство применения цифровых и геофизических методов расширяется с каждым годом. У отечественных археологов накоплен достаточный багаж как работ во взаимодействии с зарубежными специалистами, так и самостоятельных, независимых исследований. Активные изыскания ведутся по всей территории Казахстана. Они связаны с погребальными и поселенческими комплексами разных эпох, для их изучения применяются магнитометрия, геомагнитное зондирование, фотограмметрия, цифровая фиксация, разрабатываются способы применения спутниковых систем в археологических исследованиях. Такие памятники как Ботай, Берел, Шиликты, Елеке сазы, Катартобе и т.д. были изучены с внедрением

геопространственных технологий [Омаров и др. 2009: 49-56; Самашев и др. 2009: 350-352; Баранчук, Искаков 2015: 34-39; Онгарулы и др. 2020: 169-172].

Есильская археологическая экспедиция — является активной участницей процесса обновления археологии, в исследованиях последних лет активно применяется набор цифровых и геофизических инструментов. В период с 2018 по 2023 были изучены мавзолеи, казахские зимовки, могильники и одиночные курганы сакской элиты. Вкупе это даёт нам широкий материал позволяющий судить не только о теоретической, но и практической стороне данного вопроса. Так, например, Есильская археологическая экспедиция, занимающаяся исследованием сырцовых памятников в Тенгиз-Коргалжынском регионе, внесла значительный вклад в сохранение казахского мемориального зодчества с помощью 3D-технологий. Целью исследования было не только документирование и реконструкция основных форм и типов этих уникальных сооружений, но и представление их культурных особенностей через визуальную археологию. Применяя трехмерную визуализацию, команда экспедиции смогла точно определить морфологические характеристики исследуемых мавзолеев и разработать детальные сценарии фотографирования, что позволило создать высококачественные 3D-модели. Эти модели стали значительным вкладом в сохранение быстроразрушающихся сырцовых мавзолеев, открывая новые горизонты для исследования и сохранения культурного наследия казахского этноса [Тлеугабдулов и др. 2022].

Изучение мавзолея Жанибек Шалкар проходило с применением геомагнитного радара, который позволил установить границы погребений [Хабдулина и др. 2020: 194].

Исследование казахских традиционных зимовок (кыстау). Изучение традиционных казахских зимовок, или кыстау, играет ключевую роль в сохранении культурного наследия. Вглядываясь в повседневную жизнь и культурные особенности казахского народа, невозможно обойти вниманием это уникальное явление. Археологические работы, в том числе связанные с анализом экологических изменений и развития ландшафта, стремятся также определить вклад человеческой деятельности в эти процессы. Применение понятия культурного ландшафта подразумевает изучение взаимосвязей между пространством и временем, уровнями развития технологий и социальных связей. Создание новых антропоэкологических систем отражает непрерывное стремление человека к адаптации и использованию новых территорий и ресурсов для поддержания своего существования, особенно в контексте изучения казахских зимовок. Кочевое животноводство, традиционно распространенное на территории степной Евразии, начало складываться в конце бронзового века и оставалось стабильным до начала XX века [Грязнов 1955: 19]. По этой причине анализ ландшафтов, их структуры и взаимодействий является важным аспектом деятельности Есильской археологической экспедиции.

1. Населенный пункт Козыкош раскинулся вдоль левого берега реки с таким же названием, являющейся притоком Ишима. Река Козыкош, которая когда-то соединяла воды Нуры и Ишима, сегодня преобразовалась в серию разрозненных водоемов и стариц, наполняемых только весной во время паводка. Протекая, река создает многочисленные изгибы, формируя природные возвышенности, идеально подходящие для заселения. Именно на одной из таких высот и расположился археологический комплекс Козыкош, на юго-западной границе Астаны, в 4 км к западу от села Ильинка, занимая пространство протяженностью в 2 км вдоль реки. К западной части поселения примыкает казахское кладбище. На состоянии памятника оказывает отрицательное воздействие действующий в этом районе карьер по добыче песка. Памятник был впервые обнаружен в 2006 году экспедицией Ишимской археологической миссии. На территории памятника наблюдаются следы антропогенного воздействия, в том числе проходящие дороги и линии электропередач, а также вредное влияние нелегальных раскопок. Площадь памятника составляет 160 га, что делает его одним из крупнейших этнографических объектов в данном регионе.

2. Зимовка Жиенкул представляет собой кыстау горно-сопочного типа, находящуюся у подножия холма Айдарлы, который является частью Ерейментауского горного массива. Комплекс включает в себя 9 хозяйственных участков, расположенных в линию с юго-запада на северо-восток. С северо-востока к зимовке примыкает кладбище, что является характерной особенностью казахских поселений из-за близости к местам захоронений. Зимовка разделена проселочной дорогой на две части — западную и восточную. Уникальность Жиенкула заключается в его расположении по сравнению с Козыкошем — жилища устроены с защищенной от ветра стороны сопки, в данном случае с восточной, что обусловлено господством северо-западных ветров [Егинбай 2023: 206].

Первоначально необходимо осветить подготовительный этап в археологических исследованиях, который включает в себя техническую сторону: определение стратегического расположения, рабочего фронта, а также выбор наилучших мест для тахеометрической съемки и т.д. В контексте археологии, взаимодействующей с памятниками как с целостными объектами, этот научный процесс неизбежно влечет за собой разрушение, что делает необходимой тщательную документацию на месте раскопок в соответствии со всеми нормами. Традиционно такая документация включает в себя нивелирование и условное фотографирование конкретных секторов. Несмотря на то, что нивелирование предоставляет информацию о рельефе, оно не отражает микрорельеф, который является ключевым для понимания общей картины. Также, изучение топографии и планов объекта остается за рамками детальной документации, поскольку даже подробное описание не может заменить точную фиксацию. В то же время, археологическая фотография часто не способна передать всю необходимую информацию, в отличие от тахеометрической съемки, которая включает не только визуальные аспекты. Важность тщательной и точной съемки заключается в возможности последующего анализа с помощью ГИС программ, таких как ArcGIS и QGIS, позволяющих создавать многослойные проекты для анализа и формирования высотных планов, 3D моделей местности и т.д.

Подготовка к съемке обычно проводится в соответствии с общим планом работ, согласованным с экспедицией, однако иногда предварительная съемка требуется для дополнительного определения выбора объекта исследования или конкретного участка. Позиционирование тахеометра определяется исходя из целей исследования, обычно ориентируясь на север. Это требует визуальной разметки объекта для создания опорных точек. Ведение тахеометрической съемки в трехмерном пространстве делает критически важными любые изменения высоты. Выбор мест для съемки зависит от формы объекта, сложности ландшафта и размеров территории. Например, при исследовании зимовок точки съемки определялись на основе планировки объекта.

Важно также зафиксировать окружающую местность, что необходимо для понимания топографии и плана интересующей территории. В ходе исследований зимовки Козыкош Ишимской археологической экспедицией были использованы такие неинвазивные методы, как тахеометрическая съемка, ортофотофиксация и геомагнитное зондирование. Тахеометрическая съемка служит основой для всех последующих этапов работы, включая ортофотофиксацию и создание точных чертежей. Ортофотофиксация обеспечивает объективное изображение объекта без искажений, важных для археологической документации и дальнейшей камеральной работы. Геомагнитное зондирование, используемое при исследовании, позволило оценить возможности и ограничения электромагнитного профилирования, дополняя общую картину исследования.

Подчеркивая значимость использования методов ландшафтной археологии и геоинформационных систем в исследовании казахских зимовок, стоит также упомянуть об их эффективности для анализа других видов поселений. Рассмотрение жизненных условий, критериев выбора мест для обитания, воздействия человека на природный ландшафт и последовательное расширение жизненного пространства представляют собой ключевые аспекты, требующие глубокого исследования с использованием последних достижений в различных научных дисциплинах,

включая палеогеографию, экологию, антропологию и геофизику. Тема адаптации человека к изменениям окружающей среды и ее влияние на развитие человеческих обществ остается важной и актуальной в области современной археологии.

Исследование курганов и курганных могильников. Курганная археология так или иначе является одним из важнейших направлений в изучении древностей Казахстана. Рассматривая курганные захоронения как источник ценных данных о социальном, культурном, экономическом, военном устройстве сакского общества — мы изменяем и само видение этих курганов. Они перестают быть для нас оболочкой, скрывающей ценные артефакты, превращаясь во вместилище полезной информации; тектоника могильников, архитектура отдельных курганов — важная часть археологического изыскания, позволяющая охватить нам широкий пласт знаний от мистическо-религиозных представлений саков до социокультурных норм той эпохи. Однако, осознание важности такого подхода пришло в археологию далеко не сразу, человеческая мысль проделала большой путь, прежде чем прийти к фундаментальным выводам о значимости изучения курганов не как захоронения, но как антропологического, религиозного и социокультурного комплекса.

В 2021-2022 полевых сезонах были исследованы одиночный Курган Кызылсуат и могильник Баубек батыр (ран. Бесоба), в ходе их изучения были опробованы как геоинформационные системы, так и геофизические методы, которые показали себя с наилучшей стороны.

1) Некрополь Баубек батыр, расположенный на территории Ишимского сельского округа Жаксынского района Акмолинской области, был исследован в 2021-2023 году. Памятник представляет из себя цепочку из 8 курганов, вытянутых вдоль Ишима по линии северо-восток — юго-запад. Особенностью некрополя Баубек является компактное его расположение, зачастую в данном регионе курганы располагаются поодиночке [Свиридов, Тлеугабулов 2015]. Интересен также ландшафт окружающий исследуемый могильник, Ишим в этом регионе образует большое количество стариц, многократно изгибаясь течет в направлении на юго-запад, при этом резко изгибаясь по направлению на север в районе города Державинск, что образует естественную преграду, требующую наведения специальных переправ для торговых маршрутов. Именно такой точкой и является территория, на которой раскинулся некрополь Баубек батыр. Кроме всего прочего характер разлива реки Ишим и вследствие этого высокая влажность почв, обеспечивающая активный рост травы, позволяет заниматься в данном регионе животноводством. Именно поэтому складывание подобных комплексов объяснимо не только с точки зрения макроландшафта региона Сарыарки, но и отдельных микроландшафтов конкретных регионов.

Сам могильник исследовался в 2012 и 2021-2023 гг. В процессе изучения кроме классических археологических методов применялись методы дистанционного зондирования и компьютерного моделирования: создание топографических планов, гипсометрических моделей рельефа, поэтапная фиксация раскопа, создание чертежей.

В ходе полевых работ были обследованы 3, 7 и 8-й курганы. Результаты позволили выявить особенности архитектурного подхода древних жителей Приишимья к возведению царских курганов. (рис. 1).

2) Одиночный курган Кызылсуат, расположен в 4 километрах от г. Астана, назван по одноименному селу. Представляет из себя крупный курган диаметром 48 метров, высотой 2 метра. Курган расположен на некотором удалении от водных источников, вроде рек и ручьев, недалеко расположено озеро Майбалык.

Как уже было отмечено в предыдущем подразделе классическая археологическая работа требует регулярной фиксации всех протекающих на раскопе процессов. В целом процессы фиксирования сходны как в случае поселенческих, так в случае и погребальных памятников. Однако курган — как заметная единица на ландшафте, на наш взгляд гораздо более показателен в деле фиксации.

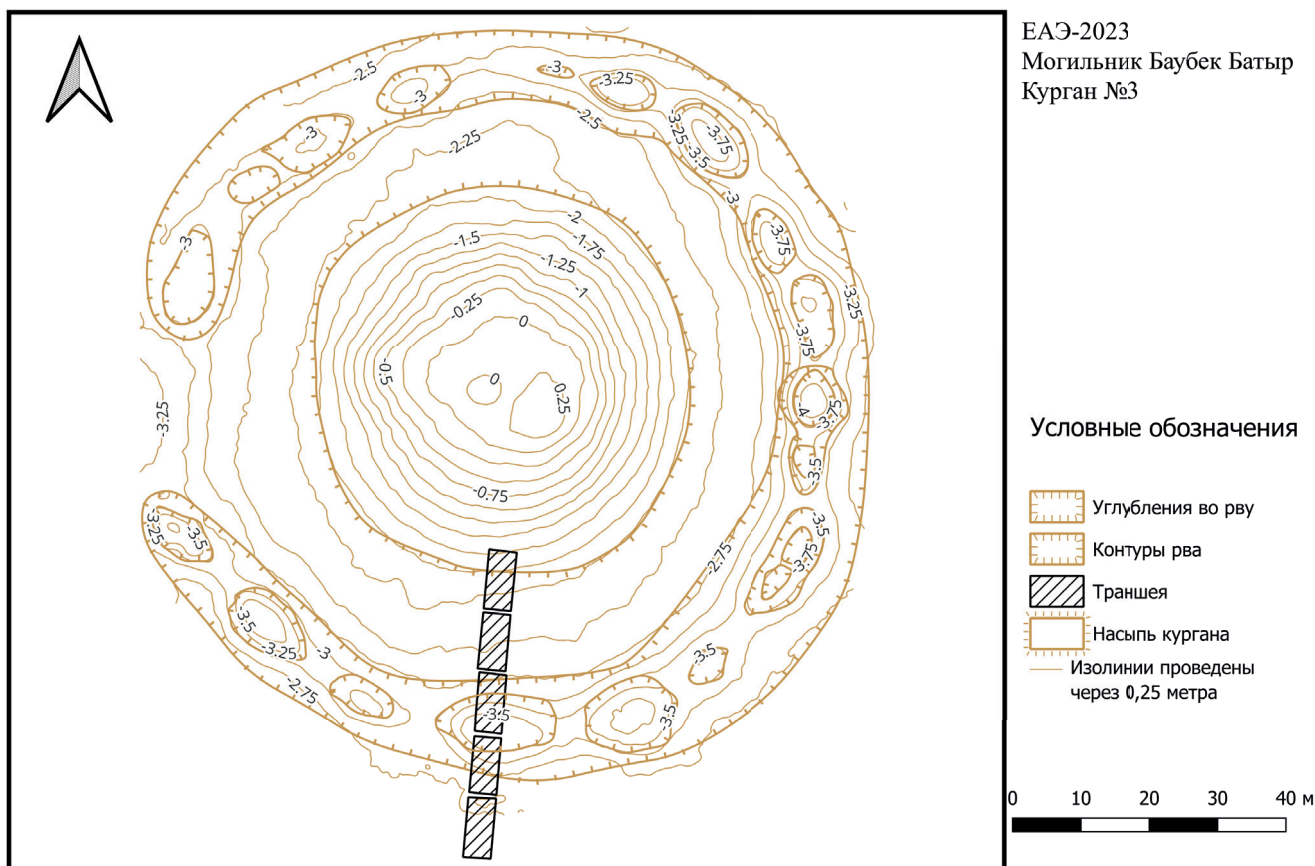

Рис. 1. Курган 3 могильника Баубек батыр. Топографический план. Составитель Мухаметзянов А.Р.

Карта высот, которая строится в ходе фиксации памятника, включает в себя несколько важных моментов которые на наш взгляд необходимо отметить:

Во-первых, как уже было обозначено выше, именно карта высот позволяет строить изолинии, упрощает создание плана. А также позволяет наблюдать конструкционные особенности незаметные при пешем проходе либо же при простой аэрофотосъемке. Ярким примером является впускное погребение № 9. Расположено оно в западной части северного сектора. Благодаря карте высот ров захоронения установлен до произведения раскопочных работ.

Во-вторых, карта высот облегчает исследователю работу с информацией, погруженной в ГИС среду. Так, например, уточненное расположение захоронений в кургане, раскопочные работы на котором уже завершены, совмещены с изолиниями первоначального вида кургана, что облегчает пространственное ориентирование исследователя.

В-третьих, благодаря карте высот мы имеем возможность построения 3D модели объекта, которые стоят не только на службе у высокого искусства, но и играют важную роль в презентации, музеефикации и консервации (хотя и в электронном формате) объекта. Логика в съемке объекта для создания 3D модели сходна с обычной для ортотрансформирования, разница заключается лишь в том, что в отличие от аэрофотосъемки для ортофотоплана, где точкой интереса является вся поверхность (по-простому конкретная точка отсутствует), для 3D модели точкой интереса является сам памятник.

В течение полевых работ 2022-2023 на могильнике Баубек Батыр годов было обнаружено два малых по размеру кургана тасмолинской культуры, находящихся на территории, прилегающей к некрополю. Для выявления дополнительных подобных сооружений было выполнено аэрофотографирование с использованием тахеометрической привязки. Исследованная тер-

ЕАЭ-2023
Баубек Батыр 2/6
План раскопа

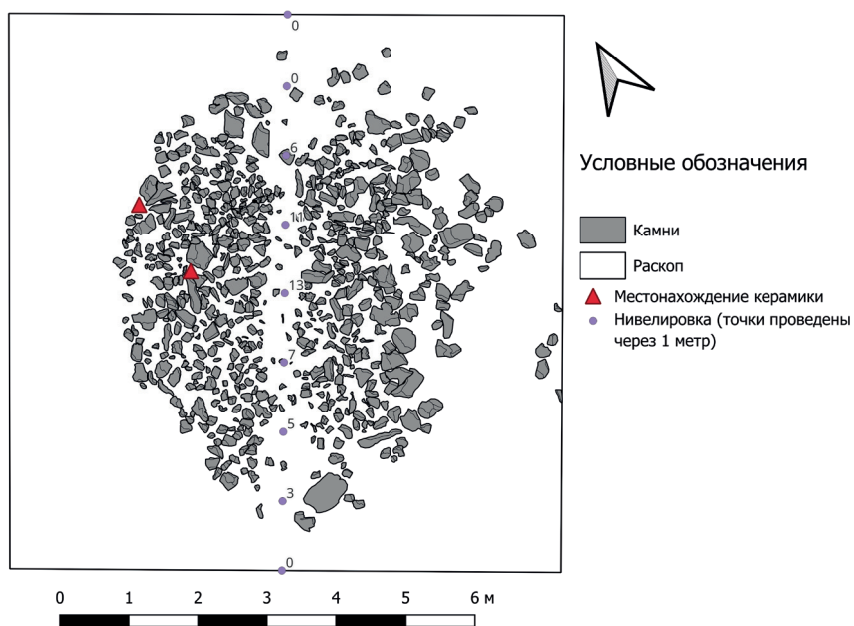

Рис. 2. Курган 6 могильника Баубек Батыр 2. Чертеж каменной конструкции. Составитель Мухаметзянов А.Р.

ЕАЭ-2023
Баубек Батыр 2/6
План раскопа

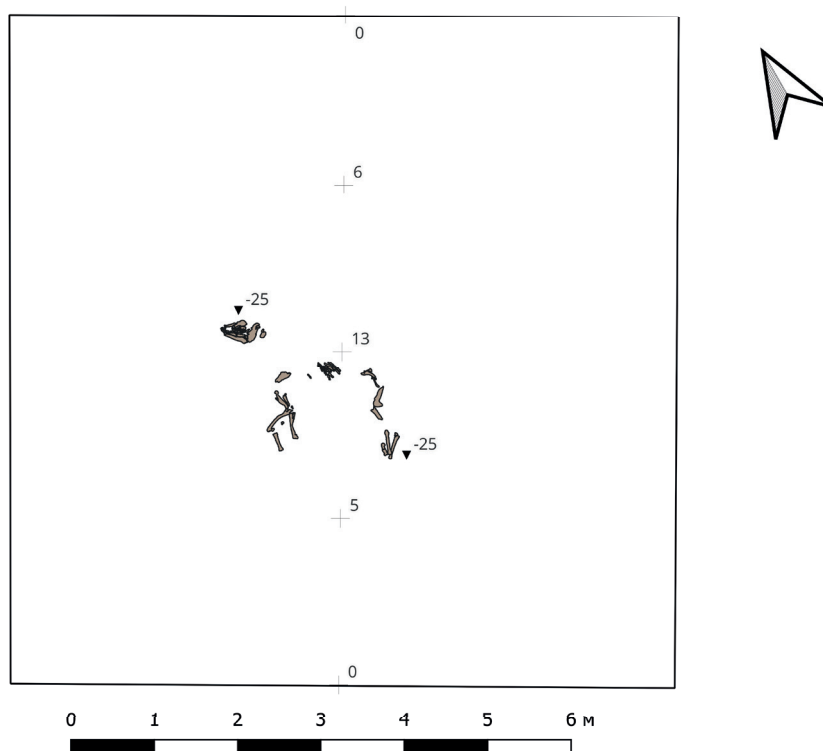

Рис. 3. Костяк из кургана 6 могильника Баубек батыр 2. Костяк. Составитель Мухаметзянов А.Р.

ритория охватила 2,7 кв. км. Анализ созданной гипсометрической модели рельефа позволил идентифицировать 9 курганных сооружений (рис. 2).

Интенсивное использование земель под выпас скота и антропогенные изменения в ландшафте осложнили процесс документирования памятников во время пеших обследований. Однако благодаря разработке цифровой модели территории было выявлено, что два из девяти курганов обладают характерными «усами». Несмотря на то что эти элементы не были замечены в ходе первоначального изучения местности, последующие археологические раскопки подтвердили верность интерпретации данных, полученных с помощью ЦМР (рис. 3).

В результате анализа проведенных исследований и полевых работ Есильской археологической экспедиции, можно сделать вывод о значительном влиянии цифровых геопространственных технологий на современную археологическую практику. Использование таких технологий, включая геоинформационные системы (ГИС), спутниковое наблюдение, фотограмметрию, а также геофизические методы, как магнитометрия и геомагнитное зондирование, показало свою высокую эффективность в улучшении качества и доступности археологических исследований. Эти методы позволили не только оптимизировать процесс поиска и исследования археологических объектов, но и значительно расширить возможности анализа и интерпретации полученных данных.

Цифровые технологии вносят революционные изменения в традиционные подходы к археологии, делая исследования более точными и менее инвазивными. Применение ГИС и спутниковых снимков позволяет исследователям получать детальные карты местности, выявлять и картировать новые археологические объекты без необходимости их физического вмешательства. Такие технологии, как тахеометрическая съемка и геомагнитное зондирование, обеспечивают глубокое понимание структуры и расположения археологических слоев и объектов в подземном пространстве. Фотограмметрия и создание 3D-моделей способствуют визуализации и музеефикации археологических находок, а также их сохранению в электронном виде для будущих поколений исследователей. В контексте работ Есильской археологической экспедиции применение этих технологий демонстрирует их незаменимость в современных условиях. Исследования могильников, курганов и поселений показали, что совмещение классических методов археологии с передовыми цифровыми и геофизическими технологиями приводит к более комплексному и многогранному пониманию археологических объектов. Это подчеркивает важность интеграции новых подходов в археологическую практику для достижения максимально возможного уровня детализации и точности исследований.

Таким образом, практическое взаимодействие цифровых геопространственных технологий и классических методов в археологии, демонстрируемое на примере работ Есильской археологической экспедиции, открывает новые перспективы для исследования и сохранения культурного наследия. Это взаимодействие не только способствует более эффективному и комплексному подходу к археологическим исследованиям, но и способствует более глубокому пониманию исторического и культурного контекста изучаемых объектов.

ЛИТЕРАТУРА

Баранчук К.И., Искаков К.Т., Кренке Н.А., Миргаликызы Т.М., Модин И.Н., Хабдулина М.К. Геофизические исследования курганов и межкурганного пространства при инженерных изысканиях для строительства // Инженерные изыскания. 2015. № 12. С. 34-39.

Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // Краткие сообщения Института этнографии. 1955. № 24. С. 19-29.

Егинбай А.Е. Планировка казахских кыстау в горно-сопочных районах Центрального Казахстана // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы

Всерос. науч. конф. с междунар. уч. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. С. 205-207.

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Кариев Е.М., Сагындыкова С.Т. Полевые исследования в Жарминском районе Восточно-Казахстанской области (результаты электромагнитного профилирования) // Мат. Междунар. науч.-прак. конф. «Естественнонаучные методы в современных археологических исследованиях: теория и практика». Алматы, 2020. С. 49-56.

Павлов С.П. Применение аэросъемки в археологии // Проблемы истории докапиталистических обществ. Москва, Ленинград: ОГИЗ – Гос. соц. экон., 1934. С. 61-70.

Самашев З., Наглер А., Парцингер Г., Наврот М. Совместные германо–казахстанские исследования больших сакских курганов Семиречья // Пятая кубанская археологическая конференция. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2009. С. 350-352.

Свиридов А.Н., Тлеугабдулов Д.Т. Раннесакский комплекс могильника Бесоба в среднем течении реки Ишим // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Алматы: «НИЦИА Бегазы-Тасмола», 2015. С. 255-259.

Тлеугабдулов Д.Т., Дукомбайев А.Т., Брынза Т.В. Сохранение сырцовой архитектуры Тенгиз-Коргалжынской впадины с использованием 3D-технологий // *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. Is. 5. pp. 1094-1109.

Dimitrios D., Athos A., Diofantos G. Remote Sensing Applications in Archaeological Research // *Remote Sensing – Applications. InTech*; 2012. URL: <http://dx.doi.org/10.5772/37668> (дата обращения 15.02.2023).

Rowlands A., Sarris A. Detection of exposed and subsurface archaeological remains using multi-sensor remote sensing // *J. Archaeol. Sci.* 2006. Vol. 34. Pp. 795-803.

Vermeulen F., Verhoeven G. The contribution of aerial photography and field survey to the study of urbanization in the Potenza valley (Picenum) // *J. Roman Archaeol.* 2004. Vol. 17. Pp. 57-82.

Сулейман Нурланович Тлекишев¹

*¹магистрант 1 года обучения,
Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан; kvas1ks@mail.ru*

ЛАНДШАФТ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ САРЫАРКИ

Аннотация. В работе показана важность использования ландшафтной археологии в археологических исследованиях. Рассмотрено влияние и использование ландшафтов населением эпохи бронзы на территории Сарыарки. Дано описание локализации и топографии памятников бронзового века. На примере поселения Шагалалы II рассмотрены вопросы изучения системы расселения и использования окружающих ландшафтов населением эпохи бронзы Сарыарки на протяжении II тыс. до н.э.

Ключевые слова: ландшафт, топография поселения, эпоха бронзы, Центральный Казахстан, Северный Казахстан, Шагалалы II.

Сарыарқадағы қола дәуірі қоныстарының ландшафты және локализациясы

Аннотация. Жұмыста археологиялық зерттеулерде ландшафттық археологияны қолданудың маңыздылығы көрсетілген. Сарыарқа аумағындағы қола дәуірі тұрғындарына ландшафттардың ықпалы мен олардың қолданылуы қарастырылды. Қола дәуірі ескерткіштерінің локализациясы мен топографиясының сипаттамасы берілді. Шағалалы II қонысы мысалында б.з.д. II мыңжылдықта Сарыарқаның қола дәуіріндегі тұрғындарының қоныстану жүйесін зерттеу және қоршаған ландшафттарды пайдалану мәселелері қарастырылды.

Түйін сөздер: ландшафт, қоныс топографиясы, қола дәуірі, Орталық Қазақстан, Солтүстік Қазақстан, Шағалалы II.

Landscape and localization of bronze age settlements of Saryarka

Abstract. The paper shows the importance of using landscape archaeology in archaeological research. The influence and use of landscapes by the population of the Bronze Age on the territory of Saryarka is considered. The description of localization and topography of Bronze Age sites is given. Using the example of the settlement of Shagalaly II, the issues of studying the settlement system and the use of the surrounding landscapes by the population of the Bronze Age of Saryarka during the II millennium BC are considered.

Keywords: Landscape, topography, settlements, the Bronze Age, Central Kazakhstan, Northern Kazakhstan, Shagalaly II.

Важным аспектом изучения культурного ландшафта в археологии является классификация памятников по их местоположению и топографии. Данную дефиницию мы понимаем не только как географическую точку, но и её роль как цельной пространственно-исторической единицы. Это включает в себя историю формирования природных условий, таких как климат, геоморфология, топография и т.д. Однако, в отличие от других дисциплин, в археологии мы также учитываем влияние человека. Потому одним из самых интересных периодов можно считать эпоху бронзы,

начальную веху истории человечества, когда он только начал покорять ландшафты. [Тлекишев 2023: 85]

Неслучайно в качестве географических рамок исследования была выбрана Сарыарка — по природе своей благодатная земля для насельников любого исторического периода. Бескрайние пастбища Сарыарки издавна привлекали человека и служили центром его хозяйственной и культурной деятельности. И вполне логично, что на просторах этого богатого индустриального региона сохранились многочисленные, порой впечатляющие памятники далекого прошлого. Среди разнообразных и богатых памятников, распространенных по всему Северному и Центральному Казахстану, особое внимание привлекают памятники бронзового века, известные как «памятники андроновской культурно-исторической общности».

Под географическим термином Сарыарка понимается обширное пространство, ограниченное на юге Арало-Балхашской низменностью до пустыни Бетпак Дала, на севере — Западно-Сибирской низменностью, на западе — прикаспийской равниной и тургайской впадиной, а на востоке — долиной Иртыша. Протяжённость с запада на восток 1200 км, ширина на западе 900 км и на востоке 400 км. Самым массовым видом археологических памятников Сарыарки являются памятники эпохи бронзы [Маргулан 1979].

Поселения эпохи бронзы — по своей сути ключевые археологические памятники, которые играют важную роль в изучении культурного контекста степной Евразии во II тысячелетии до нашей эры. Материалы, обнаруженные в этих поселениях, отражают уровень развития общества и его способность к адаптации к местному ландшафту. Они представляют собой ценные источники информации о повседневной жизни, экономике, и культуре того периода [Сакенов 2020: 852].

Ландшафтная археология, область науки археологии и археологической теории, изучает способы, с помощью которых люди в прошлом создавали и использовали окружающую их среду. Она по своей сути является междисциплинарным подходом к изучению культуры. Ключевая особенность, которая отличает ландшафтную археологию от других археологических подходов к объектам, заключается в том, что особое внимание уделяется взаимосвязи между материальной культурой, антропогенным изменением ландшафта и природной средой.

Под «ландшафтом» понимается «участок земной поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами и представляющий собой целостную и взаимно обусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой» [Дорош].

История культуры убедительно подтверждает, что во всех освоенных человеком ландшафтах при строительстве использовались, как правило, местные материалы, что, в свою очередь, диктовало наиболее целесообразные композиционные и конструктивные приемы и методы и приводило к сложению такого архитектурного стиля, который наиболее точно подходил под местные климатические условия, соотносился с глубиной или закрытостью пейзажа, с линиями рельефа [Дорош].

Ландшафт представляет собой напряженность между материальной культурой и социальными отношениями, с одной стороны, и областью познания, с другой. В этом контексте цивилизация развивается с ее природной и культурной средой, связанной с манипулированием и эксплуатацией ландшафта. Таким образом, социальные системы могут быть концептуализированы с точки зрения физического, материального и культурного ландшафта, в котором живут люди. Поселение можно рассматривать как акт заселения в природе, человеческую реакцию, адаптацию к природно-климатическим условиям [Сакенов, Козыбаева 2020].

На территории Северного Казахстана поселения эпохи бронзы во многих случаях распределены неравномерно по долинам рек, а концентрируются группами по два-три поселения

на отдельных участках. Долины большинства рек на территории Северного Казахстана имеют практически одинаковую структуру: неширокую пойму, иногда пойменную террасу, на высоте не более метра над урезом воды. Другой берег реки, как правило, более пологий. В пойме рядом с основным руслом часто фиксируются старицы, обводненные или уже практически затянутые наносным грунтом. Топографические положения поселений в долинах рек подчиняются нескольким достаточно жестким принципам. Поселения располагаются на первой надпойменной террасе. Они находятся на расстоянии от тридцати до семидесяти метров от современного либо первоначального русла, которое, вероятно, было действующим в период существования поселения. Выбор месторасположения поселений основывался на том, что они практически оставались недоступными паводковым водам и подтапливались лишь изредка, на очень короткое время [Сакенов, Козыбаева 2020].

К примеру, древние строители поселения эпохи бронзы Шаггалалы II выбирали место для строительства, в первую очередь, исходя из стремления максимально сократить расстояние от поселка до берега реки, обеспечивая при этом безопасность при паводках и в то же время не затрудняя доступ к воде излишне крутым или высоким спуском. Одновременно решалась задача защиты поселка от сильных зимних ветров имеющимися естественными возвышениями. Поселение Шаггалалы II расположено у подножия холма (мыса). С южной и юго-восточной стороны поселение от могильного поля отделяют понижения сопочных гряд Адыр. С северной стороны оно окружено рекой Чаглинка. Анализ топографии показал, что река протекала очень близко к мысу. Зафиксированные рядом с поселением две впадины, близко расположенные друг к другу, являются остатками старого русла реки. Вблизи поселения водный поток раздваивался на две ветви, одна из которых пересекла современную речную террасу, а вторая текла вдоль подножия холма. Сегодня первая из двух ветвей все еще хорошо видна, а вторая почти полностью покрыта аллювиальными отложениями, скатившимися со склонов [Сакенов, Козыбаева 2020].

В историческое время русло реки представляло собой естественную границу, которая окружала поселение и ограничивала движение. Пройти к поселению можно только с восточной стороны. Вход и выход мог осуществляться через подъем к холму и мысу через центральную часть склона. Река, обтекает поселение, протекая с запада на восток, заболачивает территорию к западу от жилой застройки, создавая естественную преграду для проникновения [Сакенов, Козыбаева 2020].

Помимо поселения Шаггалалы II на территории Сарыарки были открыты и обследованы другие памятники — со схожими топографическими и планиграфическими чертами, что позволяет провести параллели и сделать сопоставление с изучаемым объектом.

1. Ареал нуртайской культуры занимает степные районы Центрального Казахстана, охватывая верховья р. Ишима и бассейн р. Нуры. Отдельные комплексы встречены в южных районах Сары-Арки, на небольших речках внутреннего стока. В регионе выявлено 18 памятников, в том числе 6 поселений и 12 могильников [Ткачев 2003].

Яркие топографические и планиграфические черты характерные для нуртайской культуры мы видим на многослойной поселении Икпень I расположенном в среднем течении р.Нуры. В нижнем строительном горизонте изучен нуртайский поселок площадью около 3000 кв.м. Он состоял из четырех жилых помещений. Постройки ограничивали площадь поселка размером 70×30 м. На межжилищном пространстве, между постройками, обнаружены многочисленные столбовые углубления [Ткачев 2003].

Однослойное поселение Икпень II расположено в 1 км к югу от поселения Икпень I на мысовидной площадке правого берега р.Нуры. В раскопе расчищены полностью или частично котлованы четырех полуземлянок площадью от 50 до 140 кв.м. По расположению жилищ можно предположить довольно плотную застройку жилой площадки. Пол одной из землянок покрыт мощным слоем глиняной обмазки с добавлением речного песка [Ткачев 2003].

Многослойное поселение Икпень III расположено на мысовидной площадке правого берега р. Нуры в 150 м к северу от поселения Икпень II. В раскопе расчищены остатки шести жилищ. Небольшие нуртайские поселки, площадью 2000-3000 кв.м, занимали низкие участки первых надпойменных террас рек. На трех поселениях исследовано 11 построек: 8 землянок и 3 наземных сооружения. Характерны два вида поселков: плотная застройка всего использовавшегося участка (Икпень II) и линейная (Икпень I). Пологие склоны террас, между поселком и руслом, использовались для складирования отходов. Здесь располагались зольники, мощность культурных отложений которых достигала 1,5 м. [Ткачев 2003].

2. Памятники нуринской культуры занимают северные и южные склоны Казахского мелкосопочника, охватывая степные пространства верхнего течения Ишима, бассейн р. Нуры. Известно 11 поселений и 30 могильников, содержащих материалы нуринского облика. Опорные поселенческие комплексы, оставленные нуринскими общинами на территории северной Сары-Арки, входят в структуру Нуринского археологического микрорайона, где они выявлены на многослойных поселениях Икпень I и Икпень III [Ткачев 2003].

Значительная серия изученных жилых помещений дает возможность охарактеризовать нуринское домостроительство. Нуринские жилища представляют собой неглубокие полуземлянки квадратной, прямоугольной или овальной формы. На поселении Икпень I жилища пристроены одно к другому. Котлованы помещений отделены друг от друга поперечными выступами материковой глины, между которыми расположены проходы шириной 1,5-2,8 м, а иногда материковыми стенками шириной 0,2-0,6 м. Постройки имеют по одному выходу в торцевой стене или в углу. Они расположены, как правило, с восточной стороны и направлены в напольную сторону. Только выход из жилища 3 поселения Икпень I ориентирован на запад, в сторону реки, один из выходов жилища 1 поселения Икпень III — на юг, к центру жилой площадки. Большинство нуринских построек, как и нуртайских жилых помещений, имеют выходы, ориентированные на восток. Это связано с преобладанием западных ветров в степях Сары-Арки [Ткачев 2003].

Сосредоточив внимание на топографии поселений бронзового века Сарыарки и окружающем ландшафте, были сделаны следующие выводы. Поселения занимают доминирующее положение вдоль берегов рек, при этом крупные поселения находятся выше по течению реки, а более мелкие занимают пространство ниже по течению. В изучаемом регионе доминируют поселенческие комплексы относящихся категорий крупных и многослойных.

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что как нуртайские, так и нуринские насельники принимали схожий подход к выбору ландшафтов. Похожие черты проявляются как во внешнем виде их жилищ, так и в логике выбора местности для обитания. Это свидетельствует о наличии общих адаптационных механизмов, применяемых не только на территории Казахского мелкосопочника, но и в других регионах, таких как Западно-Сибирская равнина, Южный Урал, Тургайское плато и так далее.

Таким образом, естественнонаучные данные позволяют проследить причинно-следственные связи между климатическими изменениями и культурным развитием региона. Изучение эволюции хозяйственно-культурных типов и адаптационных стратегий населения помогает лучше понять историческое развитие Северного и Центрального Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

Дорош Е.Ю. Влияние территории и ландшафта на культуру населения. URL: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz18_pril/33/template_article-ar%3DK4160-k49.htm (дата обращения: 20.02.2024).

Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

Сакенов С.К. Архитектура жилищ эпохи бронзы в северной Сарыарке // Мир Большого Алтая. Усть-Каменогорск: Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова, 2020. С. 851-860.

Сакенов С.К., Козыбаева М.М. Топография и ландшафт поселенческих комплексов бронзового века в северных регионах Казахстана 2020. №3. С. 189-198. Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/380> (дата обращения: 30.03.2024).

Ткачёв А.А. Бронзовый век Центрального Казахстана: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. Москва, 2003. 390 с.

Тлекишев С.Н. Топография и локализация поселений эпохи бронзы Северной Сарыарки // LV Урало–Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. С. 85-87.

Мұса Ахатұлы Рысбергенов¹

*¹магистрант 1 года обучения,
Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан; rysbergenov.mussa@mail.ru*

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФЁДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В данной работе предпринимается попытка анализа историографии фёдоровской культуры, занимающей уникальное положение среди археологических культур эпохи поздней бронзы северо-западной Центральной Азии. Несмотря на длительную историю исследования, ключевые вопросы фёдоровской проблематики, такие как происхождение, хронология, соотношение с алакульскими памятниками, остаются актуальными. В связи с этим в статье предлагается обзор развития взглядов на основные проблемы фёдоровской культуры, выдвигаются качественные этапы историографии теоретических представлений.

Ключевые слова: Центральная Азия, эпоха поздней бронзы, историография, андроноведение, фёдоровская культура.

Фёдоров мәдениетінің зерттелу тарихы және өзекті мәселелері

Аннотация. Бұл жұмыста солтүстік-батыс Орталық Азияның соңғы қола дәуіріндегі археологиялық мәдениеттер арасында ерекше орын алатын фёдоров мәдениетінің тарихнамасына талдау жасалады. Зерттеудің ұзақ тарихына қарамастан, фёдоров проблематикасындағы шығу тегі, хронология, алакөл ескерткіштерімен ара қатысы сияқты негізгі мәселелер өзекті болып қала беруде. Осыған байланысты мақалада фёдоров мәдениетінің негізгі мәселелеріне көзқарастардың дамуына шолу жасалады, теориялық идеялар тарихнамасының сапалы кезеңдері ұсынылады.

Түйін сөздер: Орталық Азия, соңғы қола дәуірі, тарихнама, андроновтану, фёдоров мәдениеті.

History of study and current problems of Fedorov culture

Abstract. This paper attempts to analyze the historiography of the Fedorov culture, which occupies a unique position among the archaeological cultures of the Late Bronze Age of north-western Central Asia. Despite the long history of the study, key issues of Fedorov's problems, such as origin, chronology, relationship with Alakul sites, remain relevant. In this regard, the article offers an overview of the development of views on the main problems of Fedorov's culture, and puts forward qualitative stages in the historiography of theoretical ideas.

Keywords: Central Asia, Late Bronze Age, historiography, Andronian studies, Fedorov culture.

Фёдоровская культура — это археологическая культура эпохи поздней бронзы северо-западной Центральной Азии, занимающая территории с запада на восток от Уральского хребта до среднего течения реки Енисей, с севера на юг от лесостепной зоны Западной Сибири до Южного Казахстана.

Она имеет ряд диагностирующих признаков. Главными являются — красивая плоскодонная керамика плавной профилировки с богатым ковровым орнаментом; в погребальном обряде — повсеместное использование камня как основного строительного материала, сооружение

надмогильных конструкции методом кладки, захоронения в каменных цистах; в украшениях — серьги с раструбом, браслеты с конически высоко закрученными концами.

Как наименование, так и содержание понятия «фёдорово» за долгий период своего существования претерпело ряд значительных изменений. Первоначально фёдорово — это наименование самого раннего хронологического этапа в культурно-генетической концепции К. В. Сальникова, в трудах которого фёдоровский этап обретает культурно-значимые признаки в керамике и погребальном обряде. В течение двух десятков лет фёдоровские памятники рассматривались как определенный этап и хронологический период андроновской культуры. В региональном районировании по различным областям данный этап менял свое название на местный культурный топоним: канайский, нуринский. В эти годы главная проблема в изучении фёдоровских памятников заключалась в ее хронологическом соотношении с алакулем: синхронны, генетически разновременны, локально (регионально) районированы.

С накоплением источниковой базы, с открытием синкретических алакульско- фёдоровских комплексов изменились подходы к разработке вопросов культурогенеза. Так, эволюция взглядов в андроноведении стало двигаться в сторону синхронности алакульских и фёдоровских памятников, признания их разнокультурности и разного происхождения. Однако несмотря на длительную историю исследования, ключевые вопросы изучения фёдоровской культуры, такие как происхождение, хронология, соотношение с алакульскими памятниками, остаются актуальными.

С изучением фёдоровских памятников историографически был связан ряд проблем. Это различие в погребальном обряде, когда на западе фёдоровского ареала преобладает трупосожжение, а на востоке — трупоположение. Наличие наиболее чистых фёдоровских комплексов на востоке, где отсутствуют алакульские памятники, и отсутствие фёдоровских памятников на западе (Южное Приуралье, Западный Казахстан). Сложность вычленения чистого фёдоровского слоя на поселенческих памятниках. Особенности распространения фёдоровцев в контактных зонах, в которых они, в отличие от алакульцев, заселялись не в сплошную.

В связи с этим в данной статье предлагается анализ развития взглядов на основные проблемы фёдоровской культуры, выдвинуты качественные этапы историографии теоретических представлений. Историография фёдоровской проблематики является частью андроноведения, поэтому ее невозможно рассматривать отдельно от тех тенденций, которые в те или иные периоды были характерны в изучении всего андроновского мира.

Период с 20-х до конца 40-х гг. XX века.

Андроновская культура была выделена С. А. Теплоуховым в 1923 году как культура Минусинского края. Главным признаком андроновской культуры С. А. Теплоухов считал керамику, которую он делил на две группы: баночные сосуды (сосуды с прямыми, постепенно расширяющимися кверху стенками) и горшечные сосуды (с плавной профилировкой и уступом). К числу других признаков относилась круглая насыпь, часто весьма незначительная, окруженная иногда оградкой из камней; погребение, заключенное большей частью в каменном ящике или деревянном срубе; ориентировка погребения с СВ на ЮЗ; скорченное положение на боку, головой на ЮЗ.

На основе этих признаков ученый собирает всевозможные сведения об обследованных и раскопанных памятниках, которые демонстрировали схожесть с андроновскими древностями Минусинского края. Таким образом, в андроновскую культуру, выделенную на основе енисейских фёдоровских комплексов, С. А. Теплоухов относит фёдоровские могильники Алтая и Чингистау (Малый Койтас, Кара-Узек, Каражал, Сарыбулак), алакульские могильники Приишимья и Южного Урала (Ефимовка, Миасс, Курган) и амангельдинский могильник близ Петропавловска (Пестрое Озеро). В данном случае авторы специально для наглядности используют современную терминологию, чтобы показать, что изначально входило в андроновскую культуру С. А. Теплоухова.

С учетом раскопанных объектов, а также сведений об андроновских оградах, С. А. Теплоухов очерчивает пределы андроновской культуры от Минусинского края до Уральского хребта. Отмечая превосходящее количество андроновских памятников именно к западу от Минусинска, ученый пишет: «Западная Азия была центральной областью распространения Андроновой культуры, а Минусинский край являлся восточной ее окраиной» [Теплоухов 1927: 77-90].

На основе исследований, проведенных в Западном Казахстане, а также сравнительного анализа опубликованных коллекций керамики по всему ареалу андроновской культуры, М. П. Грязновым были выявлены территориальные отличия памятников андроновской культуры, которая делится на два локальных варианта — восточный (с посудой с плавной профилировкой) и западный (с посудой с уступчатым плечом) [Грязнов 1927: 201]. Позже эти особенности станут одним из основных признаков двух этапов андроновской культуры — алакульской и фёдоровской.

Таким образом, идея об «андроново» как культуре с обширной территорией закрепилась еще в 20-30-х годах прошлого века. Тогда же ученые признавали отсутствие единообразия в археологических характеристиках андроновской культуры. Идея о локальных различиях внутри этой культуры не вызывала сомнений и находила новые подтверждения при раскопках андроновских памятников в различных областях её ареала.

Период с конца 40-х до 60-х гг. XX века — главенство эволюционно-генетической схемы К. В. Сальников: фёдоровский этап андроновской культуры.

В 1948 году состоялось Первое Уральское археологическое совещание, где К. В. Сальниковым была предложена эволюционно-генетическая трехчленная периодизация андроновской культуры, в которой фёдоровские памятники предшествовали алакульским [Сальников 1948].

Развивая свою концепцию, исследователь обозначил основные признаки фёдоровских и алакульских древностей на основе памятников лесостепного Зауралья, по которым в дальнейшем сверяли все новые памятники, открытые в разных частях андроновского мира. К признакам фёдоровских памятников были отнесены: трупосожжение; сосуды с округлыми плечиками, в которых отсутствуют неорнаментированная полоса в нижней части шейки сосудов, с преобладание гребенчатого орнамента и косых треугольников; прямоугольные блюда; кости лошади в погребениях [Сальников 1951: 109-114].

В последствии К. В. Сальников удревнил этапы андроновской культуры, датировав фёдоровские памятники XVIII-XVI вв. до н.э., оставляя без изменений наименования и последовательность этапов. По мнению ученого, в указанном промежутке времени фёдоровское (раннеандроновское) население, занимавшее северную, лесостепную часть Южного Зауралья, соседствовало с срубно-полтавкинским населением южной, степной части региона. Опираясь на имеющиеся факты обнаружения обряда трупосожжения в среде доандроновского населения в северо-западной части андроновского мира, фёдоровское население ученый считал автохтонным [Сальников 1967: 315, 341-343].

Позже, для отражения поликультурного состава памятников эпохи бронзы Южного Зауралья А. А. Формозов предложил концепцию «андроновской культурной области», признавая тем самым возможность выделения локальных вариантов как подлинных культур отдельных племен. Он предложил использовать термин «культуры» для обозначения этих локальных вариантов, отмечая необходимость замены термина «андроновская культура» [Формозов 1951].

Собственный взгляд на культуругенез андроновцев выдвинул специалист по этнографии финно-угорских народов В. Н. Чернецов. На основании сходства андроновских узоров с орнаментом угорского населения Зауралья В. Н. Чернецов высказал предположение об их генетической связи. По его мнению, андроновская орнаментация была основой для развития угорской системы орнамента, что свидетельствует о тесных культурных и этнических взаимосвязях между этими группами на протяжении неолита и бронзового века в лесных районах Зауралья и Приобья [Чернецов 1951; Чернецов 1953: 49-62].

Основываясь на предположении об угорской принадлежности андроновских племен, а также на принятой им идее об автохтонности фёдоровского населения лесостепного Зауралья, В. Н. Чернецов впоследствии предлагал разделить андроновскую общность на две генетически автономные культуры: фёдоровскую, связанную с лесными культурами Зауралья, и алакульскую, связанную со степной полосой и со срубной культурой Поволжья [Чернецов 1963].

В 1950-х годах по зауральской эволюционной схеме К. В. Сальникова была разработана периодизация андроновских древностей Центрального [Акишев 1953], Северного [Оразбаев 1958] и Восточного Казахстана [Максимова 1959]. В этих первых обобщающих трудах по эпохе бронзы отдельных регионов Казахстана были охарактеризованы памятники андроновского мира. Несмотря на региональные особенности фёдоровских памятников Казахстана, исследователи считали их не настолько существенными, чтобы рассматривать в рамках самостоятельного этапа или культуры [Оразбаев 1958: 247-251; Максимова 1959: 98-103].

Период с 60-х до начала 70-х гг. XX века — начало центробежных процессов и постепенный слом концепции К. В. Сальникова: канайский/нуринский этап андроновской культуры. Федоровская культура.

В последующем представления об исторической судьбе андроновских племен стали претерпевать изменения за счёт акцентирования внимания на местных особенностях памятников андроновской культуры. В 60-х вышли в свет работы С. С. Черникова и коллектива авторов под руководством А. Х. Маргулана, в которых ученые в русле эволюционно-генетической схемы осуществили периодизацию эпохи бронзы Восточного и Центрального Казахстана. В этих трудах андроновские памятники рассматривались в рамках единой, стадийно развивающейся культуры с местными региональными особенностями. Типы памятников получили свои наименования, соответствующие хронологическим этапам.

Так, в Восточном Казахстане, из-за отсутствия алакульских памятников, С. С. Черников выдвинул собственную периодизацию, по которой развитие андроновской культуры минует алакульский этап. В схеме С. С. Черникова фёдоровскими материалами (а также вещами сейминско-турбинского типа) представлен канайский этап (XVI-XII вв. до н.э.), который, по мнению ученого, является периодом окончательного становления культурно-исторического единства андроновских племен на обширном пространстве степей и лесостепей от Енисея до Урала. Канайский этап предшествует мало-красноярскому переходному этапу (сочетающему фёдоровские и валиковые древности). Сама же андроновская культура является автохтонной, корни которой восходят к неолит-энеолитическим памятникам степной полосы Казахстана, которые через усть-буконьский этап трансформировались в канайские [Черников 1960: 98, 112].

В Центральном Казахстане фёдоровский этап стал называться нуринским (XVI-XV вв. до н.э.). Аргументация ее отличия от фёдоровских памятников Зауралья сводилась к нескольким пунктам: состав жертвенной пищи (череп и конечности лошади), изящные вазовидные сосуды из Бугулы I, обряд неполного сожжения, захоронения в цисте, установка изголовной стелы [Акишев 1953; Маргулан и др. 1966: 63-65].

В тех же 60-х параллельно развивались иные взгляды на актуальные проблемы андроноведения. В это время ряд исследователей начал говорить об алакульских и фёдоровских этапах как о самостоятельных культурах, а также о сосуществовании населения этих культур.

Подобные взгляды развивала в своих работах Э. А. Фёдорова-Давыдова. Фёдоровские и алакульские памятники, по мнению ученого, различаются в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, основное различие заключается в возрасте: синхронность с раннесрубными памятниками, установленная на могильнике Новобелогорский, копье сейминско-турбинского типа из могильника Близнецы позволили удревнить алакульские памятники, в то время как оснований для удревнения фёдоровских — не имелось [Фёдорова-Давыдова 1960: 58-59; Мошко-

ва, Фёдорова-Давыдова 1964: 140-141; Фёдорова-Давыдова 1964: 90-91]. Во-вторых, различия проявляются в характере и содержании памятников обеих типов: особенности керамики, разные обряды погребения, особенности в домостроении и географическое распространение.

Все это в совокупности позволило Э. А. Фёдоровой-Давыдовой говорить вместо перехода одного населения в другое об их смене в лесостепном Зауралье, а также о сосуществовании и взаимовлиянии лесостепного фёдоровского и степного алакульского населения [Фёдорова-Давыдова 1964: 92].

Данная точка зрения была поддержана М. Ф. Косаревым, который, как и В. Н. Чернецов, отрицал генетическую связь между фёдоровцами и алакульцами, видя в них отдельные этносы. По его мнению, фёдоровское население происходило из лесостепей Южного Зауралья, откуда, из-за прихода алакульцев, началась их миграция на восток [Косарев 1965].

Однако в этот период взгляды К. В. Сальникова не утратили своей актуальности. Так, в первой обобщающей статье по андроновским древностям М. Н. Комарова в русле концепции Сальникова разделяет андроновскую культуру на памятники фёдоровского и алакульского типа с выделением локальных вариантов [Комарова 1962].

В пересмотре концепции К. В. Сальникова значительную роль сыграли труды В. С. Стоколоса, который полагал, что фёдоровское население, за которым он предложил закрепить термин «андроновская культура», является пришлым в Зауралье и имеет свои истоки происхождения. В силу того, что в Зауралье нет чистых фёдоровских памятников, ученый считал, что фёдоровский комплекс существовал здесь непродолжительный период, соответственно, не имеет генетической связи ни с алакульскими, ни с энеолитическими памятниками Зауралья. Миграция фёдоровского населения в Зауралье и короткий период сосуществования с алакульцами, по представлениям В. С. Стоколоса, приходится на замараевский период, когда с востока приходит новое население и оказывает влияние на местную, алакульскую культурную основу, что приводит к формированию замараевской посуды [Стоколос 1972: 16-17, 101, 132].

В свою очередь исследователь древностей Западной Сибири Г. А. Максименков на момент начала 70-х годов весьма энергично отстаивал генетическую связь фёдоровка-алакуль, утверждая, что «все новые факты укладываются в схему К. В. Сальникова и не требуют ее пересмотра». Он полагал, что новые данные могут быть объяснены в русле схемы К. В. Сальникова при удревнении фёдоровского этапа [Максименков 1978: 87-94].

Период с середины 70-х до середины 90-х гг. XX века — пересмотр традиционной культурно-генетической концепции, вторая жизнь линейной схемы в работах Н. А. Аванесовой, Г. Б. Здановича, частично Т. С. Малютиной.

Новым вехом в андроноведении стала деятельность Г. Б. Здановича. Изначально фёдоровское население ученый считал пришлым, оказавшим влияние на традицию домостроения и погребальный обряд местных алакульских племен, в процессе взаимодействия с которыми формируются памятники амангельдинского и бишкульского типа. Процесс взаимодействия и образования комплексов с алакульско-фёдоровскими чертами приходился на поздний этап существования алакульских древностей [Зданович 1975].

В конце 70-х Н. А. Аванесова восстановила эволюцию андроновских материалов, отдавая хронологический приоритет алакульской культуре из-за очевидной связи с более древними петровскими памятниками. Работая с металлическими изделиями, она выделила их основные типы и показала их генетическую связь, что указывало на преемственность в андроновской культуре, где фёдоровские памятники следуют за алакульскими и датируются концом XIV-XIII вв. до н.э. [Аванесова 1979].

По результатам многолетних работ в конце 80-х Г. Б. Зданович пришел к выводу о хронологической последовательности и преемственности петровка-алакуль-фёдоровка. Это заключение базировалось на наблюдениях исследователя относительно невстречаемости совместного

залегания петровской и фёдоровской посуды [Зданович 1984: 15-16]. Ученый выделяет две группы фёдоровской посуды — собственно фёдоровскую и бишкульскую. Бишкульская керамика является бытовой и хозяйственно-производственной, которая встречается главным образом в поселениях. Она является прямым преемником алакульских гончарных традиций, и на основе бишкульской керамики появляются саргаринско-алексеевские сосуды. Факт преемственности алакуль-фёдоровка Г. Б. Зданович видит и в домостроении, когда фёдоровское население продолжает традицию сооружения крупных прямоугольных полуземлянок и легких каркасных жилищ. Также он пишет, что фёдоровцы унаследовали от алакульцев формы могильных ям, их размеры и ориентировку, а также считает, что исходным, традиционным способом погребения было труположение, которое стало основным у фёдоровцев по мере движения на восток [Зданович 1988: 112-114, 128-131, 144-148, 153-154].

По Т. М. Потемкиной алакульская и фёдоровская культуры развивались параллельно и взаимодействовали на различных этапах своего существования, что приводило к появлению явлений, где элементы обеих культур смешивались. Классическая фёдоровская керамика появляется в Притоболье на развитом этапе алакульской культуры, оказывая влияние на алакульскую гончарную традицию, в результате чего появляются сосуды с плавным профилем, округлыми боками, высокой отогнутой шейкой, в орнаментации сочетающие алакульские и фёдоровские элементы. Истоки фёдоровской гончарной традиции она увидела в энеолитических памятниках суртандинского и аятского типов лесостепной и южнотаежной зонах Урала и прилегающих районах Западной Сибири [Потемкина 1985: 270-272, 286].

Один из крупных специалистов по андроноведению Е. Е. Кузьмина рассматривала андроновскую КИО как культурную близость двух синхронных, генетически различных (но близкородственных, принадлежащих единой этнической общности) образований. Фёдоровские памятники она разделила на семь локальных вариантов (уральский, северный, центральный, восточно-казахстанский, обский, енисейский, среднеазиатский) и две хронологических группы — раннефёдоровский (XV-XIV вв. до н.э.) и позднефёдоровский (XIII в. до н.э. и позже), дав характеристику каждому варианту и группе. Тем не менее на момент начала 90-х многолетние изыскания автора не дали однозначного ответа на вопрос о происхождении фёдоровцев. Проанализировав все районы распространения фёдоровских памятников, Е. Е. Кузьмина сделала предположение, что вероятнее всего они происходят из Центрального или Восточного Казахстана [Кузьмина 1994: 42-46, 114-122].

Наряду с монографией Е. Е. Кузьминой неким итогом изучения фёдоровских памятников в XX веке становится диссертация Т. С. Малютиной, в которой впервые предпринята попытка рассмотрения фёдоровских древностей на материалах огромного региона — Урало-Иртышского междуречья. Она делит фёдоровскую керамику на две подгруппы — классическую и бишкульскую. Фёдоровские памятники датируются XV-XIII вв. до н.э. и подчеркивают непрерывное развитие алакульской и фёдоровской культур, где фёдоровские элементы формировались в среде алакульских древностей и были связаны с последними множеством общих черт. Вместе с тем процесс сложения фёдоровских древностей объясняется не как простое продолжение алакульских традиций, но в том числе как результат возрождения в фёдоровских традициях элементов более ранних культур лесостепных и степных регионов Урала и Казахстана, таких как ботайская, суртандинская, аятская, абашевская, петровская, синташтинско-аркаимская и коптяковская [Малютина 1994].

Период с начала 90-х годов XX века до наших дней.

В начале 90-х В. В. Бобровым рассматривался вопрос идентичности материалов фёдоровского могильника андроновским памятникам восточных районов ареала и обоснование андроновской общности. Автор ставит под сомнение термин «фёдоровская» культура, предлагая вместо него использовать «андоновская», что соответствует изначальной историографической

ситуации. Также согласно автору, различия в генетической основе фёдоровского и алакульского комплексов вызывают сомнения в обосновании общности этих культур [Бобров 1992; Бобров 1993].

В изучении памятников андроновского мира в казахстанских степях важное значение имеют труды А. А. Ткачева, который в 90-х и 00-х активно развивал свою концепцию. Изначально автор пользовался устоявшимися наименованиями, разделяя андроновские древности Центрального Казахстана на раннеалакульский этап (XVII-XVI вв. до н.э.), раннефёдоровский (XVI-XV вв. до н.э.), затем синхронный алакульский и фёдоровский этап (XV-XIV вв. до н.э.), и поздний алакульско-фёдоровский этап (XIV-XIII вв. до н.э.) [Ткачев 1991].

Затем исследователь меняет свою позицию и акцентирует внимание на центрально-казахстанских особенностях памятников андроновской общности. Раннеалакульские памятники объединяются в нуртайскую культуру. Нуринская культура возникает вследствие миграции канайского населения с востока и датируется XVII-XIV вв. до н.э., в пределах которых она сосуществует с атасуской культурой. Последняя в свою очередь формируется взаимодействием местного нуртайского и пришлого канайского населения [Ткачев 2002]. К ранее высказанному перечню аргументации самостоятельности нуринской культуры прибавилось еще наличие глубоких ям с заплечиками, в которые впущены каменные ящики [Ткачев 2003: 28].

Н. А. Ткачева и А. А. Ткачев расширили схему С. С. Черникова, возвысив ряд таксономических единиц, таких как усть-буконьский, канайский и трушниковский этапы, до уровня культур. Отмечается, что доандроновские комплексы представлены усть-буконьским типом, имеющим сходство с вишневыми древностями Северного Казахстана. Канайская культура сформировалась на основе усть-буконьских комплексов, проходя через три этапа развития (канайский — XVIII-XVII вв. до н.э., марининский — XVII-XVI вв. до н.э. и кзылтаский — XV-XIV вв. до н.э.). Исследователи связывают появление фёдоровских и нуринских комплексов с восточно-казахстанским канайским населением [Ткачева, Ткачев 2008].

С начала 00-х годов андроновской, в частности фёдоровской проблематикой, активно занимается С. А. Григорьев. Основываясь на положении, прослеживаемом в его трудах по андроновской проблематике, является отрицание культурно-исторической общности алакульцев и фёдоровцев. Помимо этого С. А. Григорьев приходит к выводу, что во всем ареале фёдоровских памятников нет доандроновского пласта, который мог бы послужить основой для формирования фёдоровских древностей. Это подталкивает его искать корни фёдоровцев где-то в районе Закавказья (Северо-Западного Ирана).

Изначально ученый полагал, что синташтинское население, по пути своей миграции с Передней Азии, могло захватить некоторые раннефёдоровские группы с Закавказья, что объясняет присутствие соответствующих материалов в синташтинских комплексах (плавно профилированные горшки с зауженным дном на поддоне с орнаментированной полосой на шейке, сходство фёдоровских баночных сосудов с валиками с аналогичными синташтинскими сосудами). При этом подчеркивалось, что устойчивое присутствие фёдоровского компонента фиксируется лишь с петровского и раннеалакульского времени, когда фёдоровцы оказываются в Восточном Казахстане. Оттуда они мигрируют в Зауралье, и, через Иртыш, где они контактируют с кротовским населением, двигаются в сторону Енисея. Также фёдоровцы проникают в Центральный, и в меньшей степени в Северный Казахстан.

Фёдоровскую и петровскую культуры ученый частично синхронизировал. В ряде районов, таких как Южное Зауралье, Восточный Казахстан и Средняя Азия, он считал фёдоровскую культуру синхронной раннему алакулью. Говоря о том, что керамические включения в синташтинских комплексах и на Шортугае имеют более раннюю дату, он тем не менее не считал возможным удревнить фёдоровскую культуру на территории Тоболо-Иртышского междуречья и Центрального Казахстана, где на смену петровской культуре приходила алакульская. В то же время территорию

Центрального Казахстана, на которой алакульский и фёдоровский погребальный обряд были более или менее сопоставимы, исследователь рассматривал как контактную зону [Григорьев 2000: 314-357].

В более поздних работах С. А. Григорьев отмечает, что поиск корней фёдоровской культуры в Северо-Западном Иране затруднен из-за практически полного отсутствия исследований в этом регионе. В то же время, говоря о том, что исходной областью распространения фёдоровцев в степной Евразии является Восточный Казахстан, ученый все так же придерживается уже обозначенной своей позиции об отсутствии корней фёдоровцев на данной территории [Григорьев 2006: 218-220].

В последних работах исследователя фёдоровская культура частично синхронизируется с петровской культурой и полностью с классическим алакулем. Раннеалакульские памятники оказываются древнее фёдоровских и синхронизируются с синташтинской культурой [Григорьев и др. 2018: 158-165]. Происхождение фёдоровских памятников ученый связывает уже с территорией Алтая на основе трех компонентов: местного, продвинувшегося на восток синташтинско-петровского и какого-то «южного». Часть южных черт в архитектуре ученый связывает с взаимодействием с синташтинско-петровским населением, что объясняет включение некоторых черт сосудов этих культур в фёдоровских памятниках [Григорьев и др. 2018: 190-196].

В отдельной работе, посвященной анализу формирования зауральского фёдоровского гончарства, говорится, что фёдоровское гончарство формировалось на Алтае и Восточном Казахстане под воздействием местных и синташтинско-петровско-алакульских импульсов с запада, а также импульсов с юга. Фёдоровское население двигалось в Нижнее Приоболье, где взаимодействовало с алакульским населением, что приводило к ассимиляции и обмену технологическими чертами. Трансформированные традиции фёдоровского гончарства распространялись в зауральскую лесостепь, где процесс повторялся с участием местного алакульского населения. Все так же нерешенной проблемой является формирование культуры в целом, включая различия в погребальных обрядах и среднеазиатских включениях. Исследователи предполагают, что процессы формирования культуры могли быть сложными и нелинейными, а материалы отдельных памятников могут быть неполными, требуя расширения исследовательской базы для более полного понимания эволюции фёдоровской культуры [Григорьев, Салугина 2023].

В середине 00-х довольно нестандартную интерпретацию фёдоровских памятников Зауралья предложили В. И. Стефанов и О. Н. Корочкова. Согласно мнению исследователей в Зауралье алакульская культура занимает более раннюю хронологическую позицию, чем фёдоровская. Авторы отмечают отсутствие генетической связи между алакульской и фёдоровской культурами и подчеркивают отсутствие возможности формирования фёдоровки в Приуралье и Зауралье.

Фёдоровская культура, по их мнению, развивалась в степных районах Казахстана, а затем распространилась в другие регионы. Касательно степных районов Казахстана авторы говорят о формировании нуринской культуры, которая на северо-востоке трансформировалась в андроновскую культуру, а на северо-западе в фёдоровскую субкультуру в рамках алакульской культуры. Соответственно, нуринские древности занимают по отношению к ним более раннюю хронологическую позицию. При этом предполагается синхронность «определенной части» петровских и нуринских материалов. Нуринские комплексы в Центральном Казахстане, по мнению исследователей, не могли сформироваться независимо от внешних культурных влияний. Исследователи полагают, что корни всех культур и культурных типов в андроновской общности в различной степени прослеживаются в синташтинских памятниках [Стефанов, Корочкова 2006: 127-136].

Относительно новая концепция происхождения фёдоровской культуры в Тюменском Приоболье предполагает, что контакт между населением алакульской и ташковской групп стал

основой для формирования коптыковского типа, который затем эволюционировал в фёдоровскую культуру. Предполагается, что носители этой культуры впоследствии мигрировали на юг [Зах 2014].

Одним из казахстанских исследователей, активно занимающимся теоретическими проблемами андроноведения, является И. А. Кукушкин. Ученый отмечает, что исследователи сталкиваются с трудностью в поисках автохтонных корней андроновской общности. Автор делает вывод, что предположения об автохтонном генезисе культур андроновской общности в Восточном или Центральном Казахстане труднодоказуемы, поскольку долговременные исследования не обнаружили значительных групп памятников энеолита или ранней бронзы, которые могли бы быть генетической платформой культур андроновской общности.

И. А. Кукушкин рассматривает генезис синташтинской культуры как ключевой момент в исследовании андроновской общности. Он указывает на острый экономический кризис в оседло-земледельческих цивилизациях древневосточного типа в конце III тыс. до н.э. из-за ксеротермического периода. Этот кризис сопровождается мощным импульсом скотоводческой деятельности, что приводит к расцвету степных скотоводческих культур. Миграция синташтинских племен, по мнению И. А. Кукушкина, происходила через территорию Средней Азии, Южного, Центрального и Северного Казахстана, прежде чем они достигли Южного Зауралья. Этот маршрут рассматривается как более логичный и естественный, учитывая наличие природных ресурсов и требования оседло-скотоводческого хозяйства.

Синташтинская культура трансформируется в памятники «синкретического» типа (таутаринский, семиреченский, кожубердинский, амангельдинский, бишкульский), которые маркируют собой распад этнокультурной общности, что приводит к формированию самостоятельных алакульских и фёдоровских культур, которые являются частями андроновской культурно-исторической общности [Кукушкин 2010].

Последние исследования И. А. Кукушкина по андроновскому культурогенезу представляют следующую картину. В эпоху бронзы на территории Южного и, возможно, Центрального Казахстана формируется праандроновская оседло-земледельческая культура, связанная с миграцией индоиранского населения. Носители этих традиций играют важную роль в развитии боевых конных колесниц и вносят свой вклад в широкое распространение этого комплекса по древнему миру. Часть населения, участвовавшая в северных походах, оставляет памятники синташтинского типа, на основе которых формируется алакульская культура. Синташта считается протоандроновским или протоалакульским образованием. Отделившиеся от оседло-земледельческих центров скотоводческие коллективы формируют фёдоровскую культуру. Общие корни этих этнокультурных образований легли в основу формирования андроновского культурно-исторического единства. Совместные могильники, содержащие алакульские и фёдоровские захоронения, а также множество памятников синкретического типа свидетельствуют об отсутствии видимых антагонистических противоречий между культурами. В дальнейшем алакульская культура поглощается фёдоровской, которая участвует в формировании памятников финальной бронзы [Кукушкин 2018].

В другой работе исследователя был намечен иной путь решения проблемы происхождения фёдоровских памятников, который связан с древностями ямно-афанасьевского облика Центрального Казахстана. Выстраивается следующий эволюционный ряд: памятники типа Карагаш — жиландинские памятники (последняя четверть III тыс. до н.э.) — древности переходного этапа, сочетающие в себе отдельные черты ямно-афанасьевского времени и динамику андроновского периода (некоторые погребальные сооружения из могильников Айшрак, Сангру II, Канаттас, Егизек I, Беласар, Балакулболды, Бугулы II, Атасу I).

Отмечаются следующие схожие черты между ямно-афанасьевскими и переходными памятниками: двойные concentрические ограды, каменно-земляная насыпь, развитая строительная

техника в виде бутовой (цистовой) кладки, положение умершего на спине с подогнутыми ногами или сидя, подсыпка из охры, ориентировка по линии З-В, каменные орудия из речной гальки.

Предполагается, что по мере передвижения из исходной территории (Закавказье) по южному маршруту, предки афанасьевцев приобрели черты энеолитического оседло-земледельческого населения южных регионов (развитая строительная техника в виде цистовой кладки, элементы орнаментации андроновской посуды, наличие бус, изготовленных из камня, бронзовых булавок, обтянутых золотой фольгой).

Таким образом, при условии, что в дальнейшем на территории Центрального Казахстана будут изучены другие памятники жиландинского типа, позиция И. А. Кукушкина относительно проблемы происхождения фёдоровских памятников предполагает, что эволюция андроновского культурогенеза может быть значительно сложнее. Его анализ указывает на возможность раннего формирования нуринско-фёдоровских памятников на основе ямно-афанасьевских древностей. И. А. Кукушкин также отмечает, что исследования жиландинских памятников, близких к ямным по содержанию, имеют важное значение. Он делает предположение, что какая-то часть каменно-земляных курганов, считающихся сакскими, при полевом исследовании могут оказаться ямно-афанасьевскими, что в свою очередь может привести к выделению жиландинского типа [Кукушкин 2014].

Заключение

Как мы видим из истории изучения, основные проблемы фёдоровской культуры все еще остаются актуальными. Это видно даже из того, что среди исследователей нет единого мнения относительно наименования фёдоровских древностей. Данная историографическая ситуация проанализирована в работе Е. А. Дмитриева, который, как нам кажется, высказал назревшую мысль об искусственности мозаичной картины фёдоровских древностей, которая за многие годы была сконструирована «посредством преувеличения значимости локальных различий» [Дмитриев 2018].

На примере анализа аргументации выделения нуринской культуры автор заключает о единстве фёдоровской культуры, говоря о том, что «создание целой свиты «самостоятельных» (фёдоровских по сути) археологических культур (нуринская, канайская), отражающих одно явление, только усложняет понимание историко-культурных процессов, протекавших в бронзовом веке» [Дмитриев 2017]. В свою очередь, эта позиция восходит к взглядам Г. А. Максименкова, который на заре центробежных процессов отмечал, что выделение новых этапов без существенных различий является умножением сущностей сверх необходимого [Максименков 1978: 90].

Также схожие мысли высказал С. А. Григорьев, говоря о том, что типологически отчетливые различия памятников фёдоровского ареала никем не показаны. Автор считает, что сопоставимость фёдоровской керамики во всем ее ареале требует единого термина, а различие в погребальном обряде может служить основанием для выделения в рамках культуры отдельных вариантов при сохранении единого термина за керамическим типом [Григорьев и др. 2018: 196].

Что касается термина «андроновская культура», на наш взгляд, «возврат к исходному положению» не совсем удачный. Как видно из начала текста данной работы, С. А. Теплоухов в своих более поздних трудах понимал под «андроновской культурой» в общих чертах схожие по керамике и погребальному обряду разнокультурные памятники от Минусинска до Урала, которые затем стали известны как фёдоровские и алакульские. Таким образом, возникает вопрос — должны ли мы, как исходное положение, понимать андроновскую культуру С. А. Теплоухова 1923 года (культура Минусинска) или 1927 года (культура от Минусинска до Урала)? В первом случае нам придется игнорировать дальнейшее понимание андроновской культуры самим первооткрывателем. Во втором случае получается, что мы, следуя за С. А. Теплоуховым, объединяем все разнокультурные памятники в андроновскую культуру.

Исходя из этого проистекает следующее: при том условии, что мы признаем единство фёдоровских памятников (не отрицая локальные особенности), нужда в термине «андроновская культура» отпадает.

Во-первых, как уже было отмечено, за десятилетия использования термина «андроновская культурно-историческая общность», термин «андроновская культура» утратил свою строгость, в то время как термин «фёдоровская культура» вполне строг и определен [Григорьев и др. 2018: 196]. К тому же в научный обиход прочно вошли такие понятия, как «андроновский мир» и «андроноведение», которые в первом случае объединяют в себя алакульские и фёдоровские древности (в территориальном и хронологическом плане), а во втором случае обозначают направление бронзоведения, изучающее алакульские и фёдоровские памятники.

Во-вторых, все еще нельзя считать, что исследователи единогласно отвергли концепцию андроновской КИО, и пока этого не случилось, возврат к термину «андроновская культура» применительно к фёдоровским памятникам вносит лишнюю путаницу.

В этой связи занимательно выглядит наблюдение касательно возрождения термина «андроновская культура». Во многих современных публикациях, где применяется термин «андроновский», практически всегда в скобках пишется «фёдоровский», будто бы поясняя читателю, о чем на самом деле идет речь. Данный факт говорит о том, что даже внутри андроноведов использование термина «андроновский» нуждается в конкретизации. Сложно представить, какую путаницу вносит такой ход с возвратом для специалистов других наук.

Проблема происхождения фёдоровки является наиболее сложной. Как видно из истории изучения, специалисты ограничивались очерчиванием потенциального исходного ареала фёдоровки казахстанскими степями. Однако связь фёдоровских древностей с местной энеолитической базой не нашла подтверждения.

Таким образом, каким бы ни являлся действительный сценарий сложения фёдоровских древностей, на данный момент по этому вопросу мы имеем следующее положение: во-первых, слабоизученность переднеазиатского региона является серьезной помехой в понимании целостной картины фёдоровского культурогенеза, поскольку гипотезы, связывающие этот процесс как с синташтинцами, так и с ямно-афанасьевцами, так или иначе завязаны на этом регионе. Во-вторых, как уже было сказано И. А. Кукушкиным, фёдоровский культурогенез может оказаться гораздо сложнее общепринятых линейных схем развития [Кукушкин 2014: 410]. Тот факт, что несмотря на относительно хорошую изученность ареала фёдоровских древностей, аргументированные пути решения этой проблемы все еще не разработаны, заставляет констатировать, что исследователи оказываются «в том же тупике в вопросе происхождения этой культуры, в котором находились ранее» [Григорьев, Салугина 2023: 371].

Подводя итоги можно сказать, что решение этой ключевой проблемы требует пополнения источниковой базы. Несмотря на это, актуальным остается исследование связей фёдоровских комплексов Центрального и Восточного Казахстана с памятниками остальных областей распространения фёдоровцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1979. 26 с.
- Акишев К.А.* Эпоха бронзы Центрального Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1953. 18 с.
- Бобров В.В.* Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл. Новосибирск, 1992. 46 с.
- Бобров В.В.* Андроновская культура или культурно-историческая общность? // Археологические

культуры и культурно-исторические общности Большого Урала / отв. ред. В.А. Борзунов, И.Б. Васильев. Екатеринбург: Изд-во Института истории и археологии УрО РАН, 1993. С. 9-10.

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 241-409.

Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Плешанов М.Л., Гущина Е.В., Васина Ю.В. Поселение Мочище и андроновская проблема. Челябинск: Цицеро, 2018. 398 с.

Григорьев С.А., Салугина Н.П. Проблема формирования фёдоровских гончарных традиций в бронзовом веке Зауралья // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23, № 2. С. 361-376.

Григорьев С.А. Эпоха бронзы. Основные этапы и проблемы культурогенеза в Зауралье в эпоху поздней бронзы // Археология Южного Урала. Степь / отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2006. С. 188-222.

Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: Материалы Особого комитета по исследованию среднеазиатских республик / отв. ред. С.И. Руденко. Ленинград: Академия Наук СССР, 1927. Вып. 2. С. 172-221.

Дмитриев Е.А. К вопросу о выделении нурынской культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана (взгляд сквозь призму историографии и современные реалии) // История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Вып. 5. С. 24-31

Дмитриев Е.А. Фёдоровская культура эпохи бронзы (проблема терминологии) // XXI Уральское археологическое совещание: Мат. Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Самара, 08-11 октября 2018 г.). Самара: СГСПУ, 2018. С. 104-106.

Зах В.А. Формирование фёдоровской культуры в Притоболье и пути миграции ее носителей на восток // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 50-60.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века урало-казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник / отв. ред. В.Ф. Зайберт, С.Я. Зданович. Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1984. 3-23.

Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1975. 26 с.

Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа / отв. ред. М.И. Артамонов. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 1962. Вып. 5. С. 50-75.

Косарев М.Ф. О культурах андроновского времени в Западной Сибири // Советская Археология. 1965. №2. С. 242-246.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев. Москва: Восточная литература, 1994. 464 с.

Кукушкин И.А. Доандроновские погребения Центрального Казахстана // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сб. науч. статей, посв. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. / отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Изд-во «Сарыарка», 2014. С. 401-404.

Кукушкин И.А. Культурно-исторические истоки и культурное наследие синташтинской культуры // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сб. науч. тр. к 80-летию Г. Б. Здановича / отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2018. С. 62–81.

Кукушкин И.А. О происхождении андроновской культурно-исторической общности // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. Право. 2010. № 2. С. 12-24.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Ленинград: Наука, 1978. 191 с.

Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии Наук КазССР. Том VII: Археология / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Академия Наук КазССР, 1959. С. 86-150.

Малютина Т.С. Фёдоровская культура Урало-Казахстанских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1994. 26 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.

Мошкова М.Г., Фёдорова-Давыдова Э.А. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника // Краткие сообщения Института археологии. 1964. Вып. 101. С. 135-141.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии Наук КазССР. Том V: Археология / отв. ред. В.Ф. Шахматов, К.А. Акишев. Алма-Ата: Академия Наук КазССР, 1958. С. 216-283.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. Москва: Наука, 1985. 376 с.

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // Материалы и исследования по археологии / отв. Ред. А.Я. Брюсов. Москва: Академия Наук СССР, 1951. №21. С. 94-151.

Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948. С. 21-26.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. Москва: Наука, 1967. 407 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 160 с.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 168 с.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Ленинград: Государственный Русский музей, 1927. Том III. Вып. 2. С. 57-108.

Ткачев А.А. Бронзовый век Центрального Казахстана: автореф. дисс. ... д.и.н. Москва, 2003. 50 с.

Ткачев А.А. Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1991. 26 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Тюм. гос. нефтегаз. ун-т, 2002. Ч. 2. 243 с.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.

Фёдорова-Давыдова Э.А. Андроновское погребение XV-XIII вв. до н.э. // Труды Государственного исторического музея. Москва: Государственный исторический музей, 1960. Вып. 37. С. 56-59.

Фёдорова-Давыдова Э.А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // Археология и этнография Башкирии / отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: Академия Наук СССР, 1964. Т. 2. С. 84-92.

Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры (Доклад, прочитанный на заседании сектора первобытной археологии ИИМК 20 мая 1950 г.) // КСИИМК / отв. ред. А.Д. Удальцов. Москва; Ленинград: Академия Наук СССР, 1951. Вып. XXXIX. С. 3-18.

Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы // Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленных к Совещанию по методологии этногенетических исследований. Москва, 1951. С. 24-29.

Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapestini Habitus (20-24.09.1960). Будапешт, 1963. С. 405-411.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии / отв. ред. И.А. Талицкая. Москва: Академия Наук СССР, 1953. №35. 357 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии / отв. ред. М.П. Грязнов. Москва; Ленинград: Академия Наук СССР, 1960. №88. 196 с.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БЕРККАРИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Аннотация. Данная статья рассматривает историю изучения Берккаринского могильника, который является одним из первых археологических объектов раннего железного века, подробно исследованным на территории Казахстана. Основной целью статьи является сбор и систематизация имеющихся материалов о данном памятнике, учитывая его высокую значимость. В работе представлены краткие обзоры результатов исследований различных лет, а также предпринята попытка рассмотреть вопрос о соотношении могильника с различными кочевыми племенами, такими как саки, уйсун и кангюи.

Неоспоримой является необходимость определения Берккаринского могильника как ключевого объекта при изучении железного века на территории Казахстана. В статье также выделяется вклад ряда выдающихся ученых, таких как А. Н. Бернштам, Г. Г. Бабанская, А. Г. Максимова, в оставление будущим поколениям ценного материала для дальнейших исследований.

Современная наука требует систематизации всех имеющихся данных о Берккаринском могильнике с целью продолжения исследований с учетом новых перспектив и вводных.

Ключевые слова: Берккаринский могильник, погребения, усун, кангюи, погребальный обряд, курган.

Берікқара қорымын зерттеу тарихы

Аннотация. Бұл мақала Қазақстан аумағында егжей-тегжейлі зерттелген ерте темір дәуірінің алғашқы археологиялық нысандарының бірі болып табылатын Берікқара қорымын зерттеу тарихын қарастырады. Мақаланың негізгі мақсаты-оның маңыздылығын ескере отырып, осы ескерткіш туралы қолда бар материалдарды жинау және жүйелеу. Жұмыста әртүрлі жылдардағы зерттеу нәтижелеріне қысқаша шолулар берілген, сонымен қатар қорымның саки, үйсүни және кангюи сияқты әртүрлі көшпелі тайпалармен арақатынасын қарастыруға тырысқан.

Қазақстан аумағында темір дәуірін зерделеу кезінде Берікқара қорымын негізгі объект ретінде айқындау қажеттілігі даусыз болып табылады. Мақалада сонымен қатар А. Н. Бернштам, Г. Г. Бабанская, А. Г. Максимова сияқты бірқатар көрнекті ғалымдардың Болашақ ұрпаққа әрі қарай зерттеу үшін құнды материал қалдыруға қосқан үлесі ерекше атап өтіледі.

Қазіргі заманғы ғылым жаңа перспективалар мен Кіріспе ескеріле отырып, зерттеулерді жалғастыру мақсатында Беркқара қорымы туралы барлық қолда бар деректерді жүйелеуді талап етеді.

Түйін сөздер: Берікқара қорымы, қабір, үйсіндер, қаңлылар, жерлеу рәсімі, қорған.

History of studying the Berkkara burial ground

Annotation. This article examines the history of the study of the Berkkara burial ground, which is one of the first archaeological sites of the Early Iron Age, studied in detail on the territory of Kazakhstan. The main purpose of the article is to collect and systematise the available materials about this site, given its high importance. The paper presents a brief review of the results of research in different years, and also attempts to consider the question of the correlation of the burial site with various nomadic tribes, such as the Saki, Uisuni and Kangyu.

The need to identify the Berkkara burial ground as a key site in the study of the Iron Age in Kazakhstan is undeniable. The article also highlights the contribution of a number of outstanding scientists, such as A. N. Bernshtam, G. G. Babanskaya, A. G. Maksimova, in leaving to future generations valuable material for further research.

Modern science requires systematisation of all available data on the Berkkara burial ground in order to continue research with new perspectives and inputs.

Key words: Berkkarinsky burial ground, burials, Usun, Kangyui, funeral rite, mound.

Берккаринский могильник — археологический памятник раннего железного века, открытый и изученный А. Н. Бернштамом в конце 1930-х гг. Памятник — знаковый, с его изучения начинается период больших экспедиций, ставивших целью изучение и дифференциацию сакской и усуньской культур, а также определения границ кангюйских культур. Целью данной статьи является обоснование значимости раскопок Берккаринского могильника, проведенных А. Н. Бернштамом, в современных исследованиях. Особое внимание уделяется выявлению возможности отождествления населения, оставившего памятник, в свете многочисленных работ самого автора, и последующих исследований по этой теме. Кроме того, ставится задача осознания значимости раскопок А. Н. Бернштама как первых крупных исследований по данной тематике на территории Казахстана.

Цель статьи реализуется последствием решения нескольких задач, среди которых — систематизация материалов раскопок А. Н. Бернштама на Берккаринском могильнике, проведенных в конце 1930-х годов, с учетом современных научных взглядов и мнений на данную тему. Анализ и оценка современного научного дискурса относительно темы соотношения культур, выявление перспектив для дальнейших исследований также считаем важным аспектом исследования. Немаловажной задачей является исследование темы больших миграций в раннем железном веке в контексте археологических данных А. Н. Бернштама, учитывая актуальность данного вопроса и его связь с общими процессами исторического развития.

В современном развитии Казахстана, исследование древних памятников приобретает особую важность для построения исторического нарратива и формирования идеологического дискурса о непрерывности цивилизационного развития населения региона. Переосмысление старых памятников в свете новых открытий и методологических трендов в исторической и археологической науке становится необходимым для актуализации и обновления научных знаний и представлений о прошлом.

В свете появления новых данных по археологии Казахстана присутствует необходимость сбора всех имеющихся сведений о крупнейших памятниках древности. Поиск идеологической основы современной государственности и истоков этнообразования требуют, близкого к точному, определения этнической ситуации на территории нашего государства в древности. В современном мире методологически по-новому изучаются памятники, с использованием геоинформационных, геофизических, биохимических методов. К числу первых памятников, изученных на территории Казахстана и проанализированных на широком материале, относится могильник Бериккара. Памятник не терял своей актуальности в процессе развития археологии Казахстана, став показательным. К основным публикациям по материалам изучения относятся статьи А. Н. Бернштама, Г. Г. Бабанской, А. Г. Максимовой, последние опубликованные данные о работе на памятнике относятся к 2017 г.

Почти столетие назад, в период 1933-1949, великим ученым А. Н. Бернштамом были изучены памятники предгорьев Жетысу и Тянь-шаня. Результаты исследований нескольких погребальных комплексов, дали новую и по сей день сохраняющую актуальность, теорию преемственного развития сакской и усуньской культур [Бернштам 1949: 345], а также предположение о важности

р. Талас в распределении территорий между усунями и кангюйцами. Первую теорию, в дальнейшем изучении развивают до соотношения усуней — тюрок.

В данном исследовании применен метод, который часто называют «реконструкцией» или «реконструктивным подходом». Реконструкция включает в себя анализ существующих данных и добавление новой информации, чтобы создать более полное или точное представление о изучаемом объекте или явлении. Этот процесс может включать в себя использование новых методов, технологий или источников данных для расширения и углубления понимания исследуемой проблемы. Немаловажным считаем и метод реинтерпретации. Это процесс пересмотра и переосмысления существующих данных, понятий и теорий с учетом новых методологий, технологий или принципов. Реинтерпретация позволяет увидеть изучаемый объект или явление в новом свете и обогатить существующее знание новыми выводами.

На появление и развитие теории преемственности кочевнических культур в Жетысу, воздействие оказали раскопки, проводимые ИИМК — Казахстанским филиалом Академии наук и Комитета наук при СНК КирССР под руководством А. Н. Бернштама. Ученого интересовали памятники, расположенные в Таласской долине, и это не случайно. Долина известна обилием памятников, представленных могильниками, поселениями. Письменные источники, оставленные китайскими летописцами с записями о хунну и ставками их шаньюев в долине, прибавляли интерес к региону [Бернштам 1940: 23]. В дальнейшем, А. Н. Бернштам напишет несколько фундаментальных трудов по археологии Киргизской ССР, в которых памятники в долине Таласа будут занимать важное место.

Берккаринский курганный могильник расположен в 80 км к западу от г. Тараз под северными склонами горы Каратау, в районе озера Бийли-куль (Биликоль) — Жуалинский район, Жамбылская область. Практически параллельно с Берккаринским могильником, А. Н. Бернштамом изучались поселенческие комплексы Тараз, Кулан, Чультобе [Бабанская 1956]. Датировка памятника, по первоисточнику, имеет границы III в. до н.э. и II в.н.э. В дальнейших исследованиях временной отрезок будет меняться. На памятнике, были раскопаны цепочки курганов малых и средних размеров — всего 31 курган.

Свое название могильник получил от ущелья, напротив которого расположена основная масса курганов. В период первых работ на памятнике, было выявлено и описано 457 курганов и кольцевых выкладок [Бернштам 1941: 15]. Могильник — множество вытянутых с юга на север параллельных цепочек курганов, состоящих из групп по 5-20 сооружений. Исследователем были выбраны курганы из разных частей могильника. На сравнительно небольшом объеме материалов удалось предопределить некоторые большие вопросы археологии раннего железного века.

К числу таких относятся — вопрос миграции населения из Восточного Туркестана в Жетысу, последовательное развитие кочевых культур от сакской к тюркской, через уйсуньскую [Досымбаева 2007]. На фактическом материале, А. Н. Бернштам показал идентичность огромного пласта погребального инвентаря встречающегося в памятниках в диапазоне от III в. до н.э. до V в.н.э. Например, налепной арочный орнамент с насечками, защипами, овальные налепы на усуньской керамике, идентичны подобным в изделиях тюркского периода [Бернштам 1952: 239].

По всему комплексу определена 31 группа надмогильных сооружений. В каждой группе, как упоминалось выше, содержится от 5 до 20 курганов, разбитых по размеру на три категории:

- Большие курганы: диаметр 25-50 м, высота 2,5-3,5 м.
- Средние курганы: диаметр 12-24 м, высота 0,40-1,5 м.
- Малые курганы: диаметр 4-12 м, высота 0,10-0,25 м.

Характер насыпей разнообразен. Насыпи, состоящие из земли со щебенкой и из плитняка, покрывают широким кольцом склоны курганов и оставляют открытой плоскую или запавшую вершину; провал происходил либо в результате ограбления, либо осадки могилы. Аналогичные

насыпи из земли со щебенкой, имеют вершины, ограниченные сплошным кольцом из одного ряда камня или несколькими камнями, поставленными на ребра. Кольцо из камней находится почти всегда в основании насыпи. Другие насыпи, даже состоящие сплошь из щебенки, плитняка и камня или только из камня, имеют плоскую или круглую вершину. Курганы этой группы часто снабжены дополнительными выкладками в виде колец вокруг насыпи или рядом с нею в виде полумесяцев или дорожек, а иногда и прямоугольных выкладок [Бернштам 1941: 16]. Впоследствии, конструкции курганов Берккары будут считать за основу в построении аналогий памятников не только Таласской долины, но и всего Жетысу [Кибиров 1959].

Интересным является соотношение размеров кургана с людьми, захороненными в них — средние по размерам женские, в маленьких же покоились дети. Как и в любом другом погребальном комплексе эпохи, обнаружено большое количество сосудов, а также железные односторонние ножи, прясла от веретен, поделки из бронзы и золота. Среди украшений, найденных в погребениях, выделяется спиралевидная золотая серьга с подвеской в виде луны, нашивки на одежду в виде штампованных и вырезных пластинок и т.п. Особенно следует отметить находку бронзовой поясной бляхи с изображением головы льва, держащего в пасти птицу, голова которой является крючком застежки. Пряжка представляет интереснейший в историческом отношении предмет, своим происхождением связанный с традицией скифского искусства.

Большой интерес имеет обособленная группа курганов с захоронениями воинов. В этих курганах были найдены трехгранные с черенком железные и костяные стрелы, эфес кинжала, нефритовая чашечка, видимо китайской работы, и разнообразный набор украшений. Крупные богатые курганы, принадлежащие знати, грабились еще в древности и дают поэтому весьма скудный материал. Любопытен факт нахождения в кургане этого типа керамики и осколков металлического зеркала, явно не местного происхождения [Бернштам 1940: 42-48].

Изучение Берккаринского могильника А. Н. Бернштамом, предоставило значительный объем материала для исследования истории древних кочевых обществ. Проведенные раскопки позволили выявить социальную структуру населения. Археологические находки подтверждают культовые представления кочевников, включая поклонение небесным телам.

А. Н. Бернштам относил Берккаринский могильник к племени кангюй, и в дальнейшем считал, что Берккаринский и Кенколский тип памятников, характеризуют целые периоды со своими особенностями в близком расположении друг к другу, и генетически связаны. Необходимо отметить факт, что предположение об отношении памятника к кангюй, А. Н. Бернштам сделал на основе разбора «Цянь Хань шу» (Книга о Ранней [династии] Хань).

После А. Н. Бернштама, могильник, изучался несколько раз. Продолжать работу на могильнике предстояло Г. Г. Бабанской, она так же как и ее предшественник высказала тезис о преемственности сакской и усуньской культур. Изучив несколько групп памятников, исследовательница, не изменила теоретическим наработкам А. Н. Бернштама, но утверждала об отличности данного памятника, от других, рядом разнообразных конструкций [Бабанская 1956: 203].

А. Г. Максимова же, напротив, стала первой, кто отверг теорию принадлежности могильника к кангюям. Исследовательница утверждала о многочисленных аналогиях инвентаря и традиций с усуньскими памятниками Жетысу. На керамическом материале были сделаны некоторые выводы, заключающиеся в широком временном диапазоне погребений от I-V вв. н.э. Материала раскопок 10 курганов оказалось достаточно для пересмотра предыдущей теории принадлежности могильника [Максимова 1962: 100]. А. Г. Максимова, впоследствии, также будет рассматривать памятники саков и усуней в качестве сопоставимых и генетически однородных, на основе планиграфических особенностей погребальных конструкций.

А. М. Досымбаева при систематизации всех погребальных памятников Жетысу дотюркской эпохи, методом сопоставлений и аналогий, подтвердила принадлежность Берккаринского мо-

гильника к усуньскому времени. Исследовательница заметила, что «хронологически укладываемая в рамки описываемой эпохи, конструкции Бериккары настолько многообразны и сложны, что однозначный интерпретационный подход к памятнику неприемлем» [Досымбаева 2007: 31].

В 2017 году на памятнике были проведены работы охранно-спасательного характера. Было раскопано 5 курганов, диаметром от 9 до 17 м. Все погребения производились в простых грунтовых могилах, ориентированных по линии запад-восток. Над могилами возводилась невысокая насыпь, которая заметна лишь по скоплениям камней из крупной щебенки с плитняком, с включениями мелких камней, склоны которой перекрывались слоем щебня и мелкой гальки. Все курганы потревожены, из находок — в кургане 1: круглое бронзовое зеркало дисковидной формы, бронзовые браслет и шпилька, и пара раздавленных сосудов [Бексеитов 2018].

Исследование Берккаринского могильника начатое А. Н. Бернштамом, занимает значительное место в археологических исследованиях Казахстана. В данной статье были освещены цель и задачи исследования, которые включали в себя систематизацию сведений, полученных при раскопках, анализ научных взглядов на соотнесение могильника к той или иной культуре.

Результаты исследования показали высокую значимость раскопок Берккары как первого крупного исследования памятника раннего железного века на территории нашего государства. Дискуссии по поводу отождествления памятников с оставившими их племенами, важны для понимания и интерпретации исторических событий и процессов в регионе.

Исследование Берккаринского могильника оставляет глубокий след в археологическом наследии Казахстана. Благодаря работам ученых, таких как А. Н. Бернштам, Г. Г. Бабанская и А. Г. Максимова, нам предоставлен ценный материал для понимания истории древних обществ и их культурных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

Бабанская Г.Г. Берккаринский могильник. (К некоторым итогам изучения памятника) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. 1. Археология. Алма-Ата: АН КазССР, 1956. С. 189-206.

Бексеитов Г.Т. Тулегенов Т.Ж. Оспанов Е.Б. Сатаева Б.Е. Проведенные 2017 году полевые археологические исследования на аварийных курганах Бериккара (Жамбылская область) // Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Исторические и социально-политические науки», №4(59), 2018 г. С. 295-309.

Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // Советская археология. М.; Л.: АН СССР, 1949. XI. С. 337-384

Бернштам А.Н. Из истории гуннов I в. до н. э. // Советское Востоковедение. Т. I. М.: Академия Наук СССР Институт Востоковедения, 1940. С. 23.

Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1941. 66 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии. М.-Л.: АН СССР, 1952. № 26. 347 с.

Бернштам А.Н. Археологические работы в Семиречье // КСИИМК. М.-Л.: АН СССР, 1940. Вып. IV. С. 42-48

Досымбаева А.М. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам археологии). Алматы, 2007. 216 с.

Кибиров А.К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. 1953-1955 гг. // ТКАЭЭ. Т. II. Фрунзе, 1959. С. 63-138.

Максимова А.Г. Погребальные сооружения скотоводческих племен // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма Ата: АН КазССР, 1962. Т.14. С. 97-109.

Диас Кумырбаевич Жанатаев¹

¹магистрант 1 года обучения,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Россия; dias.zhanatayev.02@gmail.com

НАБОРНЫЕ ПОЯСА КАЗАХОВ И ЯКУТОВ (САХА) XIX–XX вв.: СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В данной статье рассматриваются наборные пояса кочевников Центральной Азии и Сибири, представляя их как ключевые элементы, отражающие культурные особенности этих обществ. Сравнительный анализ, основанный на примерах казахской и якутской культур, выделяет общие традиции и способы оформления, позволяя глубже понять влияние этих предметов на социальные и культурные аспекты жизни кочевников. Статья призвана обогатить текущее представление о кочевничестве, предоставляя новые направления для будущих исследований в этой области.

Ключевые слова: археология, этнография, наборный пояс, пояс, казахи, якуты, саха, Казахстан, Якутия.

Қазақтар мен якуттардың (саха) XIX–XX ғғ. әшекейлі белдіктері: салыстырмалы-типологиялық талдау

Аннотация. Бұл мақала Орталық Азия мен Сібір көшпенділерінің әшекейлі белдіктері қарастырылып, оларды осы қоғамдардың мәдени ерекшеліктерін көрсететін негізгі элементтер ретінде ұсынады. Қазақ және якут мәдениеттерінің мысалдарына негізделген салыстырмалы талдау бұл бұйымның көшпенділер өмірінің әлеуметтік және мәдени аспектілеріне әсерін тереңірек түсінуге мүмкіндік беретін жалпы дәстүрлер мен рәсімдеу тәсілдерін бөліп көрсетеді. Мақала осы саладағы болашақ зерттеулерге жаңа бағыттар бере отырып, көшпенділік туралы қазіргі түсінікті байытуға бағытталған.

Түйін сөздер: археология, этнография, әшекейлі белдіктер, белдік, қазақтар, якуттар, саха, Қазақстан, Якутия.

Typesetting belts of Kazakhs and Yakuts (Sakha) 19th-20th century: comparative typological analysis

Abstract. This article examines the inlaid belts of the nomads of Central Asia and Siberia, presenting them as key elements reflecting the cultural characteristics of these societies. A comparative analysis based on examples of Kazakh and Yakut cultures highlights common traditions and methods of decoration, allowing for a deeper understanding of the influence of these objects on the social and cultural aspects of the life of nomads. The article aims to enrich the current understanding of nomadism, providing new directions for future research in this area.

Keywords: archeology, ethnography, typesetting belt, belt, Kazakhs, Yakuts, Sakha, Kazakhstan, Yakutia.

Материальная и духовная культура является неотъемлемым аспектом изучения образа жизни и мировоззрения в исторических исследованиях. Всестороннее изучение материальной культуры дает целостную картину исторической действительности. Одним из составных элементов как материальной, так и духовной культуры является одежда. В рамках данной работы внимание будет направлено на изучение наборных поясов казахов и якутов (саха) как составного элемента костюма.

Целью исследования является — сравнить наборные пояса казахов и якутов (саха) и выявить общие аспекты, закономерности, а также отследить истоки их возникновения.

Для выполнения установленной цели были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть материалы, технологию и способ изготовления;
- изучить семантико-религиозную составляющую;
- проанализировать орнаментацию, декор, оформление и отделку поясов.

Тема изучения наборных поясов отражена в исследованиях В. Н. Добжанского, В. П. Курылева, А. И. Саввинова, К. С. Ахметжана, Л. Р. Павлинской, С. И. Петровой и т.д. В своих работах исследователи проанализировали обширный материал о наборных поясах кочевых народов Сибири и Центральной Азии, а также сопредельных территорий для проведения аналогий. В ходе изучения исследователи привлекли данные из археологических, этнографических и музейных материалов. Однако, целенаправленное, специализированное изучение наборных поясов казахов и якутов (саха) XIX-XX вв. не проводилось. Именно по этой причине данное исследование является актуальным, так как позволит выявить родство и сходство между центральноазиатскими сибирскими кочевниками.

В качестве основы для изучения послужили опубликованные материалы вышеупомянутых археологов, этнографов, историков, реконструкторов. Так же в работу включены ранее опубликованные автором материалы.

В работе применены следующие методы исследования: сравнительный, типологический, хронологический, семиотический.

Вводная часть. Наборный пояс является важным атрибутом традиционного костюма, имеет богатую историю и символизм в культуре как казахов, так и якутов (саха) [Тишкин, Матренин, Кунгуров 2015: 121]. Визуальные изменения, которые он претерпел, свидетельствуют о его эволюции. Такие пояса не только служили для функциональных целей, но и имели символическое значение, отражая культурные и социальные аспекты обществ, в которых они использовались. Различия в декоре и элементах украшения отражают как традиции местного народа, так и особенности каждого пояса [Добжанский 1990: 45-50].

В обществе казахов и якутов (саха) наборный пояс выполнял 3 основные функциональные задачи: практическую (утилитарную), защитную (магико-религиозная) и статусную (социальную).

Практическая (утилитарная) функция заключалась в использовании пояса для фиксации костюма и подвешивания различных предметов, оружия, сумочки и других аксессуаров. Таким образом пояс выступал не только в роли украшения, но и функциональным элементом парадного костюма.

Магико-религиозная функция подразумевала защиту владельца от воздействия «темных сил» с помощью декоративных мотивов на металлических деталях пояса и подвешивания различных украшений. Декор и узоры могли иметь особое сакральное значение связанное с верованиями народа.

Статусная (социальная) функция состояла в том, чтобы пояс был не только функциональным и защитным элементом, но и символом социального статуса его владельца. Дизайн, материалы и украшения на поясе могли отражать не только ремесленное мастерство, но и социальное положение носителя [Жанатаев 2024: 326]

Традиции и обычаи. Пояс в традиционной культуре казахов и якутов (саха) имеет глубокий символический смысл, связанный с инициацией во взрослый мир и мужским становлением. У якутов пояс надевался на мальчика, когда тот садился в седло, что символизировало его готовность к взрослой жизни и участию в трудовой деятельности [Павлинская 2006: 306]. В случае казахов описывается, что опоясывание происходило в подростковом возрасте 13-15 лет, что также отмечало начало мужского становления и готовность к полноценной трудовой деятельности [Жанатаев 2023: 388].

Типологизация. Внешний вид наборных поясов казахов и якутов (саха) позволяет разделить их на три вида: мужской, женский, детский. Такое разделение основывается на визуальных, структурных и конструкционных особенностях в изучении наборных поясов. Наиболее развернуто отражены и исследованы мужской и женский тип наборного пояса. Характерная структура, материалы изготовления, внешняя отделка, декор и другие аспекты выступают маркерами их принадлежности. Таким образом в изучении наборных поясов якутов и казахов выделяется два основных вида:

А) У якутов выделяются два типа поясов: I — узкие пояса (шириной 3-5 см); II — широкие пояса (шириной 6-10 см) [Саввинов 2001: 55];

Б) У казахов также выделяются два типа поясов: I — узкие пояса (шириной 2,5-5 см); II — широкие пояса (шириной 6-8 см) [Курылев 1989: 91].

Пояса якутского I и II типа существовали параллельно друг с другом и имели различную конструкцию. Пояса I типа, преимущественно узкие, были обычно цельными, в то время как пояса II типа были составными. Узкие пояса состояли из нескольких фрагментов кожи, соединенных металлическим кольцом, что придавало им эластичность [Павлинская 2006: 313]. Казахские наборные пояса имели схожую конструкцию, за исключением отсутствия составной конструкции у узких поясов, которые были цельными [Жанатаев 2023: 327].

Материал и технология изготовления. Материалом для изготовления поясов у казахов и якутов служила коровья или конская кожа. Основой у якутского пояса служила двойная кожаная полоса, сложенная пополам и прошита швом вдоль по центру. Шов мог проходить как по лицевой, так и по тыльной стороне, т.е. это зависело от расположения металлических фурнитуры на поясе. Если бляшки и пластины находились на расстоянии друг от друга, тогда шов проходил на тыльной стороне. Противоположная структура была если на лицевой стороне пояса установлен сплошной ряд накладных пластин, в таком случае шов проходил по лицевой стороне. В качестве ниток народ саха использовали жилы животных и конский волос [Павлинская 2006: 308-310].

Аналогично изготавливался наборный пояс казахов, но с рядом различий: а) пояс мог состоять из 2-5 слоев; б) в некоторых случаях прошивался не по центру, а по верхнему и нижнему краю; в) металлическая фурнитура крепилась на расстоянии друг от друга, вне зависимости от шва. В казахском варианте для шва служили жильные нитки [Валиханов 1961: 100].

Система соединения. Особое внимание заслуживает и способ застегивания поясов. Широкие якутские пояса застегивались на стальные пряжки с подвижным язычком, которые прикреплялись к крайним накладным металлическим пластинам. Сами пряжки устанавливались на обоих концах пояса, а через них пропускались специальные узкие ремешки, пришитые к поясу с внутренней стороны. Пояса узкого типа имели две пряжки восьмигранной формы на обоих концах, т.е. они вставляются друг в друга [Павлинская 2006: 316]. Казахские широкие пояса застегивались аналогично через пряжку с язычком, а узкие в отличие от якутских соединялись посредством крючка [Жанатаев 2024: 393].

Подвесной инвентарь. Первоначально на поясе носились налучье с луком, колчан со стрелами, нож с ножнами, амулеты, огниво и сумочка с наполнением (огнива, сало, точильный

камень и т.д.), а позднее подвешивалась пороховница. Поясной инвентарь подвешивался двумя основными способами: 1) посредством колец, которые продевались в дужки металлических накладных пластин; 2) через специальные подвесные ремешки продетые и пришитые по нижнему краю пояса (не получил широкого применения с якутов) [Саввинов 2001: 54]. У казахских поясов распространение получил второй способ подвешивания [Жанатаев 2024: 395].

Определенное сходство наблюдается в способе крепления накладных пластин на кожаную основу пояса. Установка металлической накладной пластины осуществлялось при помощи штырька или шпеньков, которые продевались в отверстие пластины с внешней стороны пояса и расклепывался с внутренней, что позволило плотно закрепить их [Саввинов 2001: 53].

Декор и отделка. Украшение пояса различными металлическими, деревянными, кожаными и тканевыми элементами является важным аспектом атрибутики. Представители народа саха (якуты) украшали пояса медью и золотом, но более широко применялось и серебро. Примечательно, что узкие пояса украшались медью, а широкие только серебром. Украшение пояса медью, железом, серебром и золотом имеет свою семиотическую нагрузку, что олицетворяет мифологические, мистические и религиозные верования якутов. Золото является олицетворением солнца, Верховного божества, Мирового древа, священной птицы, небесного огня, стихии света, а также и мужское начало (оплодотворение). Серебро представляет символ верхнего мира, но семиотически связано с ночным небом, луной, а иногда с женским началом (порождением). Медные изделия олицетворяют Земной мир и является маркером духов-предков, духов-хозяев земли и теллурических божеств. Железные атрибуты в свою очередь выступают символом подземного мира. Однако, в некоторых случаях металлы могут принимать на себя функциональные и смысловые нагрузки другого металла, т.е. медь — золото, серебро — железо и наоборот [Павлинская 2006: 323-324]. Пояса у казахов зачастую украшены национальными орнаментами, а некоторых случаях имеют надписи (имена владельца или мастера, год исчисления, тамгу и т.д.).

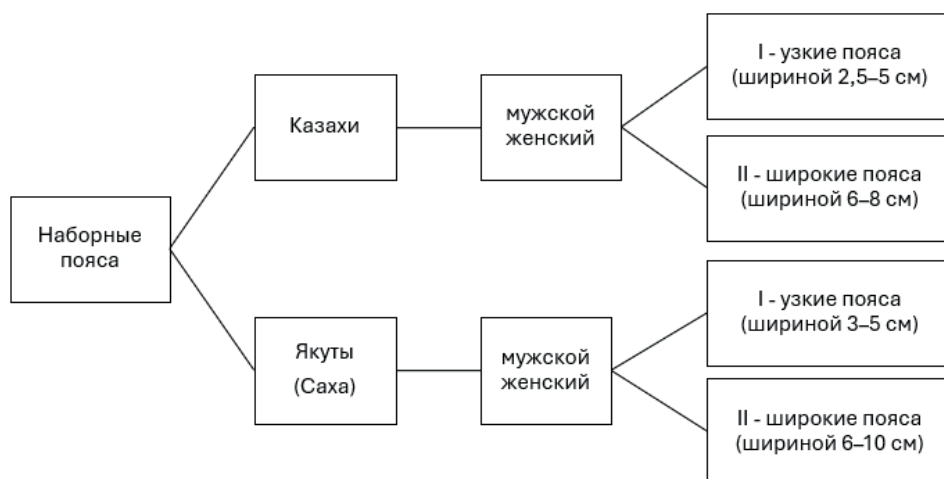

Схема авторская

Подводя итоги, автор исследования наблюдает определенное сходство между казахскими и якутскими наборными поясами. Автор склонен считать, что подобное явление объясняется наличием и влиянием компонента общетюркской культурой. Однако анализ показал, что имеются и различия, которые вполне вероятно показывают локальные пути развития пояса в рамках традиционной культуры казахов и якутов. По мимо этого автор склонен считать, что существенное влияние на наборный пояса, а именно сходства и различия оказал кочевой образ северных и центральноазиатских кочевников. В рамках работы автор сосредоточил основное внимание на таких факторах: значимость, типология, материал и технология изготовления, составные элементы, поясной инвентарь и декор.

ЛИТЕРАТУРА

Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. В 5 томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской энциклопедии, 1961. С.85-114.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. // Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.

Жанатаев Д.К. Мужской наборный пояс в традиционной культуре казахов и якутов XVIII–XIX вв. // LVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Уфа, 31 января – 2 февраля 2024 г.): мат. Всерос. науч. конф. с междунар. уч. / отв. ред. И. И. Бахшиев, В. И. Мухаметдинов. Уфа: Издательство «Самрау», 2024. С. 326-329

Жанатаев Д.К. Наборные пояса казахов и якутов (саха) XIX-XX вв. в коллекциях МАЭ и РЭМ // Всероссийский форум молодых исследователей – 2023: сборник статей III Всерос. науч.-практ. конф. (25 декабря 2023 г.). В 2-х частях. Часть 1. Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2023. С. 387-401

Курылев В.П. Казахские кожаные мужские пояса в собраниях МАЭ // Памятники традиционной бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л.: Наука, 1989. С. 85-98.

Павлинская Л.Р. Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2006. Т. II. 344 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов из памятника Степушка I // Российская археология. 2015. № 1. С. 121-135.

Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов XIX – начало XX века: историко-этнографическое исследование. Новосибирск: Наука, 2001. 170 с.

Иван Иванович Портнягин¹

*¹магистрант 1 года обучения,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Россия; alexistrapezund@gmail.com*

ФОРМИРОВАНИЕ СИНКРЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ У ЯКУТОВ В XIX В

Аннотация. В статье исследуется уникальное религиозное самосознание в Якутии, обусловленное историей мирного сосуществования различных верований. Особое внимание уделяется роли архиепископа Иннокентия в интеграции якутской культуры в православие, что способствовало синтезу веры и традиций, формируя особое религиозное выражение в регионе. Анализируются процессы религиозного двоеверия, переводы священных текстов на якутский и влияние этих действий на межконфессиональное взаимопонимание и толерантность.

Ключевые слова: религия, христианство, Якутия, религиозный синкретизм, православие.

Якуттарда синкреттік көзқарастардың қалыптасуы 19 ғ

Аннотация. Мақалада Якутиядағы әртүрлі нанымдардың бейбіт қатар өмір сүру тарихымен байланысты мұндағы бірегей діни өзін-өзі тану зерттеледі. Сенім мен дәстүрлердің синтезіне ықпал етіп, бұл аймақтағы ерекше діни көріністі қалыптастырған Якут мәдениетін православие дініне біріктірудегі архиепископ Иннокентийдің рөліне ерекше назар аударылады. Діни синкретизм үдерістері, қасиетті мәтіндердің якут тіліндегі аудармалары мен бұл әрекеттердің конфессияаралық түсіністік пен төзімділікке әсері талданады.

Түйін сөздер: дін, христиандық, Якутия, діни синкретизм, православие.

Formation of syncretic views among the Yakuts in the 19th century

Abstract. The article explores the unique religious identity in Yakutia, conditioned by the history of peaceful coexistence of different faiths. Particular attention is paid to the role of Archbishop Innocent in the integration of Yakut culture into Orthodoxy, which contributed to the synthesis of faith and traditions, forming a special religious expression in the region. The processes of religious dual faith, translations of sacred texts into Yakut and the impact of these actions on interfaith understanding and tolerance are analyzed.

Key words: religion, Christianity, Yakutia, religious syncretism, Orthodoxy.

Изучение религиозного самосознания в современном мире действительно крайне важно, особенно в свете обострения религиозных конфликтов во всем мире. В Якутии долгая история сосуществования религиозных групп в рамках единого государственного устройства сформировала уникальный религиозный климат, характеризующийся терпимостью. Этот исторический фон сформировал в обществе этику, которая ценит разнообразие, способствует межконфессиональному диалогу и взаимопониманию между различными религиозными общинами.

Целью исследования заключается в изучении исторических условий интеграции якутов в Российское государство

Задачи исследования:

- Изучение взаимодействию между православными христианскими учениями и традиционными верованиями якутов;
- Изучение просветительской деятельности, направленную на уважение и образование

культуры якутского народа, с учетом исторического значения православного миссионерства в регионе.

Исторический контекст православного миссионерства в Якутии проливает свет на нюансы подхода к христианизации, отличающие ее от других регионов Российской империи. Отсутствие горьких воспоминаний о насильственной христианизации, проводимой в других регионах России [Шишигин 1991: 18], среди якутов свидетельствует о более гуманной и культурно чувствительной миссионерской деятельности по сравнению с другими регионами. До конца XVIII века христианство в Якутии распространялось в основном среди русских поселенцев, а церкви возводились в русских острогах. В это время усилия по активному обращению якутского населения были минимальны.

Подлинная христианизация Якутии часто приписывается архиепископу Иннокентию (Вениаминову), выдающемуся священнослужителю и миссионеру, известному своим новаторским и уважительным подходом. Прибыв в Якутск, архиепископ Иннокентий осознал важность проведения богослужений на якутском языке. В отличие от миссионеров в других регионах, которые стремились к христианизации как к пути к русификации, архиепископ Иннокентий принял идею сохранения якутской культуры и языка в контексте христианства. Его акцент на богослужении на якутском языке отражал искреннее уважение к обычаям и традициям якутов, признавая важность языка в сохранении культурной идентичности. Это контрастировало с тактикой принудительной ассимиляции, применяемой миссионерами в других регионах, где язык и культура были подчинены цели русификации.

Подход архиепископа Иннокентия является примером модели миссионерской работы, которая ставит во главу угла культурную восприимчивость, взаимопонимание и уважение к традициям коренных народов — свидетельство гармоничного сосуществования христианства и якутской культуры в Якутии.

Создание в 1855 году под руководством протоиерея Димитрия Хитрова (впоследствии епископа Якутского и Вилюйского Дионисия) комитета по переводу священных и богослужебных текстов на якутский язык стало важной вехой в истории православной церкви в Якутии [Международная программа... 1996: 6].

В результате быстрой работы этого комитета в 1857-1858 годах было издано восемь книг, в том числе Евангелие, на якутском языке [Святитель Иннокентий (Вениаминов) в Якутии 2015: 17]. 19 июля 1859 года произошло знаменательное событие — владыка Иннокентий совершил первую литургию на якутском языке в Троицком соборе Якутска. Оно символизировало локализацию и индигенизацию православного богослужения в Якутии, отражая глубокую приверженность к интеграции якутского языка и культуры в религиозную практику региона.

Усилия архиепископа Иннокентия не ограничились простым переводом текстов: он смело включил в богослужение элементы языческих обрядов и даже использовал собственные имена из якутского пантеона богов при переводе Священного Писания. Воплощая аспекты традиционных верований и культуры якутов в рамках христианства, архиепископ Иннокентий продемонстрировал глубокое уважение к наследию и духовным традициям якутского народа. Этот новаторский подход не только способствовал доступности христианского учения для якутского населения, но и воспитал чувство культурной преемственности и инклюзивности внутри религиозной общины.

Новаторская деятельность архиепископа Иннокентия является примером гармоничного синтеза христианской веры и традиций коренных народов, способствующего формированию религиозного самовыражения в Якутии.

Подход архиепископа Иннокентия к православному миссионерству в Якутии отражает глубокое понимание важности культурной восприимчивости и постепенной интеграции христианского учения в существующие духовные рамки якутского народа. Признавая потенциальные ловушки,

связанные с жестким навязыванием многовековых православных норм, архиепископ Иннокентий отдавал приоритет христианизации чувств, мыслей и восприятия как основополагающему аспекту процесса обращения.

Понимая, что буквальное исполнение православных норм чревато неправильным толкованием и ассимиляцией с элементами языческого мировоззрения, архиепископ Иннокентий выступал за мягкий и постепенный подход к внедрению православия в сознание якутского народа.

Взяв на вооружение концепцию двоеверия, которая допускала сосуществование традиционных якутских верований наряду с христианскими учениями, архиепископ Иннокентий стремился к гармоничному сочетанию духовных практик. Эта тонкая стратегия не только уважала культурное наследие и религиозные традиции якутского народа, но и делала акцент на трансформации внутренних убеждений и взглядов как ключевом аспекте христианизации. Благодаря такому подходу архиепископ Иннокентий стремился заложить прочный фундамент для принятия православных принципов и ценностей в контексте якутского духовного мира.

В политике Иннокентия и его ученика и последователя Дионисия очень важное место занимала просветительская деятельность [Харченко 2004: 114]. И роль двух первых православных владык Якутска в развитии культуры, образования, в социальном прогрессе якутского народа и сейчас по достоинству оценивается якутской общественностью.

Изучение исторических условий интеграции якутов в Российское государство через призму взаимодействия православных христианских учений и традиционных верований якутов позволяет понять важность уважения и сохранения культурного наследия народа. В контексте исследования просветительской деятельности, направленной на образование и уважение культуры якутского народа, видно, что православное миссионерство в регионе играло значительную роль.

Архиепископ Иннокентий и его подход к миссионерской деятельности в Якутии являются ярким примером гармоничного синтеза христианских учений и традиций коренных народов. Их уважительное отношение к якутской культуре, языку и верованиям, а также просветительская работа, способствовали созданию позитивного взаимодействия между православием и якутской идентичностью.

Исследование исторических примеров взаимодействия и адаптации православия к местным условиям позволяет лучше понять процессы интеграции и сосуществования различных культур и верований. Поддержка культурной восприимчивости, уважения к традициям и разнообразию убеждений сыграли ключевую роль в процессе принятия и адаптации христианских учений в контексте якутского духовного мира.

ЛИТЕРАТУРА

Международная программа «Иннокентий (Вениаминов) – просветитель Аляски и Якутии»: Святитель Иннокентий - Митрополит Московский и Коломенский (1797-1879). 1996. С. 6.

Святитель Иннокентий (Вениаминов) в Якутии: сборник документов // Якут. и Лен. епархия Рус. Православ. Церкви, Департамент по арх. делу Респ. Саха (Якутия), ГКУ РС(Я) «Нац. архив Респ. Саха (Якутия)», 2015. С. 17.

Харченко Л.Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири (вторая половина XIX в. - февраль 1917 г.). Очерк истории. СПб: «Нестор», 2004. С. 114.

Шишигин Е.С. Распространение христианства в Якутии. Якутск, 1991. 116 с.

Саргылана Михайловна Михайлова¹, Саина Андреевна Михайлова²

¹магистрант 2 года обучения,
s.mhlva@gmail.com

²магистрант 1 года обучения,
smkhlv@mail.ru

Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

РОЛЬ ПИЩИ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАЗДНИКАХ ЯКУТОВ И КАЗАХОВ: ЫСЫАХ И НАУРЫЗ

Аннотация. В статье рассматриваются национальные праздники якутов и казахов, а именно религиозно-мифологические представления, традиционная кухня, Национальные праздники являются отражением культуры и мировоззрения этнической группы, которые сочетают в себе также традиционную кухню народа. Еда на праздниках преподносится не только как знак имущественного и социального статуса принимающей стороны, но и в ее сакральном значении. В статье авторами предпринят анализ и сравнение двух праздников, символизирующих Новый Год, начало хозяйствования, возрождение природы и победы добра над злом, а также их современная роль и проведение.

Ключевые слова: традиционная кухня, Ысыах, Наурыз, якуты, казахи, еда, национальный праздник, Айыы.

Ысыах және Наурыз: якуттар мен қазақтардың ұлттық мерекелеріндегі тағамның рөлі

Аннотация. Мақалада якуттар мен қазақтардың ұлттық мерекелері, олардың діни-мифологиялық түсініктері мен дәстүрлі тағамдары қарастырылады. Бұл мерекелер діни және мифологиялық нанымдарда ғана емес, сонымен қатар аспаздық дәстүрлерде де көрініс табатын этникалық топтардың мәдениеті мен дүниетанымының маңызды аспектісі болып табылады. Авторлар мерекедегі тағамның рөлі әлеуметтік және материалдық мәртебенің көрсеткіші ретінде ғана емес, сонымен қатар олардың киелі мағынасы тұрғысынан да зерттейді. Мақалада Жаңа жылды, ауылшаруашылық жылдың басталуын, табиғаттың жандануын және жақсылықтың зұлымдықты жеңу тақырыбын бейнелейтін екі мерекеге талдау және салыстыру жүргізіледі. Сондай-ақ осы мерекелердің қазіргі таңдағы рөлі мен атап өтілуі қарастырылады.

Түйін сөздер: дәстүрлі тағамдар, Ысыах, Наурыз, якуттар, қазақтар, ас, ұлттық мереке, Айыы.

The role of food on the national holidays of the Yakuts and Kazakhs: Ysyakh and Nauryz

Abstract. The article examines the national holidays of the Yakuts and Kazakhs, namely religious and mythological representations, traditional cuisine, all this reveals their views and attitudes on the holidays of Ysyakh and Nauryz. National holidays reflect the culture and worldview of an ethnic group, which inherently combine the traditional cuisine of the people. Food on holidays is presented not only as a sign of the property and social status of the host party, but also in its sacred meaning. In the article, the authors undertake an analysis and comparison of two holidays symbolizing the New Year, the beginning of management, the rebirth of nature and the victory of good over evil, as well as their modern role and conduct.

Keywords: traditional cuisine, Ysyakh, Nauryz, Yakuts, Kazakhs, food, national holiday, Ayy.

Праздник прошлого неразрывно связан с мифом (особой формой сознания древнего человека, сопряжённой со знанием о мире) — часто в его пределах воссоздавалась мифологическая первоситуация [Кибалко, Борисов 2019: 36]. По определению И. В. Октябрьской «праздник» — это выражение свободы от напряжения будней и радость от ее обретения.

Архаичные праздники возникли в обществах прошлого, где цикличность играла важную роль, и символизировали возвращение к моменту глобального становления мира. В традиционной культуре праздник был важной частью жизненного цикла, сочетая в себе как утилитарные, так и священные аспекты, направленные на поддержание жизни в течение нескольких поколений.

Современные исследования также отмечают, что в результате модернизации традиционные праздники претерпели существенные изменения, адаптировавшись к новым социокультурным условиям: ослабла связь с повседневными практиками, упростился ритуально-мифологический и магический контекст, изменились функции. Тем не менее, их символические коды, связанные с идеями свободы, радости и творчества, остаются актуальными в любом контексте [Новосибирская область: этноконфессиональный атлас... 2017].

М. М. Бахтин считает праздник «первичной формой человеческой культуры» [Бахтин 1990: 13]. Как отмечает М. Элиаде, любой праздник всегда разворачивается в начальном времени. Именно восстановление начального и священного времени и отличает поведение человека во время праздника, от его поведения до и после. Во многих случаях во время праздника люди совершают те же поступки, что и в обычные периоды жизни, но религиозный человек верит, что в праздник он живет в другом Времени, что он смог обрести мифическое *illud tempus* [Элиаде 1994: 48-52].

В рамках изучения праздника как социокультурной динамики нами предлагается рассмотреть такой аспект как традиционная пища. Каждый праздник имеет под собой мифологические основания, в основе двух праздников, несмотря на месяцы проведения, лежит символ окончания долгой зимы и наступления тепла, рождения природы и нового начала. Пища, являясь частью традиционной культуры, транслирует этнокультурный код на национальных праздниках.

Традиционная кухня является одной из составляющих компонентов традиционно-бытовой культуры каждой этнической общности, отражает в себе элементы как материальной, так и духовной культуры народа. Через пищу можно проследить процесс адаптации к условиям существования, взаимодействия с окружающей средой проживания, увидеть отражение религиозных воззрений и духовных ценностей народа. Якуты и казахи — это родственные народы, имеющие общие корни происхождения, которые берут свое начало с эпохи ранних кочевников-саков [Артыкбаев 2018: 57-58]. Тюркский компонент обоих народов, повлиял на становление и развитие их традиционной культуры, поэтому как в материальной, так и в духовной практике якутов и казахов можно рассмотреть схожие элементы.

Цель данного исследования: сравнение двух национальных праздников через призму традиционной пищи и религиозно-мифологических воззрений якутов и казахов.

Предметом нашего исследования выступают национальные праздники Ысыах и Наурыз, объектом исследования — празднование, в частности, религиозно-мифологическая основа праздников и традиционная пища якутов и казахов.

Ысыах — это национальный праздник якутов, символизирующий начало Нового года. По определению Н. А. Алексеева: Ысыах — это отражение этнической специфики народа Саха, в праздничном процессе которого ярко выражены все элементы традиционной культуры [Алексеев 1975: 65]. Одна из версий названия «Ысыах» в том, что происходит от слова *ыс* — кропить или обрызгивать [Эргис 1974: 154], а обряд *Кымыс ыһыыта* — кропление или обрызгивание кумысом земли и огня является одним из центральных событий празднества. Основателем и устроителем данного праздника является один из прародителей народа Саха — *Эр Соготох*

Эллэй. Так, в устной памяти народа сохранилось что, отъехав от тестя, *Эллэй* построил себе урасу, скотный загон, завел дымокур с оградкой, впервые сделал разнообразную кумысную посуду. Затем, выдаивая кобыл, стал копить кумыс. По окончании всех приготовлений он пригласил тестя (*Омогой-Баайа*) и тещу ко дню держания вверх чаши с кумысом. По легендам, держали чаши в честь Аал Уот Иччитэ, потом *Айыы Тойона*, в следующую очередь — подательницы *Иэйэхсит*, создательницы *Айыыһым* [Ксенофонов 1977: 33-34].

Современный Ысыах проводится в новых культово-обрядовых местах — *түһүлгэ* (түсүлгэ). Сегодня в каждом районе есть свои культовые места для проведения священного праздника. Традиционно *түһүлгэ* у якутов воспринимается как круг, в форме которого собравшиеся садятся по праздничному поводу или для решения повседневных вопросов. А. И. Яковлев, К. М. Яковлева, С. И. Федоров, А. Р. Федорова определяют в своем исследовании *түһүлгэ* как комплекс современных якутских культовых сооружений и играет важную роль в современной Якутии, представлении государства и общества, а также местом современной памяти, позволяет человечеству преодолеть накопившийся «культурный шок», осмыслить процесс культурной глобализации, найти свое место в огромном и меняющемся мире, найти опору для ответа на вызовы времени [Яковлев и др. 2023: 366].

Важным составляющим праздника является обряд кумысопития — *айах тутуу*, значение которого в притягивании плодородия, благополучия и счастья. Е. Н. Романова приводит: «Кумысный фестиваль» (так называли Ысыах зарубежные исследователи) особое внимание уделял ритуалу кумысопития и самому кумысу — как священному напитку якутских божеств» [Романова]. Считается, что кумыс являясь молочным продуктом, имеет отсылку к божествам *Айыы*, т.к. у якутов любая молочная пища называется *үрүң ас*, в котором слово *үрүң* в своем сакральном значении идентифицируется с верховным божеством *Үрүң Аар Тойон*. Использование кумыса в структуре проведения праздника Ысыах используется в начале во время обряда встречи солнца (как правило — встреча рассвета или первых лучей солнца), а также во время открытия самого праздника.

Согласно мировоззрению якутов, весь окружающий мир наделен своим *кут-сүр*, представляющим собой основу жизненного начала, который помещен в материальном предмете, в том числе и в продуктах питания. И на основе данного представления, якутами обусловлена практика жертвоприношения пиццей [Саввин 2013: 39]. То есть духи и божества, питаются энергией, не нарушая его материальный облик. Вовремя *ысыах* проводится *алгыс* — обряд прошения благословения, затем кумысокропление и кумысопытие. *Алгысчыт* (жрец) обращается к божествам с помощью кормления огня кумысом, оладьями, *саламат* и *сиэл*. На всех проходящих обрядах праздника ысыах национальная пища якутов выступает как символ жертвоприношения верховным божествам *Айыы* в знак прошения благополучного, плодородного года, здоровья, удачи, счастья, просьбы простить грехи и обиды.

Основные божества, к которым обращались с благопожеланиями помимо верховного божества — божества, прикрепленные к традиционному хозяйственному укладу жизнеобеспечения (*Айыыһым*, *Иэйэхсит*, *Дьөһөгөй Айыы* и др.). Провозглашение животворческого, целительного алгыса сопровождается чарующими звуками хомуса, бубна, песнопением, возжиганием огня и душистых целебных трав, наполняя пространство и души людей доброй энергетикой духовности саха. Под влиянием обряда *алгыса* человек настраивается на энергоинформационную волну Света, Добра и Красоты, очищается от скверны и нацеливается на созидание. Благословенная духами Мать-Земля привечает каждого, кто внимает возвышающей эстетике *алгыса* [Сайт «Сто лет Якутской АССР»].

Пища для якутов не только источник получения энергии, но и знак демонстрации авторитета человека, материального и социального статуса. Как отмечает Р. И. Бравина: «Престижный знак пищи наглядно проявляется и в угощении гостей, что выражалось в глаголе *маанылыыр* — поч-

тить, в первую очередь угостить лучшими кушаньями» [Бравина 2013: 33]. Ысыях сопровождался большим пиром, на котором представлен весь ассортимент якутской кухни, прежде всего мясо-молочной пищи. По сведениям Е. Н. Романовой: «Анализ календаря скотоводческих народов показал, что в древности праздник Нового года был тесно связан со временем приплода скота и изобилием мяса, молока и молочных продуктов» [Романова], можно сделать вывод о том, празднование Ысыях якутами посвящен к тому периоду времени, когда мяса и молока было в изобилии. Поэтому считалось, что чем больше еды, в особенности жирной, мясной и молочной на пиру, тем богаче и авторитетнее хозяева праздника. На празднике *ысыях* можно встретить такие традиционные блюда якутов как *хаан*, *ис миинэ*, *собо миинэ*, *кус*, разновидности *уруң ас*, *лэппиэскэ*, *алаадьы*.

Таким образом, национальный праздник Ысыях является началом нового хозяйственного года (или Новым Годом), приуроченный приходу лета, культу Солнца, основные ритуальные действия приурочены задабриванию и восхвалению добрых божеств *Айыы* для счастливого года. Также основные ритуально-обрядовые действия связаны с мясной и молочной пищей. Современный Ысыях проводится на региональном уровне, так, с 1990-х гг. первый президент М. Е. Николаев объявляет дни, приуроченные празднованию Ысыях — нерабочими днями.

Наурыз — это национальный праздник у казахов, знаменующий у данного народа Новый год, праздник пробуждения природы, а также начала сельскохозяйственных работ. Как отмечают исследователи, празднование Наурыза берет начало в древнеиранских традициях — перс. Норуз, которая получила свое распространение у народов, проживающих на территории Передней и Средней Азии. [Тастаева 2021: 52]. О том, что данный праздник появился у казахов еще до принятия ислама пишет и У. Жанибеков: «...традиция «Наурыза», как известно, возникла задолго до принятия мусульманства в казахских степях» [Жанибеков 2007: 52]. Наурыз, как правило проходит с 21 по 23 марта, и накануне празднования принято приводить свой дом в порядок, нарядиться во все белое и чистое, помириться с поссорившимися людьми, вернуть свои долги. В ночь перед празднованием казахи наполняли все свои емкости молоком, айраном, зерном, ключевой водой, чтобы привлечь в предстоящем году изобилие молока, урожая и дождя.

С Наурызом связан целый ряд символов, обладающих богатой легендарной историей, а также поверий казахского народа, традиций, обрядов, в которых отразились заботы, надежды, радости людей. Согласно древнему восточному календарю, в ночь с 21 на 22 марта, в день весеннего равноденствия, наступает праздник Наурыз, от которого начинается отсчет Нового года. По народному поверью, в эту ночь на землю с небес спускается мифический персонаж — старец *Қыдыр (Қызыр)*. Эта ночь в народе называется *Қыдыр (Қызыр) түні*, а мифического старца называют *Қыдыр ата*, и считается, что он оберегает народ, приносит благополучие, счастье, удачу и вместе с тем дарит жизнь. В древности люди верили, что там, куда падал взор *Қыдыр ата*, земля освобождалась ото льда и снежных сугробов, и даже камень таял от его взора. У казахов есть традиция в день Наурыза прощать все обиды, если обиженный был не склонен прощать, то ему напоминали «в этот день даже камень смягчается или ты тверже камня?».

Қыдыр ата является символом Нового года, который в длинном одеянии ступает по всей степи и заходит в те дома, где царит чистота, лад, добро и щедрость. Поэтому задолго до начала праздника Наурыз *мейрамы* люди приводили в порядок свои жилища, хозяйственные постройки, посевной инвентарь, расплачивались с долгами, находившиеся в ссоре — мирились. Когда Новый год в *Қыдыр (Қызыр) түні* (ночь Счастья) перешагивал через порог, казахи на почетном месте зажигали две лучины, приговаривая: «Одна лучина не станет светом», в надежде, что их шанырак не обойдет священный старец [Байтенова].

А. Ш. Тургенбаева, К.Жанабаев, Б. М. Божбанбаев в своей статье приводят несколько фактов о праздновании Нового года, Новруза, термина действительно, иранского. Новруз — время равноденствия. Это весенний праздник всех восточных народов, на государственных флагах

которых мы видим солнце. Солнце было основным символом и тюркских кочевых народов. Этот символ наиболее ясно проглядывается в казахской народной сказке «Как родился Новый год». М. Бойс пишет, что некоторые исследователи даже пытались объяснить религиозное значение в ориентации дверей дворцов правителей Ахеменидов на восток, к восходу солнца. А ведь именно таким образом, входом на восток, располагались и тюркские шатры. То есть само Солнечное божество благословляло каганов, его семью и весь его род. Как и в древнем Иране месяц Нового Дня полностью совпадал с мартом-апрелем, как это празднуется сейчас. Авторы приводят основные элементы сходства древних зороастрийских ритуалов с кочевой тенгрианской культурой: 1. Культ воды и огня; 2. Церемония погребения, т.е. курганная система для царей; 3. Поклонение и почитание «фравашей» — душ усопших героев (духов). Кстати, функции фравашей те же, что и у тюркских аруахов: помогать сородичам в бою и быть с ними рядом в трудных испытаниях, поэтому, по мнению М. Бойс, они не могли находиться далеко, где-нибудь на небе или в загробном мире, они были всегда рядом, как и казахские *аруахи* [Тургенбаева и др. 2017: 63-64].

Тюрки полагали, что в ночь, накануне Нового Дня, с 21 на 22 марта, происходит борьба двух противоположных начал — светлой (белой) и темной (черной). Белая олицетворяла добро и удачу, а темная — голод, несчастья, неудачи будущего года. Поэтому они и одевались во все светлое, белое. У древних кочевников было огромное желание и даже острая потребность помочь светлым духам в этой борьбе. Поэтому кочевники совершали обильные и частые ритуальные жертвоприношения в честь бога *Йер-Суба* (*Жер-Су*, Земля-Вода), старались всеми силами угодить и духам природы, и духам предков — *аруахам* (в персидской традиции — фравашам). И если наступали суровые времена бескормицы (голода, джута), войн, болезней, то это считалось проявлением небесной кары за то, что не всегда или с нарушением были совершены те или иные обряды или принесены жертвы [Тургенбаева, Жанабаев, Божбанбаев, 2017, с. 65]. Наурыз сопровождался развлечениями — скачками, играми, песнями. В эти дни также совершалось поминовение предков. Резали жертвенное животное и устраивали общественную трапезу с чтением молитв [Ларина, Наумова 2016].

В целом, во время празднования Наурыз у казахов принято готовить много еды, в знак показа достатка и изобилия на последующий год. Дастархан накрывали в каждой семье, и перед тем, как приняться за еду и после него мулла зачитывал молитвы в честь предков, затем самый старший в роду давал бата — благославление, с целью чтобы благополучие не покидало семью. Также казахи на Наурыз готовили *бел кәтерер* — блюдо из мяса быка резаного в полдень, подающееся в основном для пожилых, дающее силу и выносливость.

Главным на торжестве является суп *Наурыз-коже* — в первую очередь ритуальное блюдо. Он состоит из 7 компонентов: мясо, жир, лук, пшеница, *курт*, *иримшик*, соль. В исследовании Э. Г. Торушева по растительной пище казахов Кош-Агачского района Республики Алтай отмечается, что желательны, если в суп будет входить мясо трех видов: конина, говядина и баранина [Полевые исследования 2020: 248].

Кроме данного блюда, также готовят *науан*, состоящий из 3 компонентов, символизирующий триединство миров, благодаря которому в дом, где его приготовили, придёт достаток и благополучие. Обязательны к присутствию на *дастархане* праздника Наурыз молочные продукты, в особенности кумыс — кисломолочный напиток на основе кобыльего молока, и мучные блюда, н-р: *баурсаки* — жареные в масле кусочки пышного теста. Также в работе Д. А. Тумабаевой указано: «Девушки могут для своих возлюбленных приготовить вкусное блюдо — *ұйқыашар* [Тумабаева 2018: 35]. Данное блюдо готовится в течение суток из остатков вяленого мяса в молозиве, казахи считают его эротическим блюдом, подающимся для мужчин, чтобы они пробудились от так называемой «зимней спячки».

Таким образом Наурыз сегодня является одним из основных праздников в национальной культуре Республики Казахстан, имеющий древние корни у народов Центральной и Средней Азии. Символизирующий также приход и начало Нового Года, имеющий традиционные религиозно-мифологические представления: почитание и благословение культа Солнца, природы, восстановления отношений между людьми, ведь начало года — всегда начало нового жизненного цикла с чистого листа.

Заключение. Сегодня национальные праздники являются местом сохранения этничности, традиционной культуры. В частности, как у якутов, так у казахов исконные религиозно-мифологические символы праздников сохраняются, трансформируясь под реалии современного мира. В процессе непрерывно меняющихся социально-культурных условий жизни людей трансформируется и отношение к традициям, когда-то появившимся в том или ином обществе, что отражается на важных элементах культуры [Руковишников 2020: 363].

Традиционная кухня выполняет одну из центральных ролей в праздновании Ысыах и Наурыз. На обоих празднествах, одну из главных ролей берет на себя пища, выступая в роли посредника, с помощью которого просится благословение и благополучие на предстоящий год, доносятся пожелания. Также во время проведения национального праздника обязательны к присутствию на праздничном столе блюда традиционной кухни обоих народов, который является основным этномаркером культурной принадлежности народа. А изобилие и богатство праздничного стола традиционными кушаньями указывают на социально-экономический уровень хозяина-устроителя праздника. Таким образом, традиционная кухня является составляющим элементом праздника, выполняющим несколько функций: сакральную, идентифицирующую и социально-статусную.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск, 1975. 239 с.
- Артыкбаев Ж.О. Общие истоки в истории и культуре казахов и саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2018. № 1(22). С. 57-63.
- Байтенова С.О. Символы и легенды древнего Наурыза [Электронный ресурс]. URL: https://skoto.ucoz.kz/publ/simvoly_i_legendy_drevnego_nauryza/1-1-0-2 (дата обращения 02.03.2024).
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
- Бравина Р.И. Традиционная пища как язык культуры якутов // Культура питания якутов: научно-популярное иллюстрированное издание / Авторы-составители: М.Н. Габышева, А.Н. Зверева. СПб.: Русская коллекция, 2013. 229 с.
- Жанибеков У. Обычаи и время. 2-е изд. доп. Астана, 2007. 198 с.
- Кибалко В.В., Борисов С.Н. Праздник и сакральное: ретроспектива // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. №5 (91). С. 35-42.
- Ксенофонов Г.В., Эллэйада М. : Наука, 1977. 245 с.
- Ларина Е.И., Наумова О.Б. Сквозь модернизацию. Традиции в современной жизни российских казахов. М.; СПб: Изд-во: Нестор-История, 2016. 304 с.
- Новосибирская область: этноконфессиональный атлас. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Ч.2.: Праздники и фестивали. 212 с.
- Руковишников Ю.С. О празднике как способе сохранения традиционной этнической культуры (на примере народов Приенисейского края) // Скиф. 2020. №2 (42). С. 363-366.

Романова Е.Н. Национальный праздник Ысыах – символ якутской культуры // Журнал «Тальцы». 2007. №1 (30). С. 37-47.

Саввин А.А. Духовные аспекты традиционной системы питания: социальные и обрядовые// Культура питания якутов: научно-популярное иллюстрированное издание / Авторы-составители: М.Н. Габышева, А.Н. Зверева. СПб.: Русская коллекция, 2013. 229 с.

Сайт Сто лет Якутской АССР. Алгыс. [Электронный ресурс]. URL: <https://100yakutia.ru/kultura-yakutii/traditions/384-algys> (дата обращения 02.03.2024).

Тастаева Ж.К. В традициях и обычаях празднования наурыза у казахского народа // Кушаев оқулары. 2021. С. 52-57.

Тумабаева Д.А. Наурыз – как праздник весеннего обновления // Человечествознание: Сборник статей XX Международной научной конференции, Кемерово, 19 марта 2018 года. Кемерово: Издательский дом «Плутон», 2018. С. 34-36.

Тургенбаева А.Ш., Жанабаев К., Божбанбаев Б.М. К историческим истокам восточного весеннего праздника Наурыз // Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней. Материалы конференции. XLII Международные научные чтения (19–20 апреля 2017 г.). Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2017. С. 59-68.

Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 406 с.

Кибалко В.В., Борисов С.Н. Праздник и сакральное: ретроспектива // Вестник МГУКИ. 2019. №5 (91). С. 35-41.

Яковлев А.И., Яковлева К.М., Федоров С.И., Федорова А.Р. Тюсюлгя мост между прошлым и будущим якутов // Современная научная мысль. 2023. №5. С. 248-255.

Валерия Тимировна Алексеева¹

¹бакалавр 2 года обучения,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Россия; leralekseevat@gmail.com

ТЮСЮЛГЭ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В контексте современных технологий и научных достижений, происходит культурная глобализация, влияющая на урбанизированный образ жизни и самоидентификацию жителей Якутии. Это отражается в изменении культурного ландшафта региона. В данной статье освещается феномен тюсюлгэ (түһүлгэ по-якутски) — особое место, предназначенное для организации национального праздника ысыах (ыһыах на якутском). Исследуется его значимость в современном обществе и вклад в сохранение уникальных традиций и верований предков. Акцентируется внимание на обновлении этнокультурной идентичности якутов через концепцию мест памяти культуры. Рассматривается влияние на духовную жизнь современных жителей Якутии и представление тюсюлгэ как священного пространства, где сообщество совершает акт рефлексии над собственной историей, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Статья представляет собой попытку исследовать, как государственные и общественные нарративы о прошлом переплетаются с личными воспоминаниями и представлениями, иллюстрируя это на примере тюсюлгэ.

Ключевые слова: тюсюлгэ, ысыах, культурная память, историческая память, религиозные сооружения, трансформация.

Тюсюлгэ: дәстүрлөр жэне қазіргі заман

Аннотация. Заманауи технологиялар мен ғылыми жетістіктер контекстінде Якутия тұрғындарының урбанизацияланған өмір салты мен өзін-өзі тануына әсер ететін мәдени жаһандану үдерісі жүрде. Бұл үдеріс аймақтың мәдени ландшафтының өзгеруінен байқалады. Мақалада ысыах (якутша ыһыах) ұлттық мерекесін ұйымдастыруға арналған ерекше орын — тюсюлгэ (якутша түһүлгэ) феномені қарастырылады. Оның қазіргі қоғамдағы маңыздылығы және ата-бабалардың бірегей дәстүрлері мен нанымдарын сақтауға қосқан үлесі зерттеледі. Якуттардың этномәдени бірегейлігін мәдениетті еске алу орындары тұжырымдамасы арқылы жаңартуға баса назар аударылады. Якутияның қазіргі тұрғындарының рухани өміріне әсер ету және халықтың жеке және ұжымдық деңгейде өз тарихына рефлексия жасайтын қасиетті кеңістік ретінде ұсынылуы қарастырылады. Мақала тарих жайлы мемлекеттік және қоғамдық нарративтер жеке естеліктермен және түсініктермен қалай қиылысатынын зерттеп тырысады, оны тюсюлгэ мысалында көрсетеді.

Түйін сөздер: тюсюлгэ, ысыах, мәдени жады, тарихи жады, діни ғимараттар, трансформация.

Tyusulge: tradition and modernity

Abstract. In the context of modern technologies and scientific achievements, cultural globalization is taking place, affecting the urbanized lifestyle and self-identification of the residents of Yakutia. This is reflected in the changing cultural landscape of the region. This article highlights the phenomenon of tyusulge (tuhyulge in Yakut) — a special place intended for organizing the national holiday usyakh (yhyakh in Yakut). Its significance in modern society and its contribution to the preservation of the

unique traditions and beliefs of our ancestors are explored. Attention is focused on updating the ethnocultural identity of the Yakuts through the concept of places of cultural memory. The influence on the spiritual life of modern residents of Yakutia and the presentation of tyusulge as a sacred space where the community performs an act of reflection on its own history, both at the individual and collective level, is considered. The article is an attempt to explore how state and public narratives about the past are intertwined with personal memories and ideas, illustrating this using the example of Tyusulge.

Keywords: tyusulge, ysyakh, cultural memory, historical memory, religious building, transformation.

В последние годы все больше людей обращают внимание на этническую культуру своего народа и национальное самосознание. Повышается рост и интерес людей к своим традициям и культуре. Заново формируется понятие о роли традиций и обычаев в повседневной жизни. Саха тюсюлгэ на протяжении столетий развивалась под влиянием природных условий, особенностей быта, исторических событий, но не теряет своего значения в современности. Тюсюлгэ остается уникальным культурным наследием для народа Саха.

Түһүлгэ — якут., священное место для проведения национального праздника ысыах (ыһыах — якут.). Ысыах — древний традиционный якутский праздник, посвященный общению с небом и солнцем, встреча лета. Традиционно празднуется в день летнего солнцестояния. В древности у скотоводческих племен годичный цикл делился на две половины. Такие даты, как праздник Ысыах, являлись своеобразной чертой, делившей очередной плодородный сезон (Төгүрүк Сыл) пополам. Новый год у якутов после долгих зимних холодов. Праздник на самом деле близок к новогоднему торжеству по смыслу, но, естественно, таковым не является [Что такое ысыах].

В настоящее время у праздника дата может меняться в связи несколькими местами проведения — Ысыах Туймаады, Ысыах Олонхо и в районах. Традиции праздника Ысыах: во время проведения праздника на землю прибывают солнечные боги Айыы по преданию на своих необыкновенных конях. Именно для них народ устанавливает коновязь — Сэргэ. Вокруг сэргэ устраивается круг — тюсюлгэ. И главной задачей тюсюлгэ выступает размещение большого количества людей, охват и объединение огромной территории для празднования ысыаха [Что такое ысыах].

В Якутске местом проведения праздника выступает место, тусюлгэ — Ус Хатың. Огромная территория, которая объединяет всех жителей и гостей города Якутска в долине Туймаада, по дороге Намского района. Выбор места был не случаен. Согласно преданиям первопродок якутов Элэй-Боотур устроил первый ысыах на священной равнине Ус Хатын, расположенной в долине Туймаада [Яковлев 2020].

Ысыах праздник семейный, знакомство и объединение со своими близкими и родственниками. В прошлом тюсюлгэ было только одним определенным местом — алаас, где проходит сам праздник и большого деления на подсекции не было.

В современности тюсюлгэ разделяется по определенным функциональным зонам: концертная, обрядовая, специальные места для коммерческой деятельности, места для кафе и т.д. Также могут разделяться по улусам, по семьям, по определенным местам работы. То есть в одном тюсюлгэ — Ус Хатун располагаются множество тюсюлгэ. Под влиянием ысыаха Туймаады начинают заново устраиваться тюсюлгэ в других районах Якутии уже в повседневной жизни. Тюсюлгэ украшают цветными лентами (саламой) [Что такое ысыах]. В центре тюсюлгэ располагают алтарь, урасу и священное дерево (Аал-Луук Мас).

Выбор места тюсюлгэ, напрямую зависит от исторической и культурной памяти отдельной семьи или рода. Выбор места решается на семейном или родовом совете во время больших

праздников — свадеб, юбилеев, или памятных дат семьи. Тюсюлгэ может быть местом, как и для индивидуальной памяти, так и местом публичной, коллективной памяти [Яковлев 2020]. В наши дни, как и в прошлом, тюсюлгэ не теряет свою значимость для людей.

Тюсюлгэ в национальном празднике ысыах. Какую же роль он играет? До прихода Алгысчыта очищают круг-тюсюлгэ женщины в белых платьях с белой косынкой на голове. Они разжигают дымокур — тюттэ (түптэ) по всему периметру круга, в котором состоится обряд. Затем только в тюсюлгэ заходит Алгысчыт со своими провожатыми — девятью юношами справа и восемью девушками слева. Тут тюсюлгэ играет роль местности, где начнется сам праздник ысыах, место выступает как открытие ысыаха, принятие людей алгыса (обряда) — благословения главного Жреца-Алгысчыта.

В городском пространстве тюсюлгэ отстраиваются быстрее, нежели чем в деревнях или сёлах. Остро стоит проблема обновления или строительства тюсюлгэ в малых селах и деревнях Якутии [Яковлев 2020]. Но процесс медленно развивается. Причиной можно назвать приход людей к пробуждению интереса к исторической памяти не только в маленьких селах, а также в городах. Открытость выражать свое отношение к традициям в прошлом и столкновение традиционной культуры в повседневной жизни. «Тюсюлгэ похожи на амфитеатр — место для зрелищ, чтобы театрализованное представление, отсылающее нас к общим предкам, обряды алгыса, кумысопития, постановки по юбилейным датам улуса, наслега, организации, речи администрации, почетных гостей были видны и слышны всем». «Ысыах как культовый обрядовый праздник» [Яковлев 2020], сохранил свою главную функцию — сакральную, место памяти, обрядовое значение поклонение, уважение к предкам и духам Срединного Мира и Верхних Айыы. Путем трансформации тюсюлгэ не теряет свою актуальность среди людей пожилого и молодого возраста. Повод собраться вместе всей семьей и идентифицировать праздник как место памяти его рода, предков.

К концу, хочется отметить, что современные тюсюлгэ для всех якутов является культовым местом [Яковлев 2020], где народ размышляет, анализирует свое индивидуальное, а также коллективное прошлое. Тюсюлгэ выступает как комплекс культовых религиозных сооружений для современного человека. Тюсюлгэ играет важную роль в становлении современной Якутии. Изменения, которые подхватил тюсюлгэ в любом случае, не теряет своей идентичности в современности. Он сохраняет свою суть — место восприятия своего прошлого с индивидуальным и коллективным взглядом о прошлом. Местом единого сбора людей для празднования национального праздника — ысыах.

ЛИТЕРАТУРА

Брагина Д.Г. Трансформация традиционной культуры якутов. Новосибирск: Наука, 2016. 120 с.

Брагина Д.Г. Современные этнокультурные процессы у народа саха. Учебное пособие по спецкурсу. Якутск: Издательство ЯГУ, 1996. 87 с.

Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия). Новосибирск: Наука, 2005. 205 с.

Что такое ысыах: традиции и обычаи. URL: <https://ulus.media/web-stories/kriminal/> (дата обращения: 13.01.2024 г.).

Яковлев А.И. Тюсюлгэ в современном культурном ландшафте: историко-антропологический ракурс // Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых: сб. науч. статей Респуб. науч.-прак. конф. (16 апреля 2020 г., Якутск). Вып. 4. Якутск: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2020. С. 73-80. EDN XEMELS. [Электронный журнал]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44634027> (дата обращения: 31.10.2023 г.).

Полевые материалы автора (ПМА), Республика Саха (Якутия), Якутск, 2018.

ГОРОДСКИЕ СИМВОЛЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Актуальность данной работы заключается в том, что она представляет изучение семиотики памятников истории и культуры по историко-хронологическому методу в контексте культурного ландшафта. Путем систематизации объектов по временным рамкам мы можем обеспечить более глубокое понимание развития и изменений культурных явлений на определенных этапах истории городов Якутска и Астаны.

Цель работы — систематизация памятников истории и культуры с использованием историко-хронологического метода в качестве символизации определенного исторического этапа.

Задачи работы:

1. Проанализировать концепции «место памяти», «памятники истории и культуры»;
2. Изучить сути понятия «культурный ландшафт», его структуру и семиотику города;
3. Организовать систематизацию символического представления городского пространства Якутска и Астаны на основе памятников истории и культуры.

Объект — приспособление традиционной культуры якутов и казахов к условиям современной городской среды.

Предмет — памятники истории и культуры г. Якутска и Астаны, как символический культурный ландшафт.

Ключевые слова: город, историческая память, места памяти, памятники истории и культуры, культурный ландшафт, семиотика, символ, знак.

Тарих пен мәдениеттің қалалық рәміздері

Аннотация. Бұл жұмыстың өзектілігі мәдени ландшафт контекстінде тарихи-хронологиялық әдіс бойынша тарих және мәдениет ескерткіштерінің семиотикасын зерттеуде болып табылады. Объектілерді уақыт шеңбері бойынша жүйелеу арқылы біз Якутск және Астана қалалары тарихының белгілі бір кезеңдерінде мәдени құбылыстардың дамуы мен өзгерістерін тереңірек түсінуді қамтамасыз ете аламыз.

Жұмыстың мақсаты-белгілі бір тарихи кезеңнің символикасы ретінде тарихи-хронологиялық әдісті қолдана отырып, тарих және мәдениет ескерткіштерін жүйелеу.

Жұмыстың міндеттері:

1. «Есте сақтау орны», «Тарих және мәдениет ескерткіштері» ұғымдарын талдау;
2. «Мәдени ландшафт» ұғымының мәнін, оның құрылымы мен қаланың семиотикасын зерттеу;
3. Тарих және мәдениет ескерткіштері негізінде Якутск пен Астана қалалық кеңістігінің символдық көрінісін жүйелеуді ұйымдастыру.

Нысан — якуттар мен қазақтардың дәстүрлі мәдениетін қазіргі қалалық орта жағдайына бейімделуі.

Пән — Якутск қаласы мен Астана қаласының тарихи және мәдени ескерткіштері символдық мәдени ландшафт ретінде.

Түйін сөздер: қала, тарихи жады, еске алу орындары, тарих және мәдениет ескерткіштері, мәдени ландшафт, семиотика, символ, белгі.

City symbols of history and culture

Abstract. The relevance of this work lies in the fact that it presents the study of the semiotics of historical and cultural sites using the historical and chronological method in the context of the cultural landscape. By systematizing objects by time frame, we can provide a deeper understanding of the development and changes of cultural phenomena at certain stages of the history of the cities of Yakutsk and Astana.

The purpose of the work is to systematize historical and cultural sites using the historical and chronological method as a symbolization of a certain historical stage.

Tasks of the work:

1. Analyze the concepts of "place of memory", "sites of history and culture";
2. To study the essence of the concept of "cultural landscape", its structure and semiotics of the city;
3. Organize the systematization of the symbolic representation of the urban space of Yakutsk and Astana on the basis of historical and cultural sites.

The object is the adaptation of the traditional culture of the Yakuts and Kazakhs to the conditions of the modern urban environment.

The subject is historical and cultural sites of Yakutsk and Astana, as a symbolic cultural landscape.

Keywords: city, historical memory, places of memory, historical and cultural sites, cultural landscape, semiotics, symbol, sign.

Сохранение собственной этнокультурной идентичности, аккумулированного опыта и традиционных ценностей становится еще более важным. Город не только является неотъемлемой частью повседневной жизни каждого жителя страны, но и превращается в место памяти, где хранятся значимые события и предметы, а также город хранилище общего историко-культурного наследия в разные периоды времени [Мысливец 2018].

В 1980-х г. Пьер Нора представил понятие «место памяти», в котором он обозначил культурное пространство индивида и коллектива, в котором сохранены имена, события, артефакты, памятники, даты, речи, представления о языке и другие элементы [Les lieux de mémoire 1984-1992]. Объединение материального и духовного со временем приобретает символическое значение как элемент культурного наследия общества, определенный термином «место памяти». Этот концепт помогает формировать, строить и визуализировать образы прошлого [Нора 1999: 26].

Исследование И. Ю. Соломиной рассматривает память города как средство сохранения, передачи и воспроизведения социокультурного опыта городской жизни для формирования настоящего [Соломина 2013: 62]. Исследование мест памяти осуществляется через анализ культурного ландшафта, поскольку восприятие конкретного места непосредственно связано с окружающей местностью и охватывает физические, социальные, временные, чувственные и эмоциональные аспекты [Baker 2017].

Культурный ландшафт всегда представляет собой не просто природное пространство, а скорее место, где мы организуем пространство и время согласно нашим потребностям, а также это место, где создаются политические, социальные и культурные структуры. Со временем культурные ландшафты приобретают многослойные значения, которые могут быть проанализированы с помощью исторических, археологических, географических и социологических методов и концепций [Самойлова 2006].

В этой статье попытаемся рассмотреть культурный ландшафт с точки зрения семиотики памятников истории и культуры. Давайте начнем с определения закрепления, касающегося памятников истории и культуры в России. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятники истории и культуры народов РФ)» под № 73-ФЗ был принят 25 июня 2002 г.

[Федеральный закон... 2002]. Рассматриваются вопросы законодательного регулирования в Республике Казахстан с принятием закона «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» от 26 декабря 2019 г. под № 288-VI [Закон Республики Казахстан... 2019].

Исходя из положений статьи 4 Федерального закона РФ «Об объектах культурного наследия (памятники истории и культуры народов РФ)» и статьи 6 Закона РК «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия», объекты культурного наследия подразделяются на три категории. Данная статья будет сосредоточена на объектах местного (муниципального) значения, включая памятники, ансамбли и достопримечательности в рамках статьи 3 Федерального закона РФ. В пределах культурного ландшафта, описываемого как достопримечательные места, могут находиться памятники и ансамбли. Эти места представляют собой результат совместного творчества человека и природы [Федеральный закон... 2002].

В соответствии с классификацией, утвержденной в Руководящих указаниях по применению Конвенции о Всемирном наследии, все культурные ландшафты подразделяются на три основные категории. В нашем конкретном случае памятники истории и культуры могут одновременно принадлежать к различным категориям культурного ландшафта:

- Целенаправленно сформированный;
- Естественно развивающийся, среди которых выделяются субкатегории реликтовые, или ископаемые, и продолжающие поступательное развитие;
- Ассоциативный [Operational Guidelines... 1999].

1. Целенаправленно сформированные ландшафты, такие как поселения, сады, парки, искусственные природно-технические системы, разрабатываются с учетом проекта или исходя из художественно-инженерной концепции.

2. Естественно развивающиеся — природные процессы изменены и скорректированы антропогенными воздействиями, включающими как целенаправленные, так и случайные воздействия человека. Об этом можно говорить в отношении многих видов ландшафтов, в том числе сельских, этнических, частично исторических индустриальных и мелиорированных ландшафтов.

2.1. Ископаемые ландшафты представляют собой сохранные внешние формы и структуры, которые перестали развиваться из-за отсутствия социума, создавшего их. Эти ландшафты обычно относятся к археологии и палеонтологии и могут включать остатки древних городов, курганы, а также другие памятники древних культур, которые перестали существовать.

2.2. Реликтовые ландшафты, в которых создатели культуры часто уже не существуют в своих прежних формах и функциях, подходящих для нового населяющего их сообщества. В России такими ландшафтами могут являться усадебные, дворцово-парковые и некоторые монастырские ландшафты.

2.3. Свободно развивающийся ландшафт, признанный объектом наследия, может быть связан с географически обусловленными традиционными аборигенными культурами. Эти культуры зависят от состояния окружающего ландшафта и выставлены на риск, поскольку их существование определяется сохранностью природных условий. Исторические сельские, городские, индустриальные или сакральные ландшафты, развивающиеся естественным путем, могут представлять уникальное значение как уникальные примеры взаимодействия человека и природы.

2.4. Ассоциативные ландшафты — это освоенные ландшафты с культурной ценностью, связанные с историческими событиями, личностями и художественными произведениями. Природные комплексы входят в историко-культурное пространство, сохраняя свою природную ритмику и эволюцию, часто выступая в качестве памятных, художественных, и сакральных, культовых мест [Городской культурный ландшафт... 2012: 38-44].

Особое значение придается семиотике города. Формирование и развитие ландшафтных

«текстов» активно происходит в рамках семиотического дискурса. Как наука о знаковых системах, семиотика, руководствуясь концепцией знаков и символов в языковом контексте, начала рассматривать культуру в целом как специфический язык, знаковую систему, формирующую мир. Согласно Ю. М. Лотману, культура представляет собой знаково-символическую систему, которая призвана быть прочитанной и понятной человеку для осмысления «текстов», которые в ней содержатся [Лотман: 1987].

С учетом нынешних семиотических методов понимание ландшафта трактуется как способ культурного восприятия и познания мира. Ландшафтные тексты могут поощрять у своих читателей уже готовые концепции о структуре общества. Ландшафт является формой дискурса, тесно связанной со способами восприятия, через которые социальные группы исторически формировали свою идентичность и устанавливали связи с окружающей средой и обществом [Bellentani: 2016]. Согласно Э. Дюркгейму, символы являются особыми посредниками, через которые выражаются общественно созданные коллективные представления [Дюркгейм: 174-231].

Согласно Н. П. Анциферову, каждый город, возникающий в качестве центра инноваций, несет в себе концепцию своих отношений с окружающим миром и своей роли, что отражается в его постройках, становящихся символами либо спонтанно, либо намеренно. Важным также является историческое наследие, связь с историческими событиями, личностями, творчеством и формированием новой реальности [Анциферов 1990].

В целях определения символического культурного ландшафта города мы рассматриваем основные памятники истории и культуры Якутска и Астаны на протяжении различных исторических периодов. Для этой цели мы использовали список объектов культурного наследия РС(Я), доступный на официальном сайте Министерства культуры РС(Я) [Министерство культуры РС(Я) 2024]. Также, для определения исторических этапов формирования символического городского пространства Якутска, мы воспользовались исследованием «История Якутии» от доктора ист. наук А. И. Гоголева [Гоголев 2005: 289-291].

1. В период средневековья (конец XIII-XVII вв.). Символ освоение севера отражается в архитектурных памятниках, возведенных в этот период и позднее. Некоторые из таких памятников включают восточную надвратную башню Якутского острога, восстановленную в 2002 г., казачье-го подворья также осуществленную в 2002 г., памятник, посвященный русским землепроходцам, также относящийся к 2002 г, памятник, посвященный 375-летию вхождения Якутии в состав Российского государства (2007 г.) и памятник посвященный П. И. Бекетову (2007 г.).

2. На этапе перехода к новой истории с XVIII в. до первой пол. XIX в. в Якутске символизирует эволюцию духовной жизни общества. Были возведены заметные архитектурные объекты. Значимые сооружения: Градо-Якутский кафедральный собор во имя Живоначальной Троицы (1708 г.), Кафедральный Троицкий собор (1708 г.), Градо-Богородская церковь (каменная) (1773 г.), Соляная лавка (1824 г.), колодец купца Ф. Шергина («Шергинская шахта»), Юрта Якутской Степной Думы (1827-1838 гг.), восстановленная по обмерным чертежам арх. М. С. Алексеевой, и Свято-Преображенский собор (1843 г.). Эти сооружения являются отражением исторического развития среды и значимых событий того времени.

3. Во второй пол. XIX в. и нач. XX в. в Якутске символизирует активное формирование индустриального общества, что отражается в строительстве различных архитектурных сооружений. Включая церкви Градо-Якутская Никольская церковь (1852 г.), образовательные учреждения Якутская городская мужская прогимназия (1873 г.), здание Якутского реального училища (1911 г.), жилые и коммерческие здания — Якутская городская мужская прогимназия (1873 г.), здание Якутского реального училища (1911 г.), а также социально-культурные заведения — здание Якутской городской публичной библиотеки и музея (1911 г.), здание Якутского окружного суда (1914 г.), здание Саха академического театра им. П. Ойунского (2000 г.). Памятники и бюсты,

поставленные в последующие годы в честь выдающихся личностей, предпринимателей, писателей и общественных деятелей, также являются частью уникального и разнообразного наследия Якутска, отражающего исторические события и деятелей того времени.

4. В течение советского периода Якутской автономной Советской Социалистической Республики (1918-1991 гг.) было установлено множество мемориальных и исторических объектов, включая братские могилы, памятные плиты (1975 г.), жилые дома ведущих деятелей того времени — П. А. Ойунского, М. К. Аммосова, Г. В. Ксенофонтова и др., памятники погибшим военным и солдатам в годы Гражданской войны (1977 г.) и ВОВ (1975 г.), символизирующие коллективную память о войнах и судьбах якутян. Также построены культурные и образовательные учреждения, такие как кинотеатр «Космос» (1968 г.), театр оперы и балета им. Д. К. Сивцева (1982 г.), дворец детского творчества (1982 г.) и другие сооружения, отражающие культурное и историческое развитие Якутска в указанный период времени.

5. Фонтан на площади имени Орджоникидзе, установленный в 2002 году с этническими мотивами, символизирует новый этап развития Якутии на переломе веков и в современном контексте. Он отражает стремление республики сохранить и привнести в современную жизнь свои традиции, культуру и этническое наследие, становится символом гармоничного сочетания современности и традиций. В настоящий момент на территории Якутии выявлено 135 памятников федерального значения, 440 памятников регионального значения и 242 памятника местного (муниципального) значения [Информация об объектах культурного наследия 2024].

В информационно-правовой системе нормативных правовых актов РК мы находим Государственный список памятников истории и культуры местного значения, утвержденный для города Астаны [Об утверждении Государственного списка... 2024]. Как отмечает Р. К. Кадыржанов, национальную историю Казахстана можно разделить на четыре больших периода, отличающихся направленностью и содержанием политических, экономических, культурных, идеологических и других процессов [Кадыржанов 2014: 134]. Давайте выделим исторические периоды национальной истории Казахстана.

1. Данный период истории Казахского ханства до 1731 г. охватывает значительный сегмент истории казахов, начиная от момента их этногенеза и заканчивая приобретением российского подданства, символизирует формирование казахской культуры, образа жизни и религиозных традиций. Важными событиями этого периода является появление различных зимовок, таких как Зимовка Бозок II, Зимовок Козыкош I-V, в XVIII-XIX в., которые символизируют образ жизни кочевых казахов. Также две мечети «Эбу Насыр эл-Фараби», возведенная в 2005 г., и мечеть «Хазрет Султан», построенная в 2012 г. Названы в честь личностей, отражающих данный период и др. постройки.

2. В колониальный период (1731-1917 гг.) истории казахского народа в составе Российской империи символизирует трансформацию культуры и общества казахского народа. Появилось значительное количество строений и учреждений, которые отражают влияние исторического, образовательного, религиозного и коммерческого развития в регионе. Эти постройки и сооружения, начиная от мусульманского кладбища «Қараоткел» (1609-1962 г.) и школы Б. Косшыгулова для мусульманской молодежи (XIX-нач. XX в.), Торговый дом купца М. К. Кубрина (1905 г.) до памятника хану Кенесары (2001 г.) и памятника А. С. Пушкину (1999 г.) и др., являются символами исторического и культурного наследия Казахстана, свидетельствуя о многогранности и многовековой истории народа.

3. Советский период (1917-1991 гг.) в истории Казахстана символизирует различные аспекты общественно-политического, культурного и образовательного развития этого времени. Было построено значительное количество сооружений. Среди них здания, памятники и мемориальные комплексы, такие как Здание Комитета Государственной безопасности (1950 г.), здание бывшего акимата города Астаны (1958 г.), Дом пионеров (1960-е г.), Мозаичные панно «Космос» и «Печать»

(1972 г.), памятники Сакену Сейфуллину (1994 г.), воинам Великой Отечественной войны (1995 г.) и мемориально-музейный комплекс «Алжир» (2007 г.) и др. Эти сооружения представляют важное историческое наследие и символизируют дух и события советской эпохи в Казахстане.

4. В период современного Казахстана с 1991 г. до настоящего момента были построены значительные архитектурные сооружения, которые стали символами страны и отражают ее развитие и стремление к совершенствованию. Среди них стоят скульптура «Астана» (2002 г.), монументальное сооружение «Астана-Бәйтерек» (2002 г.), Дворец Мира и Согласия (2006 г.), а также Главная мечеть Республики Казахстан, построенная в 2022 г. Эти архитектурные достижения являются воплощением роста и развития республики, его культуры и религиозной толерантности, а также служат символами современной независимой Казахской государственности.

В концепции культурной политики Казахстана 2014 г. основное внимание также уделено историко-культурному наследию. По результатам полной инвентаризации памятников культуры в стране насчитывается свыше 35 тыс. недвижимых памятников. В государственный список охраняемых памятников истории и культуры вошли 218 объектов республиканского значения и 11,5 тыс. объектов местного значения, археологии, архитектуры и монументального искусства [Шелегина 2020: 287].

Так мы приблизились к глубокому понятию взаимосвязи между материальными культурными объектами и окружающей их средой, расширяя наши знания о значении и влиянии этих объектов на формирование и сохранение исторической памяти, а также для понимания приспособления традиционной культуры якутов и казахов к условиям современной городской среды.

В числе результатов наших исследований, в рамках проблемы очерченной данной статьей:

1. В рамках исторической памяти концепция «места памяти» формирует знаковые места и события, где есть останки образов прошлого, ими становятся памятники истории и культуры;

2. На законодательном уровне памятники истории и культуры обозначены как общее творение человека и природы, что сводится к культурному ландшафту;

3. Культурный ландшафт имеет ряд категорий и подкатегорий, интерпретируются они как материальные объекты, так и как ментальные образы, сохраняющиеся в виде ассоциативных ландшафтов;

4. Любая культура — «текст», то есть, то, что создано человеком в процессе его деятельности наделяется «текстом», иначе говоря смыслом. Любой ландшафт нуждается в осмыслении и раскрытии символа и знака со стороны человека или коллектива;

5. Ландшафтные тексты могут поощрять у своих читателей уже готовые концепции о структуре общества. Поэтому нами взята периодизация историко-хронологических этапов Якутии и Казахстана;

6. В символах и знаках имеются представления о том, как организовано общество. Семиотика один из способов культурного видения и познания мира. Символы используются для того, чтобы заменить сложные явления более визуальными понятиями и наличие сложной знаковой системы (внутреннего содержания) требует конкретизации, что помогает выделить основную структурную организованность предметов;

7. Следовательно, городской символический культурный ландшафт представляет собой механизм отражения ключевых достижений личности или общества через историко-культурные сооружения в определенном городе. Он играет важную роль в формировании идентичности, сохранении исторической и коллективной памяти о событиях, личностях и других аспектах исторических этапов.

Таким образом, путем систематизации памятников истории и культуры по историко-хронологическому принципу мы смогли лучше понять общее представление о символическом городском ландшафте Якутска и Астаны.

ЛИТЕРАТУРА

- Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Л., 1990. 256 с.
- Гоголев А.И. История Якутии: Монография. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2005. 292 с.
- Городской культурный ландшафт: Традиции и современные тенденции развития / Под ред. Т.А. Смолицкой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 272 с.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+, 1998. С.175-231.
- Закон Республики Казахстан от 26 декабря 2019 г. под № 288-VI (ред. от 01.05.2023) «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия». [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34894354&pos=5;-108#pos=5;-108 (дата обращения: 06.02.2024 г.).
- Информация об объектах культурного наследия на территории Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <https://depoхран.sakha.gov.ru/informatsija-ob-obektah-kulturnogo-nasledija-na-territorii-respubliki-saha-jakutija> (дата обращения: 6 февраля 2024 г.).
- Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. 168 с.
- Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Символ в системе культуры: Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. Вып.21. С. 10-21.
- Министерство культуры РС(Я) [Электронный ресурс]. URL: <https://minkult.sakha.gov.ru/files/front/download/id/1187049> (дата обращения 01.03.2024 г.).
- Мысливец Н.Л. Память о прошлом в пространстве современного города // Символический альманах. 2018. С. 107-113.
- Нора П. Франция – память / П. Нора. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 328 с.
- Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения города Астаны [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V20A0001295> (дата обращения 01.03.2024).
- Памятники истории и культуры Республики Саха (Якутия): объекты культурного наследия, состоящие на государственной охране (без памятников археологии и достопримечательных мест г. Якутска): каталог / авторский коллектив: А.В. Дьяконов, Н.А. Макаров, Р.В. Васильев и др.); Департамент РС(Я) по охране объектов культурного наследия, Якутское Республиканское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1-е изд. Якутск: Алекс Принт, 2023. 660 с.
- Самойлова Т.Е. Священное пространство княжеского гроба // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 579-611. [Электронный ресурс]. URL: http://hierotopy.ru/contents/CreationOfSacralSpaces_25_SamoilovaSacredSpacePrincelyTomb_2006_RusEng.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
- Свод памятников истории и культуры Казахстана. Том 1. Алма-Ата: Гл. ред. «Казак энциклопедиясы», 1994, 368 с.
- Соломина И.Ю. Влияние социальной памяти города на формирование туристского пространства Самары // Аспирантский вестн. Поволжья. 2013. № 3-4. С. 61-67.
- Федеральный закон от 25 июня 2002 г. под № 73-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «Об объектах культурного наследия (памятники истории и культуры народов РФ)». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 06.02.2024 г.).
- Шелегина О.Н., Жетпысбаев С.К. Международное значение государственной программы Республики Казахстан «Культурное наследие» // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 279-292.

Baker A., Marques B. Out of Place: Rewriting the Signatures of a Landscape // Spaces and Flows: An International Journal of Urban and ExtraUrban Studies. 2017. Vol. 8. Iss. 4. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/35808213/Out_of_Place_Rewriting_the_Signatures_of_a_Landscape (дата обращения: 30.01.2024).

Bellentani F. Landscape as text // Concepts for Semiotics. Tartu semiotics library 16. Tartu Press, 2016. P. 76-87. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/29796408/Landscape_as_text (дата обращения: 30.01.2024).

Les lieux de mémoire / Dir. de P. Nora. En 3 vol. 7 livres. P. 1984-1992.

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO, WHC-99/2, 1999 (February). 38 p.

Аскар Агзам угли Ишанходжаев¹

*¹магистрант 1 года обучения,
Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан; askar.football@mail.ru*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИЙ В КАЗАХСТАНЕ В ПЕРИОД ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. Миграция играет важную роль в формировании общественной динамики и экономического развития Казахстана, поскольку экономика страны быстро развивается. В статье рассматриваются экономические и социокультурные аспекты миграции в Казахстане в период освоения целинных территорий. Экономические возможности, доступность трудовых ресурсов, социокультурные аспекты, политическая стабильность и правовое регулирование — все это факторы, влияющие на миграционные процессы.

В статье рассматривается влияние миграционных процессов на экономическое и социокультурное развитие региона в период освоения целинных территорий. В этот период Казахстан стал свидетелем миграционных потоков из других республик страны, которые значительно изменили его экономику, демографию и культуру.

Экономические аспекты миграции в Казахстане — это то, чем начинается основная часть статьи. Помимо этого, рассматривается влияние миграционных потоков на экономику в целом, включая рост торговли, инфраструктуры и промышленности. Анализ процессов миграции имеет решающее значение для понимания долгосрочных тенденций, разработки стратегий поддержки мигрантов и оптимизации использования человеческого капитала в стране.

Ключевые слова: Казахстан, освоение целины, миграция, демография, экономика, социокультурное развитие.

Тың аумақтарды игеру кезіндегі Қазақстандағы көші-қонның экономикалық және әлеуметтік-мәдени аспектілері

Аннотация. Мақалада тың аумақтарды игеру кезеңіндегі Қазақстандағы көші-қонның әлеуметтік-мәдени және экономикалық аспектілері қарастырылады. Көші-қон Қазақстанның қоғамдық динамикасы мен экономикалық дамуын қалыптастыруда маңызды рөл атқарады, өйткені ел экономикасы қарқынды дамып келеді. Экономикалық мүмкіндіктер, еңбек ресурстарының қолжетімділігі, әлеуметтік-мәдени аспектілер, саяси тұрақтылық және құқықтық реттеулер көші-қон процестеріне әсер ететін факторлар болып табылады. Көші-қонның аймақтың өсуіне, мигранттардың экономиканың әртүрлі салаларына қатысуына және олардың әлеуметтік-мәдени бейімделуіне ерекше назар аударылады.

Мақалада көрсетілген, тың аумақтарды отарлау кезеңінде көші-қон процестерінің аймақтың экономикалық және әлеуметтік-мәдени дамуына әсері, осы кезеңде Қазақстан экономикасын, демографиясы мен мәдениетін айтарлықтай өзгерткен басқа елдерден көші-қон ағындарының куәсі болды.

Қазақстандағы көші-қонның экономикалық аспектілері — осы мақаланың негізгі бөлігі болып табылады. Бұдан басқа, сауда, инфрақұрылым және өнеркәсіптің өсуін қоса алғанда, көші-қон ағындарының жалпы экономикаға әсері қарастырылады. Осылайша, көші-қон процестерін талдау ұзақ мерзімді тенденцияларды түсіну, мигранттарды қолдау стратегияларын әзірлеу және елдегі адами капиталды пайдалануды оңтайландыру үшін өте маңызды.

Түйін сөздер: Қазақстан, тың игеру, көші-қон, демография, экономика, әлеуметтік-мәдени даму.

Economic and socio-cultural aspects of migration in Kazakhstan during the colonization of virgin territories

Abstract. Migration plays an important role in shaping the social dynamics and economic development of Kazakhstan, as the country's economy is developing rapidly. The article examines the socio-cultural and economic aspects of migration in Kazakhstan during the development of virgin territories. Economic opportunities, the availability of labor resources, socio-cultural aspects, political stability and legal regulations are all factors influencing migration processes.

The article examines the impact of migration processes on the economic and socio-cultural development of the region during the colonization of virgin territories. During this period, Kazakhstan witnessed migration flows from other soviet republics, which significantly changed its economy, demography, and culture.

The economic aspects of migration in Kazakhstan are what the main part of the article begins with. In addition, the impact of migration flows on the economy, including the growth of trade, infrastructure, and industry, is being considered. Thus, the analysis of migration processes is crucial for understanding long-term trends, developing strategies to support migrants, and optimizing the use of human capital in the country.

Keywords: Kazakhstan, virgin lands development, migration, demography, economics, sociocultural development.

Миграция играет важную роль в формировании общественной динамики и экономического развития Казахстана, поскольку экономика страны быстро развивается. В статье рассматриваются экономические и социокультурные аспекты миграции в Казахстане в период освоения целинных территорий. Экономические возможности, доступность трудовых ресурсов, социокультурные аспекты, политическая стабильность и правовое регулирование — все это факторы, влияющие на миграционные процессы.

В статье рассматривается влияние миграционных процессов на экономическое и социокультурное развитие региона в период освоения целинных территорий. В этот период Казахстан стал свидетелем миграционных потоков из других республик страны, которые значительно изменили его экономику, демографию и культуру.

Экономические аспекты миграции в Казахстане — это то, чем начинается основная часть статьи. Помимо этого, рассматривается влияние миграционных потоков на экономику в целом, включая рост торговли, инфраструктуры и промышленности. Анализ процессов миграции имеет решающее значение для понимания долгосрочных тенденций, разработки стратегий поддержки мигрантов и оптимизации использования человеческого капитала в стране.

Экономические и социокультурные аспекты миграции в Казахстане во время целинных территорий сыграли ключевую роль в формировании траектории развития региона. Одновременно социокультурная структура Казахстана претерпела глубокие изменения по мере того, как различные группы мигрантов стекались на эти целинные территории. Слияние различных культурных традиций и практик создало мозаику общественных норм и ценностей. Взаимодействие между различными этническими и культурными группами, часто характеризующееся чувством сосуществования и адаптации, привело к возникновению уникальной социокультурной идентичности, отражающей слияние различных влияний. Динамика миграции также привела к возникновению проблем, поскольку различные сообщества соперничали за ограниченные

ресурсы и преодолевали сложности совместного проживания. Социальные структуры были изменены, и появились новые формы организации сообществ в ответ на меняющуюся демографию региона. Эти социокультурные адаптации были неотъемлемой частью общего повествования о колонизации Казахстана, формируя ход его истории непредвиденным образом.

«Освоение целины» — это масштабная программа сельского хозяйства в СССР с 1954 по 1965 годы. Основная цель этих усилий заключалась в том, чтобы ускорить развитие сельского хозяйства и бороться с отставанием в производстве зерна. Для этого планировалось использовать значительные земельные ресурсы в Казахстане, Поволжье, Урале, Сибири и Дальнем Востоке.

Согласно архивным источникам, в августе 1954 года в Павлодарскую область прибыло 857 спецпереселенцев; из них 568 были распределены в сельскохозяйственную сферу, а 289 — в промышленную [ГАПО Ф. 3. Оп. 3. МД. 777. Л. 3]. В сентябре 1955 года в Павлодарской области было расселено еще 37125 спецпереселенцев, в том числе 22734 немцев, 6419 чеченцев, 6675 ингушей и 1297 представителей других национальностей. Из всех депортированных проживало 14590 человек в колхозах, 6492 в совхозах, 5277 на промышленных предприятиях, 2867 в МТС и 1506 человек в других отраслях. В результате переселения этническими спецпоселенцами Акмолинской области в 1954-1955 годах в ней проживало 68409 спецпоселенцев, в том числе 40508 немцев, 20854 чеченцев и ингушей, а также 7047 представителей других национальностей [ГАСКО Ф. 1373. Оп. 4. Д. 118. Л. 20.].

В 1955 году в Северо-Казахстанскую область были переселены спецпоселенцы с Северного Кавказа, включая 5722 чеченцев и 2078 ингушей. 3336 немцев-спецпереселенцев прибыли в Кустанайскую область в 1954-1955 годах и были распределены по целинным районам.

Целина прямо повлияла на развитие Казахстана, который превратился из страны степей в страну полей и стал одним из крупнейших зернопроизводителей и экспортёров хлеба в мире. Кроме того, как обычно, на это можно взглянуть с двух сторон и увидеть две картины. Нынешнее поколение отечественных историографов и публицистов склонно искать в Целине негативное и преуменьшать оценки отцовских деяний, в отличие от тех, кого в советское время воспевали и всячески превозносили.

В первой половине 1950-х годов аграрная политика стала одним из наиболее важных вопросов для правительства. Это произошло из-за отставания темпов роста сельскохозяйственного сектора, вызывавшего большие опасения у руководства страны относительно реального удовлетворения запросов населения сельскохозяйственной продукцией. Кроме того, в этот период страна столкнулась с довольно серьезным продовольственным кризисом. Увеличение налоговой политики государства, которое продолжало извлекать из сельского хозяйства все ресурсы, необходимые для развития промышленности, стало одной из причин нормального восстановления сельского хозяйства и темпов развития [Маленков 1954: 70].

В начале 1950-х годов в Казахстане были различные варианты экономического развития. Одним из вариантов была программа Г. М. Маленкова, которая предусматривала интенсивное развитие сельского хозяйства за счет повышения урожайности, а другим вариантом была программа Н. С. Хрущева, которая предусматривала ускоренное освоение целинных земель для «быстрого хлеба». Н. Верт заметил, что рекордный урожай зерновых культур 1956 года, который составил более 125 млн. тонн, «сыграл не последнюю роль в утверждении Хрущева в качестве неоспоримого лидера партии», а доля целинного хлеба составила 50% [Верт 1992: 480].

Представители различных союзных республик СССР стали переселяться в целинные районы Сибири и Казахстана после мартовского пленума ЦК КПСС в марте 1954 года. Поток, стекающий в степи Казахстана с разных сторон, был очень впечатляющим. За первые 3 недели прибыло 25 тысяч человек только от комсомольцев-добровольцев, а к концу июня их было уже более 75 тысяч. Этот показатель в два раза превышал общее население города Кокчетав в те годы,

а через два года население Акмолинска, столицы Целины, увеличилось до 80 тысяч человек [Абдирайымова 2007: 133]. Большинство переселенцев поселились в северных районах, где механический прирост населения составил 83% с 1939 по 1959 год. С 1953 по 1955 год население Целиноградской области увеличилось в 96 раз, а в Кустанайской области в 26 раз. В 1954-1962 годах на целину прибыло около 2 миллионов человек [Абылхожин 1997: 360]. Охотники за «длинным рублем», демобилизовавшаяся молодежь из армии, представители преступного мира и бывшие заключенные приезжали на целину вместе с опытными механизаторами и добровольцами-комсомольцами.

Целинные районы стали домом для людей разных национальностей и социальных, образовательных, культурных и менталитетов. Приезду целинников-добровольцев предшествовали определенные условия. Их бесплатно доставляли до места назначения, а семьям оказывали материальную помощь в размере 500-1000 руб. и по 150-200 руб. на каждого члена семьи. Выдавали кредиты на строительство жилья и покупку скота (35% этой суммы погашалось государством). Кроме того, целинники освобождались от сельхозналога в течение периода от двух до пяти лет [Зеленин 2001: 304]. Кроме того, людям, которые покинули свою родину во время гражданской войны и коллективизации, было разрешено вернуться во второй половине 1950-х годов. Около 200 000 человек въехало из Китая (Восточного Туркестана и Харбина), большинство из которых были казахами, а также русские, татары, дунгане и уйгуры были среди других народов. Ни в одном другом регионе СССР не наблюдалось такого значительного увеличения сельского населения за счет миграционных процессов [Зеленин 1998: 109-122]. Согласно переписи населения 1959 года, казахи составляли в Казахстане 2 787 000 человек, что составляло всего 29% от общего населения страны.

Население Северного Казахстана резко увеличилось из-за миграции. Например, городское население Кокчетавской области выросло на 49%, сельское на 32%, Кустанайская область выросла на 91% и 62%, Павлодарская область выросла на 105% и 72%, Северо-Казахстанская область выросла на 26% и 11%, Целиноградская область выросла на 97% и 34% соответственно. В результате притока молодых мигрантов увеличилась доля трудовых ресурсов в возрасте от 20 до 30 лет. В Северном регионе Казахстана и в целом по Республике основной причиной резкого увеличения доли и абсолютной численности европейского населения была массовая миграция в период освоения целинных земель.

Полиэтнический состав населения достиг пика. Целина привела к увеличению доли смешанных браков в Казахстане, особенно в северных районах страны. В 1959 году 85,6% браков в КазССР были мононациональными, а 14,4% межнациональными [Баишев 1975: 21].

В Казахской ССР с 1959 по 1979 год доля этнически смешанных семей увеличилась с 14,4% до 21,5%, а межэтнические браки в сельской местности составили 18,2%. Это было самым высоким показателем среди всех республик СССР — с 15,8% до 24,2% в Латвийской ССР и с 15,0% до 21,9% в Украинской ССР [Вербицкая 2013]. Таким образом, в результате увеличения численности представителей различных этносов в Казахстане, особенно в целинный период, доля межэтнических браков увеличивалась.

На уровне сельского населения, где в основном преобладала титульная нация, демографы также считают, что этносы и их культуры сблизилась. Во многом этому способствовал рост межэтнических браков людей из числа титульной и нетитульных этнических групп, которые особенно широко распространились в городских условиях.

Армия также часто привлекалась для работы на целине. Десятки военных автомобильных батальонов и тысячи солдат срочной службы регулярно отправлялись на уборку урожая. Количество людей, работающих в сельском хозяйстве целинных районов Казахстана, увеличилось более чем в пять раз с 1954 по 1959 год. Общее количество населения увеличилось на 41%

в Акмолинской области, 37% в Кокчетавской области, 56% в Кустанайской области и 44% в Павлодарской области [Пахомова 2007: 261]. Кроме того, за предыдущие пять лет общее число людей, проживающих в республике, увеличилось почти на четверть.

А. Ноув, английский советолог, сравнивая программы социальной переориентации экономики Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева, считает, что программа Хрущева лучше, потому что предложения Маленкова нереалистичны и почти полностью не обоснованы. Кроме того, А. Ноув указывает на неоднократные снижения цен на потребительские товары в стране в начале 1950-х годов, которые привели к очередям, дефициту, увеличению разрыва в ценах на государственном и колхозном рынках, а также к другим проблемам. «Хрущев подорвал режим Маленкова, потому что он никогда не был в состоянии рассудить конфликтующих претендентов на ресурсы» — отмечает он [Nove 1993: 473].

Потребность в кадрах была такой большой, что государство заставило репатриантов переехать и поселить их в местах, где требовалась рабочая сила. С начала 1954 года граждане из Китайской Народной Республики ежегодно прибывали на территорию Казахской ССР, соблюдая все правила. После преодоления некоторых трудностей, связанных с обеспечением жильем, большинство прибывших граждан активно включились в совхозное и колхозное производство, принося большую пользу в подъеме экономики сельского хозяйства [Самсонов 2016].

Помимо этого, положение казахского языка и культуры резко ухудшилось в результате резкого увеличения числа русскоязычных людей. Казахские газеты стали закрываться, а тиражи книг и газет на казахском языке упали. Русский язык использовался в экономике, общественных сферах и производстве. Сфера применения казахского языка постепенно сокращалась. 70% телепередач и 95% книг стали выпускаться на русском языке [Верт 1991]. В 1960-1970-е гг. началось резкое сокращение количества школ, где преподавание на казахском языке было обязательным, поскольку русский язык стал основным языком. Следовательно, к концу 1970-х годов примерно треть казахов не знала своего родного языка.

Исходя из этого, результаты освоения целины были очень противоречивы. «Целинная эпопея» потребовала значительных денежных и человеческих ресурсов. Эта общегосударственная инициатива составила 20% всех вложений СССР в сельское хозяйство с 1954 по 1961 год [Алимбаев 1987]. В результате аграрное развитие традиционных районов земледелия замедлилось, включая особенно перспективные черноземные районы Украины, России и Нечерноземье, которые имеют большую потенциальную урожайность. Целина привела к созданию сотен новых городов в Казахстане. Процессы интернационализации общественной жизни ускорились в целинных районах, где образовалась этноконтактная зона.

Таким образом, экономика Казахстана и Советского Союза значительно выиграла от освоения целинных земель. Площадь под пашню увеличилась, что позволило значительно увеличить объем сельскохозяйственного производства и обеспечить независимость страны в питании. Кроме того, это привело к росту промышленности, транспортной инфраструктуры и других секторов экономики республики. Строительство новых поселений привлекло многих новых жителей из разных частей Советского Союза. Это привело к созданию новых культурных и общественных сообществ, а также к расширению социальной инфраструктуры и улучшению качества жизни людей.

Спустя 70 лет освоение целинных земель остается одним из наиболее значительных этапов в истории Казахстана. Это событие оставило неизгладимый след в экономическом и социокультурном развитии страны. Оно представляет собой пример значительных преобразований и достижений казахстанцев в борьбе за процветание и благополучие своей страны. Таким образом, юбилей освоения целинных земель напоминает нам о том, насколько важно помнить об этой странице нашей истории. Он призывает нас вспомнить тех, кто положил свою жизнь,

работу и энергию в создание благополучного будущего для нашей страны, осваивая новые земли. Успешное устойчивое развитие и ответственное отношение к окружающей среде имеют решающее значение для сохранения наследия наших предков для будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

Абдирайымова А.С. Хозяйственно-экономические, демографические и экологические последствия освоения целинных и залежных земель в Казахстане (1950-е – 1990-е гг. XX в.). Алматы: КазНУ, 2007. 133 с.

Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алма-Аты: Университет «Туран», 1997. 360 с.

Алимбаев Н., Анулов В.К. Великий Октябрь и социально-экономический прогресс Казахстана: историография: опыт и проблемы. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1987. 335 с.

Баишев С.Б., Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические итоги освоения целинных земель в Казахской ССР. Вопросы истории. 1975. № 3. С. 21.

Вербицкая О.М. Хрущева: взгляд из XXI в. Русский исторический сборник. Т. 5. М., 2013. С. 175-197.

Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М.: Прогресс-академия, 1992. 480 с.

Государственный архив Павлодарской области (ГАПО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 777. Л. 3.

Государственный архив Северо-Казахстанской области (ГАСКО). Ф. 1373. Оп. 4. Д. 118. Л. 20.

Маленков Г.М. Речь на V сессии Верховного Совета СССР. 08.08.1953 г. М.: Госиздат, 1954. 70 с.

Нове А. An Economic History of the USSR: 1917–1991. 3rd ed. London: Penguin Books, 1993. 473 p. (In Eng.)

Пахомова Е.В. Обеспечение районов освоения целинных и залежных земель трудовыми ресурсами в 1954-1956 гг.: на материалах Южного Урала. Оренбург, 2007. 261 с.

Самсонов А. Целинная эпопея Хрущева. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/91085-celinnaya-epopeya-hruscheva.html>

Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М.: ИРИ РАН, 2001. 304 с.

Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 60-х годов). Отечественная история. 1998. № 4. С. 109-122.

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ: ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье анализируются ключевые аспекты этнической миграции в Казахстане в XXI веке. Целью является выявление проблем и разработка рекомендаций для их решения. Автор использует современные методы этнологической экспертизы и систему индикаторов этнической активности, анализируя данные международных организаций и актуальные статистические сведения. Исследование направлено на идентификацию влияния миграционных процессов на социальные и политические аспекты в Казахстане и предоставляет практические рекомендации для улучшения общественной жизни.

Ключевые слова: Казахстан, XXI век, этномиграция, этничность, идентичность, этнологическая экспертиза, мультикультурализм, экономический аспект, кандас, практическая этнология

Қазақстандағы иммиграция мәселелері: этнологиялық талдау

Аннотация. Мақалада XXI ғасырдағы Қазақстандағы этникалық көші-қонның негізгі аспектілері талданады. Мақсат — осы құбылысқа байланысты мәселелерді анықтау және оларды шешу үшін ұсыныстар әзірлеу. Автор халықаралық ұйымдардың деректері мен өзекті статистикалық мәліметтерді талдай отырып, этнологиялық сараптаманың заманауи әдістерін және этникалық белсенділік индикаторларының жүйесін пайдаланады. Зерттеу көші-қон процестерінің Қазақстандағы әлеуметтік және саяси аспектілерге әсерін анықтауға бағытталған және қоғамдық өмірді жақсарту үшін практикалық ұсыныстар береді.

Түйін сөздер: Қазақстан, XXI ғасыр, этномиграция, этностық, бірегейлік, этнологиялық сараптама, көпмәдениеттілік, экономикалық аспект, кандас, практикалық этнология

Migration problems in Kazakhstan: ethnological analysis

Abstract. The article analyzes the key aspects of ethnic migration in Kazakhstan in the 21st century, the goal is to identify problems and develop recommendations for solving them. The author uses modern methods of ethnological examination and a system of indicators of ethnic activity, analyzing data from international organizations and current statistical information. The study aims to identify the impact of migration processes on social and political aspects in Kazakhstan and provides practical recommendations for improving public life.

Keywords: Kazakhstan, XXI century, ethnomigration, ethnicity, identity, ethnological expertise, multiculturalism, economic aspect, kandas, practical ethnology

2024 год начался с интервью Касым-Жомарта Кемелевича Токаева газете «Егемен Қазақстан». К.-Ж.К. Токаев отметил необходимость выделения нового качества нации и роли современных процессов развития идентичности: «...гораздо важнее не то, кем мы были, а то, кем являемся и, самое главное, кем будем...» [Токаев. 2024]. В современном мире процесс миграции населения является одним из важных факторов, влияющих не только на социально-экономическое развитие страны, но и на развитие национальной идентичности. В этом контексте особенно интересным

представляется исследование этномиграции — переселения людей различных национальностей в другие регионы или страны. В последние десятилетия этот процесс приобрел особую актуальность в Казахстане, где сформировалась уникальная культурная и этническая мозаика.

Современный Казахстан привлекает своим экономическим потенциалом, благоприятным инвестиционным климатом и высоким уровнем жизни. Это создает условия для притока трудовых мигрантов, которые приезжают в страну не только из стран ближайших соседей — Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстан, но и из более удаленных регионов Центральной Азии [Айтбаев, Мырзахметова 2015: 112]. Также стоит отметить значительное количество мигрантов из России, Украины, Монголии и Китая, которые выбирают Казахстан как новую родину [Курманова и др. 2020: 76].

В результате этих процессов Казахстан стремительно меняет свою многонациональную структуру с богатым культурным наследием и разнообразием языковых групп. Итоги Национальной переписи населения 2021 года показали внушительные темпы иммиграции населения в Казахстане, страна стала центр экономического развития Центральной Азии [Миграция населения РК. 2023: 74-98]. За последние 10 лет Казахстан показал впервые положительные показатели сальдо миграции, количество прибывших превысило количество убывших из страны [Миграция населения РК за 2023 г. 2023: 1-3].

Большинство миграционных проблем не имеют привязки к определенной этнической группе, но при рассмотрении нескольких этнических групп в разрезе миграционных процессов прослеживаются определенные закономерности. Целью исследования является анализ основных проблем иммиграции в Казахстане с учетом этнологической экспертизы и разработка путей их регулирования. В рамках работы проведен анализ ключевых аспектов современной миграции, касающихся этнокультурных, социальных, политических и экономических аспектов в контексте современного Казахстана. Данные проблемы затрагивают вопросы этнокультурного, социального и политического характера современного Казахстана.

Миграционные процессы в современном Казахстане имеют ряд нерешенных вопросов в регулировании этнической, социокультурной, экономической и политической ситуации. Исследование ориентируется на систему этномониторинговой экспертизы. Этнологическая экспертиза — это вид мониторинговых исследований, направленный на оценку социально-культурных последствий различных процессов, включая миграцию, этнические конфликты, политические и экономические реформы, а также на разработку рекомендаций по их предотвращению или решению. Вариант данной система казахстанской экспертизы получил своей развитие только в последние годы.

Нами была адаптирована одна из систем этномониторинга раннего оповещения конфликтов EAWARN [Сыдығалиев 2022: 161-163], [Сыдығалиев 2023: 243-247]. Практическая база для аппарата этнологической экспертизы составлена на основе 46 индикаторов этнической активности [Тишков, Степанов 2004: 15-17]. Они позволили нам составить промежуточный прогноз и рекомендации для предотвращения определённых последствий межэтнических процессов, в том числе и этнической миграции на базе статистических материалов.

Методологическую основу экспертизы исследования миграционных процессов составляют системно-территориальный, исторический, проблемный и прогностический научные подходы. Используются общенаучные методы историко-логического, системно-функционального, сравнительного анализа, а также методы — научной абстракции, индукции и дедукции, экономико-статистические методы сбора и обработки информации, описательный метод. Все эти методы исследования входят в комплекс одной этномониторинговой экспертизы [Сыдығалиев 2022: 161-163]. Ранее в работах, посвященных этнологической экспертизе, уже описывался теоретический аппарат этнологической экспертизы [Сыдығалиев 2023: 243-247].

Данное исследование носит прикладной характер для этнологической экспертизы. Развитие прикладной этнологической экспертизы является одной из актуальных проблем практической этнологии современного Казахстана.

Одной из основных проблем миграции является сохранение этнической стабильности и национальной безопасности страны. Казахстан успешно реализовал программу национальной модели «казахстанца». Это является заслугой национальной политики, которая смогла создать единое этнокультурное и языковое пространство практически для всех граждан страны.

Для удержания этой стабильной модели сосуществования граждан с разным этническим происхождением необходимо учитывать не только фактор внутренней миграции этносов, но фактор внешних миграций. С проникновением новых этнических групп, преступных элементов, религиозного фанатизма и нетрадиционных социокультурных норм создаются конфликты или напряженность между разными этническими группами, возникают сложности, связанные с общественной безопасностью. Как показали исследования, значительная часть преступной миграции идет из стран центральноазиатского региона [Джансараева 2018: 139]. Это обязательно представители коренных этносов, но среди мигрантов большую часть представляют этнические группы из этого региона. В исследовании Джансараевой, на мигрантов из центральноазиатских стран приходится более 80% уголовных и административных преступлений от общего учета всех преступлений мигрантов, попавших в статистику [Джансараева 2018: 140].

Причиной большей части уголовных преступлений, таких как кражи, грабежи, наркопреступления, причинения тяжкого вреда здоровью, организация террористических и экстремистских актов, являются группы мигрантов, относящиеся к выходцам из социальных групп из числа людей без среднего специального и высшего образования. Эти данные не свидетельствуют отрицательной деятельности всех мигрантов из центральноазиатского региона, но имеют определенную связь с уровнем образования и вовлеченностью в преступную деятельность. Данная закономерность не является уникальной для мировой практики.

Ярким примером связи образования и преступности является европейский опыт миграционного контроля. На примере краха миграционной политики Европы стремление поддерживать право мигрантов, на их культурную самобытность, оставляя надежду перемолоть их через следующее поколение в одну европейскую идентичность, по сложившимся обстоятельствам привело только к сепарации этих этнических групп, росту преступности и угрозе терроризма [Headley 2017: 85-86].

Как показало исследование Брайана Белла «Преступность и иммиграция», анализируя статистические данные по миграции из стран Европы, Канады, Австралии и США, он вывел прямую связь с количеством легальной миграции низкоквалифицированных специалистов на рынке труда с ростом преступности [Brian 2019: 5-6]. Исследование показало, что высококвалифицированные мигранты гораздо меньше вовлечены в преступную деятельность, чем легальные низкоквалифицированные специалисты из тех же стран. На примере Канады и Австралии Брайан вывел основные принципы удачной миграционной политики, способствующей здоровой миграции населения.

Широкое использование иммиграционных систем, основанных на баллах, позволяет странам отбирать по определенным характеристикам иммигрантов, которым предлагается вид на жительство. Так, например, в Канаде и Австралии в некоторых случаях используются балльные системы. Мигрантам начисляются баллы, учитывая их образование, историю, опыт работы, возраст и планы трудоустройства [Brian 2019: 7-8]. В такой системе необходимо достичь определенного порога баллов, прежде чем получить статус легальной иммиграции. Система позволяет миграционным службам менять профиль иммигрантов, изменяя либо баллы, начисляемые за определенные характеристики, либо порог, необходимый для въезда. Все зависит от спроса на ту или иную специализацию в экономике страны.

Учитывая темпы цифровизации Казахстана, данные системы являются необходимым этапом для развития цифровой систематизации миграционной политики. Преимущество данной системы — отсутствие человеческого фактора. Цифровая система, в индивидуальном порядке, основываясь на уже имеющихся алгоритмах, позволит сократить проникновение в страну преступных элементов и религиозных фанатиков. В первую очередь эта система даст возможность высококвалифицированным специалистам найти свое место в нашем социуме и экономике. Данная мера изменит и отношению людей к мигрантам, сформирует определенный положительный стереотип о мигрантах как о значимой и важной группе населения.

Экономический аспект миграции также является значимой проблемой для Казахстана. С одной стороны, мигранты-специалисты приносят с собой новые знания, опыт работы и предпринимательские навыки, что может способствовать развитию экономики страны. С другой стороны, неправильное управление этномиграцией может привести к регрессу производственных отношений. Миграция низкооплачиваемого рабочего труда приводит к демпингу зарплат во всех сферах услуг, останавливает развитие технических инноваций, провоцирует вывоз денежных средств из страны [Алле 2003: 143-145]. То есть предпринимательский сектор, не заинтересованный в долгосрочной перспективе, делает акцент на дешевую рабочую силу, не нуждающуюся в официальном трудоустройстве, страховке и профсоюзных организациях. Это является выгодной стороной трудовой миграции для крупного бизнеса. Но с другой стороны поддерживает безработицу среди местного населения не заинтересованную в итак низкооплачиваемой работе [Занятость и безработица Республики Казахстан за 2022 г. 2023: 1-3].

Внутри экономики страны трудовые мигранты не являются активными участниками экономических процессов. Поскольку основная часть мигрантов отправляют значительную часть заработанных денег в родные страны, что тем самым приводит к вывозу денежных средств из экономики страны. Это также оказывает негативное влияние на развитие производственного сектора. Найм дешевой рабочей силы в лице мигрантов не стимулирует модернизацию производства или развитие технологических инноваций в промышленном секторе. Это связано с тем, что предприниматели прибегают к тому, что наняв группу мигрантов на низкую заработную плату они избегают обновления оборудования, введение в оборот инновационных разработок и усовершенствование технической базы [Алле 2003: 143-145].

Это в последствии сказывается на востребованность и оплату определенных услуг в лице квалифицированных специалистов среди местного населения. Для решения этих проблем необходимо регулировать поток низкоквалифицированной рабочей силы и больше делать акцент на стимулирование рабочей силы из числа местных групп специалистов. Такие меры формируют естественным образом определенный уровень условий труда и создание антидемпинговых программ в отношении оплаты труда. Это затрагивает в первую очередь сектора промышленности или сферы услуг связанной с физическим и тяжелым физическим трудом.

Еще одним вызовом, связанным с этномиграцией в Казахстане, является проблема идентификации репатриантов, претендующих на статус «қандас». В условиях репатриации этнического населения возникают сложности в определении этнической принадлежности выходцев из полиэтнических семей, подающих документы на статус «қандас» [Дудинова 2023: 52-54]. Это создает сложности при распределении государственных льгот для этих этнических групп, а также акцентирует вопрос самоидентификации и самосознания у людей с полиэтническим происхождением. В первую очередь это относится к кандасам-репатриантам не владеющим языком, традициями или носящим не характерный фенотип для представителей коренного этноса. Это проблема не носит дискриминационный характер, она в первую очередь затрагивает проблему идентификации людей и их этнической принадлежности.

Для решения данной проблемы необходимо формирование специализированного экзамена на примере экзамена на получение гражданства США [Naturalization 2024]. Тест на гражданство

США состоит из двух частей: теста по английскому языку и теста по гражданскому праву. Тест по английскому языку оценивает способность кандидата читать, писать и говорить на этом языке, а тест по гражданскому праву оценивает их знакомство с американской историей и правительством.

В структуре экзамена для кандасов будут определяться не только знания истории и языков казахстанской нации, но и знания традиций и культуры коренного народа. С помощью такого тестирования определяются права на получение статуса «қандас». Экзамен будет проведен при условии, что подтверждение этнической принадлежности репатрианта не вызовет трудностей. Это подразумевает наличие официального документа, указывающего на национальность репатрианта, а также проведение личного собеседования с представителем миграционной службы или сотрудником посольства страны, откуда репатриант прибывает. Для подготовки к экзамену репатриантам будет выделен срок на подготовку и освоение материалов по вышеупомянутым аспектам в случае экстренной репатриации. То есть, в случае стихийного бедствия, военного или этнического конфликта, политических репрессий. Это окажет помощь кандасам, оказавшимся в спорных ситуациях, то есть в ситуациях, когда они не могут подтвердить свою этническую принадлежность. Данный подход мотивирует людей ответственно подходить к вопросам самоопределения и культурного наследия своего народа. Это мотивирует репатриантов больше углубляться в историко-культурный контекст своей этнической родины.

По вышеупомянутым аспектам составлен этнологический анализ, в основу которого вошла этнологическая экспертиза. Вышеупомянутые рекомендации сформированы на основе индикаторов EAWARN и нашим исследованием практик решений данных проблем. Важная составляющая этнологической экспертизы — анализ данных конфликтности. Их вычисляют, используя индикаторы конфликтности, формулу СПК и этномониторинговую шкалу «конфликт-спокойствие» [Тишков, Степанов 2004: 23-27]. Вычисляется процент конфликтности на основе формулы «сводного показателя конфликтности» (СПК). Переменными формулы являются два основных показателя: состояние и влияние конфликтности. Состояние и влияние конфликтности при ее наличии не может равняться 0 значения, расчет в таком случае не производится. Значения этих показателей получены на основе списка переменных для оценки ситуации конфликтности из категории № 2 «Демография и миграции» индикатора № 9 «Механическое движение населения (миграции, беженцы и переселенцы, временные жители)» [Тишков, Степанов 2004: 15-17].

Состояние конфликта в обществе определяется по шкале в пределах $-2; 0$. При получении положительного показателя коэффициенты обнуляются, т.е. конфликтность явлений, получивших положительную оценку, отсутствует. Отрицательная величина взята по модулю. «Средний показатель состояния конфликтности» всех негативных по своим социальным последствиям тенденций из категории проблем миграции за 2021-2023 гг. по индикатору № 9 «Механическое движение населения» составил -1.1 . Влияние конфликта на текущую общественно-политическую ситуацию по шкале в пределах $0; 2$. «Средний показатель влияния конфликтности» на текущую общественно-политическую ситуацию из категории проблем миграции за 2021-2023 гг. по индикатору № 9 «Механическое движение населения» составил 0.7 .

Анализ иммиграционных процессов по индикатору № 9 «Механическое движение населения» определил значение сводного показателя конфликтности в $19,25\%$. Нашим вкладом в методологию стала классификация этапов этих процессов. Данный показатель подразумевает возникновение периодической напряженности в обществе, характеризуется как переходный этап к укреплению почвы для будущих конфликтных ситуаций. Данный показатель приближается к уровню возникновения конфликтных ситуаций в обществе, конфликтность в данном уровне подразумевает оформление социального, этнического и культурного характера будущих конфликтов. Для предотвращения дальнейшего развития этих процессов необходим ряд кон-

трольных и четких мер по урегулированию миграционных процессов со стороны органов власти. Это подразумевает работу с государственными органами, международными организациями, миграционными службами и др.

В современном Казахстане этномиграция является актуальной и сложной проблемой, требующей внимания со стороны государства. В связи с различными экономическими, политическими и культурными факторами, миграционные потоки в стране продолжают изменяться и оказывать влияние на этнические процессы в стране. Для эффективного управления этномиграцией необходимо разработать соответствующий список мер. В ходе исследования на основе системы этномониторинговой экспертизы и этнологического анализа выявлен ряд рекомендаций для составления этих мер. К этим рекомендациям относятся: введение балльной системы тестирования миграционного контроля, ограничение миграции низкоквалифицированной рабочей силы и введение специальных экзаменов для репатриантов на знание истории, культуры и языков современного Казахстана. Эти рекомендации, полученные в ходе этнологической экспертизы, станут основой для ведения новой миграционной политики современного Казахстана и позволят избежать в долгосрочной перспективе миграционных кризисов.

В обсуждении гипотез исследования о проблемах миграции в современном Казахстане важно выделить ключевые аспекты и предложить пути их решения. Проблема преступной миграции требует введения новой системы миграционного контроля. Учитывая международный опыт в этом направлении, Казахстану следует вводить канадскую систему миграционного контроля. Проблема трудовой миграции требует введения мер по стимулированию высококвалифицированных специалистов и сокращению иммиграции дешёвой рабочей силы. Проблема идентификации репатриантов требует введения специализированных экзаменов на подтверждение статуса «кандас».

В заключение отметим, что Казахстану для эффективного управления этномиграцией необходимо применять комплексный подход. Он должен включать в себя анализ экономических, социальных и культурных аспектов. Проблема иммиграции является одной из самых спорных тем в сфере практической этнологии современности. Чтобы обеспечить этническую стабильность на будущее, государствам необходимо использовать современные методы для предупреждения и решения конфликтных ситуаций.

Также важно продолжать исследования в области этноконфликтологии, ориентируясь на интересы развития современного Казахстана. Комплексный подход к решению проблем миграции должен также включать разработку и реализацию эффективной миграционной политики, программы обучения и интеграции мигрантов, а также создание условий для их успешной адаптации и интеграции в экономику страны. Сегодняшний день требует продвижения инклюзивности, равенства возможностей и взаимопонимания между различными этническими группами. Именно такие исследования становятся ключом к успешному управлению этномиграцией в Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА

Айтбаев Е.Е., Мырзахметова А.М. Миграционные процессы в странах Центральной Азии // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. Том 72 № 4 (2015). Алматы: Вестник КазНУ, С. 111-114.

Алле М. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. М.: ТЕИС, 2003. 314 с.

Аналитический доклад «Актуальные проблемы защиты прав трудящихся мигрантов и жертв торговли людьми в Республике Казахстан». Под общей редакцией Куаныша Султанова, Тастемира Абишева. Астана: ИОМ, 2017. 196 с.

-
- Брайан Б. Преступность и иммиграция. Германия, Бонн: IZA, 2019. 470 с.
- Джансараева Р.Е. Взаимосвязь миграции и преступности // Вестник КазНУ имени Аль-Фараби. Алматы: КазНУ, 2018. С. 136-142.
- Дудинова Е.И., Негизбаева М.О., Кдаабай А.А. Медиастратегия информационной поддержки и социальной адаптации кандасов и мигрантов в Казахстане. Алматы: «Тоғанай Т», 2023. 150 с.
- Занятость и безработица Республики Казахстан за 2023 г. Астана: Департамент статистики населения, 2024. 3 с.
- Интервью Главы государства Касым-Жомарта Токаева газете «Egemen Qazaqstan». URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-respubliki-kazahstan-kasym-zhomart-tokaev-kak-progressivnaya-nasiya-my-dolzhny-smotret-tolko-vpered-302415> (дата обращения 02.20.2024).
- Курманова Г.К., Суханбердина Б.Б., Ким А.А., Уразова Б.А. Миграционные процессы в современном казахстанском обществе // Вестник университета «Туран». Астана, 2020. С. 74-79.
- Миграция населения Республики Казахстан. Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. Астана: Департамент статистики населения, 2023. 170 с.
- Миграция населения Республики Казахстан за 2023 г. Астана: Департамент статистики населения, 2024. 3 с.
- Сыдығалиев С.М. Перспективы структуры этнологической экспертизы в Казахстане // Материалы международной научно-методической конференции «XV Оразбаевские чтения». Алматы: Казахский университет, 2023. 310 с.
- Тишков В.А., Степанов В.В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга сети EAWARN. М.: ИЭА РАН, 2004. 188 с.
- Headley J.M. The problem with multiculturalism: The uniqueness and universality of Western civilization. – New Brunswick: Transaction Publishers, 2017. 122 p.
- Naturalization Oath of Allegiance to the United States of America. URL: <https://www.uscis.gov/citizenship/learn-about-citizenship/the-naturalization-interview-and-test/naturalization-oath-of-allegiance-to-the-united-states-of-america> (дата обращения 02.20.2024).

Ғылыми электронды басылым

**«ЕУРАЗИЯНЫҢ ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ ТАРИХИ ЖӘНЕ ТАРИХИ-
АНТРОПОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРІ»**

II Халықаралық ғылыми-практикалық семинар материалдары
Астана қ., 17-19 сәуір 2024 ж.

Научное электронное издание

**«СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВРАЗИИ»**

Материалы II Международного научно-практического семинара
г. Астана, 17-19 апреля 2024 г.

Л.Н. Гумилев ат. ЕҰУ тарих факультетінің
Ғылыми кеңестің отырысында
шығарылымға бекітілді.

Утверждено к изданию
на заседание ученого совета
Исторического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева

Пішім 60×90/8
Офсеттік басылым. Таралымы 100 дана
Artos гарнитурасы.

Формат 60×90/8
Офсетная печать. Раздача 100 шт.
Гарнитура Artos

ISBN 978-601-337-975-3

Астана, 2024